АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
Е1-32

П. А. РАППОПОРТ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЖИЛИЩЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

Е1-32

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П. А. РАППОПОРТ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЖИЛИЩЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1975

Работа представляет собой сводку материалов по истории древнерусского жилища. Хронологические ее рамки — от наиболее ранних достоверно славянских памятников (VI—VII вв.) до монгольского нашествия (середина XIII в.). Территориальные рамки — вся восточнославянская территория, т. е. вся территория, вошедшая в состав Древнерусского государства. Основу работы составляет каталог памятников — критически отобранные сведения о древнерусских жилищах. Такие сведения удалось собрать более чем для 300 поселений.

Издание рассчитано на археологов.

Р $\frac{10602\text{-}516}{042\ (02)\text{-}75}$ 140-75 © Издательство «Наука», 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жилище — один из основных элементов материальной культуры общества. Не зная, в каких домах жили люди в определенную историческую эпоху, нельзя составить достаточно конкретное и яркое представление о самой эпохе. В настоящее время нет, пожалуй, ни одного археолога, который, раскапывая древние поселения, не стремился бы в первую очередь выявить основные плановые и конструктивные особенности жилищ.

На территории Восточной Европы известно очень большое количество славянских и древнерусских жилищ. Многочисленные археологические экспедиции дают возможность все более детально изучать их устройство. К сожалению, жилища одних районов указанной территории изучены лучше, других — значительно хуже. Неравномерно распределяется материал и по времени. Для древнейшего периода — VI—VII вв. — сейчас известно несколько менее 200 исследованных жилищ, для последующего этапа — VIII—первой половины X в. — более 400, для второй половины X—XI в. — около 300, а для XII—XIII вв. — более 800. К этому следует добавить более 200 жилых клетей, вскрытых в конструкциях оборонительных валов древнерусских крепостей XII—XIII вв.

Общее количество славянских и древнерусских жилищ VI—XIII вв., которые можно учесть в настоящее время, приближается к 2000. И тем не менее данных для характеристики жилищ все еще недостаточно. Даже опубликованные материалы до сих пор еще полностью не классифицированы и не изучены. Общая картина развития древнерусских жилищ еще не ясна.

Чем можно объяснить такое, казалось бы, парадоксальное положение? Очевидно, прежде всего тем, что древнерусские жилища очень трудно изучать. Построенные из нестойких материалов (дерево, глина) рядовые древнерусские жилища, как правило, дошли до нас в таком разрушенном состоянии, что часто самый опытный археолог не может определить контур древней постройки. И даже в тех случаях, когда нижние части жилища сохранились почти полностью, очень редко удается обнаружить остатки его верхних частей — стен, кровли. Естественно, что реконструкции первоначального облика древнерусских жилищ всегда очень проблематичны и даже простейшая их классификация вызывает большие трудности. К этому следует добавить, что многие жилища в процессе археологического раскрытия были недостаточно внимательно изучены и плохо зафиксированы. Очень большое количество материалов раскопок до сих пор не опубликовано или опубликовано крайне суммарно, без детальных чертежей и описаний.

Специальных работ, посвященных проблеме истории древнерусского жилища в целом, еще нет. Общие обзоры, помещенные в «Истории культуры Древней Руси» и в «Истории русской архитектуры», дают представление не столько о самих жилищах, сколько о неразработанности этого вопроса.

В последние годы появилось несколько работ, в которых рассматриваются группы древнерусских жилищ: жилища VIII—IX вв., жилища Киевской земли и Среднего Поднепровья, жилища Поднестровья, а также жилища отдельных населенных пунктов — Москвы, Рязани, Новгорода, Белой Вежи и др. Примечательно, однако, что даже сам принцип классификации материала в этих работах зачастую совершенно различен. Так, одни исследователи делят жилища по принципу устройства их печей, другие большее значение придают конструкции стен и положению пола относительно уровня поверхности земли (наземные или полуземляночные, т. е. углубленные в землю жилища), в то время как третьи полагают, что этнические особенности жилищ отражаются прежде всего в их плановой схеме. Следует отметить, что такой же разнобой имеет место в литературе, посвященной жилищам других славянских стран.

К сожалению, в достаточно полном объеме сведений об основных особенностях древнерусского жилища почти нигде получить не удается. Естественно поэтому, что большей частью приходится довольствоваться теми особенностями жилища, которые выявляются в процессе раскопок, даже тогда, когда заведомо ясно, что эти особенности не определяют характера жилища. В настоящей работе в разделе «Развитие жилищ» такие основные особенности жилищ, как конструкция, плановая схема и тип печи, рассматриваются и картографируются по нескольким

хронологическим этапам, что позволяет судить об их эволюции. После этого, на основании сведения воедино полученных материалов, делается попытка выявить общую картину развития жилищ.[1] Однако данное издание не претендует даже на самое предварительное раскрытие всей темы истории древнерусского жилища. Сейчас такую работу еще нельзя написать. В нашу задачу не входит также детальное изучение отдельных, даже наилучше сохранившихся и наиболее ярких жилищ. Цель книги — свести воедино уже накопленный материал и классифицировать его, а затем попытаться выявить основные типы жилищ, обрисовать общую картину их развития и сформулировать те основные вопросы истории жилища, которые в дальнейшем несомненно найдут свое решение в советской археологической науке.

При описании жилищ даются ссылки на издания, где эти сведения опубликованы. Поэтому иллюстративная часть работы не претендует на то, чтобы представить с одинаковой полнотой все наиболее типичные формы жилищ, — она содержит в основном неопубликованные или недостаточно полно опубликованные материалы.

Хронологически настоящая работа охватывает период от наиболее древних достоверно славянских памятников лесостепной зоны (VI—VII вв.) до жилищ эпохи монгольского нашествия (середина XIII в.). Описания жилищ даются раздельно по четырем хронологическим группам. Первая группа — жилища VI—VII вв., вторая — с VIII до середины X в., третья — вторая половина X—XI в. и, наконец, четвертая — XII—XIII вв. Такое деление, конечно, условно и вызвано исключительно соображениями удобства определения археологического материала, позволяющего датировать жилища. К тому же границу между периодами далеко не всегда удается определить с достаточной точностью. В отдельных случаях, когда авторы публикаций не приводят доказательства выдвигаемой ими датировки, ее приходится принимать на веру. Не исключена возможность, что некоторые памятники, помещенные нами в главу «Жилища VI—VII вв.», в действительности окажутся относящимися к VIII в.

Для того чтобы не осложнить картину развития славянских жилищ посторонними (неславянскими) элементами, в данной работе не учитываются жилища, этническая принадлежность которых вызывает какие-либо сомнения.[2] Кроме того, чтобы исключить недостоверные данные, которые могут исказить картину и дать неверное представление о развитии жилищ, проведена тщательная критическая проверка всех материалов с точки зрения обоснованности и точности описания раскопанных жилищ и отдельных элементов их конструкции.

Территориальные рамки настоящего издания определяются на западе границами, в которых сложилось в XI—XII вв. Древнерусское государство, а на юге, востоке и севере — пределами расселения здесь славян. Таким образом, в целом работа включает всю территорию восточных славян.[3]

---

[1] Более подробно о методе исследования см.: Р а п о п о р т П. А. Картографирование типов древнерусских жилищ. — В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 221.

[2] По этой причине в работе не использованы материалы таких памятников VI—VII вв., как Мытковский Остров близ с. Скибицы и нижний горизонт поселения у с. Семенки в средней части Южного Побужья, а также поселения у с. Стецовки в Поднепровье (Х а в л ю к П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 181; П е т р о в В. П. Стецовка — поселение третьей четверти I тыс. н. э. — МИА, № 108, 1963, с. 209). Не использованы в сводке жилища Пастырского городища (об этнической принадлежности Пастырского городища см.: А р т а м о н о в М. И. Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура. — Археология, София, 1959, № 3, с. 8), поселения в окрестностях Киева (Б о г у с е в и ч В. А. Київська археологічна експедиція. — АП, III, 1952, с. 150), близ г. Изюма (Ш р а м к о Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 297) и ряд других. На территории современной Молдавии славянские памятники иногда смешивают с памятниками балкано-дунайской культуры, поэтому из настоящей работы исключены такие сомнительные памятники, как поселение у с. Пояны и значительная часть материалов поселения близ городища Лукашевка (М а х н о Е. В. Раскопки на славянском поселении у сел Пояны и Сокол. — Изв. Молдавск. фил. АН СССР, 1956, № 4 (31), с. 155; Х ы н к у И. Г. Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. лесостепной зоны Молдавии. — В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 106). Впредь до уточнения их этнической принадлежности не использованы материалы ряда поселений бассейна р. Десны третьей четверти I тыс. н. э. (Т р е т ь я к о в П. М. Старожитності I тисячоліття н. е. в середньому Подесенні. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971, с. 113). Из поселений северной зоны не включены материалы нижнего слоя Старой Ладоги (К о р з у х и н а Г. Ф. Этнический состав населения древнейшей Ладоги. — В кн.: Тез. докл. второй научн. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965, с. 12), а также некоторых поселений Новгородской земли, относящихся к VIII—IX вв.

[3] Настоящая работа была закончена в 1972 г., и поэтому в нее включены лишь те материалы, которые были доступны автору до 1973 г.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЖИЛИЩ

Интерес к истории древнерусского жилища, к истории древнерусской гражданской архитектуры проявился очень рано — в середине прошлого века. Однако фактического материала для решения этой проблемы было ничтожно мало. Культовое зодчество Древней Руси можно было изучать по сохранившимся достаточно многочисленным памятникам каменно-кирпичной архитектуры. Жилища на Руси сооружались из менее долговечных материалов, главным образом из дерева, и поэтому ни одно из них не сохранилось до наших дней в более или менее целом виде. В этом отношении жилища можно сравнивать не с культовой, а с военной архитектурой, памятники которой, как правило, также полностью разрушены временем. Но и военная архитектура имеет явные преимущества перед гражданской, поскольку валы и рвы древнерусских городищ часто очень хорошо видны на поверхности земли и их можно изучать даже без серьезных археологических раскопок.[1] Помимо этого, крепостные сооружения значительно полнее, чем жилища, отражены в письменных источниках, особенно в древнерусских летописях.

В распоряжении историков XIX в. для изучения древнерусского жилища имелось лишь незначительное количество сведений письменных источников и не было абсолютно никакого вещественного материала, никаких подлинных остатков самих жилищ. Даже после того, как начались раскопки на древнерусских поселениях, жилые сооружения удалось выявить с очень большим трудом и далеко не сразу.

Но зато для русских жилых построек существовал такой яркий сравнительный материал, какого не было ни для церквей, ни для крепостей, — народное крестьянское жилище. В распоряжении исследователей находилось колоссальное количество этнографического материала — жилища разных климатических зон и самых различных типов. К тому же многие крестьянские жилища имели настолько явно выраженный архаический характер, настолько не были затронуты городской культурой, что невольно вызывали предположение о глубокой древности если не самих сохранившихся сооружений, то их прообразов. Совершенно естественно поэтому, что основой для изучения древнерусского жилища на первых порах стала этнография.

Наиболее древние из сохранившихся жилых построек относятся к XVIII и, быть может, лишь частично к XVII в. Чтобы использовать этот материал для изучения жилищ X—XIII вв., необходимо было признать, что процесс их развития происходил крайне медленно, а сами формы русского крестьянского жилища очень устойчивы и консервативны. Очень четко это сформулировал еще в середине XIX в. один из первых исследователей-этнографов А. Терещенко: «. . . все тогдашние (т. е. древнерусские, — *П. Р.*) сельские избы не отличались от нынешних».[2]

Очень большое значение роли этнографического материала в деле изучения истории быта и жилища Древней Руси придавал П. М. Строев. Непочтительно назвав историков, которые довольствовались письменными источниками, «сиднями столичными», он отмечал, что «познание местностей, особенно девственного Севера, приложенное к предметам и документам старины, способно озарить наше Деяписание живым светом истины».[3]

Серьезный шаг в изучении древнерусского жилища сделал Н. Ф. Сумцов, указавший, что тип жилища соответствует не только климатическим условиям, но и историческим традициям.[4] Он попытался наметить последовательность развития украинского жилища, высказав убеждение,

---

[1] Историю изучения памятников древнерусского военного зодчества см.: Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, № 52, 1956, с. 9.

[2] Терещенко А. Быт русского народа. Ч. I. СПб., 1849, с. 153. — Изданная в 1826 г. работа «О жилищах древнейших Руссов» в действительности посвящена вопросу о происхождении Руси и совершенно не касается истории жилища (О жилищах древнейших Руссов. Сочинение г-на N. Перевод и критический разбор М. Погодина. М., 1826).

[3] Цит. по: Берг Ф. Н. Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае. — В кн.: Памятники древней письменности и искусства, № 27. СПб., 1882, с. 7.

[4] Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. 28. К истории хаты. — Киевская старина, т. 25, 1889, с. 493.

что хате предшествовало жилище типа землянки. Сумцов отметил, что полуземлянки сохранились кое-где на Украине в качестве временных жилищ, а также упомянул запорожские курени в Сечи.

В первые годы XX в. с продуманной концепцией развития жилища выступил А. Харузин.[5] Проведя тщательное сравнение этнографических материалов с очень подробным анализом лингвистических данных (сравнение терминов, обозначающих жилье, во всех славянских языках), он наметил пути развития жилищ северо-западных районов России и Белоруссии. Методом экстраполяции он попытался выявить характер древнерусских жилищ. В итоге исследования А. Харузин высказал предположение, что развитие шло от землянки к клети с очагом, затем к однокамерной хате, а позднее — к двух- и трехкамерным хатам.[6]

Капитальную сводку и классификацию народных русских жилищ дал К. Рамм, указавший, что замечательное единство славянских жилищ свидетельствует о сохранении единой традиции.[7] Однако в дальнейшем изложении Рамм попытался вывести тип древнеславянского жилища из древнескандинавского. Это вызвало решительные возражения Д. Зеленина, который, признавая этнографическую ценность работы Рамма, убедительно показал неправомерность его исторического вывода. В итоге Зеленин отметил, что «нельзя отождествлять русское жилище с древнеславянским и огулом выводить его из древнескандинавского».[8]

Накопление этнографического материала по украинскому жилищу дало возможность уже в предреволюционные годы сделать попытки сводного описания типов народного жилища Украины. Наиболее серьезной является работа Ф. Волкова.[9] Приведя различные типы украинских хат и дав карту размещения этих типов, Волков подчеркнул единство характера украинской хаты и поставил вопрос о ее происхождении. Он не решился определенно ответить на вопрос, каким было древнейшее жилище этой территории — срубным или глинобитным, но склонялся в пользу глинобитной мазанки.

Помимо этнографов, к вопросу о происхождении и древнейших формах русского жилища подошли историки искусства, историки архитектуры. Если этнографы делали выводы главным образом на основе изучения современных жилищ, пытаясь выявить тенденции их развития, то искусствоведы использовали письменные источники и графические материалы, относящиеся к русскому жилищу XVI—XVII вв. Наиболее активно в этой области выступал И. Е. Забелин. Он отметил, что русские летописи дают очень мало сведений об устройстве жилищ: «Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища».[10] Из этого Забелин сделал вывод о необходимости изучения древнерусских жилищ на основании более поздних материалов. При этом он считал, что эволюции в устройстве народного жилища почти не было и «теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за триста, четыреста или даже тысячу лет».[11] Забелин полагал, что разницы между городскими и сельскими домами в древности почти не было.[12] Особое внимание в своих работах Забелин уделял терминам, обозначающим отдельные части жилища.

Вопросами истории древнерусского жилища занимался также В. Даль. «Гражданская архитектура, — писал он, — не оставила нам никаких остатков из более крепкого материала, чем дерево, и, наверно, пройдет много времени, пока найдется что-нибудь прибавить к тому, что мы находим у г. Забелина в его „Быте царей и цариц“».[13] Тем не менее Даль попытался все же поставить вопрос о конструкции древнейших русских жилищ. Любопытно, что он пришел при этом к выводу, противоположному тому, к которому пришли этнографы. Они считали, что украинская хата происходит от землянки и что древнейшее русское жилище (во всяком случае в южной полосе) было глинобитным. Даль, наоборот, полагал, что «малороссийское племя еще только недавно вытеснено поляками в безлесную степь и принуждено было рубленые избы заменить теперешними мазанками».[14]

Практически ни Забелин, ни Даль не решились дать сколько-нибудь конкретную характеристику древнерусского жилища. Так же поступил и А. А. Потапов, который в своем очерке истории древнерусской гражданской архитектуры совершенно не касается периода древнее XV в.[15] В виде исключения он разбирает лишь палаты Андрея Боголюбского, поскольку от них сохранились каменные части.

---

[5] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907.

[6] Там же, с. 286. — Еще раньше Н. Н. Харузин высказал предположение, что срубные избы происходят от землянок (см.: Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, с. 14).

[7] Rhamm K. Germanische Altertümer aus der Slawisch-Finnischen Urheimat. Bd. I. Die Altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910.

[8] Зеленин Д. [Рец. на кн.:] K. Rhamm. Germanische Altertümer aus der Slawisch-Finnischen Urheimat. — Живая старина, вып. 2, СПб., 1911, с. 307.

[9] Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа. — В кн.: Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пгр., 1916.

[10] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. I. М., 1895, с. 26. — Следует отметить, что ни этнографы, ни искусствоведы не привлекали для изучения истории древнерусского жилища такой источник, как былины. Они считали, что жилища, описанные в былинах, соответствуют реальной обстановке XVI—XVII вв. и не имеют более древних черт (см., например: Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам. — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 149).

[11] Забелин И. Е. Домашний быт. . ., с. 27.

[12] Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900, с. 55.

[13] Даль В. Историческое исследование памятников русского зодчества. — Зодчий, 1872, № 5, с. 69.

[14] Даль В. Материалы для истории русской гражданской архитектуры. — Зодчий, 1874, № 3, с. 31.

[15] Потапов А. А. Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 1. М., 1902, с. 4.

Гораздо шире подошел к истории жилища М. Красовский.[16] Он использовал в своей работе как этнографические материалы, так и документы XVII в. При этом он также исходил из предположения, что крестьянское деревянное зодчество консервативно и очень мало изменяется. Сравнивая современные крестьянские дома русских, украинцев и населения Прибалтики, Красовский пришел к выводу, что «предки малороссов строили свои жилища из дерева, которое им пришлось заменить хворостом и глиной, после того как они были вытеснены в безлесную степь».[17] Этот вывод он подтверждал тем, что североукраинские жилища якобы очень похожи на прибалтийские, которые, по его мнению, заимствовали свои формы у русских, но сохранили архаические черты, уже полностью исчезнувшие в русском строительстве. Для доказательства близости форм древнерусского жилища современной крестьянской хате Красовский приводил археологические данные о жилищах, раскопанных В. В. Хвойкой.[18] По существу это было первое использование археологических материалов в общих работах, посвященных истории жилища. А между тем такие материалы к этому времени уже были добыты в количестве, вполне достаточном для того, чтобы привлечь к себе серьезное внимание историков архитектуры.

Уже в последние годы XIX в. подлинные остатки древнерусских жилищ были выявлены во время археологических раскопок.[19] Так, Н. Беляшевский раскопал остатки жилищ на городище Княжа Гора близ г. Канева и в окрестностях этого городища. Неточность описаний Беляшевского и полное отсутствие графической документации не позволяют составить достаточно четкое представление о раскопанных им сооружениях. Тем не менее ясно, что жилища относились к XII—XIII вв. и в большинстве представляли собой полуземлянки с круглыми глинобитными печами.[20] Сам Беляшевский писал об одном таком жилище: «Если восстановить разрушенные части этого жилища, то оно будет иметь вид полуземлянки».[21] В 1902 г. В. А. Городцов раскопал древнерусские жилища полуземляночного типа на Донецком и Нижахском городищах. Он дал их довольно точное описание, сопровождаемое чертежами.[22] Городцов отметил наличие полуземляночных жилищ древнерусского времени также и в Рязанской земле.[23]

Одновременно с Беляшевским и Городцовым древнерусские жилища обнаружил Хвойка, производивший раскопки в Киеве, Белгородке и на нескольких городищах Среднего Поднепровья. Хвойка дал довольно детальное описание некоторых из этих жилищ и сводную их характеристику.[24] Он отметил, что жилища представляли собой полуземлянки, состоявшие из одного или двух помещений, часто с сенцами, расположенными выше основной части постройки. Деревянные стены этих жилищ незначительно возвышались над землей. Некоторые жилища, по предположению Хвойки, были двухэтажными. К сожалению, Хвойка не опубликовал никаких графических материалов, иллюстрирующих его описания или выводы.[25]

В самые первые годы XX в. полуземляночные древнерусские жилища были обнаружены и раскопаны Н. Е. Макаренко на городище Монастырище у г. Ромны. Описания и изображения раскопанных жилищ были им опубликованы.[26] Однако городище Монастырище относится не к эпохе Киевской Руси, а в основном к более раннему периоду, к так называемой роменской культуре (VIII—X вв.). Датировка роменской культуры и ее соотношение с более поздними русскими древностями в то время были еще неясны. Поэтому и материалы раскопок Макаренко в течение довольно долгого времени не были использованы исследователями, занимавшимися историей древнерусского жилища.

Полуземляночные жилища были вскрыты также раскопками В. Гезе на городище Девичья гора и раскопками В. Козловской на городище у оз. Буромка.[27]

В 1909 г. Н. И. Репников впервые раскопал наземные срубные дома в северной части древнерусской территории — в Старой Ладоге. К сожалению, это открытие было опубликовано лишь много лет спустя.[28]

* * *

Материалы, полученные в результате археологических работ в конце XIX—начале XX в., несомненно давали возможность начать систематическое изучение древнерусских жилищ. К со-

[16] Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пгр., 1916.

[17] Там же, с. 19.

[18] Там же, с. 43.

[19] Сводку истории археологического изучения полуземляночных жилищ южных районов Древней Руси см.: Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 354—364.

[20] Киевская старина, т. 36, 1892, с. 64; т. 41, 1893, с. 142.

[21] АЛЮР, т. I, 1899, с. 60.

[22] Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII археологического съезда. — Тр. XII АС, т. I, 1905, с. 113, 129.

[23] Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. — Тр. XII АС, т. I, 1905, с. 528, 584.

[24] Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 51—88.

[25] Несколько рисунков, относящихся к раскопанным Хвойкой жилищам, были опубликованы Л. Нидерле (последнее переиздание: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, рис. 38). Значительно позже Г. Ф. Корзухина обнаружила в архиве ЛОИА выписки и зарисовки А. А. Спицына из дневника раскопок В. В. Хвойки в Киеве (Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. — СА, XXV, 1956, с. 318—342).

[26] Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. — ИАК, вып. 22, 1907, с. 55—68; ОАК за 1906 г., 1909, с. 113.

[27] АЛЮР, т. III, 1901, с. 211; Козловская В. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромка Черниговской губернии Сосницкого уезда. — ИТУАК, № 47, 1912, с. 143.

[28] Старая Ладога. Государственный музей этнографии. Л., 1948.

жалению, плохая их публикация, неопределенная, а порой и неверная интерпретация привели к тому, что археологические источники не оказались в центре внимания исследователей, занимавшихся проблемами истории жилища, а сама эта тема и после Великой Октябрьской социалистической революции продолжала по-прежнему разрабатываться главным образом в плане этнографических исследований. Вместе с тем этнографические работы в послереволюционное время приобрели гораздо более серьезный характер — не только по детальности изучения материала, но и по широте обобщений и, что особенно важно, по глубине социального анализа.

По полноте охвата материала одной из лучших работ является исследование Н. И. Лебедевой о жилых и хозяйственных постройках Белоруссии.[29] Лебедева четко выделила, какие элементы белорусской хаты совпадают с украинскими, какие имеют связь с Северной Россией, а какие являются совершенно самобытными. При этом она попыталась проследить тенденцию развития белорусской хаты и выявить те элементы и формы, которые являются здесь наиболее древними. Лебедева выяснила также, что своеобразный тип планировки жилища — с красным углом, расположенным у входа, — является не социальным, связанным с определенной группой населения (однодворцами), а территориальным, характерным для южной части России (южновеликорусский тип).[30]

Огромное количество вариантов русских жилищ, выявленное этнографами, привело некоторых исследователей к выводу об отсутствии единого типа русского жилища.[31] Против этой точки зрения энергично выступил Д. К. Зеленин, который отметил, что «самое разнообразие типов жилища и одежды однородно у всех великороссов, и в этом смысле мы имеем полное право говорить как о национальном русском костюме, так и о национальном типе русского жилища».[32] И далее Зеленин четко сформулировал общие черты восточнославянской деревянной жилой архитектуры.

1. Преобладающая рубка из бревен «в обло» (укр. «у зруб»).
2. Отсутствие фундамента; только под углами камни или деревянные стулья (укр. «стояни»).
3. Потолок на матице (укр. «сволок»).
4. Неподвижные лавки и полки.
5. Перед жилой избой расположены сени, а по другую их сторону — холодная клеть.
6. Наличие печи в углу.[33]

Таким образом, Зеленин явно присоединился к тем этнографам, которые видели в архаических формах народного жилья особенности, присущие определенной этнической общности — древнерусскому народу.

Несколько дальше в этом отношении попытался пойти С. П. Толстов. Он свел все многообразие русских жилищ (Украины он не касался) к двум основным первичным комплексам, характерным для северных и южных великорусских областей. Толстов высказал предположение, что комплексы эти связаны с вятическими (на юге) и кривичскими (на севере) племенными традициями.[34] При этом он подчеркивал (особенно в ответе на замечания А. А. Спицына), что важно изучать не отдельные элементы жилища, а жилые комплексы во всей их совокупности.[35] Разделение русских жилищ (как и других этнографических признаков) на северную и южную группы Толстов относил к глубокой древности, в то время как черты сходства объяснял сложением Московского государства.[36]

Совершенно особую позицию занял В. Петров, который, исходя из положений Н. Я. Марра о стадиальном развитии, начисто отрицал возможность того, что жилища или их элементы могут отражать какие-либо этнические особенности населения.[37] По его мнению, все формы жилищ связаны не с этническими и даже не с географическими факторами, а исключительно со стадиальным развитием и, следовательно, отражают лишь определенный социально-экономический этап.

В 20-х годах значительный вклад в изучение древнерусских жилищ внесли также искусствоведы и архитекторы. А. И. Некрасов в своей попытке интерпретации жилищ не дал ничего нового, поскольку не использовал ни археологических, ни этнографических материалов, а опирался исключительно на письменные источники. Однако в его работе очень интересна мысль, что исследователи переоценили степень консервативности и неизменности форм крестьянского жилища. По мнению Некрасова, «крестьянское искусство никогда не было неподвижным» и «изба новая не то, что изба древняя».[38] Значительно интереснее работа В. Д. Мачинского.[39] Он попытался дать общий обзор истории русского жилища, использовав для древнейшего периода не только косвенные данные этнографии, но и материалы раскопок Хвойки, которые очень внимательно интерпретировал. Основные выводы Мачинского

---

[29] Лебедева Н. И. Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.

[30] Лебедева Н. И. Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний. — В кн.: Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929, с. 112.

[31] Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. — Этнография, 1930, № 1—2, с. 61.

[32] Зеленин Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. — СЭ, III, 1940, с. 23.

[33] Там же, с. 27.

[34] Толстов С. П. К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России. — В кн.: Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929, с. 84.

[35] Там же, с. 209.

[36] Толстов С. П. К проблеме аккультурации. — Этнография, 1930, № 1—2, с. 85.

[37] Петров В. З історії житла на Україні. — В кн.: Наукові зап. Інст. іст. матер. культ. Кн. 1. Київ, 1934, с. 94.

[38] Некрасов А. И. Русское народное искусство. М., 1924, с. 83.

[39] Мачинский В. Д. Крестьянское строительство в России. М., 1924.

сводились к следующему: древнейшим типом русских жилищ на юге были полуземлянки, а на севере — наземные дома. Более древними являются деревянные постройки, а переход к глинобитным был вызван недостатком леса. Современный тип трехчленной связи невозможен при полуземляночных жилищах, так как входные сени должны были быть расположены на поверхности земли и, следовательно, не в середине здания. В общем развитии жилищ Мачинский безусловно отдавал предпочтение не этническим факторам, а климату и наличию определенных строительных материалов. Для своего времени работа Мачинского была крупным шагом в изучении жилищ.

Богатым древнерусским жилищам (в основном княжеским дворцам) была посвящена работа В. Ф. Ржиги, построенная почти исключительно на анализе терминов в древних письменных источниках.[40]

Несколько позже была опубликована статья М. И. Симкина, посвященная вопросу о происхождении типов древнерусского жилища на территории Украины.[41] Автор изложил две возможные гипотезы: 1) первоначальное жилище в Южной Руси — мазанка, углубленная в землю, а позднее — срубная хата; 2) первоначальные жилища были срубными, а затем из-за недостатка леса они превратились в мазанки. Сам Симкин склонялся к первичности мазанки.

Между тем количество остатков подлинных древнерусских жилищ, раскрываемых археологическими раскопками, также постепенно увеличивалось. В 1928—1933 гг. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков раскопали довольно много жилищ на Боршевском городище.[42] Были раскопаны жилища в районе Киева (Вышгород), западнее его (Райковецкое городище, Коростень), на Волыни (Коршевское городище), в Галицкой земле (Городница).[43] Наконец, древнерусские жилища были обнаружены в самом Киеве, особенно в раскопках М. К. Каргера, начиная с 1938 г.[44] В северных районах началось систематическое изучение древнерусских наземных срубных жилищ в Старой Ладоге[45] и Новгороде,[46] полуземляночных жилищ в Суздале.[47] Были обнаружены наземные жилища в Припятьском Полесье.[48]

Специальное исследование жилищ древнего Пронска провел в 1927—1930 гг. Н. П. Милонов.[49] В своей публикации он попытался дать не только реконструкцию жилищ во всех их основных элементах, но и поставить вопрос о происхождении типа пронских построек, их социальной дифференциации и месте, которое они занимали в развитии русского жилья. Милонов считал, что после детального изучения селищ, относящихся к различным хронологическим этапам развития, «можно будет реально ставить проблему о первоначальных источниках, откуда возникли типы ранних славянских жилищ на наших территориях».[50] Он отметил, что среди историков господствуют два направления: одни объясняют развитие жилищ влиянием естественно-географической среды, другие — «этнологической традицией». Сам же Милонов склонялся к приоритету социально-экономических факторов. К сожалению, интересные мысли и предположения в его статье мирно уживаются с совершенно бесчвенными рассуждениями, внимательные наблюдения по конструкции жилищ — с явной фантазией, а детальное описание методики раскопок — с детски беспомощной графической фиксацией. Все это значительно снизило значение данной работы для истории изучения древнерусских жилищ.

Гораздо более серьезна попытка А. А. Мансурова дать реконструкцию жилищ Старой Рязани на основании материала раскопок В. А. Городцова.[51] Во введении к своей статье Мансуров указал, что археологическое изучение древнерусских жилищ длится всего около 20 лет и ко времени написания его статьи их исследовано (на всей территории Древней Руси) несколько более 60. В действительности, конечно, уже и тогда было изучено гораздо больше жилищ, чем насчитывал Мансуров, но он, видимо, не учитывал ни дореволюционные раскопки (поскольку они не имели графической документации), ни раскопки жилищ VIII—X вв. (Монастырище, Боршево). Мансуров считал необходимым уточнить границу между северным, срубным типом древнерусского жилища и южным, полуземляночным, хотя и признавал, что сделать это очень трудно.

Перед самой Великой Отечественной войной были подготовлены к печати два тома «Истории культуры Древней Руси». Глава «Жилище», написанная Н. Н. Ворониным, дает общую сводку того, что было известно к этому времени по истории этих древнерусских построек.[52] Воронин использовал в основном археологический материал как из раскопок памятников VIII—X вв. (Монастырище, Боршево), так и памятников X—XIII вв. (раскопки Хвойки и более поздние раскопки в Киеве, Старой Рязани, Новгороде, Суздале, Старой Ладоге). Однако он широко привлек также письменные источники, этнографическую и ис-

[40] Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929.

[41] Сімкін М. І. Еволюція народного житла на Україні. — Архітектура радянської України, Київ, 1938, № 4—5, с. 47.

[42] Полная их публикация была осуществлена несколько позднее: Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. — МИА, № 8, 1948, с. 18—34.

[43] Каргер М. К. Древний Киев, с. 354—364.

[44] Там же, с. 285—354.

[45] Равдоникас В. И. Старая Ладога. — КСИИМК, вып. XI, 1945, с. 30.

[46] Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, № 11, 1949.

[47] Дубынин А. Ф. Археологические исследования Суздаля. — КСИИМК, вып. XI, 1945, с. 91.

[48] Jakimowicz R. Dawidgródek. Pińsk, 1939.

[49] Милонов Н. П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931.

[50] Там же, с. 42.

[51] Мансуров А. А. Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). — ИЗ, 1941, № 12.

[52] История культуры Древней Руси. Т. I. М.—Л., 1948, с. 204.

торико-архитектурную литературу. В итоге Воронин пришел к выводу, что уже в очень раннее время на Руси сложились два самостоятельных типа жилищ — в лесной зоне и в лесостепной. Впоследствии эти два типа оформились в срубную избу и хату-мазанку.

Сводка Воронина благодаря четкости построения особенно хорошо демонстрирует уровень изученности материала по истории древнерусских жилищ и является ярким свидетельством того, как мало еще была разработана в это время данная тема.

* * *

Существенный сдвиг в изучении древнерусских жилищ наметился после Великой Отечественной войны. Появились новые серьезные исследования, построенные как на этнографическом, так и на археологическом материале. Среди этнографических работ особое место принадлежит капитальному труду Е. Э. Бломквист.[53] Эта прекрасная сводка, основанная на огромном материале (как полевом экспедиционном, так и литературном), дает детальную картину распространения современных типов народного крестьянского жилища русских, украинцев и белорусов. Основные выводы, к которым пришла Бломквист, следующие.

1. Автохтонность жилища восточных славян, самостоятельность основного типа жилища.

2. Прекрасное использование восточными славянами строительных материалов и связанное с этим членение на типы: рубленые дома в лесной зоне и каркасные в лесостепной.

3. Связь основных типов современных русских, белорусских и украинских жилищ с древними этническими традициями различных племен восточных славян.

4. Отсутствие косности и застойных явлений в развитии жилища.

Конкретных форм древнерусского жилища Бломквист не рассматривала.

Очень серьезную сводку этнографического материала о жилищах Украины опубликовал В. П. Самойлович.[54]

В некоторых этнографических работах была широко поставлена проблема происхождения и развития различных типов древнерусских жилищ. Характерная особенность таких работ — широкое привлечение археологического материала, попытки связать археологические данные с этнографическими. Так, например, Л. Н. Чижикова в работе, посвященной жилищу Верхнего Поволжья, не только дала описание современных жилищ этого района, но, привлекая археологический материал, постаралась показать картину развития жилищ начиная с древнейшего периода.[55]

Различные типы современного жилья она связывает с различными этническими образованиями: северный тип — с новгородцами (ильменские славяне), средневеликорусский — с кривичами, а южновеликорусский — с вятичами.

Совершенно иной подход можно видеть в исследованиях Г. Г. Громова.[56] Его работа посвящена истории крестьянского жилища Владимирского края, однако для древнейшего периода (IX—XIV вв.) автор рассматривает памятники на всей территории Древней Руси и обращается к самым общим проблемам истории древнерусского жилища. В отличие от большинства этнографов и археологов Громов пришел к следующему выводу: «. . .в большинстве районов Древней Руси земляночные и наземные жилища существовали одновременно. В одних районах преобладали полуземлянки, в других наземные срубные постройки, но говорить о существовании двух разных типов жилища на севере и на юге мы не имеем права. Поэтому господствовавшее долгое время в этнографии положение о том, что северорусская изба на подклете и южнорусская хата произошли от двух разных типов жилища (первая от наземной постройки, а вторая от полуземлянки), не имеет под собой достаточных фактических оснований. Столь же неосновательны и попытки ряда ученых связывать два основных типа жилищ — жилище на подклете северных великоруссов и „наземное" жилище южных великоруссов — с племенными культурами кривичей и вятичей».[57] И далее: «Особенности типов русского крестьянского жилища не связаны с особенностями племенных культур восточнославянских племен».[58] Многие характерные черты жилища XIX в., которые, как обычно считали, имеют очень глубокие исторические корни (например, наличие подклета, трехкамерная связь и др.), Громов считает появившимися в очень позднее время — не ранее XVII в. Так же поздно, по его мнению, сложились и этнографические типы русских жилищ: «Распространенное в этнографии положение, что два основных типа русского крестьянского жилища образовались еще в глубокой древности, с нашей точки зрения, является ошибочным. Типы русского крестьянского жилища, известные нам по этнографическим материалам XIX в., сформировались не раньше XVII—XVIII вв. на основе древнерусского жилища, которое было в основных своих чертах общим для всех восточнославянских народов».[59]

Против выводов Громова решительно выступил И. В. Маковецкий. Он отметил, что основная часть заключений Громова в сущности строится лишь на том, что рисунки Мейерберга изображают русские жилые дома еще очень простыми,

---

[53] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

[54] Самойлович В. П. Народна творчість в архітектурі сільского житла. Київ, 1961.

[55] Чижикова Л. Н. Русское народное жилище Верхнего Поволжья. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

[56] Громов Г. Г. История крестьянского жилища Владимирского края в IX—XIX вв. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

[57] Там же, с. 12—13.

[58] Там же, с. 13.

[59] Там же, с. 13. См. также: Громов Г. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. — СЭ, 1955, № 1, с. 171.

однокамерными, без сеней.[60] Маковецкий утверждает, что если бы Громов обратился к русским изобразительным материалам, то он увидел бы, что уже в XVI в. русское жилище было, как правило, гораздо более сложным, двух- и трехкамерным. Детально анализируя современное русское народное жилище северной зоны, Маковецкий в то же время пытается показать и его предысторию, привлекая для этой цели письменные, графические и археологические материалы. Он приходит при этом к выводу, что установить расположение отдельных помещений древнерусского жилища, их этажность и габариты пока можно лишь для периода начиная с XVI в.

Интересную точку зрения высказал А. А. Шенников, который считает возможным принимать за основу классификации не отдельный дом, а только комплекс всей усадьбы.[61] Шенников решительно утверждает, что этническое своеобразие в архитектуре жилья может отражаться только в деталях, а вся организация жилища, и особенно крестьянской усадьбы, зависит от географической зоны и развивается главным образом под влиянием эволюции сельскохозяйственного производства.[62]

Крупным успехом в деле этнографического изучения русских жилищ было составление и издание историко-этнографического атласа «Русские».[63] В атласе собрано и картографировано огромное количество материалов по русским жилищам. Впервые нанесены на карты не только отдельные типы самих жилищ, но выделены ареалы различных комплексов. Материалы о жилищах нанесены на карты по состоянию на середину XIX в. и на конец XIX—начало XX в. Это позволило наглядно отразить тенденции, характерные для развития русских жилищ XIX—XX в. В тексте атласа сделана попытка сравнить полученные материалы с археологическими данными и выявить, таким образом, общие тенденции развития русских жилищ начиная с эпохи Древней Руси.[64] К сожалению, отсутствие достаточно объективных сводок археологического материала по жилищам привело к тому, что авторы зачастую пользовались случайным археологическим материалом.

Большие успехи, достигнутые в археологическом изучении древнерусской материальной культуры, позволили пересмотреть господствовавшую ранее точку зрения, что русские былины не отражают реальную обстановку и быт древнего Киева, а относятся к гораздо более позднему времени. В соответствии с этим появилась возможность использовать сведения былин для изучения культуры Киевской Руси. Такова, например, работа Р. С. Липец, в которой дается подробный разбор былинных пиров князя Владимира и, в частности, анализируются сведения о тех помещениях (гридницы), в которых эти пиры происходили.[65]

Среди историко-архитектурных работ очень своеобразна попытка Н. И. Брунова выявить первоначальные формы древнерусского жилья и их архитектурное значение. Исходя из того что В. А. Городцов открыл в Старой Рязани, «а другие археологи обнаружили после него и в других местах древнейшую форму русского народного жилища» с печью, расположенной посредине, Брунов сделал вывод, что древнейшее жилище должно было представлять собой многоугольную срубную постройку с коническим покрытием. Такой тип жилища находится в основе зарождения не только более позднего русского жилья, но и шатровой церкви: «. . .очаг погас, коническое перекрытие замкнулось, но воспоминание об огне сохранилось в луковичной главке, которой был увенчан шатер, — она уподобилась пламени».[66] Так из анализа нескольких не вполне ясных по своей плановой схеме и спорных по интерпретации старорязанских полуземлянок делается общий вывод о происхождении древнерусского жилища и даже шатровых церквей.

В последние годы начали появляться статьи, посвященные различным частным вопросам истории древнерусского жилища, в которых находят применение археологические материалы.[67] Все чаще используются археологические данные по истории жилища и в общих работах по русской истории.

Широко развернувшиеся в послевоенные годы археологические раскопки особенно наглядно показали, что серьезных успехов в изучении древнерусского жилища можно достигнуть лишь с помощью археологических исследований. И это вполне естественно. Как бы успешно ни работали над этими вопросами этнографы и искусствоведы, как бы остро и принципиально ни были поставлены ими общие проблемы происхождения и развития форм древнерусских жилищ, но без археологического исследования далеко продвинуться вперед нельзя. Историю древнерусских жилищ надо было изучать на остатках самих этих жилищ. Здесь за последние два десятилетия действительно сделаны очень важные открытия, накоплен богатый и, что самое важное, массовый материал.

В деле изучения жилищ VIII—X вв. ведущее место принадлежит И. И. Ляпушкину. Им было

---

[60] Маковецкий И. в. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962, с. 10.

[61] Шенников А. А. О понятии «этнографический комплекс». — В кн.: Докл. отделений и комиссий Геогр. общ. СССР. Вып. 3, Этнография. Л., 1967, с. 44.

[62] Близкую точку зрения см.: Громов Г. Г. Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. (по графическим источникам). — В кн.: Вестн. Московск. ушив. Сер. IX, История, вып. 3. М., 1967, с. 78.

[63] Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. — Общие принципы составления этого атласа см.: Рабинович М. Г. Историко-этнографический атлас «Русские». — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Докл. сов. делегации на V Междунар. съезде славистов. М., 1963, с. 445. См. также: Раппопорт П. А. [Рец. на кн.:] Русские. Историко-этнографический атлас. — СЭ, 1970, № 1, с. 181.

[64] Авторы этого раздела — Е. Э. Бломквист и О. А. Ганцкая.

[65] Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, с. 153.

[66] Брунов Н. О древнерусском зодчестве. — В кн.: Архитектура СССР. Вып. 14. М., 1947, с. 36.

[67] См., например: Бочаров Г. Изба и хоромы. — Декоративное искусство СССР, 1964, № 7, с. 12.

раскопано большое количество жилых построек и сделана очень серьезная попытка их реконструкции.[68] Ляпушкин убедительно показал, что имевшее весьма широкое распространение мнение о наличии на поселениях роменско-боршевской культуры жилищ, соединенных переходами, основано на ошибочной интерпретации результатов раскопок и не соответствует действительности.[69] Ляпушкин дал общую характеристику жилищ VIII—X вв. на территории лесостепного Левобережья Днепра и доказал, что они резко отличаются как от жилищ предшествующей поры на этой территории (поселения эпохи «полей погребений»), так и от восточнославянских жилищ лесной зоны.[70] Что же касается жилищ X—XIII вв. на Левобережье Днепра, то они непосредственно вырастают из жилищ VIII—X вв., отличаясь от них лишь сравнительно незначительными деталями.[71] В сводной работе о славянах VIII—IX вв. Ляпушкин дал общую характеристику жилищ этой поры на всей территории Восточной Европы.[72]

Характеристике жилищ Киевской земли X—XIII вв. была посвящена работа М. К. Каргера.[73] На большом количестве примеров раскопанных жилищ древнего Киева и древнерусских городищ Среднего Поднепровья он выявил основные особенности жилищ X—XIII вв. Каргер убедительно опроверг все предположения о широком распространении в Киеве и Киевской земле наземных жилищ и показал, что вплоть до XIII в. основным типом массового жилища на данной территории были полуземлянки. Этот полуземляночный тип он справедливо возводил к традициям жилищ роменско-боршевской культуры. Общий вывод Каргера: «Массовые жилища древнего Киева, как и городские и сельские жилища Киевской, Черниговской, Переяславской и Галицко-Волынской земель, в XI—XIII вв. представляют дальнейшее развитие восточнославянских деревоглинянных жилищ полуземляночного типа, повсеместно распространенных в VIII—X вв. в лесостепной зоне Восточной Европы».[74] Вывод этот был очень важен, поскольку в научной литературе тех лет имели место попытки представить полуземляночные жилища либо времянками, связанными с эпохой бедствий, либо жилищами исключительно беднейшего населения.[75] Однако если наличие в Среднем Поднепровье полуземляночных жилищ как основного типа массового жилища после работы Каргера уже не вызывало сомнений, то в других районах лесостепной зоны положение было менее ясно. Так, например, в Галицкой земле был зафиксирован переход от полуземляночных жилищ X—XI вв. к наземным постройкам XII—XIII вв.[76]

Очень большое количество различных типов и вариантов древнерусских жилищ было вскрыто археологами за последние годы. Появились даже специальные работы, посвященные характеристике жилищ отдельных районов Древней Руси. Таковы исследования В. Д. Белецкого, Г. Б. Федорова, А. Л. Монгайта, П. И. Засурцева, В. И. Равдоникаса и др.[77] Монгайт в своей работе коснулся и общих проблем развития древнерусского жилища, в особенности вопроса о происхождении различных его типов. Показав, что в Старой Рязани сосуществуют оба основных типа древнерусских жилищ (наземные и полуземляночные), Монгайт пришел к следующему выводу: «В период XI—XIII вв. мы видим на Руси наличие двух типов жилища — полуземлянку и бревенчатую избу, граница между районами распространения которых примерно совпадает с границей распространения позднейшей хаты и избы на подклети. Таким образом, добытые советскими археологами материалы дают некоторые основания для доказательства ранее высказанной гипотезы о том, что хата произошла из полуземлянки, выбравшейся на свет».[78] Далее Монгайт отмечает, что граница между типами древнерусских жилищ, кроме того, приблизительно соответствует границе зон лесостепи и леса. Но Монгайт не делает из этих наблюдений вывода о том, что типы жилищ полностью определяются естественно-географическими условиями. «Неправильно было бы думать, — пишет он, — что особенности в постройке жилищ определяются только некоторыми географическими факторами и целиком зависят от климата и почвы. Исторический фактор, древние традиции, связи и влияния также играют немаловажную роль».[79] В более поздней своей монографии Монгайт несколько уточнил эти выводы и сделал их еще более опре-

---

[68] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, № 74, 1958, с. 193.

[69] Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. — КСИИМК, вып. 68, 1957, с. 3.

[70] Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, № 104, 1961, с. 225.

[71] Там же, с. 318.

[72] Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, № 152, 1968, с. 125—132.

[73] См.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии АН СССР. М.—Л., 1947, с. 84. — В дальнейшем эта работа Каргера в основном вошла в главу о жилищах его монографии (Каргер М. К. Древний Киев, с. 285).

[74] Каргер М. К. Древний Киев, с. 368.

[75] См., например: Богусевич В. А. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 47; Шовкоплас І. Г. Наукова діяльність Інституту археології в 1950 р. — В кн.: Археологія. Т. VI. Київ, 1952, с. 147, и др.

[76] На Плесненском городище это обнаружили И. Д. Старчук и М. П. Кучера, а на территории древнего Галича — М. К. Каргер (см.: Кучера М. П. Основні етапи розвитку стародавнього Плісненська. — МДАПВ, вып. 2, 1959, с. 140; Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 65).

[77] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959; Федоров Г. Б. Население юго-запада СССР в I—начале II тысячелетия нашей эры. — СЭ, 1961, № 5; Монгайт А. Л. Древнерусские жилища XI—XIII вв. (по раскопкам в Старой Рязани). — СЭ, 1948, № 4; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, № 123, 1963; Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, XI, 1949; XII, 1950.

[78] Монгайт А. Л. Древнерусские жилища XI—XIII вв., с. 69.

[79] Там же, с. 68.

деленными: «В Рязанской земле встречаются два основных типа славянского жилища: северный, вероятно связанный с кривичской колонизацией, возникший в условиях северного лесного ландшафта, в стране с сырой почвой и суровым климатом, и южный, распространенный в лесостепной и степной областях, с относительно сухим климатом, с развитым земледельческим хозяйством, с недостатком леса как строительного материала. Этот тип связан с одним из южных племен, принявших участие в этногенезе великоруссов, — с вятичами». И далее: «Граница между типами жилищ совпадает не только с границей вятической и кривичской колонизации, но и с границей лесостепной и лесной полос. Этот фактор был очень важным для сохранения древней традиции».[80]

Наконец, в работе, посвященной Рязанской земле, Монгайт попытался установить, хотя бы очень приблизительно, границу между северным и южным типами древнерусских жилищ: «Граница между избой и хатой точно не установлена, но проходит в центральной части страны по современным областям Смоленской, Калужской, Тульской и Рязанской . . . Нужно думать, что современная этнографическая граница между южновеликорусским и северовеликорусским жилищем определилась еще в древности, когда первые были представлены полуземлянками, а вторые — наземными домами».[81] В Рязанской земле, по определению Монгайта, эта граница проходит примерно по р. Пре.

С выводами А. Л. Монгайта не согласился М. Г. Рабинович, по мнению которого деление жилищ на различные типы хотя и связано с этнической принадлежностью их обитателей, однако не столько общей конструктивной схемой жилища (более подверженной влиянию климатического фактора), сколько его плановой структурой, т. е. взаимным расположением входа, печи и других основных элементов.[82] В работе «О древней Москве» Рабинович вновь — на этот раз более детально — обращается к данному вопросу. Основной вывод его следующий: «Видимо, вопрос о принадлежности жилища той или иной этнографической группе нельзя свести только к конструктивным особенностям жилища. Гораздо ярче этнографические особенности сказываются во внутренней планировке жилища».[83] Здесь же Рабинович помещает карту, которая по существу является первой попыткой более или менее четко наметить границу между северным и южным типами древнерусского жилища.

В других своих работах, сопоставляя археологические и этнографические материалы, Рабинович опять обращает внимание на то, что тип и конструкция жилища довольно быстро изменяются под влиянием географических условий, в то время как внутренняя планировка и убранство дольше сохраняют привычные этнические особенности.[84] Кроме того, он высказал предположение, что двух- и трехкамерные жилища, как и многокомнатные дома, появились первоначально в городах и лишь гораздо позднее — в деревне.[85]

Необходимо отметить интересную попытку архитектурной интерпретации жилищ Северо-Западной Руси в работе Ю. П. Спегальского.[86] Тщательно анализируя возможное назначение каждого помещения а также элементы конструкции жилища, Спегальский создает стройную концепцию эволюции домостроительства, что дает ему возможность предложить графические реконструкции объемной композиции ряда жилых комплексов. При всей спорности многих положений работа Спегальского интересна самой постановкой вопроса и безусловно является серьезным шагом в изучении истории древнерусского жилища.

Следует упомянуть также некоторые попытки обоснования различных приемов реконструкции первоначального облика древнерусских жилищ и поселений.[87]

Таким образом, совершенно несомненно, что советской археологической наукой были достигнуты большие успехи как в выявлении основных форм древнерусских жилищ, так и в постановке важнейших вопросов их развития. Тем не менее многие вопросы, связанные с историей древнерусского жилища, остались нерешенными, а многие даже не были поставлены, поскольку не было создано обобщающей работы, специально посвященной данной проблеме. Единственная работа такого рода — исследование Л. П. Гуссаковского,[88] — к сожалению, не была опубликована. Ознакомление с неопубликованной работой показывает, что она представляет лишь первый шаг в освещении большой и интересно поставленной темы. Гуссаковский свел воедино множество разнообразного материала, но на первых порах не смог его критически переработать и вынужден был в основном полагаться на выводы авторов публикаций, несмотря на то что в целом ряде случаев их интерпретация материала была явно сомнительной. Приведем выводы Гуссаковского.

1. Деление древнерусских жилищ на северный и южный типы связано не с племенными традициями, а исключительно с естественно-геогра-

---

[80] Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, с. 74.

[81] Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 126.

[82] Рабинович М. Г. [Рец. на кн.:] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. — СЭ, 1962, №, 5, с. 161.

[83] Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964, с. 344, прим. 57.

[84] Рабинович М. Г. 1) Некоторые проблемы этнографического изучения русского феодального города. — В кн.: VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964, с. 6—7; 2) Древний ландшафт и жилище. — СЭ, 1969, № 2, с. 23.

[85] О влиянии городских жилищ на сельские более подробно Рабинович пишет в другой своей работе (см.: Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян. — В кн.: Докл. сов. делегации на VI Междунар. съезде славистов. М., 1968, с. 145).

[86] Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972.

[87] Борисевич Г. В. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища. — КСИА, вып. 120, 1969, с. 46.

[88] Гуссаковский Л. П. Древнерусское народное жилище VIII—XIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

фическими условиями. В северной, лесной зоне господствующим типом являются наземные срубные жилища, а в южной, лесостепной — полуземляночные и наземные столбовые.

2. Различие плановых типов жилищ не связано с этническими особенностями. Различные типы складывались и существовали одновременно и совместно на всей восточнославянской территории.

3. Основная масса древнерусских жилищ относится к однокамерному типу, хотя уже в X в. появились жилища-пятистенки, а с XI в. — трехкамерные жилища.

4. Городские и сельские жилища в этот период были еще очень близки друг другу.

Согласно выводам Гуссаковского древнерусские жилища не претерпели существенных изменений за весь период от VIII до XIII в. Ни в конструкции, ни в плановой структуре жилищ за это время не произошло никаких серьезных перемен. Очевидно, что причиной, приведшей Гуссаковского к таким выводам, была неразработанность хронологических критериев, не позволившая ему расчленить рассматриваемый материал в соответствии с достаточно узкими хронологическими рамками.[89]

К сожалению, работа Гуссаковского не была продолжена и специального исследования, посвященного истории древнерусского жилища, так и не появилось.

---

[89] То же отсутствие картины развития характерно и для работы Ратича, специально посвященной древнерусским жилищам западных районов Украины (см.: Р а т и ч О. О. До питання про давньоруські житла Південно-Західної Русі. Чернівецьк. державн. унів. — В кн.: Тези доповідей міжвузівської ювілейної наукової конф. Чернівці, 1965, с. 101). Впрочем, в данной работе это обстоятельство может объясняться также крайне незначительным фактическим материалом, имевшимся в распоряжении автора.

ГЛАВА 1

ЖИЛИЩА VI—VII вв.

1. Подрижье. На поселении у с. Подрижье (или Подриже) на р. Стоходе в 1968 г. раскопано несколько раннеславянских полуземляночных жилищ.[1] Одно из них (7) относится к VI—началу VII в. Оно ориентировано сторонами по странам света и заглублено в материковый грунт на 1 м. Сохранившаяся северная стена имеет длину 5.6 м. Земляные стенки немного наклонены, пол горизонтальный. В полу прослежены небольшие ямки от столбиков, а в северо-восточном углу — след от большого столба, углубленного на 10 см ниже уровня пола. Печь находится в северо-западном углу; она не примыкала вплотную к земляным стенкам, а пол между печью и стеной был обмазан глиной. Под печи и ее нижняя часть вылеплены из глины и имели каркас из веток. Верх печи был сложен из глиняных вальков по типу печей-каменок. Печь округлая в плане; диаметр ее пода около 50 см, ширина устья 20 см. Рядом с устьем печи обнаружена яма диаметром 50 см, глубиной 30 см. В земляной стене над печью на высоте 55 см от пола вырыт небольшой уступ, быть может для выхода дыма.

Позднее здесь было вскрыто еще несколько жилищ того же времени.[2] Жилища полуземляночные, со сторонами от 3.6 до 4.7 м, а изредка даже до 6.4 м. Земляные стенки их несколько сужаются книзу, пол ровный. В нескольких жилищах выявлены угловые ямы от столбов. Кое-где сохранились следы дерева вдоль стенок. Печи стояли большей частью в северо-западном углу; они сделаны из глины, иногда с включением камней и обожженных глиняных вальков. Одно жилище было не прямоугольным, а овальным, а вместо печи в этом жилище имелся очаг.

2. Городок. У с. Городка близ г. Ровно И. К. Свешниковым было раскопано несколько жилищ VI—VII вв. Жилища полуземляночного типа, с печами-каменками. В одном жилище печь была глиняной, врезанной в материковый останец.[3]

3. Липа. У с. Липы в районе г. Дубно обнаружено поселение с керамикой типа Корчак, т. е., видимо, VI—VII вв.[4] Здесь раскопана полуземлянка с размером стенок 3.2×2.8 м. В северо-восточном углу жилища сохранились остатки печи-каменки.

4. Ромош. В 1971 г. на поселении у с. Ромош на Западном Буге была раскопана полуземлянка, относящаяся, судя по керамическому материалу, к VI—VII вв.[5] В северо-западном углу жилища стояла печь-каменка.

5. Рипнев. У с. Рипнева были проведены археологические исследования на трех древнеславянских поселениях. Поселения Рипнев II и III оказались относящимися к VI—VII вв.[6] Здесь было раскопано 11 жилищ (10 на поселении Рипнев II и одно на поселении Рипнев III). На поселении Рипнев I были раскопаны два жилища этого же времени, хотя поселение в целом относится к несколько более поздней поре.[7]

Жилища представляют собой прямоугольные полуземлянки, ориентированные сторонами по

---

[1] Русанова И. П. 1) Исследования раннеславянских поселений на Волыни. — АО 1968 г., 1969, с. 324; 2) Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, Е1-25, 1973, с. 44.

[2] Баран В. Д. Поселение у с. Подрижье. — АО 1971 г., 1972, с. 362.

[3] Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 159.

[4] Винокур І. С. Старожитності Східної Волині першої половини I тис. н. э. — В кн.: Праці комплексн. експ. Чернівецьк. держави. унів. Т. VIII. Сер. археол., вып. 1. Чернівці, 1960, с. 69.

[5] Крушельницкая Л. И., Долинская М. Л. Исследования Западнобугской экспедиции. — АО 1971 г., 1972, с. 367.

[6] Баран В. Д. 1) Раннеславянские памятники на Западном Буге. — Slovenskà archeològia, Bratislava, 1965, XIII-2, p. 319; 2) Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге. — МИА, № 108, 1963, с. 351; 3) Раньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Волині. — МДАПВ, вып. 5, 1964, с. 100; 4) Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 208.

[7] Захарук Ю. М., Ратич О. О. Слов'янське поселення біля с. Рінів, Львівської області. — АП, V, 1955, с. 40; Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области. — МИА, № 108, 1963, с. 367.

странам света. Насколько первоначальный уровень их пола был ниже древней поверхности — неизвестно, поскольку они были отрыты в основном в культурном слое и только их самая нижняя часть (и то не всегда) врезалась в материк. Наибольшая сохранившаяся высота стенок построек — около 60 см. Размер сторон от 3 до 4 м. Наименьшее жилище — 2.98×2.6 м, а наибольшее — 4.25×3.6 м.

Печи вырезаны в материковых останцах и в 12 жилищах (из 13 исследованных) расположены в северо-западном углу. В нескольких случаях жилища оказались врезанными в заброшенные землянки черняховской культуры. Когда северо-западный угол славянского жилища сооружался над такой более древней землянкой, для устройства печи приходилось делать специальный постамент из утрамбованной глины. Но печь даже и в этом случае помещали в северо-западном углу. Все печи поставлены совершенно одинаково — устьем на юг, на некотором расстоянии (от 10 до 50 см) от земляных стенок. Единственным исключением является жилище 28 (Рпнев II), где печь повернута устьем к юго-востоку, т. е. по диагонали постройки.

Материковые останцы, в которые были врезаны нижние части печей, имели размер от 0.9××1.0 до 1.2×1.3 м. Высота их 15—20 см. Внутри печи были подковообразными. Размер их пода от 40×50 до 80×90 см. Ширина устья 30—60 см. Толщина верхних частей печей, их глиняных стенок 5—9 см. Своды нигде не сохранились. Поды печей устраивали примерно на уровне пола или очень немногим выше или ниже него. Глиняные поды иногда по нескольку раз перемазывались. В развале печей кое-где найдены глиняные вальки («конусы»). В двух жилищах (9 и 10), где материк был нарушен черняховскими землянками, печь была врезана в искусственно сбитый глиняный массив, а в одном (жилище 15) печь построена прямо на полу жилища. Эта печь была, видимо, сложена из глиняных вальков.

Полы в жилищах материковые, ровные, хорошо утрамбованные. Там, где материк был нарушен, пол подмазан глиной. В жилище 9 часть пола вымощена кусками глиняной обожженной обмазки и поверх смазана глиной. Перед печами, немного отступя от них, иногда имеются небольшие предпечные ямы. В нескольких жилищах (6 и 9) вдоль всех стен тянутся земляные приступки высотой 10—20 см, шириной от 12 до 50 см; они частично не материковые, а насыпные.

Столбовые ямы есть в немногих жилищах, причем только в двух (29 и 31) они расположены во всех углах, а иногда и у середины стен. Еще в двух случаях (жилища 6 и 30) две ямы размещены в юго-восточном и юго-западном углах, а третья — у середины северной стены. Наконец, в жилище 9 одна яма находится в юго-западном углу, а в жилище 1 (Рпнев III) — в северо-восточном углу. Следует отметить, что в жилищах 6 и 9, где имеются земляные приступки, столбовые ямы вырыты не в них, а непосредственно в полу, т. е. отступя от стен. В жилище 28, с печью, направленной устьем по диагонали постройки, две столбовые ямы расположены по сторонам печи.

Среди всех жилищ поселения Рпнев II два жилища несколько выделяются. С жилищем 31, кроме обычной печи, оказались связанными еще три большие круглые печи, внутренний диаметр которых 1.4—1.6 м. Низ этих печей вырезан в материке, а верхние части глинобитные. Печи расположены вне жилища, но одна из них устьем выходит внутрь помещения. В подах этих печей найдено много керамики, а в заполнении — шлак, крицы, уголь. В самом жилище (в отличие от всех остальных жилищ данного поселения) также найдено много железного шлака и крицы. В жилище 5 северо-западный угол, где обычно стоит печь, занят ямой, а печь расположена в северо-восточном углу. Пол этого жилища разделен на три горизонта: середина лежит на 12—16 см ниже, чем северная и южная его трети.

В нескольких жилищах обнаружены следы сгоревшего дерева вдоль стен. Кое-где удалось определить, что это были плахи. Найдены также куски глиняной обмазки.

6. Болшев. У с. Болшева на поселении Болшев I в 1961—1962 гг. было раскопано 5 раннеславянских полуземляночных жилищ.[8] Они расположены в два ряда, в плане близки к квадрату со сторонами от 2.8 до 4.4 м; глубина их 40—50 см. Печи-каменки находятся в углах или же ближе к середине помещения. Нижняя часть печей сложена из мергельных плит, а верх — из мелких камней. Размер печей от 0.8×1.0 до 1.0×1.3 м.

На поселении Болшев II в 1962—1964 гг. были раскопаны 4 раннеславянские полуземлянки. Размер их сторон от 2.2 до 3.6 м, глубина до 1 м. Пол жилищ хорошо утрамбован. В трех жилищах в углах стояли печи-каменки, а в четвертом — очаг (хотя возможно, что это остатки разрушенной печи). Печи сложены из кусков камня-песчаника и железной руды, причем низ — из крупных плит, а купол — из мелких камней. Поды подмазаны глиной и включают камни, плотно подогнанные один к другому.

7. Демьянов. В 1962 г. на поселении у с. Демьянова были раскопаны 3 жилища VI—VII вв.[9] Это полуземлянки, в плане близкие к квадрату, с размером сторон от 3.7 до 4.6 м, глубиной около 70 см. Они ориентированы углами по странам света; в северном углу каждого жилища расположена печь, сложенная из мелких камней (песчаник) и кусков болотной руды. Печи обращены устьем к юго-востоку и отстоят от земляных стенок котлованов не менее чем на 20—40 см. Поды печей находятся на уровне пола жилищ; они подмазаны глиной и включают плоские камни.

---

[8] Крушельницька Л. І. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів у 1961 р. — МДАПВ, вып. 5, 1964, с. 133; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 143.

[9] Баран В. Д. 1) Некоторые итоги изучения раннеславянских древностей Верхнего Поднестровья и Западной Волыни. — Archeologické rozhledy, Praha, 1968, XX, 5, p. 586; 2) Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 161.

В жилищах имеются столбовые ямы, по одной-две в каждом жилище. Расположены эти ямы не в углах, а у середины стен.

8. Звиняч. В 1964 г. на поселении у с. Звиняч была раскопана полуземлянка VI—VII вв.[10] Размер ее 3.2×2.5 м, стенки отвесные, пол ровный, утоптанный. Жилище ориентировано углами по странам света. Печь, сложенная из камней (песчаник), расположена в восточном углу. Под печи подмазан глиной и несколько заглублен к середине (до 15 см).

9. Колодрибка. В 1967 г. на поселении у с. Колодрибки раскопано полуземляночное жилище VI—VII вв.[11] Оно ориентировано сторонами по странам света и имеет размер 4.0××3.6 м. Печь-каменка расположена в северо-западном углу. Под печи овальный (80×90 см), находится на уровне пола жилища.

10. Зеленый Гай. На славянском поселении V—VII вв. в с. Зеленый Гай в 1966—1967 гг. раскопано 8 полуземляночных жилищ.[12] Они расположены на склоне, слегка понижающемся к югу и юго-западу, ориентированы углами по странам света. Площадь их от 8.7 до 17.2 кв. м, размер сторон от 2.9 до 4.2 м, глубина от 0.4 до 0.9 м. Стенки жилищ отвесные, полы ровные. В углах и у середины двух противоположных стен имеются столбовые ямы. В некоторых жилищах столбовые ямы находятся у середины всех четырех стен. Глубина столбовых ям от 8 до 33 см, диаметр 20—45 см. Столбовые ямы у середины стен иногда имеют не круглую, а удлиненную форму.

Печи расположены большей частью в восточном, реже в северном углу. Они сложены в нижней части из крупных камней и плит, выше — из более мелких. Печи подковообразные или квадратные в плане, размером приблизительно 60××60 см. Поды их из плит или подмазаны глиной, расположены на уровне пола жилищ. В одном жилище (площадью 3.3×2.9 м) вместо печи имелся очаг.

В. Д. Баран отметил, что в двух жилищах (3 и 8) выявлены расширения, которые могли быть входами. Однако форма этих расширений мало напоминает входные устройства. Более вероятно, что остатками входа является небольшая изогнутость юго-западной стены в жилище 6. Если это так, то печь в нем стоит в правом дальнем от входа углу и направлена устьем к входу.

11. Горошево. На многослойном поселении у с. Горошева на Днестре в 1970—1971 гг. были обнаружены остатки нескольких раннеславянских полуземляночных жилищ.[13] Площадь их от 12 до 16 кв. м. В углах стояли печи-каменки.

В одном случае около разрушенной печи на материке находилась большая жаровня (диаметром 1.35 м). Толщина ее днища 6 см, толщина бортиков 8 см, высота бортиков 15 см.

12. Перебыковцы. В 1970 г. были проведены раскопки у с. Перебыковцы.[14] У подножия городища, в урочище Цегельня, раскопаны две полуземлянки. Одна из них имеет размер 4.1×3.8 м и глубину 1.1 м. Сохранились остатки сгоревшей деревянной обшивки стен. В юго-восточном углу расположена прямоугольная печь-каменка размером 1.7×2.2 м. Толщина стенок печи 1 м, размер топочной камеры 65×55 см.

Второе жилище значительно меньше — 2.9××2.4 м; глубина его 0.75 м. В юго-западном углу обнаружен сложенный из камней очаг (может быть, остатки печи?). Рядом находится несколько приподнятая над полом глиняная площадка, вымощенная камнем.

В урочище Лука в обрезе берега также обнаружены остатки полуземлянок. Раскопано одно жилище площадью 16 кв. м, глубиной 1.3 м. В северо-восточном углу — квадратная печь-каменка (1.8×1.8 м). Размер топочной камеры 80×50 см. Одна из стенок печи обмазана глиной. Судя по расположению столбовых ям и найденному в жилище заполнению, крыша была двускатной (предположение Б. А. Тимощука), из жердей, поверх которых лежал слой глины толщиной до 20 см.

Жилища относятся к VI—VII вв.

13. Глубокое. На поселении у с. Глубокого раскопками 1965—1969 гг. вскрыто 25 жилищ; 9 из них относятся к VI—VII вв.[15] Это полуземлянки, ориентированные большей частью сторонами по странам света и имеющие очень небольшую глубину (менее 50 см). Жилища прямоугольные в плане, в большинстве близкие к квадрату. Размер их сторон от 3 до 4 м. Два жилища вытянуты в плане — 3.6×2.6 и 5.4××4.2 м. В углах расположены печи-каменки, под которых находится на уровне пола или на небольшом материковом возвышении (высотой до 15 см). Судя по развалам печей, они стояли неплотную к земляным стенкам котлованов, а несколько отступя от них. В большинстве жилищ печи находятся в северо-восточном углу. Пол жилищ материковый, кое-где подмазанный глиной. Столбовых ям не имеется, кроме одного жилища (25), в котором прямоугольные в плане столбовые ямы есть во всех углах и у середины трех стен. В южной стене этого жилища, напротив печи, расположены две дополнительные круглые ямы, по-видимому отмечающие место входа.

14. Задубровка. У с. Задубровки близ г. Черновцы, в урочище Гортопы, на поселении VI—VII вв. при прокладке дороги было выявлено полуземляночное жилище, ориентированное сто-

---

[10] Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 167.

[11] Там же, с. 194.

[12] Баран В. Д. 1) Раньослов'янське поселення у с. Зелений Гай на Дністрі. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971, с. 121; 2) Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 170.

[13] Пачкова С. П. Раскопки у с. Горошева на Днестре. — АО 1971 г., 1972, с. 336.

[14] Тимощук Б. А. 1) Славянские памятники Перебыковской излучины Днестра. — АО 1970 г., 1971, с. 292; 2) Археологічні пам'ятки Чернівецької області. Чернівці, 1970, с. 29.

[15] Вакуленко Л. В. Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 242.

ронами по странам света.[16] От него сохранился лишь один северо-восточный угол, в котором стояла печь-каменка. Печь имела форму, близкую к прямоугольнику, и была сложена из довольно крупных и большей частью плоских камней, без всякого связующего (рис. 1). Материковый овальный под печи имел размер 55×70 см; он располагался на уровне пола жилища и был прожжен

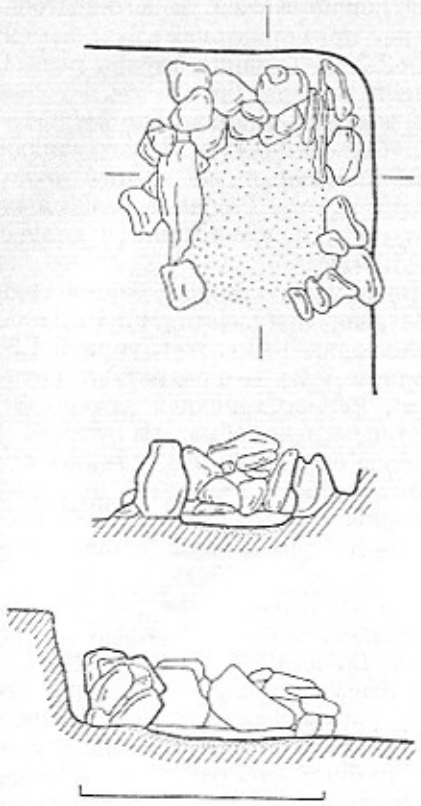


Рис. 1. Печь-каменка. Задубровка. (Отряд по изучению жилищ 1967 г. П. А. Раппопорт).

на глубину 4—5 см. На поду сохранился слой слежавшейся золы.

Жилище было расположено на склоне. В верхней части склона его глубина от уровня материка равнялась приблизительно 45 см, а в нижней части должна была быть совсем незначительной.

На этом же поселении выявлены остатки еще почти двух десятков полуземляночных жилищ.

15. Пригородок. На селище VI — VII вв. у с. Пригородка раскопано одно полуземляночное жилище.[17] Оно ориентировано сторонами по странам света и имеет размер 3.1×2.2 м. Заглублено жилище на 60 см от уровня древней поверхности. В северо-восточном углу стоит печь-каменка. Ее материковый под в средней его части врезан на 25 см ниже уровня пола. У южной и западной стен расположено по одной столбовой яме, отстоящей на 15 см от земляных стенок котлована. С запада имеется вход шириной 90 см.

16. Городок. В 1966—1968 гг. на поселении VI—начала VIII в. у с. Городка (близ с. Мархлевки) на правом берегу р. Смотрич было раскопано 27 жилых и 5 хозяйственных сооружений.[18] Все жилища полуземляночного типа, заглубленные от уровня древней поверхности от 0.4 до 1.0 м, в плане прямоугольные, близкие к квадрату, площадью от 9 до 18 кв. м. Величина их сторон чаще от 3.0 до 4.0 м, хотя изредка встречаются как меньшие постройки (например: 3.1××2.9, 3.2×2.5, 3.0×2.4 м), так и несколько большие (4.4×4.0, 4.3×4.0, 4.5×3.8 м). Земляные стенки котлованов вертикальные, пол ровный, хорошо утрамбованный, а в некоторых случаях подмазанный глиной.

Большинство жилищ не имеет ям от столбов, лишь в некоторых обнаружены единичные столбовые ямы. В одном жилище (10) сохранились остатки обгорелого сруба стен, в нескольких — отмечено наличие древесного угля или даже обгорелых бревен и плах от верхних частей построек, а также кусков глиняной обмазки.

Жилища ориентированы сторонами по странам света. В углу почти каждой постройки (большей частью в северо-восточном) расположена печь-каменка. В трех жилищах печь размещена не в в углу, а почти в центре помещения. Лишь в двух жилищах вместо печей обнаружены очаги из мелких камней (возможно, эти очаги являются сильно разрушенными печами). Под печей находится на уровне пола или на материковом останце высотой до 0.2 м. В нескольких случаях печи сохранились настолько хорошо, что уцелели их куполообразные своды, сложенные из камней без связующего. Высота топки около 70 см. Для постройки печи использовались более крупные камни для низа и более мелкие для верха. В стенки некоторых печей были вложены (в качестве строительного материала) обломки каменных жерновов. Размер печей от 0.8×1.0 до 1.1××1.3 м. Поды их большей частью подмазаны глиной. В нескольких случаях отмечено, что в поды были вмазаны куски трипольской керамики.

В пяти жилищах удалось выявить входы в виде расширения или ступеньки, иногда вымощенной плоскими камнями. Входы всегда расположены напротив печи. В трех жилищах вдоль одной или двух стен имеются земляные приступки шириной около 60 см, высотой до 40 см.

Расположенные рядом с жилищами хозяйственные постройки прямоугольные в плане, наземн-

[16] Поселение было обнаружено Б. А. Тимощуком в 1967 г. Жилище доследовано в том же году Отрядом по изучению жилищ (начальник отряда — П. А. Раппопорт).

[17] Тимощук Б. О., Приходнюк О. М. Раньослов'янські пам'ятки VI—VII ст. в Середньому Подністров'ї. — В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 71.

[18] Винокур И. С., Приходнюк О. М. Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 227; Тимощук Б. О., Приходнюк О. М. Раньослов'янські пам'ятки VI—VII ст. в Середньому Подністров'ї, с. 74; Приходнюк О. М. 1) Раньослов'янські старожитності третьої чверті I тисячоліття н. е. на Поділлі. — В кн.: Матер. третьої Подільськ. іст.-краезнавчої конф. Львів, 1970, с. 131; 2) Раньослов'янське житло на Поділлі. — Археологія, 1971, № 3, с. 26.

ные или углубленные в грунт. За пределами жилищ имеются хозяйственные ямы и очаги, по-видимому для приготовления пищи в летнее время.

Жилище 1 представляло собой двухкамерное сооружение. Оно состояло из полуземлянки с печью и очагом, а также второго помещения, не заглубленного в землю и лишенного печи. Стены наземной постройки, очевидно, имели столбовую конструкцию, так как сохранились ямы от столбов диаметром 7—12 см, расположенные на расстоянии 25—50 см одна от другой. Здесь же найдены многочисленные куски глиняной обмазки с отпечатками бревен или столбов.

17. Купин. На урочище Кулан на правом берегу р. Смотрич в 1966 г. было обнаружено славянское поселение VI—VII вв.[19] Здесь раскопано одно полуземляночное жилище, ориентированное сторонами по странам света, размером 3.0×2.1 м. В северо-восточном его углу обнаружены остатки печи-каменки. Размер пода печи 55×35 см, а приподнят он над полом на 20 см. У южной стены сохранились следы еще одной печи.

Второе славянское поселение того же времени отмечено в урочище Бересты. Здесь также вскрыты остатки полуземлянки.

18. Устье. У с. Устье раскопками 1968 г. выявлено 7 полуземляночных жилищ VI—VII вв.[20] Жилища в плане прямоугольные, близкие к квадрату; их размер от 3.7×3.6 до 4.0×3.5 м. Ориентированы жилища сторонами по странам света. В пяти жилищах в углах имеются печи-каменки, а в двух вместо печей — очаги.

19. Лука-Врублевецкая. При раскопках многослойного поселения в Луке-Врублевецкой в 1946 и 1948 гг. были обнаружены две печи-каменки, датированные М. А. Тихановой на основании найденной здесь керамики VI—VII вв.[21] Одна из печей прямоугольная в плане; размер ее сторон 1.25×1.35 м. Задняя стена имеет толщину 60 см, боковые по 35—40 см. Под материковый. Печь сложена из крупных камней без связующего. Вторая печь оказалась худшей сохранности. Она была сложена из более мелких камней, также без связующего. Соотношение печей с жилищами установить не удалось.

20. Студеница. В 1964 г. И. С. Винокур раскопал на правом берегу Днестра остатки полуземляночного славянского жилища VI—VII вв.[22]

21. Бакота. Близ с. Бакоты раскопками 1969 г. выявлены 4 жилища VI—VII вв.[23] Это полуземлянки, ориентированные углами по странам света, с печами-каменками в углах. Жилища прямоугольные, размером от 3.7×2.6 до 4.0×2.7 м.

В 1971 г. здесь были вскрыты еще 2 полуземляночных жилища этого времени.[24] Они также прямоугольные, с печами-каменками в углах, но ориентированы по странам света не углами, а сторонами. Размер жилищ 3.7×2.4 и 3.5×2.8 м.

22. Хуча. В Молдавии, на славянском поселении Хуча, раскопано 5 полуземлянок (рис. 2).[25] Жилища близки к квадрату и имеют площадь от 7.8 до 11.4 кв. м. Они заглублены в материк на 30—40 см; стороны ориентированы большей частью по странам света. В одних жилищах есть столбовые ямы, в других их нет. Кое-где вдоль земляных стенок обнаружены остатки дерева от стен жилища. В северо-западном углу каждого жилища стояла печь-каменка прямоугольной или подковообразной формы, размером от 1.0×1.0 до 1.4×1.4 м. Овальный под печей подмазан глиной на толщину до 6 см. Стенки печей сложены из кусков известняка; в одних случаях куски довольно мелкие, в других — крупные внизу и более мелкие выше. Щели некоторых печей замазаны глиной и забиты кусками горшков. В двух жилищах в развале печей найдены обломки толстостенных прямоугольных жаровень из рыхлой глины с примесью соломы. Видимо, эти жаровни были укреплены на своде печей.

Рядом с жилищами имелись хозяйственные ямы и очаги — сильно обожженные каменные вымостки круглой или овальной формы. Кроме жилищ, раскопаны две полуземлянки производственного назначения.

23. Малаешты. У с. Малаешты было обнаружено славянское поселение, которое авторы раскопок датируют второй половиной VI—VII в. Здесь прослежены остатки 22 полуземляночных жилищ, три из которых были раскопаны.[26] Жилища прямоугольные, близкие к квадрату. Жилища 9 и 10 заглублены в материковый грунт примерно на 90 см и имеют стороны от 3.4 до 3.9 м. Столбовых ям в жилищах нет. Жилище 3 меньше (2.8×2.1 м), заглублено в материковый грунт всего на 30—40 см и имеет в углах столбовые ямы, а у стен остатки сгоревших досок.

Все жилища ориентированы сторонами по странам света и имеют в юго-западном углу печь-каменку. Печи, приблизительно прямоугольные снаружи, расположены не вплотную к земляным стенкам, а с небольшим отступом. Размер печей от 60×80 см до 1.2×1.2 м. Сложены печи из камней без связующего. Под их материковый, расположен на уровне пола жилищ или слегка врезан в пол.

24. Реча. На славянском селище VI—VII вв. близ с. Реча при строительстве плотины было уничтожено пять полуземляночных жилищ.

---

[19] Тимощук Б. О., Приходнюк О. М. Ранньослов'янські пам'ятки VI—VII ст. в Середньому Подністров'ї, с. 71.

[20] Приходнюк О. М. Раннеславянские поселения в Среднем Поднестровье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 224.

[21] Тиханова М. А. О раннеславянском поселении в Луке-Врублевецкой. — КСИА, вып. 125, 1971, с. 7.

[22] Тимощук Б. О., Приходнюк О. М. Ранньослов'янські пам'ятки VI—VII ст. в Середньому Подністров'ї, с. 74.

[23] Приходнюк О. М. Раннеславянские поселения в Среднем Поднестровье, с. 225.

[24] Винокур И. С. Поселение у с. Бакота на Днестре. — АО 1971 г., 1972, с. 365.

[25] Рафалович И. А. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. — КСИА, вып. 105, 1965, с. 123.

[26] Бырня П. П., Дергачев В. А. Раннеславянское селище «Старые Малаешты». — В кн.: Матер. и иссл. по археол. и этногр. Молдавской ССР. Кишинев, 1964, с. 221.

В 1966 г. здесь удалось раскопать два жилища.[27] Жилище 1 представляет собой квадратную полуземлянку (3×3 м), врезанную в материковый грунт до 30 см. Полуземлянка ориентирована сторонами по странам света. Стенки ее отвесные, пол ровный, плотно утрамбованный. В юго-западном углу, несколько отступя от земляных стенок, расположена печь-каменка, сложенная из кусков рваного известняка. Печь обращена устьем к северу; она прямоугольная в плане, раз-

того, обнаружены хозяйственные ямы и очаги. Жилища приблизительно квадратные в плане, заглублены в материк в среднем на 50—60 см; площадь их колеблется в пределах от 11.5 до 21 кв. м. Столбовых ям нет. Ориентированы жилища по-разному, но преобладает ориентация сторонами по странам света.

В восточной части жилищ (т. е. в северо-восточном или юго-восточном углу) расположены печи-каменки, обращенные устьем в западную

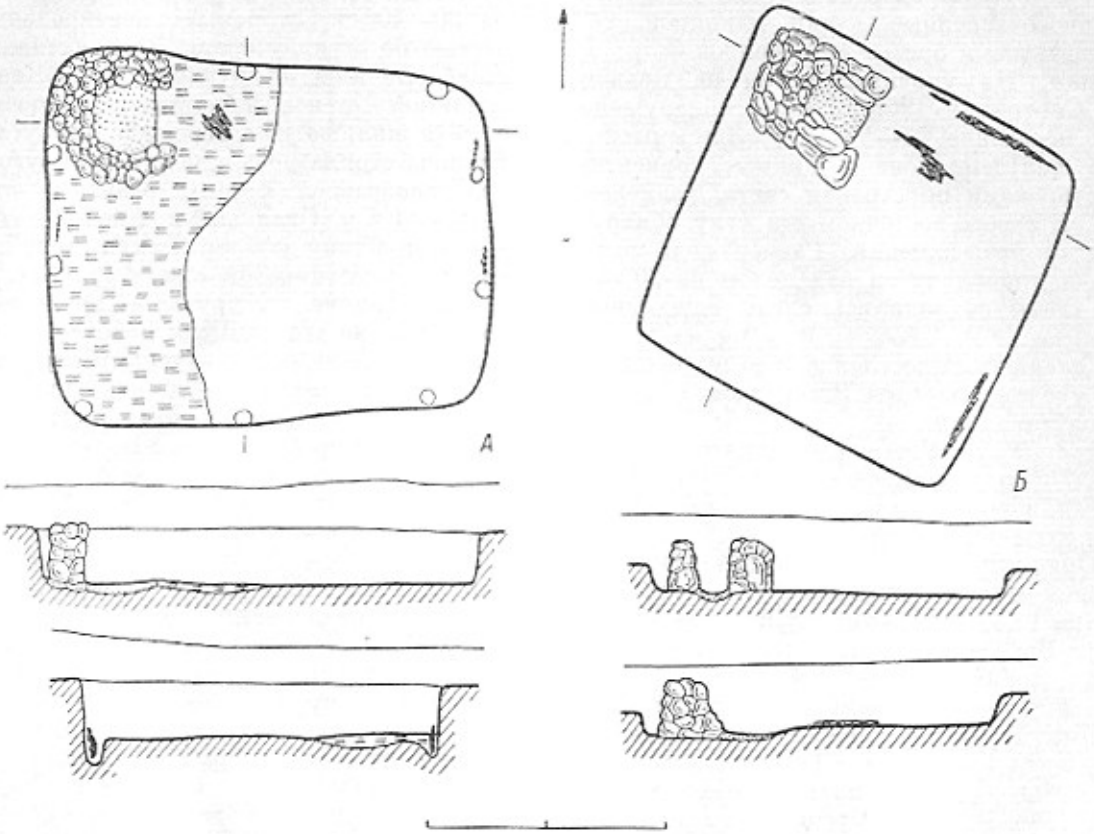


Рис. 2. Хуча. (Отряд Прутско-Днестровской экспедиции. И. А. Рафалович).
А — жилище 3/3 (1962 г.); *Б* — жилище 5/4 (1963 г.).

мером 1.2×1.0 м. Под печи глиняный, имеющий два слоя подмазки, расположен на уровне пола жилища.

Столбовых ям в жилище нет. Вдоль стенок сохранились следы сгоревших плах, возможно от сруба. У восточной стенки печи имеется ямка от столбика, а близ устья — квадратная яма (60×60 см) глубиной 25 см.

От второго жилища сохранился только юго-западный угол с печью-каменкой. По-видимому, это жилище полностью совпадало по устройству с жилищем 1.

25. Ханска. На поселении Ханска II в 1964—1965 гг. раскопано 14 жилых и 4 хозяйственные полуземлянки (рис. 3, 4).[28] Между ними, кроме

сторону. Печи сложены из известняковых камней, крупных в основании и более мелких в верхней части. Щели между камнями кое-где забиты фрагментами керамики. В одном из жилищ стенки топки печи облицованы поставленными на ребро плитами. Печи имеют прямоугольную или подковообразную в плане форму и размеры от 70×70 до 140×140 см. Поды печей лежат на уровне пола или слегка заглублены в него; они материковые, смазаны слоем глины толщиной до 7 см. В некоторых жилищах в полу вырыты хозяйственные ямы. В жилище 6 с запада имеется вход в виде вытянутого и слегка опускающегося коридорчика. Печь в этом жилище стоит напротив входа и обращена устьем к нему. В нескольких жилищах найдены обломки глиняных жаровень, некогда, видимо, стоявших на печах. Жаровни изготовлены из глины с большой примесью соломы. Высота их бортов от 7 до 10 см. В жилище 11 основание печи вырезано в материковом останце, а свод был, по-видимому, глиняным.

[27] Рафалович И. А. Раннеславянское поселение VI—VII вв. у с. Реча в Молдавии. — В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 181.

[28] Рафалович И. А. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска. — КСИА, вып. 113, 1968, с. 94.

В жилище 8 в западном углу оставлено небольшое возвышение материка, в котором (в самом углу жилища) сделано углубление диаметром 70 см, глубиной до 45 см. Стенки этой ямы сильно обожжены. Имела ли эта печь какие-либо верхние части или была открытым очагом, неясно.

Поселение датируется VI—VII вв. В 1970 г. здесь была раскопана еще одна полуземлянка с печью-каменкой.[29] Свод печи сложен из обожженных глиняных вальков-конусов; на печи стояла большая глиняная жаровня. Жилище имело у входа расширение типа тамбура.

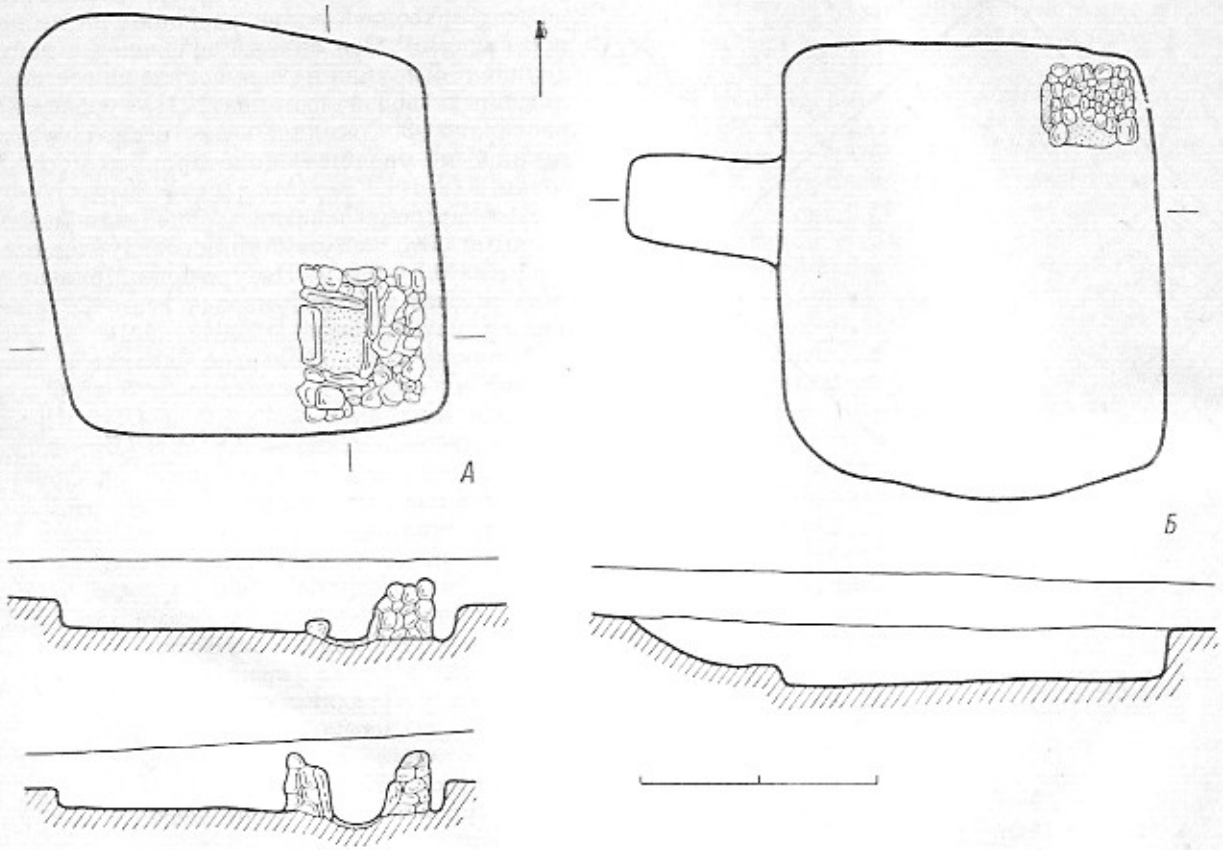


Рис. 3. Ханска. (Отряд Прутско-Днестровской экспедиции 1964 г. И. А. Рафалович).
А — жилище 1; *Б* — жилище 6.

26. Самчинцы. Поселение расположено на острове и очень невелико по площади. Оно имело, по-видимому, около 20 жилищ; из них раскопано 14.[30] Все они — прямоугольные полуземлянки, углубленные на 20—70 см от древнего уровня поверхности. Размер их сторон от 3.3 до 4.1 м, и лишь в одном жилище стенка имеет в длину 5.25 м. Столбовых ям нет. В нескольких жилищах сохранились остатки сгоревшего дерева от стен или верхних частей. В одном случае удалось определить, что это были бревна диаметром около 20 см. В жилище 7 вблизи одного из углов печи сохранилась часть горелого сруба стены. Ориентация жилищ различная.

Печи-каменки, сложенные без связующего, расположены в углах. Они прямоугольные в плане, несколько отстоят от земляных стенок. Высота печей до 80 см, толщина их стенок от 30 до 45 см. В жилище 14 сохранился свод печи; высота топки здесь 40 см. Поды материковые, расположенные на уровне пола. Иногда они подмазаны глиной или вымощены гранитными плитами. Размер пода от 75×35 до 95×70 см.

Обнаружены 2 хозяйственные постройки. Они несколько больше, чем жилища, и не имеют печей.

27. Семенки. В 1959—1962 гг. было полностью раскопано поселение у с. Семенки.[31] Здесь было вскрыто 29 жилищ и 8 хозяйственных сооружений. Выяснилось, что жилища относились к двум этапам жизни на поселении, разделенным периодом запустения последнего.[32] Жилища первого этапа могут быть датированы VI в., а второго — VI—VII вв.

Верхний слой поселения, а следовательно, и жилища, относящийся ко второму этапу, без

[29] Хынку И. Г., Никулицэ И. Т., Рафалович И. А., Рикман Э. А., Лапушнян В. Л. Исследование памятников у с. Ханска в Молдавии. — АО 1970 г., 1971, с. 360.

[30] Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, № 108, 1963, с. 342. — П. И. Хавлюк датирует это поселение VII в.

[31] Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга, с. 321.

[32] Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 197.

сомнения является славянским. Жилища эти — полуземлянки, близкие к квадрату. Размер их сторон от 3.2 до 4.7 м, а глубина от 0.5 до 0.8 м. В них нет столбовых ям. В некоторых жилищах найдены остатки обгорелых дубовых бревен сруба. В одном жилище обнаружены также рухнувшие обгорелые части крыши. Печи-каменки расположены в углах жилищ и большей частью имеют прямоугольную в плане форму. Их размер от 1.3×1.3 до 1.5×1.6 м. Нижние части печей

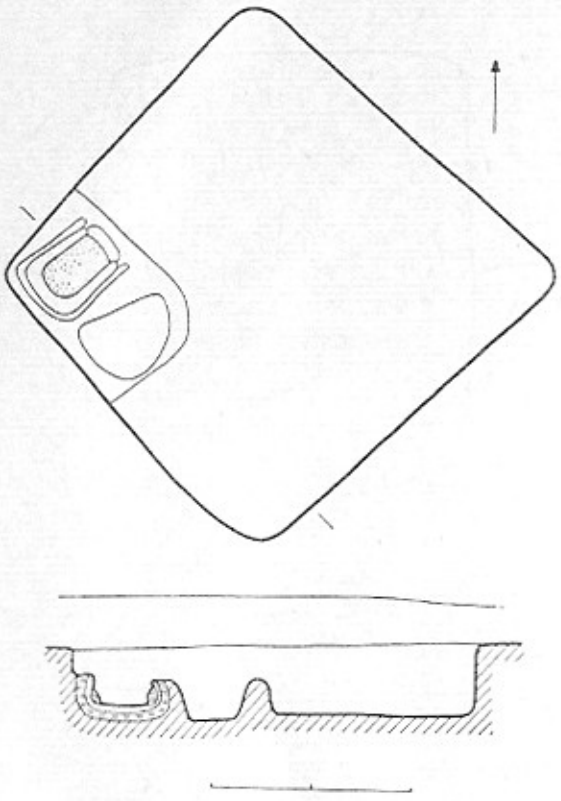


Рис. 4. Ханска. (Отряд Прутско-Днестровской экспедиции 1964 г. И. А. Рафалович).
Жилище 11.

сложены из крупных камней, а верхние из более мелких. Печи построены без всякого связующего. Поды их лежат на уровне пола; они обычно материковые, иногда подмазанные глиной или выложенные крупными камнями. Размер подов печей от 0.75×0.35 до 1.0×0.5 м. Между печами и земляными стенками котлованов всегда есть свободное пространство. Отмечено, что стенки печей, примыкающие к стенкам сруба жилища, имеют почти вдвое большую толщину (до 80 см), чем стенки, обращенные к середине помещения. В одном жилище сохранился каменный свод печи; высота топки около 50 см.

Кроме жилищ, на поселении раскопаны хозяйственные сооружения. Они прямоугольные, слегка углубленные в землю, примерно такой же величины, как жилища, или немного больше. Между жилищами обнаружено много хозяйственных ям, большей частью овальных в плане. Ямы довольно большие по площади (в среднем 1.5×1.2 м), но неглубокие (от 40 до 70 см).

28. Кочуров. В 1965—1966 гг. на поселении у с. Кочурова было раскопано пять жилищ, относящихся к концу VII—началу VIII в.[33] Жилища полуземляночные, в плане близкие к квадрату, со сторонами от 3.0 до 4.4 м. Глубина их в материке различная — от 0.1 до 1.0 м. В углах стоят печи-каменки. Одно жилище имеет несколько меньшие размеры и вытянутую форму — 3.4×2.4 м. Печь в этом жилище также из камней, но свод ее был сделан из глины.

29. Пеньковка. Близ с. Пеньковки были проведены археологические раскопки на нескольких поселениях.[34] Все они расположены в пойменной долине р. Тясмина на невысоких, но все же не заливаемых водой останцах. На урочище Луг 1 раскопано 30 жилищ, по нескольку жилищ вскрыто на урочище Молочарня и у с. Андрусовки.

Все жилища оказались более или менее однородными. Это полуземлянки, заглубленные в материк на 0.5—1.0 м. На урочище Молочарня глубина жилищ меньше, иногда всего 20 см. Полы жилищ материковые.

Жилища прямоугольные, близкие к квадрату. Размер их сторон в основном от 3 до 4 м. Самое большое жилище — 4.4×4.0 м (Луг 1, жилище 11), самые маленькие — 2.8×2.8 (Луг 1, жилище 22) и 2.6×2.5 м (Луг 1, жилище 25). Обнаружено одно жилище еще меньшего размера — 2.5×2.3 м (Луг 1, жилище 2), но оно, возможно, имело какой-то иной характер, поскольку вместо печи в нем был открытый очаг в виде небольшого углубления, обложенного камнями. Во всех остальных жилищах имеются печи-каменки. Печи стоят в углах (кроме жилища 17, где печь находится у середины стены, — Луг 1). Все они сложены из камней без всякого связующего. Снаружи печи прямоугольные, размером от 1.0×0.8 до 1.75×1.4 м или 1.6×1.5 м. Стоят они на уровне пола. Поды печей также большей частью прямоугольные, материковые, иногда выложенные камнями или — еще реже — подмазанные глиной. В жилище 6 (Луг 1) вместе с камнями в вымостке пода обнаружены черепки. Размер подов от 60×30 см до 1.0×0.8 м. Стенки топки печей выложены из довольно крупных камней, а своды — из более мелких. Щели между камнями обычно забиты щебнем или черепками. Кроме камней, при строительстве печей использовали обломки жерновов. Отмечено, что на урочище Молочарня печи состоят из более мелких камней и выполнены менее тщательно, чем на других поселениях. В жилище 5 (Луг 1) определена высота печи — 90 см. Кое-где близ печей имеются ямки от кольев, укреплявших печь. На поселении Луг 1 в двух случаях найдены обломки крупных глиняных жаровень, возможно стоявших на печах.

[33] Там же, с. 193.

[34] Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, № 108, 1963, с. 146. — Автор раскопок датирует эти поселения следующим образом: Молочарня — VII в., Луг 1 и Андрусовка — конец VII—первая половина VIII в. (там же, с. 192). Поселения на соседних урочищах Луг 2 и Макаров Остров относятся к несколько более позднему времени.

В некоторых жилищах имеются столбовые ямы. Ямы в углах жилищ круглые, а ямы у середины стен — продолговатые. Отмечено, что столбовые ямы, как и печи, отстоят от земляных стенок котлованов примерно на 10—12 см. В тех же жилищах, где вовсе нет столбовых ям, печи отстоят от земляных стенок на 30—35 см. Лишь в редких случаях печи примыкают к земляным стенкам вплотную.

В жилище 26 (Луг 1) вдоль стены тянется материковый приступок шириной 35 см, высотой 35—40 см; в этом жилище в полу обнаружено несколько ямок, заполненных чистой глиной, видимо для каких-то производственных нужд.

В нескольких жилищах определено положение входов. Они отмечены либо ступеньками из камней (Луг 1, жилище 4), либо небольшими выемками (типа ступеньки) в материке (Луг 1, жилище 16). По-видимому, о наличии входа свидетельствуют и дополнительные столбовые ямы у одной из стен (Луг 1, жилище 26). Во всех случаях вход расположен так, что печь стоит в заднем углу и повернута устьем ко входу, но в двух случаях она стоит в правом углу, а в одном — в левом.

Ориентация жилищ на поселениях различная в зависимости от местных условий. Печи чаще расположены в северной половине жилищ, а все входы ведут с юга.

30. Киев. На северо-восточной окраине Киева, в урочище Луг, на берегу Почайны при раскопках поселения зарубинецкой культуры в 1969 г. были раскопаны два жилища, относящихся, судя по керамике «пражского типа», к VI—VII вв.[35] Жилища полуземляночные, углубленные на 30—50 см. Одно из них квадратное (3.2×3.2 м), второе несколько удлиненное (3.6×3.1 м). Первое жилище погибло от пожара, и на месте его стен сохранилось скопление сгоревшей лозы; это дало основание автору раскопок считать, что стены имели деревянный каркас, оплетенный лозой и обмазанный глиной. Во втором жилище в двух углах сохранились столбовые ямы. В северо-восточных углах жилищ были расположены печи, сложенные в одном случае из крупных камней, а в другом — из камней и гальки. В стенках печей, кроме камней, найдены крупные обломки горшков. Печи отстояли от земляных стенок на 10 см.

В 1971 г. здесь было раскопано еще одно полуземляночное жилище этого же времени.[36] Размер жилища 4.7×3.3 м, глубина 30 см. В северо-восточном углу стояла печь-каменка, обращенная устьем на запад. Между печью и земляными стенками оставалось свободное пространство шириной до 60 см. Найдены обожженные глиняные вальки. В юго-восточном углу жилища была одна столбовая яма.

31. Корчак. Близ с. Корчака были проведены раскопки на нескольких славянских поселениях VI—VII вв. На поселении Корчак I в 1960 г. вскрыто 12 полуземляночных жилищ.[37] Жилища прямоугольные, близкие к квадрату, заглубленные в материковый грунт на 0.7—1.0 м. Размер их стен от 2.8 до 4.2 м; самое крупное жилище — 4.2×4.1 м, самое маленькое — 2.8×2.6 м. Пол земляной, лишь в одном случае (жилище 12) подмазанный глиной. В большинстве жилищ обнаружены столбовые ямы двух типов. Угловые ямы имеют значительный диаметр (от 30 до 60 см), небольшую глубину (иногда они не заглублены даже ниже уровня пола) и выступают за контуры жилищ. Ямы, расположенные не в углах, а вдоль стен, имеют малый диаметр и отстоят от земляных стенок на 10—50 см.

Почти все жилища ориентированы сторонами по странам света с небольшими отклонениями. В северо-восточном углу каждого жилища расположена печь-каменка. Единственным исключением является жилище 11, где печь стоит в северо-западном углу. Печи сложены из камней без всякого связующего. В плане они прямоугольные или подковообразные. Печи отстоят от земляных стенок на 10—20 см. Устьем (ширина устья 40—60 см) печи большей частью повернуты по диагонали, т. е. к центру жилища. Близ устья часто имеются ямки от небольших столбиков. В развалах печей были найдены глиняные вальки-конусы. Поды печей находятся на уровне пола жилища; диаметр пода около 60 см.

В жилищах 2 и 11 автор раскопок отмечает наличие широких ступенек у юго-западной стены. Они могли служить входами, хотя более вероятно, что это просто земляные приступки, которые часто встречаются в полуземлянках. У середины юго-западной стены жилища 7 имеются две столбовые ямы; они расположены не в дне котлована, а на его борту близ самого края и могут быть остатками ограждения входа. Во всех этих случаях печь стоит в левом заднем от входа углу. Впрочем, в жилище 8 остатки таких двух столбов имеются в юго-восточной стене, а в жилище 2 две подобные ямы найдены в полу также у юго-восточной стены. Если такие ямы отмечали место входа, то тогда печь стояла не в левом, а в правом заднем углу.

В 1963 г. было раскопано 16 жилищ на поселении Корчак VII.[38] Все они — полуземлянки, заглубленные в материковый грунт на 40—60 см. Одни жилища заглублены меньше (всего на 20—25 см), другие больше (до 95 см). Длина стен жилищ от 3.0 до 4.0 м, лишь в одном случае она приближается к 4.4 м. Большинство жилищ ориентировано сторонами по странам света с незначительными отклонениями. В северо-восточном углу каждого жилища стоит печь-каменка с устьем, обращенным к югу. Печи не примыкали вплотную к земляным стенкам. Сложены они из довольно крупных камней без всякого связующего. В земле под печами сохранились отпечатки колышков, принадлежавших каким-то конструкциям, ве-

[35] Шовкопляс А. М. Раннеславянское поселение в Киеве. — АО 1969 г., 1970, с. 267.

[36] Шовкопляс А. М. Раскопки на Оболони в Киеве. — АО 1971 г., 1972, с. 357.

[37] Русанова И. П. Поселение у с. Корчака на р. Тетереве. — МИА, № 108, 1963, с. 39.

[38] Русанова И. П. 1) Отчет о раскопках 1963 г. — Архив Инст. археол. АН СССР, 1963/2818; 2) Славянские древности VI—IX вв. . . ., с. 32.

роятно служившим для укрепления печи. Снаружи печи имели форму, близкую к прямоугольнику; размер их топки в большинстве случаев около 40×80 см. Под печей материковый, иногда смазанный глиной или вымощенный плоскими камнями. В жилищах найдены глиняные жаровни и вальки-конусы, по-видимому использовавшиеся в строительстве печей.

В нескольких жилищах обнаружены входные устройства в виде небольшой земляной ступеньки (жилища 6 и 14) или коридора шириной около 1 м, длиной до 2 м (жилища 2 и 5). Все входы ведут с юга, со стороны реки, кроме жилища 4, расположенного на мысу, где вход также со стороны реки, но не с юга, а с востока.

В большинстве жилищ имеются столбовые ямы, часто по одной-две или три. Ямы эти большей частью расположены так, что выдаются наружу за контур жилища. Кроме ям от больших столбов, встречаются ямки от тонких столбиков или кольев.

В одном жилище (15) вдоль северной и западной стен проходят земляные приступки.

В том же 1963 г. было раскрыто 7 полуземлянок на поселении Корчак IX.[39] Жилища эти аналогичны постройкам на поселении Корчак VII. Они были такого же размера, ориентированы сторонами приблизительно по странам света и имели печь-каменку в северо-восточном углу, обращенную устьем к югу. Входы в них вели с юга.

В жилище 4 расчищена сгоревшая южная стена с остатками дерева (автор раскопок считает их досками). В этом же жилище полностью сохранилась печь, 1.1×1.4 м. Ширина устья печи 65 см, высота устья 25 см, высота свода 75 см. Под размером 60×65 см был расположен на 7 см выше пола. Между печью и земляными стенками имелось пространство: с одной стороны печи 20—25 см, с другой — до 50 см.

Кроме жилищ, на поселениях были обнаружены хозяйственные ямы и остатки наземных хозяйственных построек.

---

[39] Русанова И. П. 1) Отчет. . .; 2) Славянские древности VI—IX вв. . . ., с. 33.

ГЛАВА 2

ЖИЛИЩА VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в. (ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА)

32. Стжижов. В 1935—1939 гг. были проведены раскопки на славянском поселении близ г. Стжижова. Документация этих раскопок почти целиком исчезла во время второй мировой войны, но кое-какие общие сведения все же удалось впоследствии опубликовать.[1] На поселении было найдено несколько хозяйственных ям, одно полуземляночное сооружение, очевидно, производственного назначения и одно полуземляночное жилище. Жилище квадратное в плане, со сторонами приблизительно 3.6—3.8 м и глубиной около 1 м. Столбовых ям не обнаружено. Жилище ориентировано сторонами по странам света. В северо-западном углу, не примыкая к земляным стенкам, расположена глиняная печь, имеющая в плане очертания, как бы промежуточные между прямоугольной и подковообразной формой.

Поселение датируется VIII—X вв. В 1958 г. во время раскопок на этом же поселении было обнаружено еще одно жилище.[2] По-видимому, это полуземлянка, хотя стенки ее не удалось проследить. Судя по очертаниям пола, размер жилища 4.3×3.8 м, ориентировано оно углами по странам света. В жилище обнаружены две круглые глинобитные печи. Одна из них имела диаметр 80 см, вторая — 70 см. У второй печи сохранились глиняные стенки толщиной 5—8 см. Жилище было датировано IX в., но по наличию фрагментов круговой керамики оно скорее относится к X в.

33. Рашнев. На поселении Рашнев I было раскрыто несколько жилищ VIII—X вв.[3] Они очень плохо сохранились, но безусловно установлено, что это были полуземлянки, заглубленные от уровня древней поверхности на 0.6—1.2 м. В некоторых из них найдены куски печины от разрушенных печей. Размер сторон жилищ 3—4 м.

34. Подгорцы. На городище у с. Подгорцы, представляющем собой остатки древнего Плесненска, систематические археологические раскопки проводились в 1946—1949 и 1953—1954 гг.[4] За это время было вскрыто не менее 72 жилищ, самые ранние из которых, видимо, относятся к VIII—X вв.[5] С древнейшим периодом можно связывать 19 сооружений: 16 жилищ и 3 хозяйственные постройки.[6]

Все жилища полуземляночного типа, углубленные в материковый грунт на 0.8—1.0 м. Они прямоугольные, часто квадратные, площадью от 10 до 14 кв. м. Ряд жилищ имеет столбовые ямы; в других их нет. Печи-каменки стоят в углах. Поды их всюду на уровне пола жилищ. Встречаются (изредка) печи, врезанные в стенки. Иногда около печей-каменок имеются дополнительные столбовые ямы, очевидно от деревянного каркаса или обшивки печи. Часто встречаются небольшие предпечные ямы; кое-где в эти ямы вкопаны сосуды. Входов в жилищах не прослежено. Ориен-

---

[1] Rauhut L. Osadnictwo wczesnosredniowieczne w Strzyzowie, pow. Hrubieszow. — Wiadomosci archeologiczne, Warszawa, 1957, t. XXIV, z. 1—2, p. 113.

[2] Gajewski L., Gurba J. Sprawozdanie z prac ratowniczo-badawczych, prowadzonych w 1958 r. w Strzizowie. — Sprawozdania archeologiczne, 1960, t. X, p. 102.

[3] Захарук Ю. М., Ратич О. О. Слов'янське поселення біля с. Рішнів, Львівської області. — АП, V, 1955, с. 40; Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рашнева (Рашнев I) Львовской области. — МИА, № 108, 1963, с. 367.

[4] Сводку материалов по Плеснеску см.: Кучера М. П. Древній Пліснеськ. — АП, XII, 1962, с. 3.

[5] М. П. Кучера относит древнейший период жизни на поселении к VII—VIII вв. Однако, по-видимому, ближе к истине был И. Д. Старчук, считавший, что наиболее древний этап в жизни Плеснеска — это VIII—IX вв., как свидетельствуют комплексы, в которых наряду с круговой встречается также и лепная керамика (Старчук І. Д. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 р. — АП, III, 1952, с. 379. См. также: Раппопорт П. А. К вопросу о Плеснеске. — СА, 1965, № 4, с. 96, прим. 16). Аргументация, приведенная М. П. Кучерой в пользу своей датировки (Кучера М. П. К вопросу о Плеснеске. — СА, 1968, № 1, с. 308), малоубедительна.

[6] По классификации Кучеры, это сооружения 1-го и 2-го периодов (Кучера М. П. Древній Пліснеськ, с. 21).

тация жилищ различна. Можно отметить, что печи чаще расположены в северной половине жилищ. Хозяйственные помещения подобны жилым, но не имеют печей.

35. **Ремезовцы.** На поселении, относящемся к зарубинецкой и черняховской культурам, вскрыто одно полуземляночное жилище VIII—IX вв.[7] Оно ориентировано сторонами по странам света. Размер жилища 3.3×2.8 м. Стенки вертикальные, пол ровный. В юго-западном углу была более ранняя яма, позднее забитая глиной. На этом же месте найдены остатки печи-каменки, сложенной из камня-песчаника без употребления глины. Приблизительный размер печи 0.9×0.6 м.

36. **Крылос.** На территории древнего Галича (городище в с. Крылос) в 1971 г. раскопано полуземляночное жилище, относящееся, судя по керамике, к IX—X вв.[8] Оно ориентировано сторонами по странам света и имеет глубину 0.6—0.7 м. Размер жилища 3.6×3.4 м. Вдоль стенок на полу прослежены канавки, быть может от нижнего венца сруба. Пространство между деревянными стенами жилища и стенками котлована было, по-видимому, забито глиной, слой которой (толщиной 10—20 см) обнаружен раскопками вдоль земляных стенок. В юго-западном углу жилища стояла прямоугольная в плане печь, сложенная из крупной гальки. Размер печи 1.19×1.28 м, размер ее пода 90×40 см. Устье печи, шириной 35 см, было обращено к северу.

37. **Незвиско.** У с. Незвиско на Днестре раскопками 1953—1957 гг. был вскрыт слой славянского поселения VIII—IX вв.[9] Всего здесь раскопано 10 прямоугольных полуземляночных жилищ, заглубленных в грунт примерно на 40—70 см и имеющих площадь от 7.5 до 12 кв. м. Во многих жилищах есть столбовые ямы, в основном не более двух-трех. Найдены жилища и без столбовых ям. Никаких остатков деревянных частей жилищ не сохранилось. Полы земляные, хорошо утрамбованные, иногда подмазанные глиной.

Жилища ориентированы углами по странам света. В восточных углах расположены печи-каменки, обращенные устьем на юго-запад. Печи имеют снаружи прямоугольную форму и размер от 1.0×1.5 до 1.2×1.65 м. Высота их 45—90 см. Поды расположены на уровне пола; они плоские, иногда со впадиной посередине, подмазанные глиной. Стенки печей сложены из довольно крупных камней, а своды — из более мелких камней. Входы в жилища не определены.

Вне жилищ имеются круглые хозяйственные ямы.

38. **Митков.** К востоку от села, в урочище Стенка, расположено поселение IX—X вв.[10] В 1954 г. здесь было раскопано одно полуземляночное жилище с печью-каменкой, заглубленное в материк на 0.75 м.

39. **Баламутовка.** На селище IX—X вв. у с. Баламутовки отмечено не менее 20 пятен от жилищ полуземляночного типа.[11] Некоторые из них частично исследованы. Жилища врезаны в материк на 30—50 см. В них найдены обожженные камни от печей-каменок.

В 1 км от указанного селища, на берегу Днестра, в обрезе берега видны профили полуземляночных жилищ того же времени со следами печей-каменок.

40. **Рашков.** На поселении у с. Рашкова в 1970 г. раскопаны три полуземляночных жилища.[12] Размер их от 3.5×3.2 до 4.0×3.9 м, углы несколько скруглены. Ориентированы они сторонами по странам света. Глубина жилищ от 0.4 до 1.0 м. В одном из жилищ обнаружена печь-каменка, в двух других — очаги из камней (если только это не остатки разрушенных печей-каменок). Там же раскопана постройка несколько большего размера (6.6×4.6 м, глубина 1.1 м). Пол ее сильно утрамбован. В постройке обнаружены печь-каменка и две большие печи, вырезанные подбоем в стенке. Очевидно, эта постройка совмещала функции жилища и производственного помещения. Там же раскопано несколько четырехугольных и овальных в плане хозяйственных построек, углубленных в землю. Датируется поселение VII—VIII вв.

41. **Перебыковцы.** На городище у с. Перебыковцы в 1970 г. раскопано одно жилище столбовой конструкции, заглубленное в землю на 0.4 м.[13] Пол глиняный, в углу печь-каменка. На поселении Гренячка в обрезе берега также обнаружены остатки полуземляночных жилищ с печами-каменками. Все жилища относятся к VIII—X вв.

42. **Грозинцы.** На городище у с. Грозинцы раскопаны две полуземлянки VIII—IX вв. и одна полуземлянка несколько более позднего времени — IX—X вв.[14] Глубина жилищ 0.9—1.0 м. Стороны земляных котлованов имеют размеры от 3.0 до 3.8 м. Столбовых ям нет. В двух жилищах в углах стояли печи-каменки, а в одном (самом малом по размерам) — каменный очаг.

43. **Хотин.** Раскопано одно полуземляночное жилище IX—X вв.[15] Его размер 3.8×3.6 м,

---

[7] Баран В. Д., Цигилик В. М. Дослідження поселення першого тисячоліття н. е. у верхів'ях Золотої Липи. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971, с. 65.

[8] Аулих В. В. Археологические исследования древнего Галича. — АО 1971 г., 1972, с. 379.

[9] Смирнова Г. И. 1) Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення. — МДАПВ, вып. 2, 1959, с. 98; 2) Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. — Památky archeologicke, Praha, 1960, г. LI, č. 1, p. 222; 3) Раннеславянское поселение в с. Незвиско. — В кн.: Исследования по археологии СССР, Л., 1964, с. 210. — Г. И. Смирнова датирует 8 жилищ VIII—X вв., а 2 жилища относит к несколько более ранней поре — VII в.

[10] Тимощук Б. О. 1) Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород, 1969, с. 166; 2) Археологічні пам'ятки Чернівецької області. Чернівці, 1970, с. 35.

[11] Тимощук Б. А. Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины. — КСИИМК, вып. 53, 1954, с. 86.

[12] Баран В. Д. Раскопки славянского поселения у с. Рашков на Днестре. — АО 1970 г., 1971, с. 291.

[13] Тимощук Б. А. 1) Славянские памятники Перебыковской излучины Днестра. — АО 1970 г., 1971, с. 293; 2) Археологічні пам'ятки Чернівецької області, с. 32.

[14] Тимощук Б. А. Деревянная крепость восточных славян. — АО 1971 г., 1972, с. 375.

[15] Сведения Б. А. Тимощука.

глубина 70 см от древней поверхности. Жилище ориентировано сторонами по странам света. В северо-западном углу на небольшом глиняном останце сохранился под печи. Судя по находкам обожженных камней, печь была каменкой. В северо-восточном и юго-западном углах жилища имеются столбовые ямы.

44. **Бакота.** На левом берегу Днестра близ с. Бакоты в 1969—1971 гг. были проведены раскопки на поселении, относящемся, по-видимому, печи-каменки приблизительно прямоугольной формы.

45. **Горбово.** Близ с. Горбово на берегу р. Прут обнаружено поселение IX—X вв.[18] В обрезе берега видны полуземляночные жилища, врезанные в материк на 80 см. В углах жилищ расположены печи-каменки с глиняным подом. В 1960 г. здесь было раскопано одно жилище, заглубленное в материк на 60 см. Печь-каменка в этом жилище имела подковообразную форму.

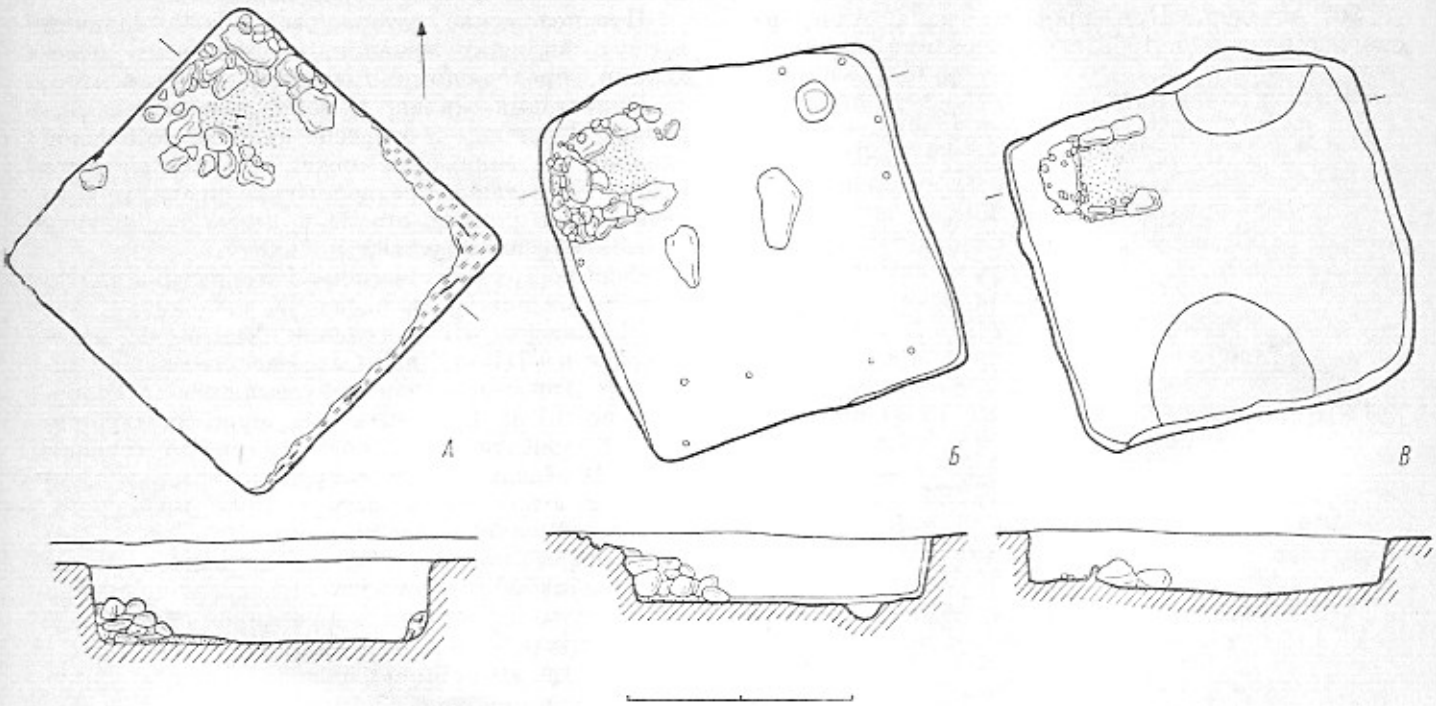


Рис. 5. Григоровка. (Юго-Подольская экспедиция 1953 г. М. И. Артамонов).
А — жилище 6; *Б* — жилище 1; *В* — жилище 3.

к VII—VIII вв.[16] Вскрыто пять полуземляночных жилищ, ориентированных сторонами по странам света. Жилища близки по форме к квадрату со сторонами 3.5—3.7 м. Глубина их от 50 до 90 см. В северной половине жилищ в одном из углов расположена печь-каменка. Вдоль стен проходили материковые приступки. В жилищах отмечено наличие хозяйственных и припечных ям.

Здесь же были раскопаны два полуземляночных жилища IX—X вв.[17] Одно из них имеет размер 3.5×2.8 м и ориентировано углами по странам света, другое — 5×4 м и ориентировано сторонами по странам света. В обоих жилищах имелись

46. **Великоселье.** В 0.5 км от с. Великоселья на первой надпойменной террасе Прута расположено поселение VIII—IX вв.[19] В 1963 г. здесь было раскопано одно полуземляночное жилище.

47. **Галица.** Близ городища Галица у с. Ломачинцы обнаружено поселение VIII—X вв.[20] Жилища на этом поселении — полуземлянки с печами-каменками.

48. **Григоровка.** На Григоровском городище (Подолия), относящемся к скифскому времени, при раскопках 1952—1953 гг. обнаружено славянское поселение IX—X вв.[21] Раскопаны три полуземляночных жилища (рис. 5). Они имели почти квадратный план, со сторонами от 2.9 до 3.2 м, заглублены в грунт на 50—70 см, в одном случае — до 1.4 м. Ориентация жилищ различная. В север-

[16] Винокур И. С., Приходнюк О. М. Славянское селище в окрестностях летописной Бакоты. — АО 1969 г., 1970, с. 285; Винокур И. С. Работы Подольской экспедиции. — АО 1970 г., 1971, с. 295; Приходнюк О. М. Ранньослов'янське поселення Бакота на Поділлі. — В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей. XV наукова конф. Інст. археол. АН УРСР. Одеса, 1972, с. 314.

[17] Нізевич С. Е. Слов'янські пам'ятки IX—X ст. на середньому Дністрі. — В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей. XV наукова конф. Інст. археол. АН УРСР. Одеса, 1972, с. 320; Винокур И. С. Поселение у с. Бакота на Днестре. — АО 1971 г., 1972, с. 365.

[18] Сведения Б. А. Тимощука. См. также: Тимощук Б. О. Північна Буковина — земля слов'янська, с. 152.

[19] Тимощук Б. О. Північна Буковина — земля слов'янська, с. 148.

[20] Тимощук Б. А. Древнерусское городище Галица в Северной Буковине. — АО 1968 г., 1969, с. 336.

[21] Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. — КСИИМК, вып. 59, 1955, с. 100.

ном или северо-западном углу расположены печи-каменки с подом на уровне пола. Все печи поставлены так, что между ними и материковыми стенками котлованов остается пространство. Столбовых ям в жилищах нет. В жилище 6 вдоль стен сохранились остатки сгоревшего дерева и обожженная глина. Раскопано также несколько печей от разрушенных жилищ (рис. 6).

49. **Рудь.** На поселении Рудь в 1970 г. вскрыто несколько полуземляночных жилищ с печами-каменками.[22] Жилища относятся к VIII—X вв.

50. **Алчедар.** При прорезке вала Алчедарского городища в 1963 г. в основании его было

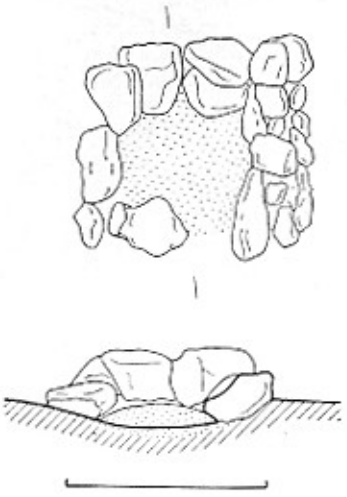


Рис. 6. Печь-каменка. Григоровка. (Юго-Подольская экспедиция 1953 г. М. И. Артамонов).

найдено полуземляночное жилище.[23] Оно имело прямоугольную форму. В северо-восточном углу стояла печь-каменка. Вдоль стен жилища был обнаружен слой глины толщиной 20—25 см, однако, по мнению исследователя, стены первоначально были обшиты досками.

51. **Бранешты.** На селище Бранешты были раскопаны 4 полуземляночных жилища.[24] Из них 3 значительно заглублены в землю (от 0.8 до 1.5 м), а четвертое, наоборот, очень неглубокое (0.15 м). Жилища имеют прямоугольную, почти квадратную форму; размер их сторон от 2.8 до 4.0 м. В углах расположены печи-каменки. В некоторых жилищах сохранились остатки обгорелых дубовых досок (толщиной около 8 см при ширине до 40 см), которыми, видимо, были обшиты стенки. В жилище 4 (наибольшем) сохранились столбовые ямы в углах и у середины стен; в остальных жилищах столбовые ямы не обнаружены. Кроме угля от сгоревших деревянных частей, в завалах жилищ отмечены куски довольно толстой (до 15 см) глиняной обмазки. Судя по наличию прослойки чернозема, смешанного с углем, автор раскопок предположил, что поверх деревянной кровли лежал слой земляной подсыпки.

Предположение автора раскопок о наличии в двух жилищах лежанок, обогреваемых дымоходами, проходящими под ними, маловероятно.

Ориентация жилищ и положение печей различны. В жилище 3 отмечено наличие небольшой впадины в стенке, быть может отмечающей место входа. Если такое предположение правильно, то печь в этом жилище стояла в левом заднем углу и была обращена устьем ко входу.

Судя по археологическому материалу, жилища погибли от пожара в начале X в.

52. **Ханска.** На поселении Ханска I, относящемся к VIII—IX вв., было раскопано одно жилище.[25] Это квадратная полуземлянка со сторонами по 3.7 м, врезанная в материк на глубину 95 см. Ориентирована она углами по странам света. В западном углу сохранился развал печи-каменки, а в северной части жилища, кроме того, небольшой очаг. Столбовых ям нет. Вдоль стен обнаружены полосы глины — по-видимому, остатки забивки, заполнявшей пространство между материковыми стенками и деревянной облицовкой стен жилища.

В 1970 г. здесь было раскопано еще одно полуземляночное жилище с печью-каменкой.[26]

53. **Калфа.** На городище Калфа, относящемся к VIII—IX вв., в 1961—1962 гг. было раскопано 6 полуземляночных жилищ.[27] Все они почти квадратные в плане. Размер сторон в среднем около 3.5 м (наименьший размер — 2.3 м, наибольший — 4.0 м). Столбовых ям в большинстве жилищ нет. Лишь одно жилище имеет столбовые ямы во всех углах и у середины всех сторон. В одном из жилищ сохранились остатки трех венцов дубового сруба стен.

Ориентированы жилища по странам света. В северо-восточном или северо-западном углах каждого жилища стояла печь-каменка.

В 1965 г. было раскопано еще одно полуземляночное жилище — квадратное, с печью-каменкой и столбовыми ямами.[28]

54. **Коржовка.** В 1960 г. на поселении VIII—IX вв. Коржовка (иначе Коржевка или Грабовец),

---

[22] Федоров Г. Б. Раскопки Прутско-Днестровской экспедиции. — АО 1970 г., 1971, с. 282.

[23] Федоров Г. Б. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. — КСИА, вып. 113, 1968, с. 85. — Следует отметить, что датировка ранних слоев Алчедарского поселения установлена очень ориентировочно. Так, Г. Б. Федоров полагает, что керамика здесь относится к пражскому типу (т. е. к VI—VII вв.), а И. И. Ляпушкин считал, что этот слой скорее относится к VIII—IX вв. (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, № 152, 1968, с. 30).

[24] Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, № 89, 1960, с. 292—300.

[25] Башилов В. А. Раннеславянское жилище на поселении у с. Хански в Молдавии. — МИА, № 108, 1963, с. 382.

[26] Хынку И. Г., Никулицэ И. Т., Рафалович И. А., Рикман Э. А., Лапушнян В. Л. Исследование памятников у с. Ханска в Молдавии. — АО 1970 г., 1971, с. 360.

[27] Чеботаренко Г. Ф. Жилища городища Калфа VIII—IX вв. — Изв. Академии наук Молдавск. ССР, 1965, № 12, с. 62.

[28] Федоров Г. Б. Работы в Молдавии. — АО 1965 г., 1966, с. 147.

на Южном Буге, было раскопано 7 жилищ и несколько хозяйственных ям.[29] Жилища эти — прямоугольные полуземлянки, углубленные от древней поверхности на 40—60 см и имеющие стены длиной от 3.0 до 3.7 м. Столбовых ям в них нет, пол материковый. В одном из углов каждого жилища расположена печь-каменка, сложенная из кусков гранита, иногда довольно крупных, а иногда более мелких, без всякого связующего. Печи стоят несколько отступя от земляных стенок жилищ. Под находится на уровне пола или на небольшом (до 15 см высотой) естественном возвышении. Поды глиняные или же вымощенные камнями. Ниже камней печного пода в жилище 4 найдены черепки от лепных сосудов. Размер пода колеблется от 50×45 до 70×40 см. У устьев печей кое-где отмечены ямы от столбов.

55. Райки. На площадке Райковецкого городища среди полуземляночных жилищ XII—XIII вв. были обнаружены плохо сохранившиеся остатки полуземлянок более раннего времени. Одно такое жилище изучено.[30] В отличие от более поздних жилищ в этой полуземлянке стояла не глинобитная печь, а печь-каменка.

Неподалеку от Райковецкого городища, в урочище Лука-Райковецкая, было раскопано 8 жилищ. В. К. Гончаров 6 из них относит к VIII—IX вв., а 2 к более раннему периоду. Судя по наличию в некоторых жилищах круговой керамики, поселение, видимо, следует датировать несколько более поздним временем — VIII—X вв. Два жилища этого же времени раскопаны и на соседнем урочище Запасека.[31]

Все жилища — прямоугольные полуземлянки, углубленные в материк на 40—80 см, иногда до 1 м. Размер их сторон колеблется от 2.7 до 3.9 м. Пол материковый. Столбовых ям почти нигде нет. Печи-каменки, имеющие снаружи четырехугольную форму, стояли в углах жилищ. Поды печей лежат на уровне пола и состоят из плоских камней или слоя глиняной обмазки. Размер печей примерно от 1.1×0.9 до 1.3×1.2 м; размер пода 65×45 см или 70×50 см. Стенки топки сложены из небольших плоских камней, поставленных на ребро. Верхняя часть — из более мелких камней без всякого связующего. Высота печей около 75—85 см. Близ устья часто видны ямки от стоявших здесь деревянных столбиков. Есть печи (в жилищах 3 и 6), где топка разделена вертикально поставленным камнем на две части. В нескольких случаях отмечено, что при кладке печей вместе с камнями использовали разломанные жернова и черепки сосудов.

В жилищах 4 и 5 вдоль стен обнаружены остатки сгоревших бревен или плах. Отмечено наличие ступенчатых входов, выложенных из плоских камней.

Жилища большей частью ориентированы углами по странам света. Печи стоят в различных углах. Судя по утверждению В. К. Гончарова (по чертежам и описаниям жилищ этого проверить нельзя), входы были расположены так, что печи всюду стояли напротив входа в правом углу. В жилище 3, судя по чертежу, печь стояла не в правом, а в левом заднем углу. При этом печи в большинстве случаев были, видимо, повернуты устьем ко входу.

55а. Шумск. На поселении конца I тыс. н. э. у с. Шумска открыто древнеславянское святилище. Неподалеку раскопано несколько жилых и хозяйственных сооружений.[32] Жилище было наземным и имело размер 3.6×3.6 м. Сохранились бревна нижнего венца сруба, лежавшего на материке. По контуру жилища и внутри его прослежены ямы от столбов. В восточной части найдены камни от разрушенной печи.

Рядом была расположена большая постройка (7.6×7.2 м), заглубленная в материк на 5—8 см. В ее юго-восточный угол вписано прямоугольное сооружение типа полуземлянки размером 3×3 м при глубине 1.15 м. Стены полуземлянки были обложены бревнами, и вдоль них проходили земляные приступки. Внутри помещения, в его северо-западном углу, стояла печь-каменка, 1.4×1.0 м.

56. Буки. На поселении VIII—IX вв. у с. Буки раскопано одно жилище.[33] Это полуземлянка размером 3.5×3.3 м. Жилище расположено на склоне, и поэтому глубина его различна; первоначальная глубина от древней поверхности была, по-видимому, от 30 до 60 см. Жилище ориентировано углами по странам света. Вдоль стен сохранилось до четырех венцов обгоревших бревен сруба. Отмечено, что под северным и южным углами сруба имелись столбики-стулья. Кроме того, две ямы от столбов, очевидно поддерживавших перекрытие, были расположены у середины северо-восточной и юго-западной стен. В восточном углу жилища — развал печи-каменки, не примыкающий вплотную к земляным стенкам. Размер печи приблизительно 1.6×1.6 м. Отмечено, что печь была укреплена снаружи деревянными столбиками. Напротив печи в юго-западной стене расположен вход с тремя ступеньками (высота ступенек 20 см, ширина 30 см), имеющий ширину 0.9 м. В жилище сохранились остатки пола из плах (ширина 15—25 см, толщина 5—10 см), лежащих в направлении от входа к печи.

---

[29] Хавлюк П. И. Славянские поселения VIII—начала IX века на Южном Буге. — В кн.: Археологический сборник. Вып. 4. Л., 1962, с. 117.

[30] В. К. Гончаров датирует это жилище VIII—IX вв., хотя руководитель раскопок Ф. Молчановский относил его к X—XI вв. (Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 48—49; Молчановський Т. Райковецьке городище XI—XIII ст. — В кн.: Наукові зап. Інст. іст. матер. культ. Кн. 5—6. Київ, 1935, с. 140).

[31] Гончаров В. К. 1) Райковецкое городище, с. 11; 2) Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. — АП, I, 1949, с. 32; 3) Лука-Райковецкая. — МИА, № 108, 1963, с. 283. — К сожалению, чертежи в этих публикациях очень схематичны.

[32] Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, Е1-25, 1973, с. 36.

[33] Русанова И. П. 1) Исследования раннеславянских поселений на Волыни. — АО 1968 г., 1969, с. 327; 2) Жилище VIII—IX вв. у села Буки на Житомирщине. — КСИА, вып. 125, 1971, с. 47.

57. **Гульск.** У с. Гульска на р. Случь обнаружены 4 поселения второй половины I тыс. н. э.[34] На поселении I раскопано 4 полуземляночных жилища VII—IX вв. Все жилища приблизительно квадратные в плане, ориентированы углами по странам света. Три жилища сравнительно невелики (размер их сторон от 2.4 до 3.8 м) и заглублены в грунт на 20—50 см. Четвертое жилище, возможно, несколько более позднее, имеет размер 5.3×4.7 м при глубине около 1 м. Земляные стены жилищ слегка наклонные, пол горизонтальный. В восточных углах расположены печи-каменки, нижняя часть которых сложена из крупных камней, а верхняя — из более мелких. Высота наилучше сохранившейся печи — 60 см. Печи стоят не вплотную к земляным стенам, а образуют щели шириной 20—30 см. Имеются столбовые ямы, однако порой они расположены вне жилищ, рядом с ними. В одном жилище в северо-западной стене размещены две ступеньки входа шириной около 1 м. Печь в этом жилище стоит в левом заднем от входа углу и повернута устьем вдоль задней стены.

На поселении II выявлены остатки еще одного жилища такого же типа, как на поселении I.

58. **Тетеревка.** Раскопками, проведенными в 1963—1964 гг. на поселении у хут. Тетеревского (поселение Тетеревка), было обнаружено 13 жилых и несколько хозяйственных сооружений разного типа.[35] Жилые постройки — прямоугольные, почти квадратные полуземлянки, заглубленные в материк на 0.4—1.0 м. Материк здесь — песок, поэтому для предотвращения оползания стен котлованов их укрепляли камнями и, по-видимому, деревом. Размер сторон жилищ от 3.0 до 3.7 м, хотя некоторые жилища имели несколько больший размер — стороны до 5.2 м. В жилищах найдены столбовые ямы, расположенные не всегда в углах, а иногда даже вне котлованов. Внутри трех жилищ обнаружены остатки обгорелых нижних венцов срубов, имевших размер несколько меньший, чем котлованы (3.6×3.6 и 3.0×3.0 м). Несмотря на наличие срубов, в углах котлованов этих жилищ также замечены столбовые ямы.

Жилища большей частью ориентированы сторонами по странам света; печи расположены в северо-восточном или — реже — в северо-западном углу. В двух жилищах с юга имеются входы с земляными ступеньками. В одном из этих жилищ печь стояла справа, а в другом — слева напротив входа. Печи-каменки находились в углах жилищ и имели в плане почти прямоугольную, хотя и несколько скругленную форму. Печи внизу были сложены из больших камней (длиной до 60 см), а вверху из мелких камней, щели между которыми забиты землей и черепками. Поды печей, расположенные на уровне пола или чуть выше него, были подмощены мелкими плоскими камнями, а иногда и черепками. Рядом с печами обычно имеются отверстия от столбиков — остатки каких-то деревянных конструкций. Высота наилучше сохранившейся печи 70 см. В одном случае печь стояла не в углу, а в середине жилища.

Одна из построек, несколько меньшая (2.8××2.7 м), углублена в материк всего на 15 см и имела вместо печи каменный очаг. Два наиболее крупных жилища, вероятно, были разделены внутренней перегородкой на камеры.

К нескольким жилищам примыкали небольшие хозяйственные постройки, также заглубленные в материк. И. К. Фролов считает, что эти постройки были соединены с жилищем. Между тем не исключено, что они могли отделяться от жилого помещения земляной стенкой, позднее осыпавшейся. Кроме жилых построек, на поселении вскрыто несколько хозяйственных сооружений и печей-каменок, расположенных вне жилищ.

Из всех жилищ данного поселения резко выделяется одна постройка, имевшая овальную форму и очень неглубоко (всего на 10 см) врезанная в грунт. Печь в ней стояла в центре помещения. Малая ширина (местами всего 1.4 м) заставляет думать, что эта постройка имела не жилое, а производственное назначение.

59. **Киев.** В 1939 г. в центральной части древнего Киева раскопками было обнаружено полуземляночное жилище, которое, судя по находкам, относится, по-видимому, к VIII—X вв.[36] Жилище имеет прямоугольную форму (приблизительно 5.2×4.3 м) и ориентировано углами по странам света. Глубина пола жилища по отношению к уровню древней поверхности не выяснена, ввиду того что стенки почти полностью уничтожены. В западном углу жилища сохранились остатки прямоугольной в плане глиняной печи с провалившимся сводчатым верхом. Под печи расположен на уровне пола и имеет следы нескольких подмазок. В жилище были найдены куски обгорелого дерева, а также глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

В 1965 г. на склонах Старокиевской горы было раскопано полуземляночное жилище, которое авторы раскопок датируют VII—VIII вв.[37] Жилище заглублено на 30—50 см. В юго-западном углу расположена печь, сложенная из кусков песчаника и глиняных вальков.

На горе Киселевка в Киеве в 1940 г. раскопками были вскрыты остатки двух жилищ IX—X вв.[38] Одно из них полностью изучено. Это прямоугольная полуземлянка, в северо-западном углу которой стояла печь, вырезанная

---

[34] Русанова И. П. 1) Исследования раннеславянских поселений на Волыни, с. 325; 2) Славянские древности VI—IX вв. . . ., с. 40.

[35] Фролов И. К. Поселение Тетеревка I (VII—VIII вв.). — КСИА, вып. 110, 1967, с. 30; Русанова И. П. 1) Славянские древности VI—IX вв. . . ., с. 35; 2) Отчеты о раскопках. — Архив Ист. археол. АН СССР, 1963/2818, 1964/2999. — И. К. Фролов датирует поселение VII—VIII вв. Однако наличие на поселении круговой керамики (хотя и в незначительном количестве), а особенно переходных форм от лепных к круговым, свидетельствует, что жизнь здесь протекала и в IX в.

[36] Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 104.

[37] Толочко П. П., Килиевич С. Р. Новые исследования Старокиевской горы. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 171.

[38] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. — В кн.: Археологія. Т. I. Київ, 1947, с. 145.

в глиняном массиве. Своды печи были вылеплены из глины с примесью соломы. Сохранились следы деревянных балок от стен жилища. Близ остатков последнего обнаружен плетень, соотношение которого с жилищем осталось невыясненным.

60. Шестовицы. В южной части Шестовицкого городища была раскопана полуземлянка, имеющая размер 3.75×2.5 м.[39] В северо-восточном углу вплотную к земляным стенам стояла прямоугольная в плане печь. Под печи на 10 см выше пола жилища. Стенки ее были сложены из обожженных глиняных вальков. В жилище найдена лепная керамика роменского типа.

61. Сосница. Раскопаны два жилища.[40] Они углублены в материковый песок более чем на 1 м; размеры их 4.25×3.75 (жилище 1) и 5.0×4.75 м (жилище 2). В обоих жилищах имеются столбовые ямы. В жилище 1 печь стоит в северо-восточном углу; ее размер 1.4×1.25 м. Под печи сложен из мелких камней и черепков на уровне около 20 см выше пола. Свод был сделан из глиняных вальков. В жилище есть две хозяйственные ямы.

В жилище 2 с юга расположен вход, имеющий вид лесенки из трех ступенек; направлена лестница не поперек, а вдоль южной стены. Направо от входа в несколько срезанном юго-восточном углу стоит печь, ориентированная устьем по диагонали жилища. Печь четырехугольная (1.5×1.5 м), сбитая из глины, а в верхней части — из глиняных вальков и черепков. Под печи (80×60 см) выше пола на 25 см. Судя по тому что при строительстве ее были использованы черепки круговой посуды, жилище следует относить ко времени не древнее X в.

62. Сахновка. У с. Сахновки, между горами Девичья и Дегтярная, были раскопаны три жилища.[41] На соседнем урочище Гончариха раскопаны еще два подобных жилища.[42] Все они полуземлянки; размер их сторон от 3.6×3.4 до 5.0×4.0 м. Они заглублены от уровня древней поверхности на 0.5—1.0 м. Столбовые ямы не прослежены. Пол жилищ материковый, кое-где подмазанный глиной.

В северо-восточном или северо-западном углу жилищ стояли прямоугольные в плане печи, сделанные из глины или вырезанные в глиняном массиве. Размер печей от 1.2×1.0 до 1.5×1.2 м. Поды расположены на уровне пола. Своды печей рухнули, но, судя по завалам, кроме глины, в их составе были и камни. Печи отстояли от земляных стен на 20—40 см. Найдены обломки больших глиняных жаровень, стоявших на печах. У печи жилища 1 найден кусок печины с отпечатками прутьев, возможно от каркаса свода. В жилище 2 вдоль всех стен (в том числе и за печкой) проходят материковые приступки шириной от 40 до 80 см и высотой 20—30 см.

В жилище 1 сохранились остатки входа — ступеньки и утрамбованная площадка (из глины и песка), расположенная на уровне древнего горизонта там, где начинались ступеньки. В жилище 3 ступенек нет, но сохранилась такая же глиняная площадка на краю котлована на уровне древней поверхности. Очевидно, что это также определяет место входа. В обоих случаях вход был расположен так, что печь стояла в левом заднем углу и была повернута устьем вдоль задней стены.

Рядом с жилищем 1 сохранилась хозяйственная постройка размером 2.6×2.4 м, заглубленная всего на 20 см. В полу этой постройки имеется зерновая яма.

От остальных жилищ несколько отличалось жилище 2 в урочище Гончариха. Оно было заглублено в материк на 0.4 м и имело размер 3.85×3.0 м. Пол жилища дважды подмазывался глиной. Печь была круглой (ее наружный диаметр 1.0 м, внутренний — 0.6 м), а глиняный ее свод, укрепленный небольшими камнями, не имел деревянного каркаса. Толщина стенок печи внизу 20 см, а выше они были несколько тоньше. В трех углах этого жилища (кроме северного, в котором стояла печь) обнаружены столбовые ямы.

63. Канев. На правом берегу Днепра, несколько южнее Канева, в 1957—1962 гг. было раскопано славянское поселение.[43] Всего на нем было обнаружено 24 жилища, 17 построек хозяйственного и производственного назначения и множество хозяйственных ям. Автор раскопок Г. Г. Мезенцева считала, что поселение существовало в VII—IX вв. и погибло во второй половине IX в. В действительности, судя по археологическому материалу и особенно по наличию вместе с лепной также и круговой керамики, поселение, видимо, существовало вплоть до X в.[44]

Все жилища — прямоугольные полуземлянки. В зависимости от участка местности некоторые из них заглублены в материк всего на 35 см, другие значительно глубже — до 1.6 м. Средняя глубина — около 75 см. Размеры жилищ значительно колеблются. В большинстве случаев их стороны равны 3—4 м. Небольшие жилища — 2.65×2.45 (жилище 1); 2.8×2.65 (2); 3.3×2.0 (20); 3.0×2.9 м (жилище 22). Крупные жилища — 4.75×3.45 (жилище 7); 4.8×3.35 м (жилище 8). Самое большое жилище — 5.8×5.1 м (жилище 6).

Столбовых ям не обнаружено. В некоторых жилищах у стен сохранились сгоревшие тонкие бревна — «кругляки, положенные один на другой», — очевидно, остатки деревянных стен. В жилище 17 изнутри эти бревна были обмазаны глиной. Пол жилищ материковый, во многих случаях густо смазанный глиной.

---

[39] Бліфельд Д. І. Дослідження в с. Шестовицях. — АП, III, 1952, с. 126.

[40] Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. — АП, V, 1955, с. 54.

[41] Довженок В. И., Линка Н. В. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. — МИА, № 70, 1959, с. 102. — Авторы датировали поселение VI—VIII вв., хотя сами же отмечали наличие керамики VIII—IX вв. Судя по материалу, вероятно, правильнее датировать это поселение IX—X вв.

[42] Довженок В. И., Линка Н. В. Раскопки. . ., с. 110; Кухаренко Ю. В. Раскопки у с. Сахновка. — МИА, № 108, 1963, с. 248.

[43] Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965.

[44] См., например: Лянушкин И. И. Славяне Восточной Европы. . ., с. 35.

Почти все жилища имеют одинаковую ориентацию — вдоль берега Днепра, т. е. углами по странам света. Печи расположены в углах: в северном или южном, реже в восточном или западном. Эти печи двух типов — каменные и глинобитные. Каменки расположены непосредственно на полу и имели, судя по развалу камня, размер 1.2×1.6 м. Глинобитные печи стоят также на уровне пола или же — чаще — на невысоком (15—25 см, изредка до 40 см) материковом останце. Под их обмазан глиной, а свод сбит из глины со следами каркаса из кольев или плетеной лозы. Наружные размеры глинобитных печей — 1.2×1.5 м. Кое-где имеются предпечные ямы. Материковые останцы, на которых стоят глинобитные печи, имеют в плане круглую или овальную форму и иногда обложены камнями или сырцовыми кирпичами. Лишь в одном жилище (21) глинобитная печь стоит не в углу, а у середины северо-западной стены.

Во многих жилищах прослежены входы в виде нескольких ступеней (шириной до 1 м), а в одном случае (жилище 11) — в виде спуска длиной 1.4 м. Входы ведут в жилище, как правило, с северо-западной стороны. При этом печь бывает расположена как рядом со входом (четыре случая), так и напротив него (пять случаев). В жилище 7, где хорошо сохранилось основание печи, видно, что она стоит слева от входа, но направлена устьем не к нему, а к середине жилища.

Точного соответствия между типом печей (каменки или глинобитные) и их положением в жилище или отношением ко входу не наблюдается, однако можно отметить, что вход, расположенный рядом с печью, в трех случаях сопутствует глинобитным печам и лишь в одном случае — печи-каменке. Вход, расположенный напротив печи, наоборот, в четырех случаях сопутствует печи-каменке и лишь в одном случае — глинобитной печи.

Во многих жилищах вдоль стен проходят земляные приступки высотой 40—50 см, шириной до 1 м.

Хозяйственные помещения представляют собой полуземлянки, углубленные до 1.3 м. Форма их несколько менее правильная, чем у жилищ, а углы часто скруглены. В них нет остатков сгоревшего дерева от стен и нет печей. По площади они меньше жилищ (обычно 2.5×2.0 м). В отличие от жилищ они не имели определенной ориентации по странам света. Вне построек на поселении раскрыты 42 хозяйственные ямы. Большей частью они круглые, в разрезе имеют грушевидную (расширяющуюся книзу) форму, или цилиндрические. Размер их колеблется от 40—70 см в диаметре при глубине 0.8—1.1 м до 1.2—1.7 м в диаметре при глубине до 1.3 м. Встречаются овальные в плане ямы.

В процессе археологических раскопок жилища на Каневском поселении не удалось хронологически расчленить на несколько групп. Однако не исключена возможность, что не все они одновременны. Возможно, что жилища с печами-каменками относятся к более раннему периоду, чем жилища с глинобитными печами.

64. Ромны. Раскопки, проводившиеся в течение нескольких лет на городище Монастырище в г. Ромны, выявили славянские жилища VIII—X вв.;[45] 7 из них были раскрыты полностью. Это четырехугольные полуземлянки, углубленные на 0.6—1.0 м от уровня древней поверхности, с размером стороны от 4 до 5 м. Жилища ориентированы сторонами по странам света. Пол в них ровный, материковый. В некоторых жилищах обнаружены столбовые ямы, расположенные главным образом лишь с одной стороны жилища. Некоторые из них имеют четырехугольную в плане форму (25×30 см).

Печи стоят, как правило, в северо-восточном углу, лишь в одном жилище — в центре помещения. Между печью и земляными стенками остается довольно широкое пространство. Печи глиняные, круглые, хотя встречаются и вытянутые, близкие по форме к четырехугольнику. Стоят они иногда прямо на полу, а иногда на материковых останцах высотой до 50 см. Наружный диаметр печей около 1 м, их высота также около 1 м. В нескольких жилищах печи сохранились целиком, включая свод, имеющий куполообразную форму с круглым отверстием (диаметром около 20 см) в вершине. Устье топки арочное, высотой 35—45 см при ширине около 26 см. Под печей глиняный, иногда вымощенный кусками гранита. Из гранита устроено несколько небольших площадок и снаружи перед устьем. В двух жилищах перед печами существовали предпечные ямы. В нескольких жилищах найдены слабо обожженные или даже совсем не обожженные вальки. В одном жилище отмечено наличие двух печей.

В нескольких случаях в жилищах обнаружены материковые приступки высотой от 30 до 50 см, различной формы и ширины. Рядом с жилищами имелись хозяйственные ямы круглой, удлиненной и квадратной формы. Некоторые из них сообщались с жилищами неглубокими проходами.

Направление входов в жилища может быть ориентировочно намечено, несмотря на отсутствие ступенчатых спусков. Так, в жилище Д (раскопки 1906 г.) ко всем земляным стенкам примыкают либо материковые приступки, либо предпечная яма, поэтому вход на уровне пола мог быть расположен лишь в середине западной стены. Приблизительно в этом же месте в жилище Е (раскопки 1906 г.) имелась «как бы ступенька для выхода, в $^1/_2$ аршина высоты и ширины». В жилище Б (раскопки 1924 г.) в южной части западной стены имелась яма, дно которой лежит на 37 см выше пола, — быть может, остатки входа. В каждом из этих примеров вход не может быть установлен с абсолютной достоверностью, но предположительно он определяется во всех случаях в одном направлении — с запада. При этом печь оказывается расположенной в левом

[45] Макаренко Н. Е. 1) Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. — ИАК, вып. 22, 1907, с. 60; 2) Городище «Монастырище». — В кн.: Науковий збірник за рік 1924. Т. XIX. Київ, 1925, с. 8. — О датировке городища см.: Лянушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, № 104, 1961, с. 128.

заднем углу жилища и обращена устьем вдоль задней стены.

65. Басовка. На городище Башта, представляющем собой часть большого городища эпохи раннего железа, расположенного близ с. Басовки, было найдено несколько полуземляночных жилищ роменской культуры. Два из них обнаружены еще в 1906 г. в заложенных на городище разведочных траншеях.[46] Одно из жилищ было ориентировано сторонами по странам света, а другое — углами. Оба жилища квадратные, со сторонами 3.5 и 4.2 м. Глубина жилищ от 35 до 70 см. Печи не были обнаружены, но, судя по кускам обожженной глины и глиняным валькам-конусам, они были глиняными.

Значительно позже, при раскопках слоя эпохи раннего железа, на этом городище было открыто еще одно полуземляночное роменское жилище квадратной формы.[47] В жилище отмечены столбовые ямы как в углах, так и у середины стен. Ориентировано жилище углами по странам света; в северном углу сохранились следы разрушенной глиняной печи.

66. Воргол. В урочище Вишневая Гора раскопаны три жилища на Восточном городище и одно — на Западном городище.[48] Все жилища — прямоугольные полуземлянки, ориентированные углами по странам света.

Жилище 1 на Восточном городище имеет размер 5.2×4.5 м и заглублено от уровня древней поверхности на 75 см. Вырезанная в материковом останце печь расположена в южном углу.

Жилище 2 на Восточном городище имеет размер 5.3×4.4 м. Пол его песчаный, со следами дерева (быть может, от настила). Печь стоит у середины северо-восточной стены. Тыльная часть вырезана в материковой глине, а свод был, по-видимому, сделан из вальков, обнаруженных в ее развале. Под имел размер 1.0×0.6 м и состоял из мелких камней, обмазанных глиной. Слева от печи в юго-восточной стене были вырезаны ступеньки входа шириной 60 см. В жилище обнаружены хозяйственная яма (верхний ее диаметр 25 см, нижний — 65 см при глубине 95 см), а также куски глиняной обмазки с отпечатками плетенки из лозы. На городище была найдена как лепная керамика роменского типа, так и круговая.

В жилище на Западном городище печь находится в восточном углу; она вырезана в лёссовом останце. Под ее, выложенный мелкими камнями, расположен на 60 см выше пола, вход — в северо-восточной стене; следовательно, печь стоит слева от входа и направлена устьем к задней стене. Судя по находке в жилище шиферного пряслица, оно относится ко времени не древнее X в.

67. Волынцево. На славянском поселении у с. Волынцева было раскопано 15 жилищ.[49] Это почти квадратные в плане полуземлянки площадью от 24 до 36 кв. м, заглубленные от уровня древней поверхности на 0.5—1.2 м. В большинстве жилищ имеются столбовые ямы в углах и посередине двух противоположных сторон. Пол либо утрамбованный материковый, либо подмазанный глиной или известковой массой. Толщина такой подмазки до 14 см. В заполнении жилищ обнаружены куски глиняной обмазки со следами плетенки из лозы. Печи глиняные, снаружи прямоугольные, размером примерно 1.2×1.0 м, расположены обычно в северо-восточном углу. Под их находится большей частью на уровне пола. В завале свода печей обычны находки глиняных вальков-конусов. В четырех случаях печи сохранились целиком. Они имели сплошной свод без отверстия в верхней части.

У двух жилищ Волынцевского поселения (12 и 13) печи несколько иной конструкции. Печи поставлены здесь в деревянном срубике площадью 1.2×1.1 м. Толщина стенок печи 20—25 см, а в тыльной части — до 45 см. Свод сложен из заранее обожженных заготовок-вальков различной формы и обломков керамики, скрепленных глиной. Под глиняный, намазанный на вымостку из мелких камней и черепков.

Жилище 13 заметно отличается от остальных своей конструкцией. В большом котловане (7×6 м, глубиной 1.15 м) был установлен рубленный «в обло» сруб размером 4×4 м. Пространство между срубом и земляными стенками котлована было затем забито землей. Бревна сруба с внутренней стороны жилища отесаны. Поддерживали перекрытие два столба, ямы от которых обнаружены не внутри сруба, а вне его, на дне котлована. В северо-восточном углу стояла печь, размещенная в деревянном срубике.

Во всех жилищах имелись хозяйственные ямы, часто заглубленные подбоем в стенку. В нескольких жилищах перед печами расположены предпечные ямы.

Крупные полуземлянки 12 и 14 имели, видимо, производственное назначение: в них было по три печи, а среди находок в жилище 12 — шлаки и крицы.

Д. Т. Березовец отмечает, что в некоторых жилищах имелись специальные входные устройства в виде коридоров. В жилище 14 такой коридор действительно, по-видимому, служил входом. Однако коридор в жилище 13, имеющий совершенно неопределенные очертания и опускающийся до

---

[46] Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., с. 82.

[47] Іллінська В. А. Верхньосульська експедиція 1947 р. — АП, IV, 1952, с. 36.

[48] Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., с. 58. См. также: Березовец Д. Т. Отчет о раскопках 1949 г. — Архив Инст. археол. АН УССР (Киев), 1949/9, № 1024.

[49] Березовець Д. Т. 1) Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. — АП, III, 1952, с. 244; 2) До питання про літописних сіверян. — В кн.: Археологія. Т. VIII. Київ, 1953, с. 33; 3) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., с. 49. — Д. Т. Березовец датирует Волынцевское поселение VII—VIII вв., но И. И. Ляпушкин выдвинул предположение, что это поселение синхронно роменским, т. е. относится к VIII—X вв. (Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. — СА, XXIX—XXX, 1959, с. 83). Дополнительные сведения о жилищах сообщены Д. Т. Березовцом.

глубины, превышающей на 75 см глубину пола жилища, вряд ли был входом.

В завалах жилищ поверх деревянных остатков рухнувшей кровли обычно прослеживается земляная прослойка — очевидно, следы земляной подсыпки крыши.

В раскопках 1965 г. на Волынцевском поселении вскрыто полуземляночное жилище глубиной до 1.5 м,[50] с размером сторон 5.0×4.7 м. У стен его котлована обнаружены обугливщиеся бревна.

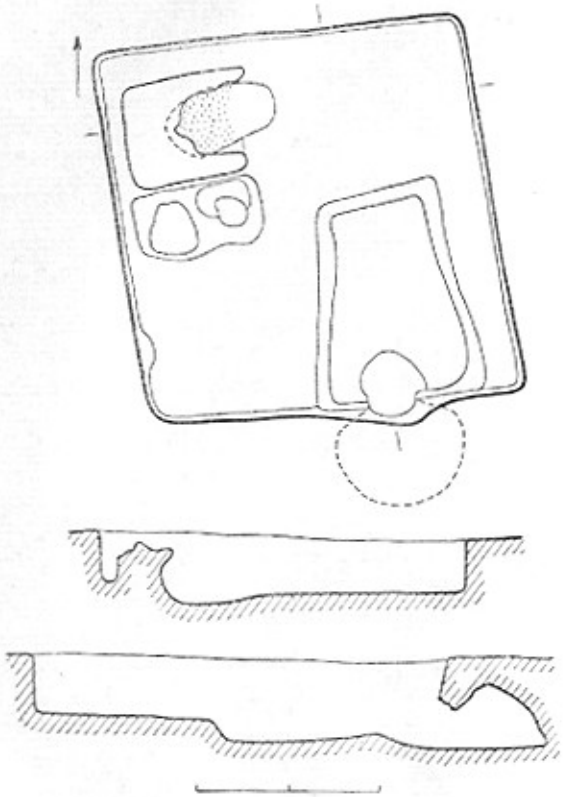


Рис. 7. Решетники. (Днепровская левобережная экспедиция 1960 г. И. И. Ляпушкин).

В северо-западном углу стояла печь, свод которой был сложен из валков. В юго-западном углу жилища в нише найдена глиняная жаровня 1.0×0.8 м.

68. Пеньковка. У с. Пеньковки раскопано несколько славянских поселений. Два из них (на урочищах Луг 2 и Макаров Остров) VIII—IX вв.[51] Всего здесь раскрыто 26 жилищ.

Все жилища — прямоугольные, почти квадратные полуземлянки, совпадающие в основном по устройству с жилищами на более древних поселениях, расположенных здесь же рядом (Луг 1). Они заглублены в материк на 0.5—0.7 м, очень редко — до 1.2 м. Размер их сторон от 3 до 4 м. Лишь жилище 12 (Луг 2) имеет меньший размер — 2.3×2.3 м. В этом жилище был обнаружен открытый очаг диаметром около 70 см. Во всех остальных жилищах в углах стояли печи-каменки. На урочище Макаров Остров поды печей, замощенные мелкими камнями, были приподняты на 10—15 см на материковых останцах. На урочище Луг 2 поды большей частью материковые и лежат на уровне пола. В жилище 7 (Макаров Остров) полностью сохранился куполообразный свод печи высотой 65 см.

В большинстве жилищ на урочище Луг 2 и во всех жилищах на урочище Макаров Остров выявлены столбовые ямы в количестве от 1 до 8.

В жилище 2 (Макаров Остров) обнаружен вход в виде материковой ступеньки, ведущей с юга. Печь в этом жилище стоит в правом заднем углу и обращена устьем ко входу. Небольшая квадратная пристройка, выходящая за линию угла (Макаров Остров, жилище 4), вряд ли является остатками входа.

69. Решетники. На городище в урочище Колхозная Ферма у с. Решетники (бывш. Ст. Сенжары) раскопками 1960 г. обнаружены два полуземляночных жилища.[52] Одно из них было раскопано (рис. 7). Оно квадратное, со сторонами по 4.0 м, врезанное в материк на глубину до 60 см. Ориентировано жилище сторонами приблизительно по странам света. Стенки отвесные. Дно ровное. Столбовых ям нет. В северо-западном углу расположена прямоугольная глиняная печь, вырезанная в материковом останце и направленная устьем к востоку. Между печью и земляными стенками оставлено пространство в 20—30 см. К югу от печи обнаружена яма, а в южной стенке имеется вторая печь, сделанная подбоем в материковой стенке жилища. Печь эта имеет округлый в плане под и полусферический свод.

У стен отмечены следы сгнившего дерева; у западной они сохранились настолько, что удалось проследить горизонтальное расположение волокон дерева.

Керамика в жилище преимущественно лепная, относящаяся к VIII—X вв. Рядом с жилищем раскопано несколько круглых хозяйственных ям.

70. Полтава. В Полтаве на Красной площади (бывш. Соборной) было обнаружено древнерусское поселение. Раскопаны три полуземляночных жилища, из которых одно относится к VIII—X вв.[53] Жилище это заглублено примерно на 1 м от уровня древней поверхности и имеет приблизительно квадратную в плане форму со сторонами около 4.2—4.4 м. Пол носит следы глиняной подмазки. В углах и у середины стен имеются столбовые ямы, причем угловые ямы круглые, а промежуточные удлиненные. Жилище ориентировано углами по странам света. В восточном углу стояла печь, вырезанная в материковом останце и имеющая прямоугольную в плане форму (1.4 ×1.7 м).

---

[50] Березовец Д. Т. Новые раскопки в с. Волынцево. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 167.

[51] Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, № 108, 1963, с. 146; Линка Н. В., Шовкопляс А. М. Раннеславянское поселение на р. Тясмине. — Там же, с. 234.

[52] Ляпушкин И. И. 1) Славяне Восточной Европы. . . 2) Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции 1960 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 12, 1960, с. 16—18.

[53] Ляпушкин І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтави. — АП, І, 1949, с. 65.

Под печи расположен чуть ниже уровня пола. В печи найдены фрагменты лепных сосудов и глиняные вальки. Вход в жилище не выявлен.

71. Опошня. На городище VIII—X вв. у с. Опошни раскопками 1940 и 1957 гг. было раскрыто 14 жилищ.[54] Все они почти одинаковые по устройству. Это полуземлянки, заглубленные в материковый грунт на 70—85 см и имеющие размер сторон, как правило, от 3.1 до 3.5 м. Самое маленькое жилище — 3.0×2.7 м. Лишь одно жилище имеет значительно больший размер — 5.5×4.8 м.

Полы жилищ ровные, материковые, обычно несколько понижающиеся к середине. Отмечены случаи подмазки полов глиной, иногда неоднократные.

Жилища ориентированы различно, но большей частью углами по странам света. Печь стоит в восточном (в семи случаях) или северном (в шести случаях) углу. Лишь в одном жилище печь расположена в южном углу. Печи вырезаны в материковых останцах и имеют снаружи прямоугольную форму. Длина их 1.2—1.6 м, а ширина 1.0—1.2 м. Высота печей 60—70 см; их боковые стенки и свод также вырезаны в материковых останцах. Верх печей был плоским, в средней части существовало круглое отверстие. Топки в плане большей частью овальные. Под материковый, расположен на уровне пола, бывает подмазан глиной и иногда даже по нескольку раз. В развале почти всех печей были найдены обожженные глиняные вальки. И. И. Ляпушкин предполагал, что эти вальки использовались для ремонта свода печей. В одном жилище (11) печь была вырезана подбоем в материковой стенке. В этом же жилище в центре находились остатки очага.

Во всех жилищах обнаружены столбовые ямы. Большей частью их по две в каждом жилище — у середины стен, параллельных направлению топки печи. Иногда количество столбовых ям больше и они располагаются у середины других стен, а также в углах. Ямы имеют глубину от 20 до 60 см и плоское дно (т. е. столбы были не забиты в грунт, а закопаны). Очень часто столбовые ямы, расположенные у середины стен, не круглые, а сильно вытянутые.

В некоторых жилищах есть неглубокие (до 30 см) хозяйственные ямы. Вне жилищ расположено значительное количество хозяйственных ям, имеющих диаметр от 75 до 1.35 м и глубину до 1 м.

Тщательная раскопка и фиксация жилищ в сочетании с их относительно хорошей сохранностью позволили установить систему перекрытия. В заполнении жилищ были найдены сгоревшие и рухнувшие вниз части кровли. Основу перекрытия составляло бревно, служившее коньком двускатной кровли и всегда направленное по линии двух основных столбовых ям, т. е. перпендикулярно направлению топки печи. Поперек конька лежали плахи, составлявшие кровлю. Особенно четко эта система перекрытия отмечена в жилищах 8 и 12. Помимо этого, обнаружены плахи, лежавшие на ребре вдоль стен и служившие облицовкой земляных стенок жилищ.

72. Новотроицкое городище. В 1952—1954 гг. были проведены раскопки Новотроицкого городища, относящегося к IX в.[55] Площадь городища была вскрыта полностью. Обнаружено 50 жилищ и около сотни хозяйственных и производственных сооружений. Все жилища более или менее однородны. Это полуземлянки, прямоугольные в плане, чаще даже близкие к квадрату. Площадь жилищ колеблется большей частью в пределах 12—20 кв. м. Их стороны — от 3.0 до 4.5 м. Самые крупные жилища — 4.7×4.5 м (например, 15), самые маленькие — 2.7×2.7 м (14). Жилища заглублены в материковый грунт в среднем на 1 м. В некоторых случаях, особенно на склонах, одна из сторон жилища достигает глубины 1.5 м.

Полы в жилищах материковые. В помещениях обнаружены столбовые ямы, однако количество и расположение их бывает совершенно различным. В наиболее полном варианте мы встречаем семь столбовых ям: в трех углах (кроме того угла, где стоит печь) и у середины каждой стороны. Случается, что столбовых ям меньше — всего четыре — у середины стен. Наконец, довольно часто встречаются жилища, в которых имеется всего по две столбовые ямы — у середины двух противоположных сторон. При этом линия между этими столбовыми ямами всегда перпендикулярна направлению топки печи. Глубина столбовых ям — от 15 до 50 см; в углах они круглые, а у середины стен часто удлиненно-овальные или удлиненно-прямоугольные.

В жилищах довольно часто встречаются следы сгоревшего дерева как от стен, так и от рухнувшего перекрытия. Стены обычно облицовывались плахами шириной 25—30 см. Плахи прижимались столбами к земляным стенкам котлована. В тех случаях, когда количество столбовых ям не превышало двух, следы деревянной облицовки стен все же имеются. Был ли это сруб или какая-либо другая конструктивная система — неясно. Сохранились куски глиняной обмазки, которой покрывались (целиком или частично) деревянные стены. В нескольких наименьших по величине жилищах не найдено никаких следов деревянной облицовки стен, а в жилище 44 на материковых глиняных стенках сохранились следы обмазки красной глиной. По-видимому, какая-то часть жилищ вовсе не имела деревянных стен.

В углу каждого жилища стояла печь, целиком вырезанная в глиняном материковом останце. Снаружи печь имела форму параллелепипеда и высоту от пола 60—90 см. Размеры печи в плане колеблются от 1.0×0.9 до 1.85×1.8 м. Внутри печи имеют топку, большей частью овальную в плане, размером от 55×50 до 85×70 см. Под расположен на уровне пола. В нескольких наилучше сохранившихся печах в вершине обнаружено круглое отверстие диаметром около 20 см. Во многих печах в завале найдены глиняные обожженные вальки-конусы. По заключению И. И. Ля-

[54] Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. . ., с. 268.

[55] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, № 74, 1958.

пушкина, эти вальки найдены лишь в тех печах, где видны следы каких-либо ремонтов или переделок печи.

В трех жилищах, расположенных на другом участке поселения (на северо-восточном склоне мыса), материк нельзя было использовать для устройства печей, так как он был мало пластичен, поэтому в этих жилищах печи не вырезаны в материке, а вылеплены из зеленоватой глины, принесенной со стороны. Конструкция же печей вполне идентична таковой остальных печей городища. Лишь в двух жилищах (7 и 29) печи имеют иную конструкцию: они вырезаны подбоем в виде ниши в стенке жилища. В жилищах 3 и 38 есть по две печи: обычная печь в материковом останце и вторая — в виде ниши. Печи, сделанные подбоем, обычно имеют высоту топки 35—40 см, а под их большей частью лежит примерно на 40—45 см выше пола жилища. В трех жилищах (19, 21, 22), кроме обычной печи, есть открытые очаги.

В нескольких жилищах обнаружены хозяйственные ямы, но в подавляющем большинстве ямы расположены вне жилищ, рядом с ними. Ямы имели, как правило, колоколовидную форму, т. е. несколько расширялись книзу. Судя по остаткам дерева, над ними существовали какие-то покрытия. На краю площадки найдены следы наземных хозяйственных построек в виде легких открытых навесов или сооружений со стенами из вертикально поставленных плах.

Жилища Новотроицкого городища в большинстве ориентированы углами по странам света, хотя в средней части городища значительная их часть ориентирована сторонами по странам света. Положение печей в жилищах самое различное, но можно отметить, что почти все полуземлянки, расположенные вдоль южного края городища, имеют печь в северо-восточном углу, а в жилищах северного края печь стоит в юго-западном углу. Учитывая, что края городища, особенно северный, заметно понижаются, можно полагать, что входы должны были быть сделаны с более низкого уровня, т. е. со стороны края. Особенно это заметно в жилищах 14, 35, 36, где глубина жилища в материке со стороны северного склона примерно в два раза меньше, чем с противоположного края (в жилище 35 соответственно 0.7 и 1.5 м). Во всех этих случаях предполагаемое место входа расположено так, что печь стоит напротив входа в правом заднем углу и обращена устьем ко входу. Такое же соотношение входа и печи можно отметить в жилище 42, где имеется специальная входная траншейка шириной 80 см и длиной около 2 м.

73. Петровское. На городище у с. Петровского на р. Ворскле в 1938 г. были раскопаны два полуземляночных жилища IX—X вв.[56] Оба они прямоугольные: жилище 1 — 3.8×3.4 м, жилище 2 — 3.9×3.8 м. Глубина в материке несколько менее 1 м (в среднем, так как жилища расположены на склоне). Печи занимают угол помещения и целиком вырезаны в материковом останце. В жилище 2 размер печи 1.4×1.3 м, высота 0.8 м. Топка в плане 70×70 см, высотой 50 см. В своде печи сохранилось круглое отверстие диаметром 12 см. Поды печей материковые, несколько врезанные (до 10 см) в пол. В жилище 1 столбовые ямы имеются в углах (кроме того угла, в котором стоит печь) и у середины стен. Ямы в плане полукруглые (т. е. не от бревен, а от плах), обращенные плоской стороной к земляным стенкам. Столбы стояли не совсем вплотную к материковым стенкам; зарыты они были на глубину до 60 см ниже пола. В жилище 2 столбовые ямы имеются только у середины стен. Кроме того, у стены, противоположной печи, как раз против устья расположена еще одна столбовая яма, быть может от косяка двери.

74. Битица. На Битицком городище в 1953 г. были проведены небольшие раскопки, в процессе которых удалось обнаружить три полуземляночные постройки, из которых две удалось раскопать целиком.[57] Все они относятся к VIII—X вв. Одно из жилищ имеет размер 3×3 м и углублено в землю на 75—85 см. Столбовых ям не обнаружено, но автор раскопок отметил, что при песчаном грунте они могли быть не видны. Печь устроена в виде ниши подбоем в стенке жилища; глубина ее топки 55 см, высота 35 см, ширина устья 60 см.

Вторая постройка несколько больше — 4×4 м и углублена всего на 25 см. В полу ее есть несколько ям, а в центре — открытый очаг диаметром около 1 м.

75. Горналь. На городище у с. Горналь на р. Псел в 1971 г. была раскопана постройка, углубленная от уровня древней поверхности на 20—60 см.[58] Постройка эта состоит из двух помещений — западного (4.8×4.2 м) и восточного (3.5×4.2 м). Помещения разделены материковой перемычкой. С западной стороны имеется вход в виде ступенек, а в северо-восточном углу восточного помещения — глиняная печь. При сооружении свода этой печи были использованы глиняные вальки. В углах постройки и у ее длинных сторон имеются столбовые ямы. В каждом помещении найдено по три большие хозяйственные ямы. Судя по керамике и находкам, постройка, по-видимому, относится к первой половине X в.

Авторы раскопок интерпретируют это жилище как двухчастное. Не исключена, однако, возможность, что это были две независимые полуземляночные постройки, быть может не вполне одновременные, котлованы которых были отрыты почти вплотную один к другому.

76. Гочево. На Гочевском городище в раскопках Б. А. Рыбакова в 1937 г. были обнаружены жилища, расположенные на склоне мыса.[59] Харак-

[56] Третьяков П. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. — В кн.: Археологія. Т. I. Київ, 1947, с. 126.

[57] Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа, с. 65.

[58] Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел. — АО 1971 г., 1972, с. 95.

[59] Эдинг Д. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. — ВДИ, 1938, № 1 (2), с. 143; Ры-

тер этих жилищ в силу их плохой сохранности не совсем ясен. Отмечено лишь, что стены жилищ были сделаны из тонких бревен, промазанных глиной; полы также были смазаны глиной. В жилищах сохранились печи, сложенные из камней и глины. В стенки печей и особенно в их своды были вставлены вальки, обожженные в процессе пользования печью.

Рядом с жилищами обнаружены грушевидные хозяйственные ямы.

77. Авдеевское селище. На Авдеевском селище был выявлен культурный слой IX—X вв.[60] По утверждению А. Е. Алиховой, здесь обнаружены наземные жилища. Доказательств существования таких жилищ и каких-либо данных об их конструкции не приводится.

78. Лицинское городище. Раскопками 1951 г. на Лицинском городище в слое конца IX—первой половины X в. вскрыто пять полуземляночных жилищ.[61] Глубина их пола от уровня древней поверхности 1.3—1.4 м. Жилища почти квадратные в плане, со сторонами 4.5—5.0 м. В углах полуземлянок — на материковых останцах и частично врезанные в эти останцы — расположены печи, сложенные из обожженных вальков на белой глине. В четырех случаях печи стоят в северном или северо-восточном углу, а в одном — в западном углу. Входы в жилища не найдены. В одном из помещений на полу обнаружены обгорелые доски — быть может, половицы. Имеются столбовые ямы, расположенные иногда в углах, иногда у середины стен, а иногда и в углах и у середины стен. Ямы эти находятся настолько близко к земляным стенкам, что между солбами и стенками могли поместиться только доски или тонкие плахи, но не бревна.

Вне жилищ раскопаны зерновые и хозяйственные ямы.

79. Шуклинское городище. Шуклинское городище имеет культурные напластования эпохи раннего железа и славяно-русской поры.[62] Здесь было раскопано пять полуземляночных жилищ VIII—X вв. Те жилища, контуры которых определились достаточно ясно, имеют прямоугольную форму. Длина их стенок от 2.5 до 3.6 м, глубина в материке до 1 м. В большинстве полуземлянок обнаружены столбовые ямы. В особенности четко это выявлено в жилище 2, где наряду с округлыми ямами в углах вскрыты сдвоенные столбовые ямы у середины стен. В углах жилищ стояли глинобитные печи. Их под расположен либо на уровне пола, либо приподнят на небольшом материковом возвышении (до 10 см). Своды печей не имели деревянного каркаса. В одном из жилищ в конструкции печи использованы глиняные вальки. Два из этих жилищ ориентированы сторонами по странам света, а остальные углами.

80. Игрень. В Надпорожье разведками А. В. Бодянского были обнаружены славянские жилища VII—IX вв. у с. Игрень на левом берегу Днепра, у с. Волошского близ устья р. Суры, напротив о. Кизлевого, у с. Дибрового и в других местах.[63] Все жилища — прямоугольные полуземлянки с печами-каменками. Кое-где отмечено наличие столбовых ям. В жилище у с. Игрень сохранились остатки сруба.

81. Донецкое городище. На Донецком городище (иначе — городище у с. Карачевки) было раскопано несколько полуземляночных жилищ VIII—X вв.[64] Они были вытянуты в одну линию. Глубина жилищ в материке 1.15—1.25 м; размер их сторон 3.9—4.5 м. В жилищах сохранились следы сгоревшей облицовки стен в виде плах шириной 12—15 см. Стороны плах, обращенные внутрь жилища, отесаны. Плахи были прижаты к земляным стенкам с помощью столбов, расположенных на расстоянии нескольких сантиметров от земляных стен. От столбов сохранились ямы, круглые или квадратные в углах и продолговатые у середины стен. В углах жилищ стояли печи, вырезанные в материковых останцах и имевшие приблизительно прямоугольную форму. На некоторых из них найдены большие глиняные жаровни. В трех жилищах в стенках сохранились остатки небольших проемов, некогда облицованных досками. Так, например, в жилище В такой проем начинался на глубине около 80 см от пола и имел ширину 72 см, а наружу он постепенно сужался (до 65 см) и выклинивался. В одном жилище (жилище Г) сохранились ступеньки входа, облицованные деревом. Ширина входа 1.12 м. Вход был расположен так, что печь стояла слева рядом с входом, но была обращена устьем к задней стене.

82. Коробовы Хутора. На городище у с. Коробовы Хутора (на р. Северский Донец) обнаружено поселение роменской культуры.[65] Жилища здесь полуземляночного типа с печами-каменками.

83. Титчиха. В 1954—1962 гг. были произведены систематические раскопки на городище Трудень у хут. Титчихи, относящемся к IX—X вв.[66] За этот период были вскрыты 46 жилищ и большое количество хозяйственных ям. Все жилища — прямоугольные, близкие к квадрату полуземлянки. Размер их сторон от 3.5 до 5.2 м, площадь земляных котлованов от 10 до 28 кв. м. Средняя глубина жилищ в материковом грунте 0.5—1.0 м, наибольшая глубина до 1.25 м.

баков Б. А. Отчет о раскопках в Гочеве. — Архив ЛОИА, ф. 2, № 259, 1937, с. 3—5.

[60] Алихова А. Е. Авдеевское селище и могильник. — МИА, № 108, 1963, с. 84. — На селище имеются как более древние слои — черняховские, так и более поздние — эпохи Киевской Руси. (Лапушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. . . , с. 159).

[61] Засурцев П. И., Лисицына Н. К. Лицинское городище. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 46.

[62] Никольская Т. Н. Шуклинское городище.— КСИИМК, вып. 72, 1958, с. 66.

[63] Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине, с. 194.

[64] Шрамко Б. А. 1) Новые детали устройства ранneславянских жилищ. — СА, 1960, № 3, с. 319; 2) Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 300; 3) Раннеславянское поселение VIII—X вв. на Донецком городище. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 106.

[65] Шрамко Б. А. Древности Северского Донца, с. 301, прим. 1.

[66] Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Больше половины раскопанных жилищ имеет столбовые ямы в углах, а во многих случаях и у середины всех сторон. Угловые ямы круглые; в них стояли столбы диаметром 20—30 см. Ямы у середины стен в большинстве удлиненные; в них стояли плахи, иногда по две рядом (например, в жилище 46). Столбы были расположены близко к материковым стенкам. С наружной стороны к этим столбам примыкали плахи, составляющие облицовку стен жилищ. Ширина плах около 20 см при толщине 2—3 см. В жилище 9 обнаружено пять таких плах, расположенных одна над другой, а прижимавший их столб у середины стены сохранился на высоту 70 см. Пространство между облицовкой стен и материковой стенкой забивалось меловой щебенкой. На одной из плах облицовки стен (в жилище 39) в месте, где она была прижата вертикальным столбом, найдено вырубленное углубление.

Во многих жилищах на городище Трудень стены были сделаны не из плах, а в виде сруба. В срубах, выполненных из тонких бревен (диаметром 10—15 см), столбовых ям обычно немного. В этом случае столбы большей частью стоят не во всех углах, а иногда в жилище имеются всего одна-две столбовые ямы. При этом столбовые ямы иногда расположены не с внутренней стороны деревянных стен, а в слое щебеночной забутовки между срубом и материковой стенкой котлована.

В нескольких случаях отмечено, что деревянные (срубные) стены жилища ограничивали значительно меньшую площадь, чем площадь земляного котлована. Так, например, в жилище 36 размер котлована 5.0×4.6 м, а размер помещения, сооруженного в этом котловане, приблизительно 4.0×3.8 м.

В углах жилищ стояли печи-каменки. Все они были устроены на полу, и их под слегка врезался в пол — не более чем на 20 см. Основным материалом для постройки печей были камни, большей частью песчаник, размером 16—20 см. Чаще всего эти камни укладывались на глине, хотя отмечены печи, сложенные без всякого связующего. Иногда остов печи возводился из глины и был обложен снаружи (а порой и внутри) камнями. В двух жилищах обнаружены печи, целиком сделанные из глины, и лишь за задней стенкой одной из них имелась каменная выкладка. В жилище 25 в качестве основания печи частично использованы невысокие стенки, вырубленные в материковом меловом останце, а в жилище 21 — в глиняном останце. Верхние части этих печей также были сложены из камней.

Поды печей овальные, реже круглые, большей частью материковые, но иногда подмазанные глиной. Размер подов от 0.5 до 1.0 м. Снаружи форма печей в большинстве случаев близка к прямоугольнику. Иногда около печей отмечены небольшие ямки от столбиков, очевидно служивших для крепления печи.

Жилища большей частью ориентированы углами по странам света. Печи стоят, как правило, в северной половине жилища, чаще всего в северном углу.

Вход в виде ступеньки обнаружен лишь в одном жилище (20). Однако во многих жилищах у одной из стен отмечены дополнительные столбовые ямы, не связанные с креплением деревянной облицовки. Иногда таких ям было две. По-видимому, это следы столбов, стоявших у входа. Во всех случаях, когда направление входа определялось таким образом, оказывается, что вход расположен напротив печи, т. е. печь всегда стоит в правом заднем углу жилища и обращена устьем ко входу.

В нескольких жилищах были найдены куски сгоревшего дерева от кровли. В жилище 12 оказалось возможным определить, что упавшие деревянные части — это плахи, имевшие в ширину около 20 см и лежавшие параллельно направлению топки печи. В некоторых жилищах крыша была, видимо, обмазана глиной.

В трех жилищах (7, 9, 23) обнаружены небольшие столбовые ямки, вероятно от ножек стола и скамьи. Около жилищ 34 и 35 снаружи видны ямки от частокола — ограды двора.

Жилище 3 имеет примыкающую к нему с юго-востока прямоугольную пристройку площадью несколько более 2 кв. м, соединенную с жилищем проходом шириной около 1 м. Пол самого жилища находился на глубине 1.15 м от поверхности материка, а пол пристройки ниже пола жилища еще на 15—18 см. В углах пристройки имеются прямоугольные в плане столбовые ямы. В процессе раскопок в пристройке найдено несколько горшков.

Вне жилищ на городище было обнаружено много различных по форме хозяйственных ям, расширяющихся или сужающихся книзу, цилиндрических и бесформенных. Над некоторыми ямами стояли какие-то навесы, свидетельством чего являются ямки от столбиков. Сохранились столбовые ямы от прямоугольных наземных построек, возможно служивших стойлами для скота.

84. Архангельское городище. На Архангельском (Голышевском) городище раскопана наземная прямоугольная постройка, определенная по ямам от столбов.[67] Размер постройки 10×8 м. Найдены куски глиняной обмазки с отпечатками жердей. Возможно, что постройка имела не жилое, а хозяйственное назначение, поскольку ни печи, ни очага в ней не было найдено. Время постройки — IX—X вв.

85. Большое Боршевское городище. В 1928—1933 гг. были произведены раскопки на Большом Боршевском городище, относящемся к IX—X вв.[68] Раскопано 13 жилищ и 5 хозяйственных построек. При раскопках выяснилось, что некоторые жилища соединяются друг с другом, образуя сложные переходы. Позднее, анализируя опубликованную документацию, И. И. Ляпушкин показал, что никаких переходов между жилищами на Боршевском городище не было, а связь между жилищами объясняется тем, что они были построены

[67] Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. — КСИИМК, вып. 62, 1956, с. 91.

[68] Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. — МИА, № 8, 1948, с. 14.

не одновременно и некоторые были врезаны в заброшенные более ранние жилища.[69] Таким образом, жилища Большого Боршевского городища в действительности представляют собой отдельные, вполне самостоятельные полуземлянки. Благодаря тому, что жилища были врезаны в материковую меловую толщу, благодаря относительно хорошей сохранности дерева, а также тщательности раскопок и ясности документации материалы Большого Боршевского городища представляют собой очень важный источник по истории древнерусских жилищ.

Полуземлянки имеют четырехугольную, часто почти квадратную форму. Размер их сторон от 3.5 до 4.9 м. Самые крупные жилища — 4.9×4.6 м (17) и 4.9×4.3 м (21). Самые маленькие — 3.5×3.5 м (9 и 12). Они врезаны в материковую скалу на разную глубину, в среднем около 1 м. Часто жилища размещаются на склоне, и тогда одна их сторона заглублена в материк меньше, чем другая. Наибольшая глубина жилищ на отдельных участках 1.75 м, полы материковые.

Во всех раскопанных жилищах имеются столбовые ямы — в углах и у середины стен. Угловые ямы круглые, глубиной от 10 до 40 см и диаметром в среднем около 25 см. Промежуточные ямы, т. е. расположенные у середины стен, удлиненные. По отпечаткам видно, что в них стояли плахи, обращенные плоской стороной к стенам, а полукруглой — внутрь жилища. Иногда эти ямы настолько велики по длине, что, очевидно, были предназначены для установки парных столбов. В жилищах 5 и 9 на дне длинных ям действительно сохранились следы двух пластин, обращенных плоскими сторонами к стене.

Столбы служили для поддержания перекрытия, а частично и для крепления деревянных стен жилищ. Последние вилотную примыкали к столбам с наружной стороны, а пространство между деревянными стенами и материковыми земляными стенками плотно забивалось меловой щебенкой. Толщина слоя такой забутовки 10—15 см, иногда до 35 см. Сами стены делались либо из плах (шириной около 20 см, толщиной около 4 см), либо в виде сруба из тонких бревен (диаметром 10—15 см). Срубы были рублены «в обло». Примененное дерево — исключительно дуб. Бревна шли в строительство даже неокоренными. В нескольких случаях деревянные стены сохранились на высоту трех венцов. Нижние венцы срубов в ряде случаев лежали в специально выдолбленных небольших канавках.

В тех жилищах, где стены были срубными, количество столбовых ям такое же, как в жилищах, где стены были из пластин. Однако в двух жилищах (5 и 8) при срубной конструкции стен отсутствуют угловые ямы и имеются столбовые ямы только у середины стен.

В нескольких жилищах найдены остатки сгоревшего дерева, по-видимому от перекрытия кровли.

В углах жилищ стояли печи.[70] Они более или менее однотипны. Нижняя их часть обычно вырублена в материковой меловой толще и представляет собой углубленный под и ограждающие его с трех сторон невысокие стенки. Над этой материковой основой из камней — иногда на глине, а иногда, видимо, без всякого связующего — возводились стенки и свод. Для устья печей использовали более крупные плоские камни, а в задней части печи — мелкие валуны. Под обычно имеет овальную форму и лежит несколько ниже уровня пола, хотя есть примеры, когда под находится немного выше пола. Размер пода от 50 до 90 см. Снаружи печи большей частью имеют приблизительно прямоугольную форму и размер от 1.1 до 1.7 м. В некоторых случаях отмечено наличие близ углов печей маленьких столбовых ямок. В двух жилищах найдены обломки глиняных жаровен, стоявших на печах.

Рядом с печью в жилищах 2 и 8 в материковой стенке обнаружена врезка — нечто вроде окна или отдушины. Ширина ее 50 или 90 см; расположена она на высоте около 60 см от пола. В материк врезка заглублена на 56 или 30 см; она постепенно сужается и выклинивается по мере удаления от стены жилища.

Все жилища Большого Боршевского городища ориентированы сторонами по странам света. В семи жилищах, находящихся в средней и восточной частях городища, там, где склон понижается к востоку, печи стоят в северо-западных углах. В одном жилище в центральной части и в двух — в западной, где склон понижается к западу, печи стоят в северо-восточных углах. Наконец, в двух жилищах в юго-западной части раскопа печи расположены в юго-западных углах. Входов в жилища нигде не удалось проследить. Тем не менее во многих случаях направление входов можно установить. Значительная часть жилища расположена на склоне, и естественно, что при большой разнице глубин входы должны были быть расположены в самой мелкой части жилища. В таком случае печь всегда оказывается в заднем от входа углу и обращена устьем ко входу. При этом в пяти жилищах (9, 12, 15, 17, 19) печь стоит в правом заднем углу, а в двух жилищах (21 и 22) — в левом заднем углу.

Между жилищами было расположено несколько построек, имевших, видимо, хозяйственное назначение. Им свойственны меньшие, чем у жилищ, размеры и отсутствие печей. Так, например, размер постройки 10 — 3.2×2.25 м; она была срубной (диаметр бревен около 10 см) и не имела столбовых ям. Площадь этой постройки внутри сруба 2.7×2.0 м. В ней сохранились остатки досок пола, чего не было отмечено больше ни в одной постройке на этом городище.

Вне построек обнаружено несколько хозяйственных ям колоколообразной формы. Их верх-

[69] Л я п у ш к и н И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. — КСИИМК, вып. 68, 1957, с. 3.

[70] Исследователи, производившие раскопки, отмечают, что в жилищах стояли печи и очаги. Однако полное совпадение очагов с конструкцией нижней части печей заставляет полагать, что в действительности данные очаги — это лишь нижние части разрушенных (вернее, разобранных на камень) печей.

ний диаметр около 1 м, нижний до 1.5 м, глубина около 1 м. На склонах городища отмечены ямки от наземных навесов хозяйственного назначения.

86. Малое Боршевское городище. На Малом Боршевском городище были раскопаны 4 жилища, идентичных жилищам Большого Боршевского городища.[71] Все они относятся к IX—X вв.[72] Это прямоугольные, почти квадратные полуземлянки, углубленные в материк в среднем на 1 м. Размер их сторон колеблется от 3.5 до 4.3 м. В трех жилищах столбовые ямы находятся как в углах, так и у середины стен, а в четвертом ям меньше, но зато в полу видны углубления для укладки нижнего венца сруба. Печи имеют под, слегка углубленный в материковый пол и окруженный с трех сторон стенками из камней на глине или без нее. Верхние части печей не сохранились, от них остались только разбросанные камни. В двух жилищах рядом с печью отмечены небольшие выемки в стенках — по-видимому, нижние части окон или отдушин.

По краям жилищ на поверхности сохранились легкие валообразные возвышения из меловой щебенки — очевидно, остатки земляных стенок или земляной подсыпки деревянных стен.

Жилища ориентированы углами по странам света. В зависимости от их расположения на склоне печи стоят то в южном, то в северном или восточном углу — большей частью (в трех случаях из четырех) в самом глубоком месте жилища. Поскольку вход должен был быть расположен в самой мелкой части, очевидно, что печи находились напротив него, в правом заднем углу, и были повернуты устьем ко входу.

87. Кузнецовское городище. При раскопках 1928 и 1933—1934 гг. на Кузнецовском городище были вскрыты 18 жилищ и несколько хозяйственных сооружений IX—X вв.[73] Они мало отличаются от жилищ Большого и Малого Боршевского городищ и представляют собой прямоугольные, большей частью близкие к квадрату полуземлянки с размерами сторон от 3.0 до 4.5 м, хотя встречаются жилища и меньшего размера (например, жилище 6 — 3.0×2.6 м). Жилища заглублены в грунт на 70—85 см. В некоторых из них столбовые ямы имеются во всех углах и у середины стен; в других есть всего одна-две столбовые ямы.

В углах жилища размещаются печи-каменки. Их под находится на уровне пола или же несколько врезан в него. Верхние части печей не сохранились, от них найдены лишь камни, иногда вместе с глиной. Жилища ориентированы, как правило, сторонами по странам света. Печи расположены большей частью в северной половине жилища — в северо-западном или северо-восточном углу. В жилище 1, кроме остатков печи в северо-западном углу, имеется еще сильно обожженное пятно в центре помещения — видимо, следы очага.

На Кузнецовском городище раскопаны три постройки, по-видимому служившие для обработки железа. Они по существу ничем не отличаются от обычных жилищ и, возможно, совмещали функции жилища и мастерской. Размеры их сторон от 2.8 до 4.0 м, глубина заложения в материке около 50 см. В них имеются столбовые ямы и остатки деревянной облицовки стен. В углах стояли обычные печи-каменки. Единственное отличие этих построек от рядовых жилищ — наличие наряду с бытовым инвентарем большого количества железного шлака (в постройке 1 собрано до 80 кг шлака).

На этом же городище обнаружены три хозяйственные постройки, отличавшиеся от жилищ меньшими размерами (стороны от 1.25 до 2.0 м). Две постройки не имели печей и служили, судя по находкам, кладовыми для хранения зерна. В одной из них пол был устлан берестой. В третьем помещении сохранились остатки печи, сложенной из камней на глине, а также обломки большой глиняной жаровни, видимо стоявшей на печи.

88. Городище у Михайловского кордона. На городище у Михайловского кордона обнаружено большое количество западин от полуземляночных жилищ.[74] Все они ориентированы сторонами по странам света. Два жилища были раскопаны. Они относятся к IX—X вв. Это квадратные полуземлянки, заглубленные в грунт немногим более 1 м. Стороны их от 4.0 до 4.5 м. Столбовых ям нет. В северо-восточном (жилище 1) или северо-западном углу (жилище 2) расположены остатки печей-каменок. Размер печи снаружи приблизительно 1.4×1.0 м, пода — 70×70 см.

89. Белогорское городище. На городище в процессе археологической разведки в обрезе берега были зачищены остатки двух полуземляных жилищ, подобных по форме и устройству жилищам Боршевских городищ.[75] В заполнении одного из жилищ отмечена прослойка обожженной глины — вероятно, остатки глиняной обмазки крыши.

90. Нижний Воргол. На городище у с. Нижний Воргол при раскопках 1961 г. было обнаружено полуземляночное жилище, углубленное в материковый грунт на 55—60 см.[76] Жилище ориентировано сторонами по странам света и имеет размер 2.45×3.0 м. В углах обнаружены столбовые ямы, а вдоль земляных стенок прослежены остатки сгоревших плах. Кроме дерева, в заполнении жилища отмечено также наличие кусков глиняной обмазки.

---

[71] Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 72.

[72] А. Н. Москаленко датирует Малое Боршевское городище более узко — только X в. (Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону. — В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж, 1966, с. 128).

[73] Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 91. — Городище это находится на территории Воронежа и иногда упоминается в литературе под названием городища у Дома отдыха им. Горького.

[74] Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 107.

[75] Москаленко А. Н. Городище Титчиха, с. 16; Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966, с. 74.

[76] Прях ин А. Д. Археологические памятники боршевской культуры на реке Воргол. — В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 1. Воронеж, 1963, с. 118.

В северо-западном углу, несколько отступя от земляных стенок, расположены остатки печи-каменки (автор публикации ошибочно считал ее открытым очагом), материковый под которой чуть заглублен по отношению к уровню пола. В восточной части южной стены есть ступенька входа.

Автор публикации датирует городище X—началом XI в. Однако, судя по тому что здесь преобладает лепная керамика, поселение скорее относится к первой половине X в.

91. Цимлянское городище. Очень большое количество жилищ было вскрыто раскопками на Левобережном Цимлянском городище, представляющем собой остатки хазарского города Саркела, позднее ставшего русским городом Белой Вежей. В результате раскопок, проведенных здесь в 1934—1936 гг., и особенно в результате крупных археологических работ 1949—1951 гг. на городище были обнаружены остатки более 1000 жилых построек, из которых не менее 70 находилось в относительно хорошей сохранности. Этот материал был позднее обработан и издан В. Д. Белецким.[77] Разделив все обнаруженные жилища на группы и сопоставив эти группы с найденным в жилищах археологическим материалом, В. Д. Белецкий пришел к выводу, что к славяно-русской культуре относятся жилища следующих групп.

Группа 3 — полуземляночные и наземные жилища с печами-каменками. Полуземлянок такого типа обнаружено 26, а наземных жилищ всего 4.[78] В. Д. Белецкий относит возникновение данной группы жилищ ко времени до разгрома хазар Святославом и связывает их появление здесь с более ранним движением славян на юго-восток,

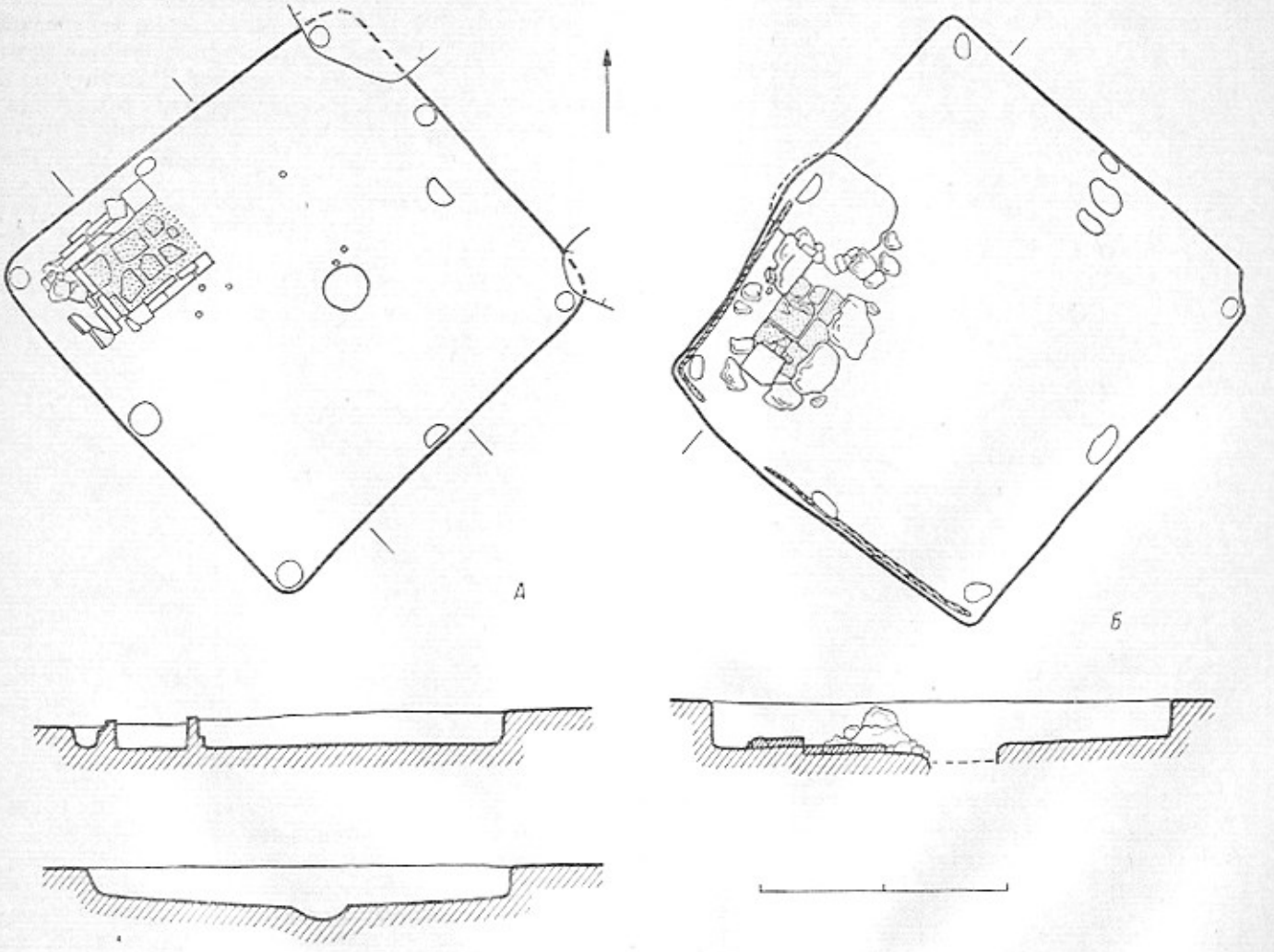


Рис. 8. Цимлянское городище—Белая Вежа. (Волго-Донская экспедиция. М. И. Артамонов).
А — жилище 15; *Б* — жилище 21.

[77] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959.

[78] Классификацию жилищ В. Д. Белецкий производил по типам печей. Поэтому некоторые жилища, в которых не сохранились печи, не попали в его классификацию. Так, помимо четырех наземных жилищ, приведенных в работе Белецкого, из материалов раскопок известны еще два совершенно таких же наземных срубных жилища, несомненно относящихся к той же этнической и хронологической группе.

начавшимся, возможно, еще в VIII в. По мнению М. И. Артамонова, славянское население появилось в Саркеле лишь после взятия этого города Святославом и, следовательно, жилища данной группы могут относиться не к VIII—X вв., как считает В. Д. Белецкий, а лишь ко второй половине X в.[79]

Группа 4 и часть группы 5 (I и II подгруппы) — полуземляночные жилища с глинобитными печами и с печами, сложенными из кирпичей. Всего таких жилищ открыто 45. Они относятся к последующему по отношению к группе 3 периоду жизни русского населения Белой Вежи, т. е., по-видимому, к концу X и к XI в.

Группа 6 — наземные постройки, стены которых сложены из сырцовых кирпичей. Таких построек обнаружено много — около 60, но все они находятся в очень плохой сохранности. Данные жилища связаны с русским населением, жившим здесь в XII—XIII вв.

Полуземляночные жилища древнейшего этапа жизни славянского населения в Белой Веже (т. е. 3-я группа жилищ по классификации В. Д. Белецкого) имеют прямоугольную форму (рис. 8). Размеры их более 4 м (жилище 40 — 4.5×4.2 м) и немного меньше 3 м (жилище 18 — 3.1×2.8 м; жилище 27 — 3.0×2.77 м). Размер маленькой полуземлянки 26 — 2.8×2.8 м, но она, быть может, имела не жилое, а хозяйственное назначение, поскольку в ней не было найдено печи (впрочем, часть этого жилища была разрушена и возможно, что именно в уничтоженной части стояла печь).

Глубина пола жилища от древнего уровня поверхности нигде не была определена. Однако кое-где отмечено, что земляные стенки жилища имеют высоту до 60 см, а в жилище 27, где в качестве стенки использована кладка хазарской постройки, высота эта равняется 1 м. Почти во всех жилищах есть столбовые ямы, причем большей частью не только в углах, но и в середине каждой стены. Отмечено, что столбовые ямы, расположенные у середины стен, большей частью имеют не круглое, а овальное или полукруглое сечение. Это свидетельствует о том, что угловые столбы были круглыми бревнами, а столбами у середины стен служили не бревна, а плахи. Всего в нескольких случаях раскопанные полуземлянки не имели столбовых ям. В жилище 27 это явно объясняется тем, что здесь в качестве одной стены жилища была использована кладка хазарского сооружения, а остальные стены были доложены кирпичами, взятыми из этого же полуразрушенного сооружения.

Впрочем, использование кирпичей или кирпичных хазарских кладок для стен жилищ было скорее исключением. Как правило, славянские жилища совершенно не считались с планировкой хазарской крепости, кроме общей ориентации (углами по странам света), которая диктовалась направлением крепостных стен. Иногда славянские жилища даже врубались в кирпичную кладку так, как они обычно врезались в землю.

Стены жилищ были деревянными. Остатки (или иногда отпечатки) досок или плах сохранились

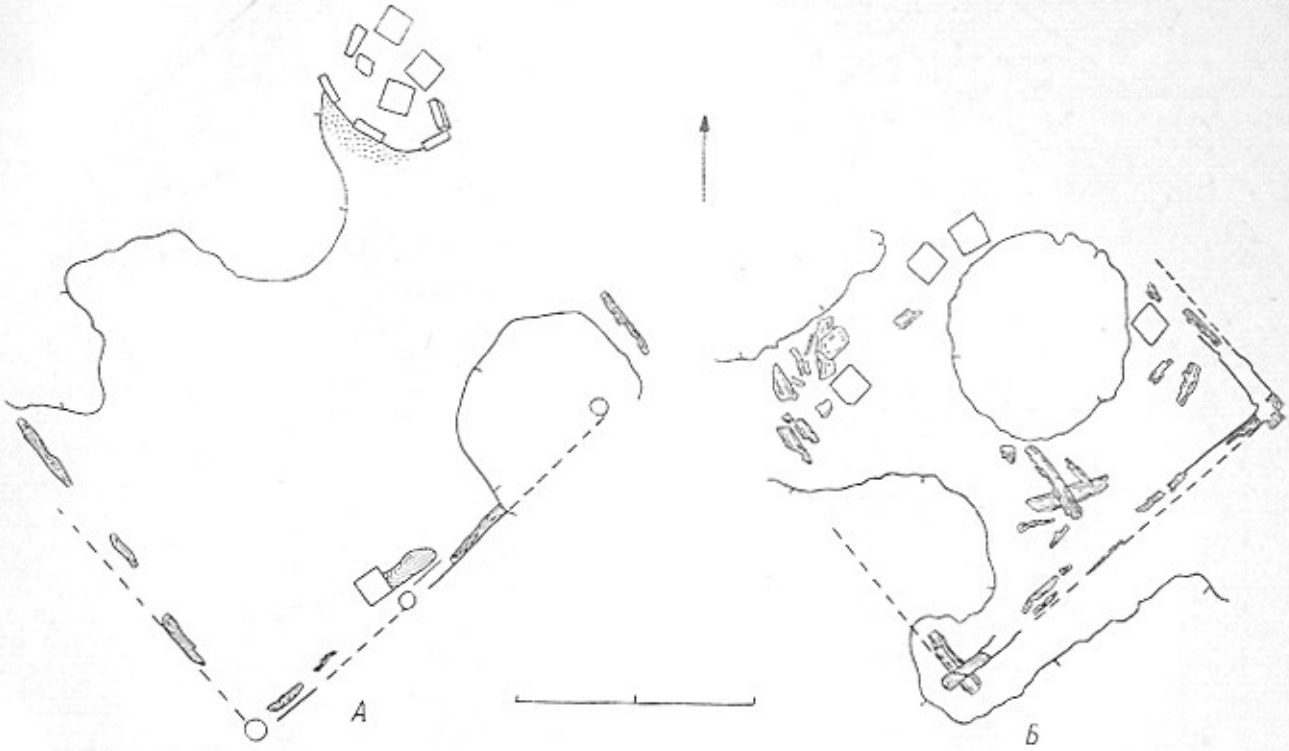


Рис. 9. Цимлянское городище—Белая Вежа. (Волго-Донская экспедиция. М. И. Артамонов).
А — жилище в кв. $Е_6$—$Ж_5$; *Б* — жилище в кв. $Н_{25}$—$О_{26}$.

[79] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи, с. 134, прим. 171. — Более подробно об этом см.: Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, с. 62.

на многих земляных стенках жилищ. Эти доски были прижаты к земляным стенкам с помощью столбов. Полы жилищ земляные, иногда подмазанные глиной.

В одном из углов каждого жилища стояла печь. Печи строили из камней. При этом контур топки и ее перекрытие обычно сооружали из более крупных камней, а сбоку и снаружи печь обкладывали более мелкими камнями. Вместе с камнями часто использовали куски кирпичей. В ряде случаев весь контур топки окружали поставленными на ребро кирпичами; из кирпичей делали и свод печи. Печи имели круглую или подковообразную форму, а топка была большей частью почти прямоугольная в плане. Размер печей от 0.8×0.75 до 1.2×1.3 м. Поды печей, как правило, находились на уровне пола и были либо глиняными, либо выложенными из кирпичей. В жилище 32 печь построена в специальной яме, углубленной на 47 см ниже пола. В жилище 8 печь врезана в стенку жилища и также опущена ниже пола (на 20 см). Около печей часто отмечали наличие небольших ямок от кольев, которые, видимо, служили для укрепления печи.

Специальные входные устройства в жилищах отсутствуют. Но в некоторых случаях наличие у одной из стенок дополнительной столбовой ямы, видимо, указывает на местоположение входа.[80] Если такое предположение правильно, то входы устраивали так, что печь находилась в правом заднем углу жилища и была обращена устьем ко входу. Впрочем, возможно, что в жилище 18 печь стояла в левом заднем углу и была повернута устьем вдоль задней стены.

Все жилища ориентированы углами по странам света в соответствии с ориентацией сооружений хазарской крепости. Печи стояли в различных углах, хотя можно отметить, что в половине изученных жилищ они располагались в западном углу.

Помимо полуземлянок к древнейшему этапу жизни славянского населения в Белой Веже относится несколько наземных жилищ (рис. 9 и 10). Это были срубные постройки с печами-каменками. Они настолько плохо сохранились, что даже их первоначальные размеры не удалось определить. Погибшая в пожаре постройка 41 сохранилась несколько лучше других. Длина одной из ее стен 4.2 м. В западном углу жилища стояла печь, сложенная из камней и обломков кирпичей. В жилище, расположенном в кв. $Е_8$—$Ж_9$, наряду с остатками нижнего венца сруба обнаружены три столбовые ямы вдоль юго-восточной стены, видимо от стульев. Несколько нерегулярно расположенных столбовых ям отмечено также в жилище 49, деревянные стены которого полностью исчезли. В жилище, расположенном в кв. $Н_{25}$—$О_{26}$, на углу сруба прекрасно сохранилась врубка «в обло». Длина одной из сторон этого жилища 3.4 м.

В полуземляночном жилище 19 и в наземном жилище в кв. $Н_{25}$—$О_{26}$ обнаружен слой перегоревшей соломы и куги, вероятно от кровли.

92. Ближняя Мельница. В нижнем течении р. Чир близ хут. Ближняя Мельница было обнаружено славянское поселение IX в.[81] Здесь раскопаны 4 полуземляночных жилища, но только одно из них сохранилось целиком. Жилища почти квадратные в плане, со сторонами 3.2—3.9 м, углубленные от уровня древней поверхности на 60—80 см. Имеются столбовые ямы — обычно по две-три в каждом жилище. Пол материковый, иногда подмазанный глиной. В жилище 2 сохранились остатки печи-каменки, имевшей снаружи приблизительно прямоугольные очертания —1.4××1.2 м. Под ее находится на уровне пола и имеет размер 70×50 см. В жилище 3 в середине одной из сторон подбоем в материковой стенке вырезана печь. Под ее также лежит на уровне пола; глубина топки 90 см, высота 25 см. В этом же жилище сохранились остатки открытого очага. Рядом с жилищами имеются хозяйственные ямы. В жилище 2 такая яма находится в специальной нише внутри самого жилища. В жилище 4 найдена небольшая предпечная яма.

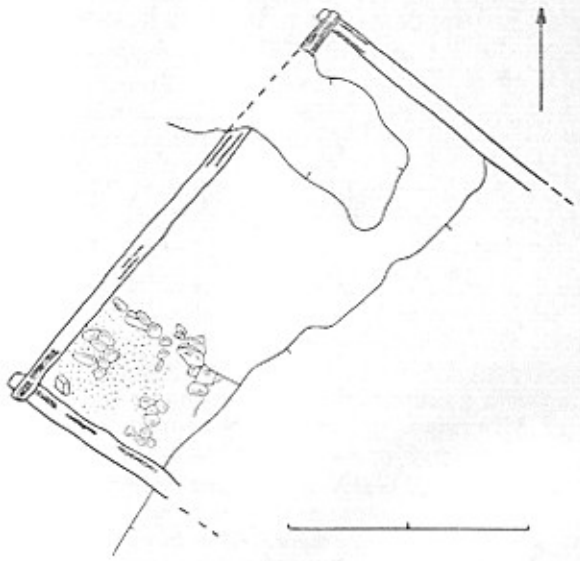


Рис. 10. Цимлянское городище—Белая Вежа. (Волго-Донская экспедиция. М. И. Артамонов). Жилище 41.

[80] Такое предположение выдвинуто Белецким (Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи, с. 84).

[81] Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. — МИА, № 62, 1958, с. 337.

ГЛАВА 3

ЖИЛИЩА VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в. (ЛЕСНАЯ ЗОНА)

93. Подрижье. На поселении у с. Подрижье (или Подриже) на р. Стоходе в 1968 г. раскопано несколько раннеславянских полуземляночных жилищ.[1] Жилища эти разновременны. Жилище 5 автор раскопок относит к VII—VIII вв., а жилище 6 — к VIII—IX вв. В углах жилищ сохранились ямы от угловых столбов, частично выдвинутые за контур котлована. Вдоль стен выявлены остатки обгорелых, горизонтально лежавших бревен.

Оба жилища ориентированы (очень приблизительно) сторонами по странам света и заглублены в материк на 40—50 см. Размер жилища 5 — 5.7×5.4 м, а жилища 6 — 4.3×3.4 м. В первом жилище печь стоит в северо-восточном углу и обращена устьем к югу, а напротив нее в южной стене имеются ступеньки входа. Во втором жилище печь расположена в северо-западном углу. Печи подковообразные в плане, глинобитные. Вокруг печи жилища 5 сохранились ямки от вертикальных столбиков и следы деревянной обкладки, а у печи жилища 6 — остатки вертикальных столбиков каркаса.

94. Бабка. На поселении близ городища у с. Бабки раскопаны два полуземляночных жилища.[2] Размер их 4.5×4.0 и 4.0×4.0 м, глубина 20 см. В углах жилищ обнаружены остатки округлых глинобитных печей, имевших диаметр до 1 м. Сохранились следы деревянного каркаса свода печи.

Судя по тому, что среди материала, найденного в жилищах, преобладала лепная керамика, но имелось до 30% круговой, жилища датируются временем до середины X в.

95. Хотомель. На селище Хотомель раскопками 1954—1957 гг. обнаружено 12 полуземляночных жилищ.[3] Исходя из того, что найденная в них керамика на 30% круговая, а вся лепная посуда подправлена на круге, жилища можно отнести к IX—X вв.

Жилища расположены в два ряда соответственно направлению находящегося рядом вала. Ряды эти не строго параллельны, четкой линии прохода между ними нет.

Жилища прямоугольные, размером большей частью 6×5, 6×4, 4×3 м. Глубина их от 20 до 40 см, изредка несколько больше — до 80 см. Пол ровный, стенки почти отвесные. Форма жилищ не всегда правильная из-за того, что они врезаны в песчаный грунт.

Печи глинобитные, округлые, с глиняным подом. Сохранились ямки от деревянного каркаса и следы центрального столбика, видимо поддерживавшего свод печи в процессе ее сооружения. Внизу, под подом, повсюду выявлены ямки, заполненные золой. Печи стоят большей частью в юго-восточных углах жилищ, хотя в двух случаях они расположены у середины восточной стены, в одном — в северо-западном и еще в одном — в северо-восточном углу.

Рядом с жилищами обнаружены хозяйственные ямы и следы кольев каких-то сооружений.

96. Ходосовичи. При раскопках поселения у с. Ходосовичи в слое, относящемся к концу I тыс. н. э. (по-видимому, IX в.), выявлены два полуземляночных жилища.[4] Размер их 3.5×3.2 и 4.0×3.5 м.

97. Колочин. Близ городища Колочин в 1960 г. было раскопано полуземляночное жилище, которое, судя по керамике, относилось к VIII—IX вв.[5] Жилище ориентировано сторонами по странам света. Котлован имел размер 4.85×4.15 м; стенки его сохранились на высоту

---

[1] Русанова И. И. 1) Исследования раннеславянских поселений на Волыни. — АО 1968 г., 1969, с. 324; 2) Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, Е1-25, 1973, с. 44.

[2] Кухаренко Ю. В. 1) Памятники пражского типа на территории Поднепровья. — Slavia Antiqua, Warszawa—Poznań, 1960, VII, p. 119; 2) Средневековые памятники Полесья. — САИ, Е1-57, 1961, с. 34.

[3] Кухаренко Ю. В. 1) Памятники пражского типа на территории Поднепровья, с. 120; 2) Средневековые памятники Полесья, с. 22.

[4] Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Языческое святилище в земле радимичей. — СА, 1972, № 1, с. 148.

[5] Симонович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине. — МИА, № 108, 1963, с. 123.

около 35 см. Вдоль стенок лежали остатки сгоревших плах, однако неясно, являются ли они остатками сруба или же облицовкой стен столбовой конструкции. Внутренний размер жилища, определяемый обгорелыми плахами, 4.4×3.6 м. Столбовые ямы имелись лишь в двух углах, но, кроме того, отмечено наличие ряда более мелких ямок, в том числе, по-видимому, и от внутреннего оборудования.

С юга в жилище ведет вход в виде ступеньки. По сторонам входа сохранились две ямки, видимо от ограждения двери. В северо-западном, т. е. в левом заднем от входа, углу расположена печь-каменка с устьем, направленным по диагонали жилища. Наружный размер печи 1.0×0.9 м. Под ее находится на уровне пола.

При раскопках выявлены два обгорелых бревна, лежащих поперек жилища в направлении запад—восток; быть может, это остатки конька крыши.

98. Чулатово. В 1968 г. на поселении у с. Чулатово раскопано полуземляночное жилище VIII—X вв.[6] Размер его 3×3 м, глубина 50—60 см. Пол слегка понижается к середине. Жилище ориентировано углами по странам света; в северном углу расположена печь, обращенная устьем вдоль северо-восточной стены. Печь квадратная, вырезанная в материковом останце, размером 1.1×1.1 м. Стенки топки и под ее были обмазаны глиной, свод сложен из глиняных вальков. Под расположен на уровне пола жилища.

Столбовых ям в жилище нет. Вход в виде ступеньки находится напротив устья печи в юго-восточной стене.

99. Песочный Ров. На городище Песочный Ров было раскопано полуземляночное жилище VIII—IX вв.[7] Его размер 5×4 м, глубина около 1.5 м. Пол был смазан тонким слоем глины. В нижней части стен (близ пола) сохранились следы облицовки стен деревом — в одну доску. Жилище ориентировано углами по странам света; в его западном углу — остатки разрушенной печи-каменки, сложенной из кусков песчаника на глине. Под печи несколько углублен по отношению к уровню пола. У середины двух стен, противоположных печи, сохранились столбовые ямы.

100. Кветунь. На городище в с. Кветунь были обнаружены полуземляночные жилища роменского времени.[8] В них выявлены печи-каменки, сложенные из кусков железной руды. Одно такое жилище было раскопано в 1971 г.[9] Глубина земляного котлована этого жилища 70 см.

101. Трубчевск. На городище в г. Трубчевске при зачистке траншей военного времени были выявлены остатки полуземляночных жилищ с керамикой роменского типа.[10] Печи в них сложены из кусков болотной руды. В заполнении одного из жилищ отмечен слой пережженной соломы, быть может от сгоревшей кровли. В 1971 г. раскопками здесь была открыта хозяйственная яма колоколовидной формы, относящаяся к тому же времени, что и жилища.[11]

102. Макча. Близ г. Трубчевска на берегу р. Десны в 1948 г. было проведено обследование, а в 1956 г. — раскопки на городище в урочище Макча.[12] Поселение это многослойное; здесь найдена как штрихованная керамика, так и керамика роменского типа, а также круговая древнерусская. Несколько жилищ явно относятся к VIII—X вв. Это две полуземлянки, раскопанные целиком, и две, отмеченные при зачистке обрезов. Размер стенок жилищ от 4.0 до 4.9 м, глубина от 30 до 70 см. Жилища ориентированы сторонами по странам света. Печи в них расположены в северо-восточном углу. В одном из жилищ с юга имеется врезанный в виде коридорчика вход длиной 1.4 м. Печь в этом жилище стоит в правом углу напротив входа. Печи сложены из крупных кусков болотной руды и мергеля, но в завале печей, кроме того, много обожженной глины, а также глиняных вальков. В одном жилище печь вплотную примыкала к восточной стенке, в другом отделялась от стенки 20-сантиметровым слоем обожженного песка. Около обоих жилищ (вне котлована) обнаружены ямки от кольев. Столбовые ямы (в трех углах) отмечены только в одном жилище.

103. Выгоничи. На поселении у с. Выгоничи, относящемся ко второй половине I тыс. н. э., в 1956 г. были раскопаны 4 полуземляночных жилища.[13] Средний размер их 4×4 м, глубина от 0.6 до 1.0 м. В углах и у середины всех стен найдены столбовые ямы, причем ямы в углах жилищ круглые, а у середины стен удлиненные. В жилище 3 ямы есть только у середины стен. Ямы имеют плоское дно; это свидетельствует о том, что столбы не забивались в землю, а зарывались.

Жилища ориентированы углами по странам света. Печи в них расположены в разных углах. Сложены они из кусков железной руды и стоят на уровне пола жилищ.

Исходя из расположения столбовых ям, можно предположить, что в жилище 1 вход вел

---

[6] Горюнов Е. А. 1) Разведки в Среднем Подесенье. — АО 1968 г., 1969, с. 58; 2) Поселение у с. Чулатово. — КСИА, вып. 125, 1971, с. 41.

[7] Воеводский М. В. 1) Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. — КСИИМК, вып. XX, 1948, с. 39; 2) Городища Десны. — АП, I, 1949, с. 109.

[8] Сведения В. А. Падина (Трубчевск).

[9] Падин В. А. Раскопки в Кветуни. — АО 1971 г., 1972, с. 93.

[10] Падин В. А. 1) Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. — КСИИМК, вып. XXIII, 1948, с. 91; 2) Памятные места Трубчевского района. Брянск, 1968, с. 15.

[11] Раппопорт П. А. 1) Отчет о работе отряда по изучению жилищ в 1971 г. — Архив Инст. археол. АН СССР; Архив ЛОИА; 2) Трубчевск. — СА, 1973, № 4, с. 206.

[12] Падин В. А. 1) Роменское поселение в Трубчевском районе. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 109; 2) Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. — СА, 1969, № 4, с. 208.

[13] Ляпушкин И. И. 1) Славянские памятники второй половины I тысячелетия нашей эры верхнего течения р. Десны. — КСИИМК, вып. 74, 1959, с. 84; 2) Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда славянской археологической экспедиции 1956 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, № 28, 1956, с. 2.

с юго-запада, а в жилище 2 — с юго-востока. Если такое предположение правильно, то печи в обоих этих жилищах стояли в правом углу в глубине жилища и были обращены устьем ко входу.

104. Полужье. На поселении у с. Полужье в 1956 г. было раскопано одно полуземляночное жилище.[14] Размер его 3.4×3.4 м, глубина около 50 см. Жилище ориентировано углами по странам света. В западном углу на уровне пола расположена печь, обращенная устьем к северо-востоку. Она сложена из кусков железной руды. В углах жилища и у середины трех его стен имеются круглые столбовые ямы. Жилище это врезано в более раннюю полуземлянку, имевшую такую же ориентацию, но несколько больший размер (4.3×4.3 м) и меньшую глубину (25 см).

105. Лебедка. На селище у дер. Лебедки раскопками 1952—1953 гг. были обнаружены разновременные жилища.[15] К VIII—X вв. относятся 4 полуземлянки. Две из них квадратной формы (4×4 м), а две удлиненные. Глубина в материке от 0.6 до 1.6 м. В одном из жилищ отмечена одна угловая столбовая яма, в других столбовых ям нет. В квадратных постройках печи расположены в углах. Не вызывает сомнений, что эти постройки являются жилищами, хотя в их печах найдены куски руды и шлака. Удлиненные постройки, быть может, являются производственными: одна из них очень невелика (3×2.2 м), другая имеет обычные для жилищ размеры (5×4 м), но печь в ней расположена на длинной оси помещения, близ одного из торцов.

106. Белёв. На селищах близ г. Белёва разведкой 1895 г. было открыто несколько полуземляночных жилищ, относящихся, по-видимому, к X в.[16]

У дер. Береговой раскопана полуземлянка глубиной около 70 см. Размер ее сторон не определен. Судя по кусочкам обожженной глины и углям, в жилище, возможно, стояла глинобитная печь.

Близ монастыря Жабынь вскрыты две полуземлянки: одна со сторонами 3.5 м и глубиной около 1 м, другая со сторонами 3.8 м и глубиной 80 см.

107. Алеканово. На дюне Могилок близ с. Алеканова В. А. Городцов обнаружил остатки полуземляночных жилищ, а в них камни и обожженную глину, по-видимому от разрушенных печей. В 1930 г. эти данные были частично подтверждены при обследовании, проведенном Н. В. Говоровым. Ориентировочная дата поселения IX—X вв.[17]

108. Польное-Ялтуново. На селище близ дер. Польное-Ялтуново было обнаружено полуземляночное жилище размером 3.8×3.4 м.[18] В северо-восточном углу его сохранились остатки печи — куски обожженной глины, угли, обгорелые камни. Вход в жилище расположен напротив печи. Найденные фрагменты лепной и круговой керамики позволяют датировать жилище IX—X вв.

109. Псков. Раскопками, проведенными в 1946 г. в северо-восточной части Псковского Крома, было вскрыто наземное жилище, от которого сохранились четыре венца сруба.[19] Постройка имела размер 7×6 м, пол из плах, и, по-видимому, следы уничтоженной печи (угли, зола). Под стенами обнаружены деревянные столбы. Кроме того, отмечено наличие подвала. С. А. Тараканова датировала жилище VIII—IX вв.[20]

110. Георгий. Близ дер. Георгий в 1958 г. раскопаны остатки нескольких наземных жилищ.[21] От них сохранились развалы печей, а также куски глиняной обмазки, заполнявшей пазы между бревнами. Две печи были сложены из камней, а одна глинобитная. Судя по керамике, жилища относятся к VIII—IX вв.

111. Прость. На берегу р. Прость близ Новгорода в 1961 г. раскопаны остатки нескольких наземных жилищ.[22] От них сохранились развалы печей-каменок и темные полосы гумусированного песка (шириной 20—25 см, глубиной 5—7 см) — по-видимому, отпечатки сгнивших бревен стен. Отмечено, что такая темная полоса тянулась от одной столбовой ямы до другой; вероятно, это след стены, опиравшейся концами на стулья. Полос от поперечных стен не отмечено, так как их бревна, очевидно, лежали поверх продольных. Размер построек (очень приблизительный) 6×3 м. Следует отметить, что следы наземных сооружений на данном поселении настолько неясны, что не могут служить основанием для надежных выводов. Судя по керамике, жилища относятся к IX—X вв.

На том же поселении раскопана полуземлянка размером 3.9×2.8 м при глубине около 25 см. С юга в нее вел вход, а напротив него, близ левого заднего от входа угла, в яме глубиной около 30 см стояла печь. Печь эта глинобитная,

---

[14] Лянушкин И. И. 1) Славянские памятники второй половины I тысячелетия нашей эры верхнего течения р. Десны, с. 86; 2) Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда славянской археологической экспедиции 1956 г., с. 15.

[15] Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 177.

[16] Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. — Тр. XII АС, т. I, 1905, с. 527, 521.

[17] Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 162.

[18] Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники». — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 182.

[19] Тараканова С. А. Раскопки в Псковском Кремле. — КСИИМК, вып. XXI, 1947, с. 140. — Там же (в Кроме) раскопана полуземлянка, которую С. А. Тараканова, исходя из лепной керамики, относила к первым векам нашей эры (Тараканова С. А. 1) Раскопки в Псковском Кремле, с. 146; 2) Древности Псковской земли. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 215).

[20] С. А. Тараканова обычно сильно занижала даты. Поэтому очень возможно, что жилище в действительности относилось к несколько более позднему времени.

[21] Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961, с. 164.

[22] Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода. — СА, 1972, № 2, с. 131.

со следами каркаса из прутьев. В полуземлянке не было найдено ни керамики, ни других предметов быта. Поэтому С. Н. Орлов высказал предположение, что это не жилище, а производственное сооружение — помещение для копчения сетей дымом.

112. Рюриково городище. На так называемом Рюриковом городище под Новгородом в в 1969 г. были раскопаны остатки обгоревшего сруба.[23] В нем сохранились следы пола из плах, лежавших на лагах, а также скопление обожженных камней, по-видимому от печи. Под полом обнаружена хозяйственная яма длиной 2.3 м и глубиной 30 см; дно ее было выложено берестой. Судя по наличию лепной керамики, постройка относится ко времени до X в.

113. Иловец. В среднем горизонте славянского поселения у оз. Иловец (IX—X вв.) обнаружены развалы печей-каменок.[24]

[23] Пахомов Н. П. Раскопки Рюрикова городища. — АО 1969 г., 1970, с. 24.

[24] Урбан Ю. Н., Ивановская И. И. Работа Калининского отряда Верхневолжской экспедиции. — АО 1969 г., 1970, с. 35.

ГЛАВА 4

ЖИЛИЩА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X—XI в. (ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА)

114. Судовая Вишня. На городище Судовая Вишня, где в 1959—1961 гг. были произведены систематические раскопки, отмечено наличие двух этапов жизни.[1] Первый этап — X в., когда здесь существовало неукрепленное поселение, второй — XI в., когда на этой же территории была построена крепость.

К первому этапу относится 12 раскопанных жилищ, большая часть которых сохранилась очень плохо. Это полуземлянки, врезанные в материк всего на 20—30 см, в плане близкие к квадрату со сторонами от 3.5 до 4.7 м. Столбовые ямы в них встречаются лишь изредка. В некоторых жилищах найдены остатки бревен, что позволило автору раскопок выдвинуть предположение о срубных стенах, хотя остатков врубок не было обнаружено. В жилищах найдены завалы обожженных камней от печей-каменок. Круглые поды этих печей, расположенные на уровне пола, имели диаметр до 1 м.

Ко второму этапу жизни на поселении относится пять жилищ, обнаруженных на внутреннем склоне оборонительного вала и очень плохо сохранившихся. Автор раскопок считает их наземными. Однако расположение на склоне, деревянные стенки, выявленные на высоту до 30 см, развалы печей-каменок и некоторые другие косвенные данные свидетельствуют скорее о полуземляночных жилищах, врезанных не в материк, а в культурный слой.

Клети оборонительного вала в Судовой Вишне не были забиты землей и использовались как помещения хозяйственного назначения. Вряд ли они имели жилой характер, поскольку в них не было печей.

115. Чермно. В 1952 г. во время раскопок на городище в Чермне (древний город Червень) в слое XI в. была обнаружена полуземлянка, вскрытая лишь частично.[2] Она имела прямоугольные очертания и была заглублена на 80 см от древнего уровня поверхности. В полуземлянке сохранились остатки дерева от стен и несколько столбовых ям.

116. Ромош. В урочище Дыманица у с. Ромош на Западном Буге в 1968 г. были раскопаны два полуземляночных жилища и несколько хозяйственных ям.[3]

Жилище 1 имеет размер 5.46×4.65 м и значительную глубину — 1.26 м. Оно ориентировано углами по странам света. В восточном углу на расстоянии 70—80 см от земляных стенок была расположена глиняная печь. Под ее глиняный, со слоем керамики. Стенки печи, имеющие толщину 25—30 см, сохранились на высоту 25 см.

Жилище 2 — 5.3×4.9 м при глубине около 60 см. Земляные стенки этого жилища не вертикальные, а слегка наклонные. В северном углу расположена печь, представляющая собой прямоугольный блок размером 1.15×1.55 м, с устьем, обращенным на юг. Под печи овальный; стенки ее, имеющие толщину до 40 см, сохранились до высоты 60 см. С северо-запада в жилище ведет вход шириной около 1 м.

В. В. Аулих датирует жилище 1 VIII—IX вв. Однако наличие исключительно круговой керамики, а также утверждение автора, что хозяйственные ямы были заполнены материалом X—XI вв., дают основание предполагать, что оба жилища также относятся к X—XI вв.

117. Рипнев. На поселении у с. Рипнева (Рипнев I) было обнаружено несколько жилищ, относящихся к X—XI вв.[4] Они очень плохо сохранились. Два из них — полуземлянки, за-

---

[1] Ратич О. О. Результаты досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня. — МДАПВ, вып. 4, 1962.

[2] Nadolski A. Prace wykopaliskowe w Czermnie nad Huczwą. — Archeologia Polski, Warszawa—Wrocław, 1959, t. IV, z. 1, p. 93.

[3] Аулих В. В. Древнерусское поселение на Западном Буге. — АО 1968, г., 1969, с. 327.

[4] Захарук Ю. М., Ратич О. О. Слов'янське поселення біля с. Рипнів, Львівської області. — АП, V, 1955, с. 40.

глубленные примерно на 50 см от уровня древней поверхности. Размер их сторон 3.5×2.5 и 5.0×3.5 м. В обоих жилищах печи были целиком врезаны в материковые глиняные стенки так, что внутрь жилища выходило только устье. Поды печей — из мелкого камня и черепков керамики, смазанных глиной. Верхние части печей не сохранились.

Третье жилище (2) представляет собой яму неправильно-овальной формы. В ней обнаружена печина. Рядом с ямой (по обе стороны от нее) идут две параллельные линии столбовых ям. Возможно, что яма представляет собой разрушенную печь и большую предпечную яму, относившиеся к наземному жилищу, контуры которого определяются линиями столбовых ям.

118. Подгорцы. Планомерные археологические исследования на городище у с. Подгорцы (древний Плесневск) проводились в 1946—1949 и 1953—1954 гг.[5] За это время было вскрыто большое количество древних жилищ, относящихся к IX—XIII вв. Из них 24 постройки X—XI вв. (19 на детинце и 5 на посаде). Все эти жилища — полуземлянки. Они прямоугольные, реже квадратные. Размер их от 12 до 25 кв. м, в редких случаях — несколько больше, а одно жилище достигает 37 кв. м. Глубина в материковом грунте от 0.85 до 1.15 м. Все жилища (кроме одного) имели столбовые ямы. В нескольких случаях прослежены следы дерева от стен. В заполнении полуземлянок отмечено наличие земляных завалов вдоль стен; по-видимому, это свидетельствует о том, что стенки жилищ снаружи были подсыпаны землей.

Печи-каменки расположены в углах. В девяти жилищах обнаружены входы в виде вырезанных в грунте ступенек шириной 50—70 см. В двух жилищах эти входы представляют собой как бы самостоятельные помещения, очевидно, типа сеней; длина их 2.0—2.75 м, ширина 1.4—2.0 м. Вход всегда расположен так, что печь стоит против него, в правом заднем углу. При этом устье печи (там, где это можно определить) повернуто в сторону входа. В расположении входов и печей относительно стран света закономерности не наблюдается, хотя можно отметить, что входы чаще ведут с западной стороны.

В двух жилищах обнаружены по две печи-каменки. Во многих жилищах имелись ямы в полу. Часто они были корытообразной, почти прямоугольной формы и расположены близ стен. В двух жилищах отмечены предпечные ямы.

119. Зимно. На городище Зимно в 1959 г. была раскопана древнерусская полуземлянка.[6] Высота ее стенок, врезанных в грунт, около 1.0 м. Полуземлянка прямоугольная, очень небольшого размера — 2.25×1.75 м. Столбовых ям нет. Ориентирована углами по странам света. В северо-восточной стене у северного угла в материковый грунт подбоем врезана круглая печь. Под ее имеет диаметр около 1.1 м и лежит на уровне пола жилища. Под состоит из слоя земли (1 см), слоя черепков (3—4 см) и глиняной обмазки (2—3 см). Ширина устья печи 48 см.

120. Владимир-Волынский. На окраине Владимира-Волынского в урочище Белые Берега (теперь Красные Берега) в обрезе берега были отмечены следы полуземляночных жилищ. В 1955 г. одно такое жилище полностью раскопали (рис. 11).[7] Оно было ориентировано по странам света и имело

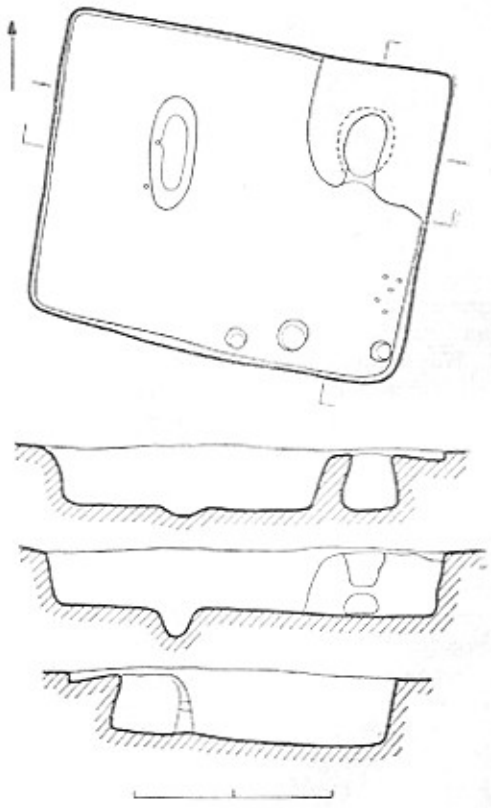


Рис. 11. Владимир-Волынский, Белые Берега. (Галицко-Волынская экспедиция 1955 г. М. К. Каргер).

прямоугольную форму — 3.76×3.40 м. Глубина его в материковом грунте около 60—70 см. Стенки котлована вертикальные, пол ровный. Северо-восточный угол жилища занимала печь, вырезанная в материковом останце. Она не отделялась от материковых стенок котлована, а сливалась с ними в единый массив. Наружный размер печи, имевшей слегка подковообразную форму, 1.25×1.32 м; размер пода 0.7×0.57 м. Под печи глиняный, материковый, расположен на уровне пола и очень сильно прожжен (на глубину до 20 см). Печь сохранилась до уровня поверхности материка. Из чего была сделана ее более верхняя часть (завершение свода) — не установлено. Печь обращена устьем к югу. Отверстие устья имело ширину 30 см и высоту несколько более 20 см. Столбовые ямы найдены лишь в юго-восточ-

[5] Кучера М. П. Древній Пліснеськ. — АП, XII, 1962, с. 20.

[6] Багрий Р. С. Нові слов'янські і древньоруські пам'ятки на території Волині. — МДАПВ, вып. 4, 1962, с. 127. — Автор датирует жилище IX—X вв., но, судя по керамике, оно скорее целиком относится к X в.

[7] Раскопки М. К. Каргера. Дневник раскопок. — Архив ЛОИА, ф. 35, № 47, 1955, л. 17—22; № 48, 1955, л. 10 (чертеж).

ном углу и у середины южной стены; по-видимому, это остатки косяков двери.

Остатки второго жилища, расчищенные в обрезе берега, отличались тем, что под печи здесь был расположен примерно на 25 см выше пола и вымощен черепками горшков.

Жилища относятся к X в.

121. Затурцы. На селище близ городища Затурцы в 1967 г. раскопаны два полуземляночных жилища.[8] Размер их сторон 4.0×3.25 и 3.2×3.15 м. В одном жилище совершенно нет столбовых ям, в другом есть лишь одна такая яма. С юга в обоих жилищах имеются слегка понижающиеся коридорчики-входы шириной несколько менее 1 м и длиной около 1.5 м.

Печи глинобитные, круглые, без каркаса. В одном из жилищ печь стоит в северном, в другом — в южном углу. Найдены куски глиняной жаровни. Под печей расположен на уровне пола.

Одно из жилищ, где печь стоит против входа, автор раскопок датирует VIII—X вв. (судя по наличию раннекруговой керамики, точнее — X в.). Во втором жилище, где печь стоит направо от входа, найдена керамика XI в.

122. Коршовское городище. На Коршовском городище, относящемся к X—XI вв., было раскопано несколько полуземляночных жилищ с печами.[9] Никаких описаний этих жилищ не опубликовано. Судя по тому что от печей сохранились куски обожженной глины, печи в жилищах были глиняными.

123. Усичи. У хут. Валентинов близ с. Усичи вскрыты 4 прямоугольные полуземлянки с круглыми глинобитными печами.[10] В кратких публикациях отмечено, что керамика в жилищах была круговой. Таким образом, жилища относятся ко времени не древнее X в.

124. Луцк. У с. Гнидава (предместье Луцка) были обнаружены древнерусские полуземлянки.[11] Две из них раскопаны. В них найдены глинобитные печи. Одна из печей круглая (диаметр ее пода около 1 м), со следами деревянного каркаса. В жилищах найдена круговая керамика, что датирует их временем не древнее X в.

В 1968—1969 гг. здесь были раскопаны еще 4 полуземлянки.[12] Площадь их от 9 до 20 кв. м. В углах стояли глинобитные печи. М. П. Кучера датирует эти жилища IX—X вв., однако, судя по тому что вся найденная здесь керамика изготовлена на круге, жилища, видимо, не древнее X в.

В различное время при земляных работах в Луцке неоднократно обнаруживали остатки древнерусских жилищ, однако никаких определенных сведений о них не сохранилось.[13]

125. Перемиль. На городище Перемиль во время раскопок 1963—1964 гг. было обнаружено несколько древнерусских жилищ.[14] Судя по найденной здесь керамике и другому материалу, жилища относятся к периоду с XI до XIII в. Древнейшими среди них являются две полуземлянки прямоугольной формы площадью 15—20 кв. м. В углах находятся глинобитные печи. Имеются столбовые ямы, расположенные не в углах, а ближе к середине стен.

126. Торговица. На городище в с. Торговице (или Тарговице) в 1971 г. исследовано полуземляночное жилище размером 4×3 м, углубленное в материк на 0.4—0.5 м.[15] Время сооружения жилища не вполне ясно; автор раскопок дает широкую датировку — X—XIII вв.

127. Острожец. На территории древнерусского поселения конца X—XI в. в с. Острожце в 1960 г. были обнаружены остатки нескольких жилищ, перерезанных выемкой шоссейной дороги. Два из них обследованы.[16] В 1965 г. здесь были проведены раскопки, в процессе которых были выявлены еще 3 полуземляночные постройки.[17] Одна из этих построек имела, по-видимому, не жилое, а какое-то производственное назначение. Две другие — обычные жилища (рис. 12).

Жилища в с. Острожце были заглублены в материковый грунт на 40—80 см. Они прямоугольные, ориентированы сторонами по странам света; размер их сторон от 3.1 до 4.0 м. Полы жилищ материковые, ровные, слегка понижающиеся к середине. В углах жилищ и у середины стен большей частью имеются столбовые ямы. Диаметр этих ям около 20 см (в жилище 1960 г. — всего 8 см); дно их не остроугольное, а округлое.

В северо-восточном углу каждого жилища стояла глинобитная печь. В одном из жилищ (раскопки 1960 г.) круглая печь (диаметром 1.3 м) была частично врезана в материковую стенку. Под ее состоял из слоя черепков, промазанного сверху глиной.

В жилище 1 печь также округлая, наружным диаметром около 1 м. Внутри печь почти прямоугольная, размер ее пода 70×46 см. Печь сбита из материкового суглинка с незначительным количеством гумусных вкраплений; каркаса она не имеет. Между печью и стенками

---

[8] Кучера М. П. 1) Раскопки у с. Затурцы на Волыни. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968, с. 195; 2) Раньосередньовічне городище поблізу с. Затурці на Волині. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971, с. 176.

[9] Информацию см.: Z otchłani wieków, Poznań, 1936, r. XI, p. 161; Leski Z. Wczesnohistoryczne grodzisko w Korszowie. — Przegląd archeologiczny, Poznań, 1937, t. VI, p. 109. — О датировке городища см.: Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 60.

[10] Fitzke J. Tegoroczne badania archeologiczne na Wołyniu. — Z otchłani wieków, Poznań, 1938, r. XIII, p. 128.

[11] Пелещишин М. А. Нові матеріали до археологічної карти Волині. — МДАПВ, вып. 3, 1961, с. 149.

[12] Кучера М. П. Розкопки на околиці Луцька. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ. 1972, с. 316.

[13] Ратич О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, с. 11.

[14] Доклад А. А. Ратича на сессии Института археологии АН СССР в г. Баку 12 апреля 1965 г. Тезисы доклада см.: Ратич А. А. Исследования городища в с. Перемиль на Волыни в 1963—1964 гг. — В кн.: Матер. сесс., посв. итогам археол. и этногр. иссл. 1964 г. Баку, 1965, с. 140.

[15] Пикольченко Ю. М. Древнерусское городище в с. Торговица. — АО 1971 г., 1972, с. 385.

[16] Раппопорт П. А. Археологические и архитектурные заметки. — КСИА, вып. 96, 1963, с. 32.

[17] Раппопорт П. А. Изучение древнерусских жилищ. — АО 1965 г., 1966, с. 170.

жилища есть пространство шириной от 12 до 30 см. Вокруг печи и внутри ее лежало много кусков глиняной жаровни, очевидно стоявшей на печи. Судя по найденным кускам, жаровня была прямоугольной, с сильно скругленными углами. Высота бортов жаровни около 12 см, толщина дна 2 см; нижняя ее часть имеет отпечатки соломы. Жаровня обожжена значительно меньше, чем обычные горшки. Основание печи было сделано следующим образом. В материке выкопали яму, углубленную на 30 см ниже пола жилища, по диаметру

странство от 8 до 15 см. Под печи обожженный, глиняный, без камней или черепков. Первоначально под был расположен несколько ниже пола, но позднее поверх этого пода была сделана глиняная подмазка толщиной около 9 см, служившая новым подом.

Входы в жилища не определены. Никаких остатков наземных частей также не обнаружено.

128. **Белёвское городище.** На Белёвском городище в 1966 г. было раскопано одно полуземляночное жилище, ориентированное сторо-

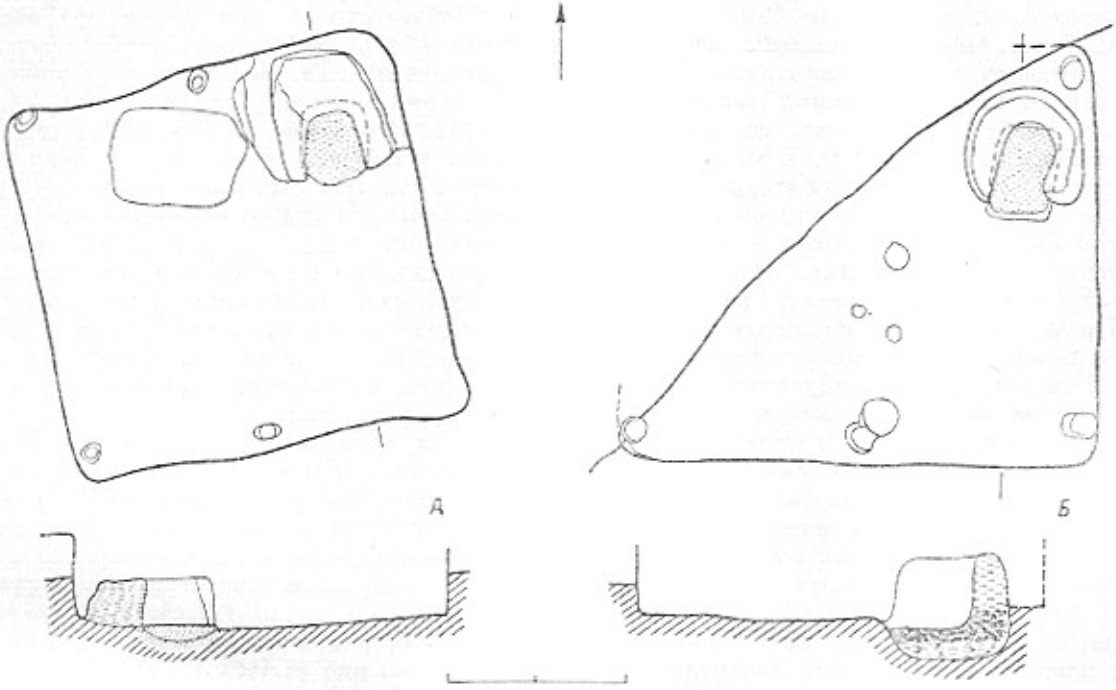


Рис. 12. Острожец. (Отряд по изучению жилищ 1965 г. П. А. Раппопорт. Раскопки М. В. Малевской).
А — жилище 3; *Б* — жилище 1.

равную наружному диаметру печи, и плотно забили ее кусками разломанного печного пода и стенок печи. Там же были найдены куски двух сосудов, угли, сильно пережженные куски жаровни. Забивка ямы двуслойная, причем верхний слой более насыщен керамикой и углем, чем нижний. Замечательно, что в гумусных прослойках стенки печи найден кусок сосуда, остальные куски которого были обнаружены в забивке ямы под печью. Таким образом, несомненно, что забивка ямы и строительство самой печи совершались одновременно. Наличие кусков разбитого печного пода и жаровни в забивке ямы под печью свидетельствует о том, что при постройке этой печи были использованы куски другой печи подобной же глинобитной конструкции.

Печь в жилище 3 имеет менее правильную форму; ее размер 1.1×0.9 м. Размер пода 62×54 см. Печь стоит на материковом возвышении высотой до 16 см. Стенки печи сбиты из гумусированного суглинка с вкраплением кусочков угля и обожженной глины. Она не имеет каркаса. Между печью и стенками жилища остается про-

нами по странам света.[18] Размер его 3.8×3.55 м, стены сохранились на высоту до 80 см. Пол ровный, слегка понижающийся к середине. В юго-западном углу стояла глиняная печь, низ которой был вырезан в материковом останце (размер останца 1.5×1.4 м). Стенки печи сохранились на высоту до 70 см. Под печи овальный (1.2×0.9 м), глиняный, с вмазанными черепками сосудов. К северо-западному углу жилища примыкает яма — по-видимому, остатки входа.

129. **Волица.** Во время разведки 1947 г., произведенной близ с. Волицы на правом берегу р. Иквы, обнаружена полуземлянка размером

[18] А у л и х В. В. 1) Древнерусские городища в Западной Волыни. — АО 1966 г., 1967, с. 249; 2) До питання про місцезнаходження літописної Пересопниці. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971, с. 65. — На основании найденного керамического материала В. В. Аулих датирует жилище XII—XIII вв., но в действительности приводимый им материал относится к XI в. К X—XI вв. относится и городище в целом (см.: Р а п п о п о р т П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., с. 40).

4.0×4.2 м.[19] Стены ее сохранились на высоту до 0.8 м. Во всех углах и у середины сторон найдены столбовые ямы. Отмечено, что столбовые ямы имели плоское дно, т. е. столбы были закопаны, а не забиты. В юго-западной стене расположен вход в виде небольшого пандуса шириной 50 см. По сторонам входа имеются две столбовые ямы. Печь не сохранилась. Керамика в полуземлянке относится к XI или XII в.

130. Листвин. На городище у с. Листвин в 1971 г. было раскопано полуземляночное жилище с печью-каменкой.[20] Размер его 4×4 м.

131. Городок. В с. Городке близ г. Ровно в 1926—1927 гг. были произведены небольшие раскопки древнерусского поселения.[21] Обнаружено несколько полуземляночных жилищ приблизительно квадратной формы, со сторонами 4—6 м. Глубина жилищ до 1 м. В углу каждого жилища стояла круглая глинобитная печь.

В одной полуземлянке глинобитная печь имела несколько больший размер, а поверх нее лежали камни со следами огня. Исследователь высказал предположение, что это не жилище, а баня. Кроме обычных однокамерных жилищ, отмечено одно жилище с двумя камерами, в каждой из которых имелась самостоятельная печь, а пол находился на разной высоте. Возможно, что автор публикации ошибся и принял за двухкамерное два разновременных самостоятельных жилища, слившихся одно с другим. Вне жилищ отмечены огнища и хозяйственные ямы.

В 1960 г. на этом поселении были раскопаны еще 4 полуземлянки, из которых три оказались относящимися к X—XI вв.[22] Жилища имели очень неопределенную форму, что, видимо, связано с их плохой сохранностью. Ориентированы они сторонами по странам света. Высота их стенок равна примерно 0.8—1.0 м. Два жилища несомненно первоначально были прямоугольными, со сторонами приблизительно 3.7×4.1 м. В северо-восточном углу, несколько отступя от земляных стенок, стояли глинобитные печи с подом, устроенным в виде небольшого углубления в полу. Форма печей округлая, диаметр пода около 75 см. В одном из жилищ под перемазывался три раза, причем нижний пласт включал черепки и мелкие камни, а два верхних — только камни. Столбовых ям в жилищах не обнаружено, лишь в одном из жилищ у южной стены напротив печи имеются две столбовые ямы, возможно отмечающие место входа. В этом же жилище вдоль стен сохранились следы сгоревшего дерева.

Третье жилище имеет очень удлиненные очертания (2.0×3.9 м). Печь здесь расположена в середине узкой восточной стороны. Она целиком врезана в материковую стенку и имеет под на 8 см выше пола. Под включает куски камня, черепки и кости животных. Диаметр пода около 1 м. Своеобразный план этой постройки позволяет предполагать, что она имела какое-то специальное — вероятно, производственное — назначение.

Поблизости, а частично и под этими жилищами обнаружены глинобитные печи такой же конструкции, как в жилищах, однако их связь с какими-либо сооружениями не установлена.

132. Лепесовка. В 1958—1961 гг. у с. Лепесовки в процессе раскопок поселения черняховской культуры было обнаружено 10 древнерусских печей.[23] Судя по керамике, найденной в этих печах, они относятся к X в. Несколько печей, возможно, были расположены на древнем уровне поверхности, большинство же их находилось в полуземляночных жилищах. Контуры жилищ проследить не удалось, но в нескольких случаях оказалось возможным определить, что печи стояли в углах жилищ.

Печи глинобитные, круглые или подковообразные в плане (рис. 13). Под находятся на уровне пола полуземлянок. Следов деревянного каркаса в сводах печей не обнаружено. В одной из печей целиком сохранился свод, в верхней части которого есть круглое отверстие. Большинство печей имеет размер около 1.0×1.15 м, хотя встречаются печи как несколько меньшие (0.9×0.83 м), так и большие (1.4×1.35 м).

Печи были расположены в четыре ряда; расстояние между этими рядами колеблется от 10 до 18 м. Ориентация устьев печей различная.

133. Крылос. На территории древнего Галича (городище у с. Крылос) три жилища X—XI вв. были обнаружены при раскопках 1955 г.[24] Это были полуземлянки, врезанные в материковый грунт примерно на 0.6 м. Они ориентированы сторонами по странам света с небольшими отклонениями. Жилище 1, раскопанное на детинце, имеет размер 4.0×3.7 м, жилища на окольном городе — 3.0×2.6 м (жилище 2) и 4.5×4.1 м (жилище 3). Во всех жилищах найдены столбовые ямы диаметром от 15 до 25 см и глубиной от 25 до 40 см. Эти ямы имеются во всех углах, а в двух более крупных жилищах (1 и 3) также и у середины всех стен. Входы в жилища не прослежены. В жилище 2 пол был покрыт тонким слоем чистого песка.

Печи расположены в углах. В жилище 1 печь стояла в юго-западном углу и была, видимо, повернута устьем по диагонали жилища, т. е. к его середине. Печи в жилище 2 и 3 стояли в северо-западном углу и были повернуты устьем к востоку, т. е. вдоль северной стены. Все печи

---

[19] Смішко М. Ю. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. — АП, III, 1952, с. 362.

[20] Пелещишин Н. А., Чайка Р. М. Раскопки у с. Листвин на Волыни. — АО 1971 г., 1972, с. 315. — Авторы раскопок датируют жилище широко — XI—XIII вв. В действительности весь культурный слой городища целиком относится к X—XI вв. (см.: Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., с. 62).

[21] Drewko M. Sprawozdania z czynności państwowego konserwatora zabytków przedhistorycznych na okręg Lubelski. — Wiadomości archeologiczne, 1929, t. X, p. 284; 1935, t. XIII, p. 295.

[22] Багрий Р. С. Нові слов'яньскі і древньоруські пам'ятки на території Волині, с. 120. — Р. С. Багрий датирует эти жилища IX, в., но приводимая им керамика относится скорее к X—XI вв.

[23] Сведения М. А. Тихановой.

[24] Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 62.

сложены из камней: в жилищах 1 и 2 — насухо, а в жилище 3 — на глине. Поды печей глиняные и лежат на уровне пола. Печи имеют довольно значительные размеры; так, овальный под печи в жилище 1 — 1.2×1.5 м. В жилищах 1 и 3 перед печами расположены довольно глубокие (30—40 см) предпечные ямы.

Замечательной особенностью жилища 2 является проход (шириной до 1 м), соединяющий его с круглой ямой (диаметром около 1.5 м). Дно ямы и прохода лежит на 10 см выше пола

ляются от 3.0 до 4.8 м, площадь — от 9 до 20 кв. м. Жилища чаще ориентированы сторонами по странам света; в северо-восточном или северо-западном их углу расположена печь-каменка. Обнаружены остатки деревянных стен, а также куски глиняной обмазки и глиняного заполнения между деревянными стенами и земляными стенками котлована. В трех жилищах выявлены следы срубной конструкции, а в одном, по-видимому, столбовой. В трех жилищах имелись ступеньки входов. Печи в этих жилищах стояли в заднем

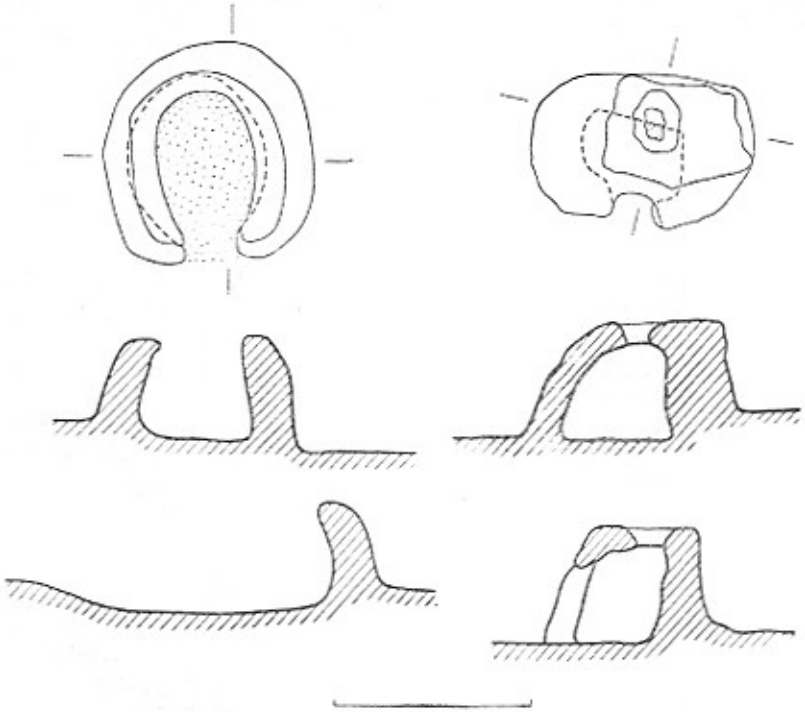


Рис. 13. Глинобитные печи. Лепесовка. (Днестровско-Волынская экспедиция 1959 и 1960 гг. М. А. Тиханова).

жилища. На дне ямы обнаружено много обломков керамики X—XI вв. таких же типов, как в самом жилище. Очень вероятно, что эта постройка служила гончарной мастерской.[25]

В раскопках 30-х годов XX в. на детинце близ северо-западного угла Успенского собора была обнаружена полуземлянка с печью-каменкой, по-видимому вполне аналогичная тем, которые были вскрыты в раскопках 1955 г.[26] Однако автор раскопок Я. Пастернак полагал, что это не жилище, а баня, поскольку печи-каменки в Галиче в то время еще не были известны.

В 1969—1971 гг. на территории городища было раскопано еще несколько полуземляночных жилищ X—XI вв.[27] Размеры их сторон колеблются от 3.0 до 4.8 м, площадь — от 9 до 20 кв. м. Жилища чаще ориентированы сторонами по странам света; в северо-восточном или северо-западном их углу расположена печь-каменка. Обнаружены остатки деревянных стен, а также куски глиняной обмазки и глиняного заполнения между деревянными стенами и земляными стенками котлована. В трех жилищах выявлены следы срубной конструкции, а в одном, по-видимому, столбовой. В трех жилищах имелись ступеньки входов. Печи в этих жилищах стояли в заднем углу от входа и были обращены устьем в сторону входа. Рядом с жилищами вскрыты хозяйственные ямы.

Одно из жилищ, раскопанных в 1969 г., в древности сгорело и было восстановлено, причем пол его был поднят на 40—50 см выше уровня первоначального материкового пола. Пол нового жилища был сделан из слоя желтой глины толщиной 10—15 см.

В 1971 г. было раскопано полуземляночное жилище (3×3 м, глубина 0.76 м), в полу которого имелись ямы от небольших столбиков. Пространство между столбиками и стенками котлована было занято глиной, очевидно заполнявшей щель между деревянными стенами жилища и бортом котлована. Печь в этом жилище стояла в юго-восточном углу и была обращена устьем к северу. Печь прямоугольная, сложенная из круп-

[25] Малевская М. В. Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 33.

[26] Пастернак Я. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, с. 144.

[27] Аулих В. В. 1) Работы Галичской экспедиции. — АО 1969 г., 1970, с. 289; 2) Раскопки древнего Галича. — АО 1970 г., 1971, с. 298; 3) Дослідження Галича і Дорогобужа. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972, с. 294; 4) До ранньої історії Галича. — В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей. XV наукова конф. Інст. археол. АН УРСР. Одеса, 1972, с. 350; 5) Археологические исследования древнего Галича. — АО 1971 г., 1972, с. 379.

ной гальки, размером 1.24×0.96 м, с устьем шириной 35 см и подом 95×45 см.

134. Городница. В 1938—1939 гг. у с. Городницы на Днестре было раскопано несколько четырехугольных полуземляночных жилищ с печами в одном из углов и с археологическим материалом эпохи Древней Руси.[28]

135. Перебыковцы. На поселении у с. Перебыковцы обнаружено несколько полуземляночных жилищ XI в.[29] Раскопаны два таких жилища. В них найдены печи-каменки.

136. Белая. На древнерусском селище у с. Белая на пологом склоне раскопано одно полуземляночное жилище.[30] Оно ориентировано сторонами по странам света; северный его край врезан в материк на 90 см, а южный, расположенный ниже по склону, всего на 20 см. Размер жилища 3.4×3.2 м. Земляной пол ровный, слегка понижающийся к середине. В северо-восточном углу находится печь-каменка, стенки топки которой сложены из камней диаметром 30—40 см. Под, лежащий на уровне пола, обмазан глиной; он подковообразный в плане и имеет в длину 80 см. В завале печи найдены куски большой глиняной жаровни, очевидно стоявшей на печи.

В северо-западном и юго-западном углах жилища имеются столбовые ямы диаметром 25—30 см. Близ стен найдены куски глиняной обмазки с отпечатками дерева, в том числе отпечатками бревен и щелей между ними.

Судя по находкам, сделанным в жилище, оно относится к X—XI вв.

137. Грозинцы. На городище у с. Грозинцы в слое X—XI вв. обнаружены остатки полуземляночных жилищ с печами-каменками.[31]

138. Рудь. На поселении Рудь, расположенном в долине нижнего течения Днестра, выявлены многочисленные прямоугольные в плане полуземляночные жилища.[32] Поселение это возникло в VIII—IX вв. и существовало до XII—XIII вв., но основная масса археологического материала относится к X—XI вв.

В жилищах сохранились остатки печей, сложенных из камня, возможно с применением глины. Обнаружены также хозяйственная яма, очаги и печи вне жилищ. В одном из жилищ выявлены остатки обугливщегося сруба.

На территории неукрепленного поселения, примыкавшего к городищу, в 1969 г. была раскопана полуземлянка X—первой половины XI в. Размер ее 4.4×4.0 м, глубина от уровня древней поверхности около 1.5 м. Ориентировка — сторонами по странам света. Столбовых ям нет. В юго-западном углу найдены остатки прямоугольной печи, сложенной из известняковых камней и глины.

139. Алчедар. Большое количество жилищ (около 70) было раскопано на городище Алчедар и особенно на прилегающем к нему селище.[33] Весь комплекс относится к периоду от конца IX до начала XII в. Основной тип жилищ — прямоугольные полуземлянки (рис. 14, 15). Часть из них не имеет столбовых ям, другие имеют всего одну такую яму в средней части жилища, в некоторых (самых больших) имеются столбовые ямы во всех четырех углах, а иногда и у середины каждой стены. В углах жилищ стояли печи-каменки, сложенные без связующего, с широким устьем и глиняным подом, расположенным на уровне пола жилища. В нескольких случаях отмечено наличие печей, вырезанных в материковых останцах или же сделанных подбоем в земляной стенке котлована жилища. В некоторых жилищах найдены куски обмазки, некогда покрывавшей деревянные стены. Состав заполнения жилищ дал основания автору раскопок считать, что для утепления полуземлянки имели земляную засыпку поверх кровли.

Кроме полуземлянок, раскопаны также наземные жилища, имевшие несколько больший размер, чем полуземлянки, и снабженные очагами или небольшими печами. Автор раскопок выдвинул предположение, что наземные постройки были летними, а полуземлянки — зимними жилищами. Одно из таких наземных жилищ на городище имело площадь 22 кв. м. Судя по сохранившимся кускам обмазки, стены его состояли из плетня, обмазанного глиной. По наружному периметру стен шла каменная вымостка. Находки, сделанные в этом жилище, позволили Г. Б. Федорову интерпретировать его как мастерскую оружейника.

Между жилищами были вскрыты хозяйственные ямы и очаги.

140. Екимауцы. На селище, расположенном вокруг Екимауцкого городища, было отмечено наличие нескольких десятков жилищ. Шесть из них было раскопано.[34] Все жилища — прямоугольные, почти квадратные полуземлянки, заглубленные в материк на 0.8—1.0 м (рис. 16). В части жилищ столбовые ямы имеются во всех четырех углах, в других есть всего по две столбовые ямы у середины противоположных стен, а в ряде полуземлянок столбовых ям нет совсем.

---

[28] Ратич О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР, с. 45.

[29] Тимощук Б. А. Славянские памятники Перебыковской излучины Днестра. — АО 1970 г., 1971, с. 293.

[30] Сведения Б. А. Тимощука.

[31] Тимощук Б. А. Древняя крепость восточных славян. — АО 1971 г., 1972, с. 375.

[32] Федоров Г. Б. 1) Древнерусское поселение Рудь. — АО 1969 г., 1970, с. 356; 2) Раскопки Прутско-Днестровской экспедиции. — АО 1970 г., 1971, с. 282; 3) Древнерусское поселение на севере Молдавии. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972, с. 145.

[33] Федоров Г. Б. 1) Население Юго-Запада СССР в I—начале II тысячелетия н. э. — СЭ, 1961, № 5, с. 97; 2) Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. — КСИА, вып. 99, 1964, с. 79; 3) Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 году. — В кн.: Кратк. сообщ. о полевых исследованиях Одесск. гос. археол. музея 1962 г. Одесса, 1964, с. 74; 4) Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, № 89, 1960, с. 283; 5) Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. — КСИА, вып. 113, 1968, с. 90.

[34] Федоров Г. Б. Посад Екимауцкого поселения. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 272. — Весь комплекс датируется IX—началом XI в. Поселение вокруг городища имеет более узкую дату — X—начало XI в. (см.: Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг., с. 78).

В одном из углов каждого жилища расположена печь-каменка, сложенная из известняковых камней без связующего. Для топки использованы плоские обработанные камни, а для свода более мелкие и бесформенные. Под печей лежит на уровне пола или в небольшом линзовидном углублении. Под обычно имеет подмазку из нескольких слоев глины, а кое-где подмощен мелкими камнями. Форма пода прямоугольная, длина 90—95 см, ширина 45—55 см.

щее напластования трех различных культур: славянской, балкано-дунайской и молдавской. Среди раскопанных жилищ два (1а и 3) могут быть достаточно уверенно отнесены к славянской культуре и датируются XI в.[37] Оба жилища — прямоугольные в плане полуземлянки, заглубленные в грунт на 60—90 см. Размер их 4.6××4.5 и 3.7×3.6 м. Жилище 1а ориентировано по странам света углами, а печь в нем занимает западный угол. Жилище 3 ориентировано сторо-

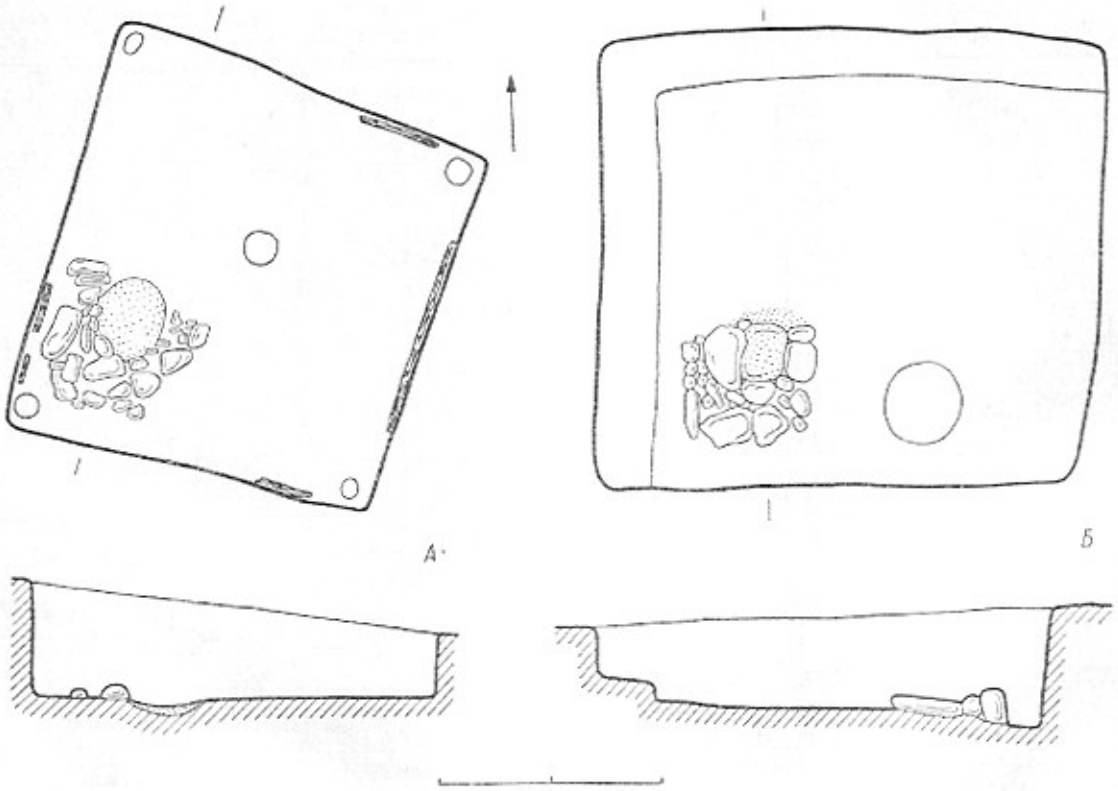


Рис. 14. Алчедар, посад. (Прутско-Днестровская экспедиция 1963 г. Г. Б. Федоров).
А — жилище 37; *Б* — жилище 35.

Наличие вне жилищ скоплений печины и обмазки привело автора раскопок к выводу, что, кроме полуземлянок, здесь существовали и наземные жилища, уничтоженные при распашке.

На городище Г. Б. Федоров отмечает полуземляночные жилища, врезанные в грунт на 0.3—1.5 м и имевшие площадь от 12 до 45 кв. м.[35] Вырезанные в материке стенки образовывали столы и лежанки, а наземные части, по предположению Г. Б. Федорова, были сделаны из жердей, обмазанных глиной. Автор раскопок предположил, что печи в этих жилищах были глиняными, хотя никаких остатков этих печей, по-видимому, не обнаружено. В одном случае были найдены остатки печи, вырезанной в материковом останце.[36]

141. Лукашевка. На селище Лукашевка V близ г. Оргеева обнаружено поселение, имею-

нами и имеет печь в юго-западном углу. Печи каменки сложены из известнякового плитчатого камня. В жилище 3 печь имела приблизительно прямоугольные очертания, а на ней была расположена глиняная жаровня, обломки которой найдены в развале печи. Под печи в жилище 1а был расположен на уровне пола и имел диаметр около 90 см. Под печи жилища 3 был несколько ниже пола и имел следы подмазки глиной.

142. Червоное. На селище близ городища Червоное (или Червоне) раскопано полуземляночное жилище.[38] Размер его 4.3×3.3 м. Сохранились остатки срубных дубовых стен. Пол

[35] Федоров Г. Б. 1) Городище Екимауцы. — КСИИМК, вып. 50, 1953, с. 116; 2) Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. — КСИИМК, вып. 56, 1954, с. 17.

[36] Сведения сообщены Г. Б. Федоровым.

[37] Хынку И. Г. 1) Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев, 1969, с. 6; 2) Селище Лукашевка V. — В кн.: Матер. и иссл. по археол. и этногр. Молдавск. ССР. Кишинев, 1964, с. 132.

[38] Хавлюк П. И. 1) Древньоруські городища на Південному Бузі. — В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 165; 2) Материалы из городищ уличей на Южном Буге. — АО 1971 г., 1972, с. 380.

жилища подмазан глиной. В углу расположена печь, сложенная из больших гранитных камней. В 1971 г. здесь раскопано еще одно аналогичное жилище размером 4.5×4.3 м, глубиной 60 см. Печь-каменка имела размер 1.45×1.65 м. Оба жилища относятся к X в.

143. Киев. Подавляющее большинство жилищ древнего Киева, обнаруженных при археологических раскопках, относится к XII—XIII вв. Выделение среди раскопанных жилищ более ранних сопряжено со значительными трудностями. Тем не менее несколько полуземляночных жилищ все же удалось достаточно уверенно датировать XI в. Сюда относится прежде всего полуземлянка из раскопок 1955 г.[39] Это квадратная постройка — 4×4 м; стены ее сохранились на высоту 60 см. В углах имеются столбовые ямы. Жилище ориентировано углами по странам света. В южной части юго-восточной стены расположен вход, а напротив входа, в западном углу, стоит печь. Устье печи шириной 45 см обращено в сторону входа. Под лежит на 15 см выше уровня пола. Размер пода 0.8×1.0 м. Стенки печи глиняные, со следами деревянного каркаса. На расстоянии 80 см от печи расположена предпечная яма (глубиной 30 см, диаметром около 80 см).

Возможно, что к XI в. относится также полуземлянка из раскопок 1949 г. в районе Десятинной церкви.[40] Ее размер 4.1×4.3 м, высота сохранившихся стенок до 70 см. Столбовые ямы есть как в углах, так и у середины всех стен. Жилище ориентировано углами по странам света. В северной части северо-западной стены размещен вход, имеющий две ступеньки. По сторонам входа находятся две дополнительные столбовые ямы. К сожалению, печь не сохранилась и даже место ее не удалось определить. В центре жилища имеется углубление в полу, где найдено скопление пережженной глины и угля.

По-видимому, к XI в. относится и небольшая полуземлянка, обнаруженная под полуземлянкой 1 из раскопок 1946 г. на Б. Житомирской улице.[41] Это небольшое помещение (2.6×2.7 м), со столбовыми ямами, но без входа и печи.

Более 20 полуземляночных жилищ X—XI вв. обнаружено раскопками 1965—1971 гг. на склонах Старокиевской горы.[42] Жилища эти врезаны в землю очень неравномерно, так как расположены большей частью на склоне. Один их край иногда заглублен более чем на 1 м, а другой всего на 20—40 см. Длина сторон жилищ колеблется от 2.1 до 4.0 м. Сохранились сгоревшие бревна стен и канавки в полу, в которых лежали нижние венцы. Вместе

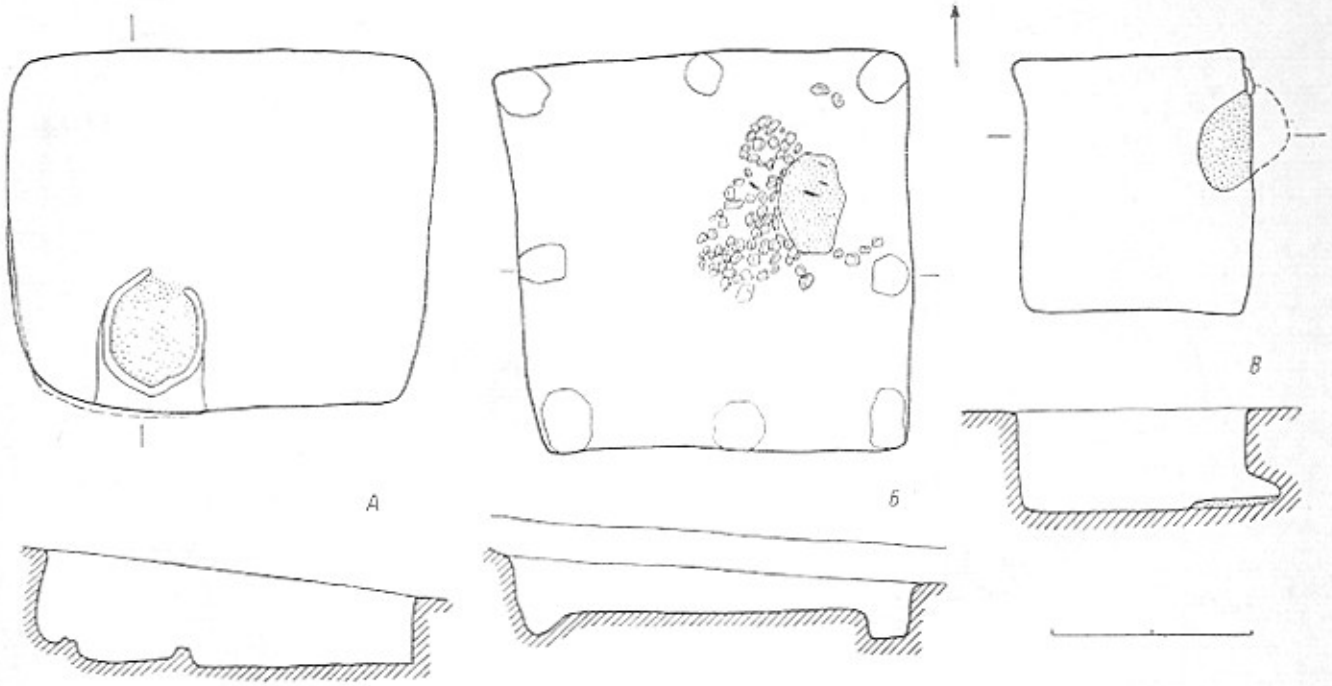


Рис. 15. Алчедар. (Прутско-Днестровская экспедиция 1959 г. Г. Б. Федоров).
А — посад, жилище 80; Б — посад, жилище 44; В — жилище на городище.

[39] Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. — В кн.: Археологія. Т. X. Київ, 1957, с. 129.

[40] Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 346.

[41] Там же, с. 31.

[42] Толочко П. П. Нові розкопки в Києві. — Український історичний журнал, 1965, № 9, с. 152; Толочко П. П., Кириевич С. Р. 1) Раскопки на Старокиевской горе. — АО 1966 г., 1967, с. 245; 2) Новые исследования Старокиевской горы. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 171; Кіліевич С. Р. 1) Розкопки на схилах Старокиївської гори. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972, с. 286; 2) Археологічні дослідження на Старокиївській горі 1971 р. — В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей. XV наукова конф. Інст. археол. АН УРСР. Одеса, 1972, с. 322; Толочко П., Кіліевич С. Археологічні дослідження Старокиївської гори 1965—1969 рр. — В кн.: Київська старовина. Київ, 1972, с. 5.

с тем в ряде жилищ имеются и столбовые ямы в углах (диаметр 15 см).

В углах жилищ обнаружены глинобитные печи. В одной из них (жилище 3 из раскопок 1966 г.) целиком сохранился глиняный свод с овальным отверстием в верхней части. Высота этой печи 75 см. В отдельных случаях печи имели следы деревянного каркаса. При постройке некоторых печей были использованы древние кирпичи (плинфа толщиной 2.5 см).

В жилище 2 из раскопок 1969 г. круглая глинобитная печь диаметром около 1 м стояла в центре помещения. Низ ее был вырезан в материке. Северную часть помещения занимала большая яма. Возможно, что данная постройка является остатками мастерской. По периметру многих жилищ обнаружены железные гвозди.

В нижней части Киева, на Подоле, в 1972 г. раскопками вскрыты остатки наземных срубных домов X в.[43] У них были дощатые полы, проконопаченные мхом стены, печи в углах. Некоторые дома имели значительные размеры.

144. Шестовицы. На городище у с. Шестовицы в 1946 г. были обнаружены два полуземляночных жилища X—XI вв.[44] Жилище 1 имело крайне неопределенные очертания и, по-видимому, не было полностью вскрыто. Во всяком случае очевидно, что оно было заметно углублено в землю (не менее чем на 0.4 м) и имело глиняную печь почти прямоугольной в плане формы, 0.9×0.7 м. Размер жилища 1 — 5×3 м. Жилище 2 сохранилось еще хуже, размеры его не удалось выяснить.

145. Чернигов. Полуземляночное жилище X—XI вв. было раскопано в Чернигове.[45] Оно имело размер 4×4 м.

Во время раскопок 1952 г. в районе Елецкого монастыря также обнаружено полуземляночное жилище этого же времени.[46] Печь в жилище была глинобитной, овальной формы, с хорошо сохранившимися отверстиями от колышков деревянного каркаса. Под обмазкой пода печи имелась вымостка из черепков сосудов.

146. Полтава. На поселении, обнаруженном в г. Полтаве, раскопано одно полуземляночное жилище X—XI вв.[47] Оно заглублено от древнего уровня поверхности приблизительно на 0.7—0.85 м и имеет почти квадратную форму (4.1×4.15 м). В углах находятся столбовые ямы. Жилище ориентировано сторонами по странам света (с небольшим отклонением). В северо-восточном углу стояла округлая глинобитная печь, имевшая под на уровне пола жилища. Размер печи снаружи 1.4×1.05 м, а размер ее пода 1.1×0.8 м.

147. Волынцево. Раскопками, проведенными в 1948 г. на городище Курган близ с. Волынцева, раскрыто 7 жилищ.[48] Пять из них — явные полуземлянки, а остальные два заглублены в грунт всего на 20 см. Последние жилища безусловно также были настоящими полуземлянками, открытыми, однако, в культурном слое, а не в материке.[49]

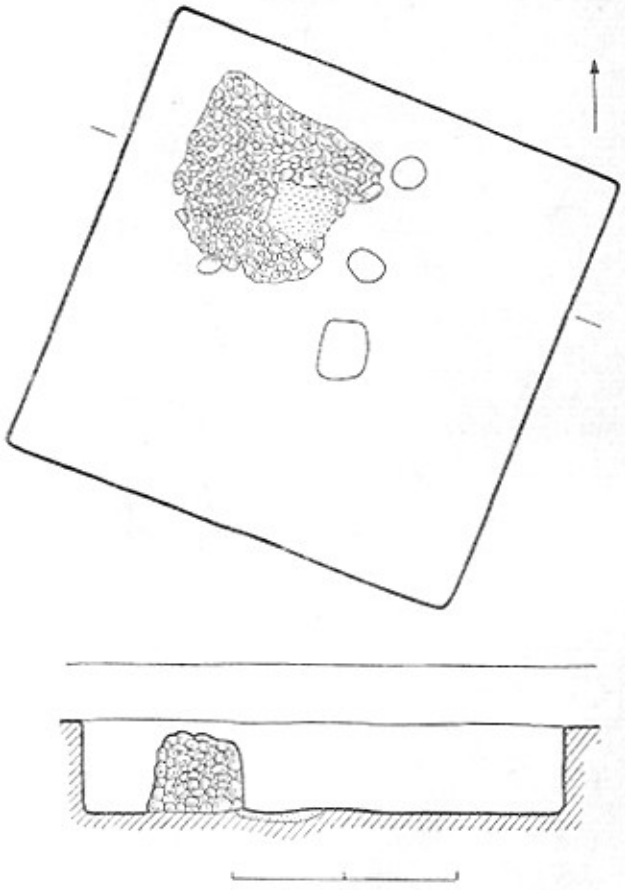


Рис. 16. Екимауцы. (Прутско-Днестровская экспедиция 1961 г. Г. Б. Федоров). Посад, жилище 4.

Жилища приблизительно квадратные в плане, со сторонами от 3 до 4.2 м. Некоторые из них заглублены на 1.3—1.8 м от уровня древней поверхности. В большинстве жилищ имеются столбовые ямы — в углах, а часто и у середины стен. В жилище 4 ямы расположены только у середины стен, а в жилище 5 совершенно нет столбовых ям. В нескольких жилищах сохранились остатки дерева на стенках и на полу вдоль них, причем

[43] Толочко П. П. Новые археологические открытия в Киеве. — ВИ, 1973, № 4, с. 212.

[44] Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года. — КСИА, вып. 87, 1962, с. 8.

[45] Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. — АП, V, 1955, с. 7. — В. А. Богусевич датирует это жилище IX—X вв., но, судя по керамике, оно скорее относится к X—XI вв.

[46] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1958, с. 92.

[47] Ляпушкін І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтави. — АП, I, 1949, с. 68.

[48] Довженок В. Й. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. — АП. III, 1952, с. 251; Довженок В. И. Отчет за 1948 г. — Архив Инст. археол. АН УССР (Киев), 1948/10, № 1833 и 1816.

[49] Подробнее об этом см.: Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье. — МИА, № 104, 1961, с. 248 и 318. — Датировка жилищ не ясна. В. И. Довженок датировал все поселение IX—X вв. В действительности, судя по наличию круговой керамики, жилища относятся в основном к X—XI вв., а возможно — даже и к XII в., поскольку на поселении есть керамика этого времени и стеклянные браслеты (см.: Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, № 74, 1958, с. 183).

в жилище 5 это явно остатки сруба, рубленного «в обло».

Печи находятся в углах на невысоких материковых останцах, причем низ печи и ее тыльная часть обычно вырезаны в материковой глине, а свод вылеплен из глины, иногда с примесью камней. В одном жилище в своде печи сохранились отпечатки каркаса из лозы. Снаружи печи большей частью прямоугольные.

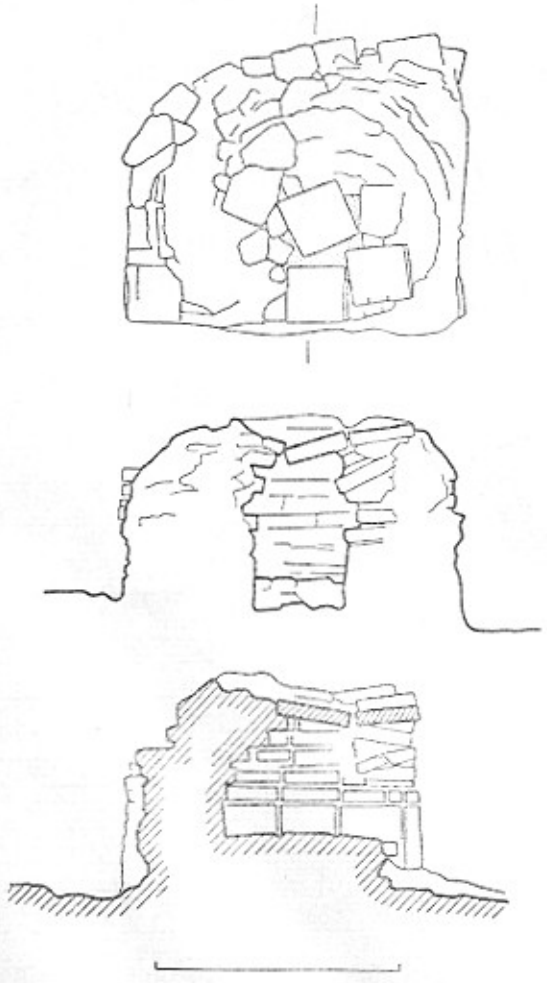


Рис. 17. Кирпичная печь. Цимлянское городище — Белая Вежа. (Волго-Донская экспедиция. М. И. Артамонов).

Пол жилищ глиняный, утрамбованный, около печей обожженный. В четырех жилищах сохранились ступеньки входов и выявлено соотношение двери и печи (во всех четырех случаях разное). Жилища довольно точно ориентированы сторонами по странам света. Печи расположены большей частью в юго-восточном или юго-западном углу. Они не примыкают вплотную к земляным стенкам, оставляя щель шириной не менее 20 см.

148. Липинское городище. В 1947 г. на Липинском городище были раскопаны остатки полуземляночного жилища.[50] В нем хорошо сохранилась глинобитная печь. Под этой печи, расположенный на 4 см выше уровня пола жилища, был вымощен крупной галькой на глине и «смазан слоем извести или мергеля» (?). Печь круглая. Ее наружный диаметр около 1.1 м. Сводчатая топка сохранилась целиком, высота ее 30 см. Верх печи плоский, круглый в плане, диаметром 63 см. Он обрамлен бортиком высотой 10 см и «имеет вид жаровни, посаженной на печь». Ориентировочная датировка жилища — XI—XII вв.

В 1951 г. в слое, непосредственно залегающем над жилищами конца IX—первой половины X в., были обнаружены остатки полуземляночных жилищ.[51] Полуземлянки эти имели, по-видимому, незначительную глубину. В одной из них раскопана глиняная печь, по форме близкая к прямоугольнику (70×62 см). Внутренняя высота топки печи 40 см. Толщина стенок 15 см, толщина верха 8 см. Верх печи представляет собой горизонтальную площадку подковообразной формы, обрамленную закраинками высотой 8 см.

149. Цимлянское городище. Среди жилищ, обнаруженных во время раскопок Белой Вежи, имеется группа построек, относящихся к концу X—XI в.[52] Всего таких жилищ здесь зарегистрировано 45, но лишь немногие из них относительно хорошо сохранились.

Жилища этого времени — прямоугольные полуземлянки. Размеры их сторон колеблются от 3 до 4 м. Полы жилищ опущены в материковый грунт на различную глубину в зависимости от соотношения жилища с остатками кирпичных сооружений хазарской крепости. Наибольшая высота сохранившихся стен таких жилищ 1.2 м.

Полы в жилищах глинобитные, иногда по нескольку раз подмазанные глиной. В нескольких случаях на полах обнаружены вымостки из кирпичей. Почти во всех жилищах имеются столбовые ямы в углах, а во многих и у середины стен. В заполнении жилищ довольно часто находили обгорелое дерево и угли от сгоревших деревянных стен, а возможно — и перекрытий. Отмечены также остатки самих стен в виде отпечатков деревянных плах (или тесаных досок), которыми они были облицованы. Доски имели ширину 15—25 см и вплотную примыкали одна к другой. К земляным стенкам доски были прижаты с помощью столбов. В жилище 23 на полу вдоль двух стен проходили канавки, в которых, очевидно, лежали бревна нижнего венца сруба. В жилищах 23 и 349 вдоль края были отмечены линии маленьких столбовых ямок, видимо от какого-то ограждения типа плетня.

В углах жилищ стояли печи — глинобитные или кирпичные. Глинобитные печи имели под, вымощенный обломками сосудов и промазанный глиной. Под этот находился на уровне пола жилищ. Стенки и свод печей были сложены из камней и обломков кирпичей на глине и затем тщательно

[50] Воеводский М. В. Городища Верхней Десны. — КСИИМК, вып. XXIV, 1949, с. 75.

[51] Засурцев П. И., Лисицина Н. К. Липинское городище. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 52.

[52] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — К концу X—XI в. относятся жилища 4-й группы, а также I и II подгрупп 5-й группы по классификации В. Д. Белецкого.

промазаны глиной как снаружи, так и внутри. Во время постройки стенок печей их укрепляли каркасом из наклонно забитых в землю деревянных колышков. При прожигании печей деревянный каркас выгорал и от него оставались пустоты. Печи имели округлую, овальную или подковообразную форму. Иногда снаружи они были почти прямоугольными, а внутри круглыми. Наружный размер печей в плане 1.2—1.3 м, их высота около 70 см. При постройке печей широко использовались кирпичи, взятые из разрушенных построек хазарской крепости. Обломки таких кирпичей вместе с камнями применялись для строительства стенок печей. Иногда кирпичами вымащивали под, который затем сверху промазывали глиной.

Другую группу составляли печи, целиком сложенные из хазарских кирпичей (рис. 17). Печи прямоугольные, размером от 0.71×0.57 до 1.2×1.3 м. Поды обычно вымощены кирпичами, хотя встречены и глиняные. Стенки печей сложены из кирпичей, лежащих плашмя или поставленных на ребро, а иногда в смешанной технике: внизу — из кирпичей, стоящих на ребре, а выше — из положенных горизонтально. Своды печей делались напуском горизонтально лежащих кирпичей, хотя обнаружены кирпичные печи, в которых своды сделаны из камней. Снаружи кирпичные печи большей частью обмазаны глиной.

В развалах печей в ряде случаев найдены обломки глиняных жаровен, устроенных на сводах печей. Такие жаровни имели бортики высотой до 10 см.

Во многих жилищах обнаружены хозяйственные ямы. Иногда эти ямы были настолько велики, что являлись по существу погребами. Размер одного погреба 1.15×0.96 м при глубине 0.5 м, другого 2.0×1.7 м при глубине 0.9 м. Сохранились даже остатки дерева от крышек, которыми эти погреба закрывались.

Ориентация жилищ почти всюду единообразная — углами по странам света, что связано с ориентацией сооружений хазарской крепости, на территории которой расположены древнерусские жилища. Входы в жилища нигде не обнаружены. Судя по расположению столбовых ям, можно полагать, что в жилище 23 вход был расположен в северо-восточной стене, — следовательно, печь стояла справа у входа и была повернута устьем ко входу. Печи находятся в различных углах жилищ.

ГЛАВА 5

ЖИЛИЩА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X—XI в. (ЛЕСНАЯ ЗОНА)

150. Головно. На городище у с. Головно на краю площадки были раскопаны остатки наземного прямоугольного сруба размером 3.5×3.0 м.[1] Печи не обнаружено. Был ли этот сруб жилищем — неясно. Судя по керамике, постройка относится к X—началу XI в.

151. Волковыск. Древнее поселение в Волковыске состоит из трех частей — детинца (Шведская Гора), окольного города (Замчище) и расположенного неподалеку небольшого городища (Муравельник).[2] На всех этих участках поселения были обнаружены полуземляночные жилища X—XI вв.[3]

На детинце 4 полуземлянки были вскрыты раскопками 1954 г. В жилищах найдены печи полусферической формы, сложенные из камней на глине. Поды печей глиняные. Около печей обнаружены лежанки (длиной около 1.8 м при ширине около 1 м) также из камней на глине. В жилищах отмечены столбовые ямы. В 1965 г. была раскопана еще одна полуземлянка с печью-каменкой и сохранившимися остатками двух венцов срубных стен.

На территории окольного города несколько полуземляночных жилищ было раскопано в 1967 г. В плане они квадратные (3.7×3.7 м) или прямоугольные (4.3×2.9, 4.5×2.7, 5.6×3.2 м). Глубина их от 0.4 до 1.0 м. Жилища ориентированы углами по странам света. Печи-каменки расположены большей частью в южном углу. В жилище 1 сохранился обугленный нижний венец срубной стены из бревен толщиной 10—12 см. В жилище 2 с юго-западной стороны имеются две ступеньки входа. Печь в этом жилище стоит справа в переднем углу от входа.

На городище Муравельник несколько жилищ было вскрыто раскопками 1965—1966 и 1969—1970 гг. Жилища полуземляночного типа, прямоугольной формы (4.0×2.8, 4.0×3.8, 3.6×3.3 м), глубиной от 0.4 до 0.7 м. Одно из жилищ имеет бо́льшую глубину — до 1.3 м. В северо-западном или северо-восточном углу расположены печи-каменки.

152. Новогрудок. Раскопки на территории окольного города в Новогрудке регулярно проводятся с 1956 г. Здесь раскрыто значительное количество древних жилищ.[4] В нижнем горизонте, относящемся к X—началу XI в., обнаружены два жилища и несколько хозяйственных построек.[5] Все они наземные, по-видимому срубные, так как сохранились остатки бревен их стен. Пол жилищ дощатый. Размер их довольно значительный — не менее 30 кв. м. Печи глинобитные, причем в одном случае найдены отверстия от кольев деревянного каркаса. Вместе с глиной в развале печей обнаружены также камни.

Одна из построек (также наземная срубная) имела печь-каменку. Деревянного пола в этой постройке не было, но зато отмечено очень большое количество ямок от столбиков. Возможно, это не жилая постройка, а гумно. Ф. Д. Гуревич отметила, что в нижнем слое имелось одно полуземляночное жилище с печью-каменкой. Однако очень удлиненные пропорции плана (6×3 м) и крайне неправильная форма стенок

---

[1] Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. — САИ, Е1—57, 1961, с. 32.

[2] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 89.

[3] Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. — В кн.: Матер. по археол. БССР. Т. 1. Минск, 1957, с. 268; Зверуго Я. Г. 1) Раскопки в Волковыске. — АО 1967 г., 1968, с. 251; 2) Новые данные о древнем Волковыске. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 150; 3) Археологические работы в Волковыске. — АО 1969 г., 1970, с. 308; 4) Раскопки на городище Муравельник в Волковыске. — АО 1970 г., 1971, с. 310.

[4] Гуревич Ф. Д. 1) Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. — СА, 1962, № 1, с. 242; 2) О жилищах окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, вып. 87, 1962, с. 70. — Более подробные сведения любезно сообщены Ф. Д. Гуревич.

[5] Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. — КСИА, вып. 104, 1965, с. 85.

позволяют думать, что это не жилище, а какое-то производственное помещение.

Во втором строительном горизонте, относящемся к XI в., раскрыто шесть жилых комплексов. Все жилища наземные срубные, с дощатыми полами. Находки большого количества кусков глиняной обмазки с отпечатками бревен свидетельствуют о том, что стены домов промазывались глиной. Размеры домов различные. Есть сравнительно небольшие жилища — 6×4 м, но в основном это дома значительных размеров и, видимо, двухкамерные. Так, один дом имел размер 8.5×8.0 м и, судя по взаимно перпендикулярному направлению волокон пола, состоял из двух камер, в одной из которых стояла печь. Большинство печей — глинобитные, но в одном жилище печь была сложена из камней на глине. Кое-где отмечены отпечатки деревянного каркаса и в одном случае — обломки стоявшей на печи жаровни.

Жилище 30, относящееся к первой половине XI в., несколько отличалось от остальных: сруб его был опущен в неглубокую выемку. В жилище найдены остатки каменной печи.

Помимо жилищ, в строительном горизонте XI в. было найдено несколько отдельных печей, не связанных с остатками жилищ. Одна из них — каменка, остальные — глинобитные.

153. Туров. На детинце древнего Турова раскопками были вскрыты наземные срубные жилые постройки начиная с X—XI вв.[6]

154. Заславль. В Заславле во время раскопок 1969 г. было частично вскрыто полуземляночное жилище с развалом печи-каменки в одном из углов. Судя по керамике, обнаруженной в печи, жилище относится к XI в.[7]

155. Минск. Неподалеку от Замчища был обнаружен культурный слой XI—XIII вв.[8] Там же раскопками вскрыто полуземляночное жилище, на стенах которого сохранились обугливщиеся фрагменты дерева. Датировка жилища не ясна, но, судя по указанию на «архаический тип» керамики, видимо, не моложе XI в.

На детинце древнего Минска уже во второй половине XI в. строили наземные срубные жилища.[9]

156. Жужлянка. На селище у городища Жужлянка раскопками 1963—1964 гг. обнаружены остатки наземного жилища: куски горелого дерева и развал печи-каменки.[10] Судя по керамике, жилище относится к X в.

157. Ходосовичи. На поселении у с. Ходосовичи в слое, относящемся к X—XI вв., обнаружено святилище и неподалеку от него жилище, возможно принадлежавшее жрецу.[11] Жилище представляет собой полуземлянку размером 4.6×4.5 м, глубиной около 60 см. У юго-восточного угла (отступя от угла на 0.75 м) стояла печь-каменка. Под ее был выложен из плоских камней, обмазанных глиной. По-видимому, печь стояла не на материке, а на опечке, так как она сохранилась в развалившемся состоянии, а под ее углами (образуя квадрат со сторонами около 1 м) раскрыты ямы от столбов диаметром 20 см, глубиной 20—25 см. Почти в центре жилища — овальная предпечная яма (размером 3.2×1.2 м, глубиной до 65 см), в которой были найдены угли, зола, обломки керамики X в.

158. Чаплин. На зарубинецком поселении у с. Чаплина отмечено наличие культурного слоя эпохи Древней Руси. Были раскопаны два полуземляночных жилища X—XI вв.[12] Одно жилище имеет размер 3.6×3.6 м при глубине 1 м. Пол его понижается к середине, и в центре есть столбовая яма. Других столбовых ям в жилище нет. С юго-западной стороны в жилище ведет вход в виде трех ступенек. Напротив входа в дальнем правом углу стояла печь, обращенная устьем в сторону входа. Печь сложена из камней на глине, а ее стенка, примыкающая к стене жилища, — из чистой глины. Сохранились куски глиняного свода печи. Вдоль северо-западной и северо-восточной стен жилища проходили земляные приступки. Второе жилище несколько меньше первого — 3.15×2.95 м при глубине 0.5 м. Пол ровный, столбовые ямы имеются во всех четырех углах и у середины двух противолежащих стен. Глубина угловых ям около 15 см, а ям у середины стен больше. С юго-западной стороны имеется вход в виде ступеньки. Справа в переднем от входа углу на небольшом возвышении стояла подковообразная в плане глиняная печь.

159. Рогощe. На городище Рогощe на р. Белоус раскопками 1949 г. обнаружено полуземляночное жилище.[13] Оно имеет прямоугольную форму со скругленными углами — 4.45×2.0 м. В жилище найдены остатки глиняного пода печи. Автор раскопок высказал предположение, что печь стояла на каком-то деревянном возвышении, откуда она позднее упала, поскольку под ее оказался разбитым на куски. Автор раскопок датирует это жилище IX—X вв., но, судя по тому что вся керамика здесь круговая, оно не древнее X в.

160. Смоленск. Раскопками, которые проводятся в Смоленске регулярно начиная с 1951 г., вскрыты многочисленные остатки наземных срубных домов. Древнейшие из них относятся к XI в.[14]

---

[6] Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Автореф. канд. дисс. Минск, 1971, с. 13.

[7] Гилеп В. А. Некоторые сведения о памятниках Заславля. — В кн.: Тез. докл. к конф. по археол. Белоруссии. Минск, 1969, с. 143.

[8] Тарасенко В. Р. Итоги раскопок Минского Замчища. — Изв. АН БССР, 1950, № 4, с. 77.

[9] Загорульский Э. М. Археология Белоруссии. Минск, 1965, с. 186.

[10] Драгун Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь. — В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, с. 429.

[11] Соловьева Г. Ф. Археологические раскопки близ Рогачева Гомельской области. — АО 1969 г., 1970, с. 304; Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Языческое святилище в земле радимичей. — СА, 1972, № 1, с. 149.

[12] Сымонович Э. А. Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии. — СА, 1961, № 2, с. 200.

[13] Бліфельд Д. І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. — АП, V, 1955, с. 16.

[14] Материалы не опубликованы. Краткие сведения см.: Авдусин Д. А. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, с. 51.

161. Бенницы. На поселении у с. Бенницы во время раскопок 1960—1962 гг. обнаружено несколько жилищ, из которых два относятся к X—началу XI в.[15] Оба жилища наземные срубные. Одно из них (жилище 6) размером 4.8×4.5 м. Бревна сруба имеют толщину 20—25 см; пазы между бревнами промазаны глиной. Под углами сруба были закопаны столбы-стулья. В северо-западном углу жилища найдены остатки печи из камней и глины. Печь размещалась над небольшой подпечной ямой и опиралась на два столба. Близ южной стены жилища найдены кусочки слюды, быть может от окна.

162. Подмоклово. В 1957—1958 гг. на городище у дер. Подмоклово была раскопана полуземлянка конца IX—X в.[16] Размер жилища 4×4 м, стены его отвесные, глубина в материке около 30 см, но действительная глубина была больше, поскольку котлован жилища прорезал более древний культурный слой городища. На полу сохранились остатки дерева (бревна или горбыли). В северо-восточном углу на небольшом материковом возвышении обнаружен развал печи — обожженная глина, небольшие камни, угли.

163. Борки. На селище у с. Борки отмечено наличие полуземляночных жилищ с круглыми глинобитными печами.[17] Жилища относятся в основном к X—XI вв.

164. Поленское. У с. Поленского при обследовании 1930 и 1949 гг. обнаружены два поселения, относящиеся к XI—XII вв.[18] Более точная дата их, к сожалению, не установлена. На Поленском селище отмечены остатки глинобитных печей. На втором, Раменском селище в обнажениях были видны профили 7 полуземлянок с глинобитными печами.

165. Старая Рязань. Первые попытки выявить древнерусские жилища на городище в с. Старая Рязань были сделаны В. А. Городцовым еще в 1926 г. Позднее археологические раскопки, регулярно проводимые на старорязанском городище с 1945 г., вскрыли большое количество жилищ различной сохранности.[19] Почти все раскопанные жилища оказались относящимися к XII—XIII вв. Лишь в нескольких случаях найдены остатки жилищ, которые можно более или менее уверенно датировать XI в. Так, по-видимому, к XI в. относится наземное жилище 3 на Северном городище. От него сохранились лишь остатки печи и три подпольные ямы. Глинобитная печь стояла на краю одной из этих ям и частично, очевидно, над ямой, опираясь на два столба, забитых в дно ямы. В 1966 г. также было раскопано наземное жилище XI в.[20] Оно было, вероятно, бревенчатым. Сохранились ямы от стульев и прямоугольная в плане предпечная яма, куда рухнули остатки глинобитной печи. В яме расчищены остатки деревянной облицовки, укрепленной при помощи вертикальных столбов.

К еще более ранней поре, к X в., относится полуземлянка, раскопанная в 1967 г. на северном мысу городища.[21] Жилище имело размер 4.8×3.2 м и было ориентировано сторонами по странам света. В углах сохранились столбовые ямы. Вход несколькими земляными ступеньками вел с запада. В восточной стене имеется печь в виде ниши, вырезанной в материке. Под ее был промазан глиной, а перед ней расположена небольшая предпечная яма. По обе стороны от ямы найдены земляные приступки.

166. Пировы Городищи. На поселении, примыкающем к городищу у с. Пировы Городищи (древний Ярополч), раскопками 1956—1958 гг. вскрыты наземные срубные жилища XI в.[22] Печи — глинобитные и каменки.

167. Пекуновское селище. Раскопками 1966—1967 гг. на Пекуновском селище были раскопаны остатки двух наземных деревянных жилых построек.[23] В их углах обнаружены ямы от столбов-стульев. В постройках вскрыты развалы глинобитных печей и каменный очаг. Судя по вещам, найденным при раскопках, жилища относятся к XI в.

168. Крохино (Белоозеро). На территории «старого города» близ с. Крохино (на правом берегу р. Шексны близ ее истоков из Белого озера) находился древний город Белоозеро. Раскопки здесь проводились с 1949 по 1962 г. За эти годы было раскопано значительное количество жилых и хозяйственных построек.[24] Судя по культурным напластованиям, город существовал с X до XIV в. Выявлено направление нескольких улиц с деревянными мостовыми. Уличная схема планировки существовала здесь уже по крайней мере с XI в.

Все жилища X—XI вв. — срубные, наземные, как правило — однокамерные, с размером сторон около 4 м. Жилища рублены «в обло» из сосновых бревен, с чашкой в нижнем венце. Печи сложены из валунов и подняты на срубном или столбовом опечке. Расположены они в углах жилищ. Полы дощатые, на лагах, врубленных в ниж-

---

[15] Успенская В. А. Древнерусское поселение Бенницы. — В кн.: Ежегодник ГИМ за 1962 год. М., 1964, с. 222.

[16] Успенская А. В. Древнерусское поселение X—XII вв. близ с. Подмоклово. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 245.

[17] Городцов В. А. Материалы для географической карты долины и берегов р. Оки. — Тр. XII АС, т. I, 1905, с. 584; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 154.

[18] Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 204.

[19] Итоги изучения старорязанских жилищ были подведены А. Л. Монгайтом (Монгайт А. Л. Старая Рязань, М., 1955, с. 40—74).

[20] Даркевич В. П., Розенфельдт Р. Л. Раскопки на городище Старая Рязань. — АО 1966 г., 1967, с. 46.

[21] Розенфельдт И. Г. Раскопки на северном мысу старорязанского городища. — АО 1967 г., 1968, с. 59.

[22] Седов В. В. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине. — КСИА, вып. 86, 1961, с. 75; Седова М. В. Древнерусские города низовьев р. Клязьмы. Автореф. канд. дисс. М., 1972, с. 13.

[23] Успенская А. В. Пекуновское селище и курганы. — СА, 1971, № 1, с. 254.

[24] Голубева Л. А. 1) Древнее Белоозеро. — КСИИМК, вып. 41, 1951, с. 37; 2) Раскопки древнего Белоозера (1959—1960). — КСИА, вып. 96, 1963, с. 69; 3) Славянские памятники на Белом озере. — В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, с. 32; 4) Древнее Белоозеро. — В кн.: Тез. докл. сов. делегации на II Междунар. конгр. славянск. археологии в Берлине. М., 1970, с. 16.

ние венцы срубов. Под нижним венцом иногда имеются нивелировочные подкладки из плах.

В слое X в. обнаружена одна жилая постройка размером 10.75×5.4 м, разделенная внутренней срубной стеной на два помещения.

169. Старая Ладога. Раскопки в Старой Ладоге на так называемом Земляном городище проводились в 1911—1913 и 1938—1948 гг.[25] За это время было открыто большое количество жилых и хозяйственных сооружений. Около полутора десятков жилищ относятся к горизонту Д, который датируется X—XI вв.

Все жилые и хозяйственные постройки наземные, рубленные «в обло», с выпуском остатков от 15 до 30 см. Материал срубов — обычно сосна или ель, реже береза, еще реже дуб. Толщина бревен от 10 до 35 см. В плане жилища близки к квадрату. Размер их стен (по внешнему краю срубов) от 3.7 до 6.0 м, средний размер 4.5—5.0 м. Лишь в одном случае стена сруба имела длину 9.3 м, но в этой постройке не было печи и назначение ее неясно.[26] Судя по наличию кусков глиняной обмазки с отпечатками пазов между бревнами, срубы обмазывались глиной, однако неизвестно, с одной стороны или с обеих.

Полы в жилищах деревянные. Они сделаны из досок, имевших ширину от 15 до 28 см и толщину 2—3 см. Настил укладывался на бревенчатые лаги. В каждом доме обычно было по три лаги, причем каждая в середине опиралась на столбик. По-видимому, полы были несколько приподняты над землей. В нескольких случаях это подтверждено стратиграфическими наблюдениями. В трех жилищах были земляные полы с глиняной подмазкой и песчаной подсыпкой. Возможно, что поверх таких полов также укладывались дощатые настилы, остатки которых в данных случаях не сохранились.

Печи стояли в углах жилищ. Они были сложены из камней (крупные и мелкие булыжники, иногда известняковые плиты). В большинстве случаев кладка печей производилась насухо, без связующего, но иногда в развалах печей находили много обожженной глины. Размер печей примерно 1.6×1.2 м. Под их был обычно глиняным, иногда вымощенным каменными плитами. Перед устьем оставалась небольшая площадка. С двух сторон печи примыкали своими стенками к стенам срубов, но примыкали не вплотную, а с некоторым просветом. С двух других сторон печи были ограничены бревнами, закрепленными в углах с помощью закопанных в землю столбов. Основание под печами песчаное. По наблюдениям В. И. Равдоникаса, печь обычно стояла в правом переднем от входа углу и была обращена устьем ко входу.[27]

Почти половина жилых построек имела, кроме основного венца сруба, второй, внешний венец, состоявший из бревен, не срубленных между собой в углах, а уложенных впритык и закрепленных столбами. Внешний венец обычно проходил с трех сторон постройки, но изредка внешние венцы имели бревна и с четвертой стороны сруба. Расстояние между основным срубом и внешними бревнами, как правило, 40—50 см, но иногда значительно больше. В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов интерпретировали такие внешние бревна, как ограждения земляных завалин.

В некоторых жилищах снаружи вдоль двух стен сохранились остатки галерей шириной 1.6—1.8 м. Пол этих галерей был дощатым, а их наружная стена соединялась врубкой с бревнами основного сруба, специально выпущенными для этой цели. Иногда такие пристройки ограничивались столбами. В нескольких домах деревянные настилы имели несколько большую ширину — до 2 м — и проходили только вдоль одного фасада дома. В. И. Равдоникас считал, что это были крытые галерейки, которые он называл сенями.

Кое-где при расчистке остатков жилищ находили завалы бревен, по-видимому упавших сверху, вероятно от конструкции перекрытия. Один раз поверх таких бревен была отмечена прослойка песка, также, быть может, лежавшего на крыше. В раскопках была найдена деталь конструкции крыши, так называемая курица — крюк, сделанный из корневища.

Хозяйственные постройки, как правило, имеют меньший размер и лишены печей. В. И. Равдоникас одни из них называл клетями (размер их сторон приблизительно 3 м), а другие — хлевами (их размер еще меньше, в заполнении сохранились следы навоза).

Жилые и хозяйственные постройки располагались довольно тесно друг к другу (иногда почти вплотную) вдоль уличных настилов. Отмечено наличие нескольких улиц и более узких переулков.

170. Новгород. Многолетние археологические раскопки в Новгороде вскрыли большое количество жилых комплексов различного времени.[28] Благодаря четкому членению на ярусы и широкому применению дендрохронологического метода слои очень точно датированы. На Неревском раскопе (раскопки 1951—1962 гг. на площади около 10 тыс. кв. м) к X—XI вв. относились все ярусы ниже 21-го. Самый нижний, 28-й ярус датируется серединой X в.

---

[25] Старая Ладога. Изд. Гос. музея этногр. Л., 1948; Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, XI, 1949, с. 15; Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. — СА, XIV, 1950, с. 142.

[26] Г. П. Гроздилов высказал предположение, что это остатки церкви (Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге. . . , с. 142).

[27] Равдоникас В. И. Старая Ладога, с. 21. — По наблюдениям Ю. П. Спегальского, печи в Старой Ладоге чаще стояли не в переднем, а в заднем от входа углу (Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 59).

[28] Основную публикацию по жилищам Новгорода см.: Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, № 123, 1963, с. 5—165. — Некоторые дополнительные сведения имеются в работах Б. А. Колчина (Колчин Б. А. 1) Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. — МИА, № 55, 1956, с. 44; 2) Дендрохронология построек Неревского раскопа. — МИА, № 123, 1963, с. 166). Интересные соображения об устройстве новгородских жилищ изложены в работе Ю. П. Спегальского (Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси. . .).

Все жилища наземные срубные. Постройки столбовой конструкции представляют собой редкое исключение. Однако пристройки к жилым домам довольно часто столбовые. Бревна использовались, как правило, сосновые, реже — еловые, толщиной от 22 до 30 см, в хозяйственных постройках иногда несколько тоньше. Бревна никогда не сращивались по длине и имели в длину от 3 до 12 м. Рубка велась «в обло», с выборкой чашки и паза в нижнем бревне. Пазы заполнялись мхом. Длина выпускаемых остатков до 30 см. Судя по обилию щепы, рубка большей частью велась на месте, но есть отдельные срубы с метками на бревнах, что свидетельствует о переносе срубов с места их первоначальной рубки. Стены, как правило, не обтесывались и не обмазывались глиной.

Под бревнами срубов довольно часто встречались подкладки — обрубки бревен или плах. С 70-х годов XI в. довольно широкое распространение получил прием устройства специальных площадок из сплошного ряда подкладок, обведенных снаружи бревенчатой обвязкой в один венец. Такие площадки обычно шире самого сруба жилища примерно на 1 м с каждой стороны.

Во всех домах имелись полы из досок. В тех случаях, когда определено положение двери, полы всегда оказывались настланными от двери к противоположной стене, т. е. «по ходу». Доски пола имели ширину 22—24 см при толщине 4—5 см. Они лежали всегда на переводинах-лагах, врубленных в основной сруб жилища. Полы, как правило, располагались на 20—60 см выше уровня земли, но подполье, видимо, служило только для изоляции от влаги и не имело хозяйственных функций, поскольку там не найдено бытового или хозяйственного инвентаря. При большой длине лаг под них иногда укладывали подкладки. Крайние лаги обычно лежали на расстоянии 50—60 см от параллельных им стен. Лаги никогда не заходили под печь. Как правило, пол в каждом жилище лежал на трех или четырех лагах. В неотапливаемых, холодных помещениях (клети) полы большей частью устраивали на лагах, лежащих непосредственно на земле. Во вспомогательных же, узких помещениях жилых домов доски пола укладывали на землю без лаг. В некоторых производственных помещениях полы состояли из двух слоев дощатого настила, причем доски одного ряда были перпендикулярны доскам другого ряда.

В ряде случаев в развалах жилищ находили обломки перекрытий — дранницы, лемех, «курицы» и другие части кровель. Внутри построек часто отмечали наличие рыхлого темно-коричневого слоя земли, который П. И. Засурцев считает подсыпкой потолка, но в действительности, по-видимому, составлявшего подсыпку кровли.

Печи в Новгороде, как правило, сохранялись в виде развалов камней, глины и песка. Все печи в жилых помещениях стояли на столбовых опечках из трех или четырех столбиков (диаметром 20—30 см), закопанных в землю на 20—40 см и поднимавшихся над поверхностью земли на 40—60 см, т. е. несколько выше уровня пола. Размеры печей от 1.2×1.1 до 2.0×2.0 м, а в отдельных случаях еще больше. Все печи — без дымоходов. Печи производственного назначения стояли либо на срубных опечках, либо непосредственно на земле.

Иногда в срубах удавалось обнаружить дверные проемы, которые начинались на высоте третьего или четвертого венца. Ширина дверей около 70 см. Найдено много дверных замков. Начиная со слоя XI в. отмечено наличие кусочков слюды от окон, а в одном случае кусочков плоского синего стекла—также, быть может, от окна.

К основному срубу жилищ, как правило, примыкали вспомогательные помещения. Таковы, например, столбовые пристройки типа тамбура перед входом, имевшие ширину от 2.0 до 3.5 м. Возможно, что такие тамбуры или галереи проходили вдоль стен срубов даже там, где не сохранились их столбы; об этом свидетельствуют полосы, лишенные вымостки (при наличии мощеного двора), проходящие вдоль стен и имеющие ширину 2.5—3.0 м.

В самых древних слоях — середины X в. — на каждой усадьбе расположено по одной довольно крупной, но однокамерной жилой постройке. Позднее, но еще в пределах X в., начинается также строительство изб-пятистенок с одним большим (обычно приблизительно квадратным) и вторым узким помещениями. Печь в таких избах всегда стоит в квадратном помещении. П. И. Засурцев считает, что уже в X в. появились постройки, представляющие собой трехчастную связь (например, Е-27-В), однако это не вполне убедительно.

В X в. большинство построек — однокамерные, постройки с пристроенными сенями и пятистенки встречаются реже. В слоях XI в. соотношение типов меняется: большинство составляют срубы-пятистенки (с квадратным и узким помещениями) и несколько меньше однокамерных. Еще меньше построек с пристроенными сенями, совсем немного трехкамерных. Впрочем, далеко не всегда удается уловить наличие пристроенных сеней и вполне возможно, что жилищ с такими пристройками было больше. Что же касается трехкамерных связей, то, по-видимому, ни в одном случае их наличие не является доказанным с полной убедительностью.

Печи в жилищах расположены по-разному. Довольно часто они стоят рядом с входом. Если удавалось определить направление устья (хотя бы по удлиненности опечка), то оно бывало обращено не ко входу, а к противоположной от входа стене. Встречаются печи, расположенные напротив входа и обращенные устьем ко входу. И наконец, в избах-пятистенках известны случаи постановки печи в середине квадратного помещения.

В пятистенках входы всегда располагались в узком помещении, причем, как правило, в его торце. В тех случаях, когда в квадратном помещении печь стояла посередине, входы большей частью вели с длинной стороны узкого помещения. Не исключено, что такие здания, кроме жилого, имели и производственное назначение, подобно тому как производственное назначение ясно выявляется при срединном положении печи в постройках более поздней поры (с XIII в.).

Уже с самого нижнего слоя (середина X в.) отмечена уличная схема планировки с наличием усадеб, отгороженных заборами, мощеных дворов и уличных мостовых.

171. Рюриково городище. На территории Рюрикова городища в 1935 г. было раскопано наземное жилище X—XI вв.[29] Это был квадратный сруб (5×5 м), в северо-западном углу которого стояла печь-каменка на деревянном помосте. Судя по наличию обмазки, стены жилища обмазывались глиной.

172. Старая Русса. Раскопками, которые ведутся в древней части города с 1967 г., обнаружены наземные срубные дома в слоях начиная с XI в.[30] В 1971 г. были вскрыты остатки богатой усадьбы XI в. Наземный срубный дом этой усадьбы имел дощатый карниз, украшенный резным орнаментом.

173. Городок. На городище у дер. Городок на р. Шелони в 1969 г. обнаружены остатки сгоревших наземных деревянных жилищ с печами-каменками.[31] Жилища относятся к X—XI вв.

174. Псков. Жилища X—XI вв. были обнаружены раскопками, проведенными в Псковском Кроме в 40-х годах и на территории вне Крома в 1954—1956 гг.

В Кроме было раскопано несколько наземных срубных домов размером 12×11 и 10×8 м.[32] Жилища имели каменную печь в одном из углов и подвал. У некоторых жилищ были небольшие пристройки, которые С. А. Тараканова называла сенями. Тараканова датировала эти жилища IX—X вв., но, судя по тому что вся керамика здесь была круговой, жилища, очевидно, не древнее X в.

На территории так называемого Старого Застенья и возле моста через р. Великую в слоях XI в. было раскопано несколько жилищ.[33] Все они срубные наземные. В отличие от жилищ, раскопанных на территории Крома, подвалов нигде не было обнаружено. Размер стен однокамерных срубов от 3.5 до 4.5 м. Один из домов несколько больше — 5.3×4.6 м. Среди срубов есть пятистенки. Длина их стен достигает 6.6 м. Сохранились остатки деревянных полов. В углах стояли каменные печи. В нескольких случаях отмечено наличие примыкавших к домам снаружи настилов на лагах, а также столбовых ям, возможно от галерей.

Ниже, в слоях X в., сохранились остатки таких же наземных срубных домов с печами-каменками, но в худшей сохранности.

175. Изборск. На Труворовом городище в Изборске в 1971 г. были раскопаны остатки нескольких наземных срубных жилищ X—XI вв.[34] Они имели размер от 4.0×3.5 до 6.0×4.5 м. Полы их были дощатыми, на лагах. В углу каждого жилища стояла печь. В большинстве случаев печи были сложены из камней насухо, но встречаются печи, сложенные из камней на глине.

176. Городок. На городище у дер. Городок на р. Ловати в 1954—1956 гг. было раскопано более 15 жилых и хозяйственных построек, относящихся в основном ко второй половине X—XI в.[35] Все постройки наземные. Границы их определены по более темному цвету культурного слоя, скоплению бытовых предметов, развалу печей. Я. В. Станкевич считал, что жилища имели столбовую конструкцию стен, поскольку в их углах сохранились ямы от массивных столбов. Гораздо более вероятно, что столбы эти представляли собой стулья, расположенные под углами срубов. Об этом свидетельствуют желобки от бревен нижних венцов, которые были обнаружены при раскопках, но недостаточно точно интерпретированы. В некоторых жилищах, погибших от пожара, были даже найдены обгорелые бревна стен. Жилища прямоугольные. Длина их от 3.2 до 4.0 м, ширина от 2.2 до 2.8 м. Печи большей частью глинобитные, реже — из камней. Кое-где сохранились остатки сгоревшей крыши — дерево и солома. В нескольких постройках автор раскопок отметила с одной стороны жилищ второй, внешний ряд столбов, очевидно, от своеобразной галереи, на которую опирался навес кровли.

177. Браслав. Раскопки в Браславе, проведенные в 1955—1956 гг., показали, что город возник в начале XI в.[36] Обнаружены остатки срубных наземных домов.

---

[29] Равдоникас В. И. Старая Ладога, с. 27.

[30] Медведев А. Ф. 1) Новые данные о Старой Руссе. — АО 1967 г., 1968, с. 19; 2) Новые материалы о Старой Руссе. — АО 1971 г., 1972, с. 37.

[31] Орлов С. Н. Исследования в Новгородской области. — АО 1969 г., 1970, с. 23.

[32] Тараканова С. А. Древности Псковской земли. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. 1953, с. 215.

[33] Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. — В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962, с. 11, 29, 36, 49.

[34] Седов В. В. Раскопки в Изборске. — АО 1971 г., 1972, с. 27.

[35] Станкевич Я. В. Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области. — КСИА, вып. 77, 1959, с. 79.

[36] Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 174.

ГЛАВА 6

ЖИЛИЩА XII—XIII вв. (ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА)

178. Перемышль. На детинце древнего Перемышля раскопками были вскрыты остатки наземных срубов.[1] Размер одного из них 3.0×2.6 м. У другого, также наземного дома найдены ямы от столбов; его размер 5×4 м. Дома стояли вдоль вала, но не вплотную к нему. Дата домов XII—XIII вв.

На левом берегу р. Сана, в районе, имевшем, видимо, производственный характер, также были обнаружены наземные срубные дома.[2] Автор раскопок не приводит о них никаких сведений и датирует их очень широко — от XI до XIV в. Судя по опубликованному материалу, датировка может быть уточнена — XII—XIII вв.

179. Чермно. В 1952 г. на городище в Чермно (древний город Червень) в слое XII—XIII вв. обнаружено огнище диаметром около 1 м, вокруг которого не сохранилось никаких следов постройки.[3] Возможно, это под печи наземного жилища.

180. Затурцы. На городище у с. Затурцы обнаружены остатки наземного жилища XII в.[4] Сохранился под глинобитной печи, имеющий размер 75×80 см.

181. Перемиль. На городище Перемиль раскопками 1963—1964 гг. обнаружено несколько жилищ, относящихся к XI—XIII вв.[5] Более поздними, т. е. XII—XIII вв., являются несколько наземных жилищ. От них сохранились столбовые ямы и завалы глинобитных печей.

182. Звенигород. В галицком городе Звенигороде в 1954—1955 гг. были раскопаны 3 полуземляночные постройки XII—XIII вв.[6] Они приблизительно прямоугольные в плане и очень небольшого размера: стены их лишь немного превышают в длину 2 м. Пол заглублен в материк до 1 м. В полуземлянках найдены остатки глинобитных печей, причем в одном случае печь была расположена отдельно от постройки, хотя и соединена с ней проходиком. Необычность расположения печей, очень малый размер построек, а также большое количество обрезков кости, рога и заготовок из них позволили автору раскопок выдвинуть предположение, что данные постройки представляли собой мастерские костерезов.

В 1968—1969 гг. в Звенигороде было раскопано еще 12 жилищ, из них 4 наземных и 8 полуземляночных.[7] Полуземлянки — квадратные в плане, площадью около 15—20 кв. м. В углу каждого жилища стояла круглая глинобитная печь. Диаметр пода этих печей около 1 м, толщина их стенок 10—15 см. Остатки наземных жилищ сохранились значительно хуже; размер их, как правило, не удавалось установить, поскольку от жилищ сохранились лишь основания круглых глинобитных печей. Впрочем, в 1971 г. удалось раскрыть наземное жилище, размер которого был установлен — 4×4 м.[8] Жилище имело глинобитную печь и следы пристройки («сеней») возле входа.

В западной части детинца вдоль оборонительного вала были вскрыты остатки 44 печей, стоявших на уровне древней поверхности. Авторы рас-

---

[1] Kunysz A. Przemyśl wczesnodziejowy. — Rocznik województwa Rzeszowskiego, Rzeszów, 1960, r. II (1959), z. 1 (3), p. 48.

[2] Kunysz A. Osiedle produkcyjne w Przemyślu na Zasaniu. — Z otchlani wieków, Wrocław—Warszawa, 1967, r. XXXIII, z. 3, p. 141.

[3] Nadolski A. Prace wykopaliskowe w Czermnie nad Huczwą. — Archeologia Polski, Warszawa—Wrocław, 1959, t. IV, z. 1, p. 93.

[4] Кучера М. П. Раньосередньовічне городище поблізу с. Затурці на Волині. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1, Київ, 1971, с. 176.

[5] Ратич А. А. Исследования городища в с. Перемиль на Волыни в 1963—1964 гг. — В кн.: Матер. сессии, посв. итогам археол. и этногр. иссл. 1964 г. Баку, 1965, с. 140. — О датировке городища см. также: Рапопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 36.

[6] Власова Г. М. Мастерские костерезов в Звенигороде. — В кн.: Зап. Одесск. археол. общ. Т. II (35). Одесса, 1967, с. 228.

[7] Ратич А. А. 1) Раскопки в Звенигороде на Белке. — АО 1968 г., 1969, с. 335; 2) Новые данные о Звенигороде на Белке. — АО 1969 г., 1970, с. 290; 3) Дослідження Звенигородської експедиції. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972, с. 313.

[8] Ратич А. А., Шеломенцев-Терский В. С. Особые печи в древнем Звенигороде на Белке. — АО 1971 г., 1972, с. 388.

копок интерпретируют их как печи специального назначения — для приготовления пищи воинам-дружинникам.[9] Гораздо вероятнее, что это печи, сохранившиеся от разрушенных наземных жилищ. Печи круглые, глинобитные, диаметром 1.2—1.5 м. Толщина их стенок 10—15 см; стенки местами сохранились на высоту 40 см. Некоторые печи имели по два или даже три слоя пода, что свидетельствует об их долговременном использовании и ремонте. Расположение печей порой вплотную одна к другой может быть объяснено тем, что они относились к жилищам, существовавшим не одновременно.[10]

Авторы раскопок относят все изученные жилища к XI—XIII вв. Если судить по материалу других галицких городов, то более вероятно, что полуземлянки относятся в основном к XI в., а наземные дома — к XII—XIII вв.

183. Подгорцы. На Плеснеском городище среди многочисленных остатков жилищ, вскрытых раскопками, не менее 28 относятся к XII—XIII вв.[11] Из них 23 представляют собой остатки наземных построек, а остальные — полуземлянки. Таким образом, очевидно, что для XII—XIII вв. наземные жилища в Плеснеске были основным типом. От них сохранились лишь печи, вернее даже — только поды печей. Печи размещались большей частью попарно: в каждой паре одна печь отстояла от другой на 2—4 м. Судя по расположению печей, жилища тянулись полосой с северо-востока на юго-запад.

Поды печей имели круглую форму (диаметром от 70 до 1.25 м) или овальную (0.85×1.25 м). Обнаружены два прямоугольных пода необычно большой длины (0.8×1.8 м). Основой пода служила невысокая площадка из утрамбованной глины, камней и черепков сосудов. Кое-где по краям подов сохранились следы деревянных прутьев от глинобитного каркаса печей. Наличие в развалах камней свидетельствует о том, что, кроме глины, для постройки сводов печей использовали в небольшом количестве и камень. В развалах печей найдены также куски глиняных жаровен, вероятно стоявших на печах. В развале одной из печей была найдена глиняная труба диаметром 20 см; по предположению М. П. Кучеры, это остатки дымохода.

Контуры наземных жилищ установить не удалось. Иногда близ печей удавалось проследить столбовые ямы, но расположенные без видимого порядка. От конструкции самих жилищ сохранились лишь куски обгорелого дерева и угли.

На городище обнаружено 6 наземных печей, не имевших специально подготовленного пода. Подом в них служили небольшие углубления в черноземе. Судя по развалам, своды этих печей были глинобитными, с деревянными каркасами и довольно значительным количеством камней. Печи имели большой размер, а вверху на них были, видимо, укреплены глиняные жаровни (поперечник одной такой жаровни удалось установить — около 70 см). По-видимому, такие печи стояли вне жилищ.

Помимо наземных жилищ, на Плеснеском городище вскрыты 4 жилища и 2 хозяйственные постройки полуземляночного типа, также относящиеся к XII—XIII вв. Одна такая полуземлянка имела размер 3.3×2.5 м. Величина остальных не установлена. Дно жилищ было заглублено в материковый грунт на 40—50 см, а в одном случае — на 80 см. Печи — глинобитные, иногда с использованием в качестве стенок топки каменных плит. Удалось определить, что на одной из печей стояла прямоугольная глиняная жаровня. В полуземлянке с хорошо сохранившейся глинобитной печью со сферическим куполом обнаружены остатки дымохода в виде глиняной трубы диаметром около 16 см. В маленькой полуземлянке, которая была раскопана целиком (3.3×2.5 м), печь была расположена в углу и представляла собой небольшую нишу, врезанную в стенку жилища.

В хозяйственной постройке, заглубленной в материк на 0.6 м, пол был вымощен камнями, скрепленными глиной, а от стен сохранились следы деревянного сруба. Возможно, что это было производственное сооружение, поскольку на расстоянии 1 м от него обнаружен горн со шлаком и железной крицей. Вторая хозяйственная постройка была заглублена на 2 м, т. е. являлась по существу не полуземлянкой, а настоящей землянкой. Размер ее 4.0×3.6 м. Входом служил коридор с понижающимся полом, шириной 1.1 м, длиной около 4 м. Вдоль стен помещения тянулся приступок, обмазанный глиной и, видимо, обшитый деревом, следы которого сохранились. В землянке найдено много обломков амфор, крупных сосудов и стеклянных бокалов, а в пол были вкопаны две корчаги диаметром около 0.5 м.

В 1970 г. на городище были раскопаны остатки еще одного наземного жилища с глинобитной печью.[12] В основании печи лежал жернов.

184. Даниловка. В 1968 г. при раскопках на городище Троица у хут. Даниловки (древний Данилов) было обнаружено несколько наземных жилищ.[13] Границы их пола определялись лишь по насыщенности мелкими кусочками печины, угольками и фрагментами керамики. На ряде участков отмечено, что земля внутри контура жилища даже несколько менее плотная, чем вне его.

Столбовых ям в жилищах не обнаружено. Не отмечено и завалов глины. Очевидно, стены жилищ были деревянными. Они могли быть срубными или каркасными, со столбами каркаса, опиравшимися на нижнюю обвязку. О деревянных стенах свидетельствуют и куски глиняной обмазки стен с отпечатками бревен или плах, найденные на границах жилищ.

В углах жилищ стояли круглые глиняные печи. Их глиняный под был расположен на уровне

[9] Там же, с. 389.

[10] Подобная картина выявлена, например, в Данилове (см.: Рапопорт П. А. Данилов. — КСИА, вып. 125, 1971, с. 84).

[11] Кучера М. П. Древній Пліснеськ. — АП, XII, 1962, с. 3. — Там же указана литература об исследовании Плеснеского городища.

[12] Багрий Р. С., Ратич А. А. Исследования древнего Плеснеска. — АО 1970 г., 1971, с. 300.

[13] Рапопорт П. А. Данилов, с. 82.

пола. В некоторых печах под перемазывался по два-три раза. Стенки печей были найдены в развале, они глиняные, без следов деревянного каркаса. Наружный диаметр печей 1.1—1.5 м.

Все жилища были ориентированы по странам света. Полный контур жилища был выявлен лишь в одном случае. Постройка эта имела размер 4.9××4.3 м (рис. 18). Печь стояла в юго-восточном углу. В юго-западной части жилища размещалась небольшая хозяйственная яма. В ней найдена обгорелая сосновая доска (или плаха) — либо крышка люка, либо половица пола. В другом

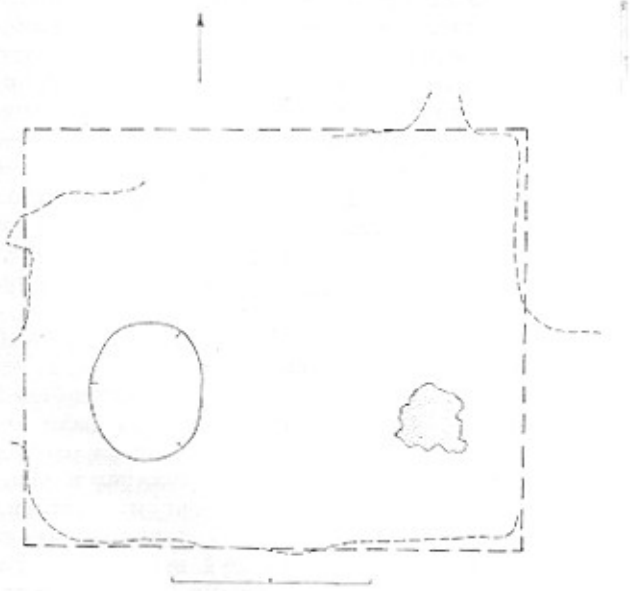


Рис. 18. Даниловка. (Отряд по изучению жилищ 1968 г. И. А. Рашпорт. Раскопки К. В. Павловой). Жилище 1.

жилище были выявлены лишь три его стороны; длина стены здесь 4.3 м. Наконец, в третьем случае несколько жилищ перекрывали одно другое и размер отдельных жилищ установить не удалось.

В одном из жилищ были найдены три обгорелые плахи (или доски), лежавшие параллельно друг другу. Очень вероятно, что это остатки лаг деревянного пола. Расстояние между лагами 1.0—1.5 м; крайняя лага лежит на расстоянии 0.25 м от стены дома.

Все раскопанные жилища относятся к первой половине XIII в.

185. Болшев. На поселении у с. Болшева в 1961 г. были обнаружены два полуземляночных жилища, относящихся, судя по найденному в них материалу, к XII—XIII вв.[14] Одно из этих жилищ ориентировано углами по странам света, углублено в материковый грунт на 70—80 см и имеет размер 3.65×3.35 м. С юго-востока расположен вход. Слева от входа, т. е. в южном углу, стояла круглая глинобитная печь, от которой сохранился под диаметром около 1 м. Направление устья печи не определено. Второе жилище вскрыто лишь частично. Оно ориентировано сторонами по странам света и углублено в материк на 1 м. Ширина его 2.85 м, длина не установлена. Круглая глинобитная печь стояла в юго-восточном углу. Вход не обнаружен.

Замечательной особенностью печей обоих этих жилищ является то, что они стояли на искусственном основании из глины (в первом жилище) или земли (во втором жилище) с жердевым каркасом. Жерди каркаса, имевшие толщину 10—12 см и длину до 1.2 м, были расположены горизонтально. В первом жилище наличие искусственного основания может быть объяснено тем, что печь стоит на месте, где материк нарушен более древней ямой. В поде печи второго жилища обнаружены куски сосудов.

Никаких следов конструкции верхних частей жилища или столбовых ям не обнаружено.

186. Крылос. На территории древнего Галича (городище у с. Крылос) раскопками, проведенными в 30-х годах XX в., были обнаружены многочисленные остатки наземных жилищ XII—XIII вв.[15] В особенности много таких жилищ выявлено на участке, носящем наименование Золотой Ток. От жилищ сохранились лишь нижние части печей. Все печи глинобитные: их стены, судя по остаткам, были сделаны как из чистой глины, так и из камней на глине. Поды печей имеют различную форму — круглую, подковообразную, овальную, иногда близкую к прямоугольнику со скругленными углами. Размеры их, как правило, не превышают 90 см. Поды состоят из плоских камней, промазанных сверху желтой глиной, изредка с добавкой черепков сосудов. Поды плоские или слегка углубленные в средней части. Расположены поды как на материке, так и на культурном слое XII—XIII вв. Перед подами обычно находятся площадки, покрытые золой и угольками. Несомненно, что эти площадки отмечают уровень древнего пола. Однако никаких следов самих полов или контуров стен жилищ не удалось обнаружить. Неподалеку от печей обычно расположены хозяйственные ямы глубиной до 1.3 м, диаметром 70—80 см. Многие из них имели обожженные стенки, но встречаются ямы со стенками без всяких следов обжига.

Такие же печи и ямы были обнаружены на Золотом Токе и в раскопках 1951, 1955 и 1969 гг.[16] Печи имели своды на деревянном каркасе. Пол жилищ здесь также отмечен на уровне подов печей, но контуры жилищ не найдены.

В раскопках 30-х годов в нескольких случаях все же удалось обнаружить слабые следы конструкции деревянных жилищ. Так, на одном участке сохранились остатки дощатого пола, покрывавшего территорию размером 5.0×3.7 м. Первоначальная площадь пола была, видимо, еще не-

[14] Крушельницька Л. І. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Болшів, Івано-Франківської області, у 1961 р. — МДАПВ, вып. 5, 1964, с. 130.

[15] Пастернак Я. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, с. 153—178.

[16] Гончаров В. К. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. — АП, V, 1955, с. 25; Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 65; Аулих В. В. Дослідження Галича і Дорогобужа. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972, с. 296.

сколько большей. Ниже этого пола лежал второй слой сгнившего дерева, а еще ниже — слой мелких камней, перемешанных с угольками. На другом конце участка обнаружено деревянное бревно, по-видимому представлявшее собой остатки нижнего венца стен постройки. Раскопаны остатки жилища и другой конструкции — со столбами. Столбовые ямы обрисовывали три стены постройки, имевшей размер 7.5×7.5 м. Четвертая стена этой постройки отмечена линией маленьких столбиков (диаметром от 2 до 11 см). В середине помещения сохранился очаг («огнище»), а пол частично замощен плоскими камнями. По-видимому, это помещение имело какое-то хозяйственное назначение.

Остатки двух больших жилищ были обнаружены при раскопках 1951 г. в ближайших окрестностях древнего Галича.[17] На Подгородье, на левом берегу р. Луквы, был расчищен слой печины и глиняной обмазки с отпечатками плах. Полоса остатков этого здания тянулась почти на 12 м. Пол был деревянным, а печь оказалась настолько разрушенной, что, возможно, она рухнула сверху, со второго этажа. Найдено много кованых железных гвоздей. Там же обнаружены бытовой инвентарь XII—XIII вв. и куски круглых оконных стекол с бордюром и росписью (растительный орнамент желтого, зеленого и коричневого цвета).

На урочище Царинка, на правом берегу р. Луквы, к северо-западу от Галича раскопано плохо сохранившееся жилище. Пол его глиняный; на полу найдены обломки керамики XII—XIII вв., бытовой инвентарь и кости животных. Выше, в завале, лежали деревянные балки, а над ними настил из обгорелых тесаных досок, покрывавший площадь 6.3×4.5 м. На дощатом настиле обнаружены слой глиняной обмазки и бесформенный развал печи. По-видимому, это остатки двухэтажного жилища.

187. Василёв. На детинце и посаде древнерусского города Василёва (на территории современного одноименного села) найдены остатки наземных жилищ XII—XIII вв.[18]

188. Мартыновка. Остатки наземных жилищ XII—XIII вв. с глинобитными печами обнаружены на селище в с. Мартыновке в Северной Буковине.[19]

189. Онут. На поселении XII—XIII вв. в с. Онут раскопаны остатки наземного жилища площадью около 24 кв. м.[20] Пол этого жилища был земляным, границы его определяются лишь приблизительно. На площади жилища имеется прямоугольная яма — подвал размером 2.1×1.4 м. глубиной 1.2 м от уровня пола. Столбовых ям нет.

190. Перебыковцы. На поселении у с. Перебыковцы обнаружено несколько наземных жилищ XII—XIII вв.[21] Здесь же раскопано одно полуземляночное жилище этого же времени, заглубленное в материк на 0.4 м. Площадь этого жилища всего около 7 кв. м. В северо-восточном углу стояла глинобитная печь.

191. Ленковцы. При раскопках Ленковецкого городища была обнаружена связанная система срубных клетей, примыкающих к оборонительному валу.[22] Дубовые срубы состояли из двух параллельных стен, расположенных на расстоянии 4.4 м одна от другой. Между этими стенами были врублены поперечные стены, образующие клети. Ширина клетей более или менее одинаковая, хотя кое-где она колеблется от 1.5 до 2.2 м. Средняя ширина клетей около 1.7—1.8 м.

Полы во всех клетях земляные, утрамбованные, иногда смазанные глиной. В глубине почти всех клетей обнаружены обгорелые доски, лежащие непосредственно на полу, причем пол под этими досками не был утоптан. Возможно, что это остатки деревянных нар.

В 9 из 15 раскопанных клетей найдены печи. По-видимому, они стояли на каких-то деревянных возвышениях, так как найдены в упавшем виде и кое-где ниже подов печей обнаружен слой горелого дерева. Печи глинобитные, округлые, расположены в передней части клетей, посреди помещения, большей частью несколько сдвинуты к одной из боковых стен. Возможно, что первоначально печи стояли вплотную к боковым стенам клетей, но при обрушении их завалы несколько сместились.

Перекрытием клетей служил дубовый накат, поверх которого находились слой глины и каменная вымостка. Все эти слои перекрытия обрушились внутрь клетей во время пожара, уничтожившего всю конструкцию.

Наличие печей во многих клетях, расположенных рядом, говорит о том, что каждая клеть служила самостоятельным жилищем.

На площадке городища обнаружены очень плохо сохранившиеся наземные жилища площадью не менее 40 кв. м. Обнаружены также заглубленные помещения, которые были не самостоятельными жилищами, а лишь нижними, подвальными частями наземных построек. В эти подвальные помещения сверху упали глинобитные печи.

В восточной части площадки городища вскрыто наземное деревянное жилище срубной конструкции, не имевшее подвала. В северо-восточном углу этого жилища стояла прямоугольная в плане глинобитная печь размером 2.0×1.1 м. Около нее найдены остатки дымоотвода — глиняный трехстенный желоб, покрытый сажей с внутренней стороны. Диаметр желоба 30 см.

Вне городища на Ленковецком поселении в разведочных шурфах были вскрыты остатки глинобитных печей наземных жилищ. Во время раскопок 1967 г. на поселении вновь найдено несколько таких печей, а также целиком расчищены три

---

[17] Гончаров В. К. 1) Археологічні дослідження. . . ; 2) Отчет о раскопках за 1951 г. — Архив Инст. археол. АН УССР (Киев), 1951/14, № 1185.

[18] Тимощук Б. О. Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород, 1969, с. 82.

[19] Сведения Б. А. Тимощука.

[20] Тимощук Б. А. Исследования летописного Онута. — В кн.: Тез. докл. XXII научн. сесс. Черновицк. гос. унив. Сер. ист. наук. Черновцы, 1966, с. 34.

[21] Тимощук Б. А. Славянские памятники Перебыковской излучины Днестра. — АО 1970 г., 1971, с. 293; Тимощук Б. О. Археологічні пам'ятки Чернівецької области. Чернівці, 1970, с. 36.

[22] Тимощук Б. А. Оборонительный вал XII—XIII вв. Ленковецкого городища. — КСИА, вып. 110, 1967, с. 100; Тимощук Б. О. Північна Буковина — земля слов'янська, с. 102.

наземных жилища (рис. 19, 20).[23] Границы этих жилищ были определены по распространению слоя, насыщенного мелкими угольками, кусочками печины, фрагментами керамики и представляющего собой остатки древнего пола. Пол слегка повышался от середины, и его края, а особенно углы, были больше повреждены распашкой, чем средняя часть. Поэтому границы пола удалось

Остатки печей представляют собой поды, врезанные в материк так, что их средняя часть (т. е. самая заглубленная) лежит на 15—22 см ниже уровня пола жилищ. Поды прожжены на глубину до 5 см; они круглые, в жилище 1 диаметр пода 63 см, в жилище 2 — 92 см, а в самом крупном жилище 3 — 98 см. В печах жилищ 1 и 3 отчетливо вырисовываются удлиненные устья, а перед печью

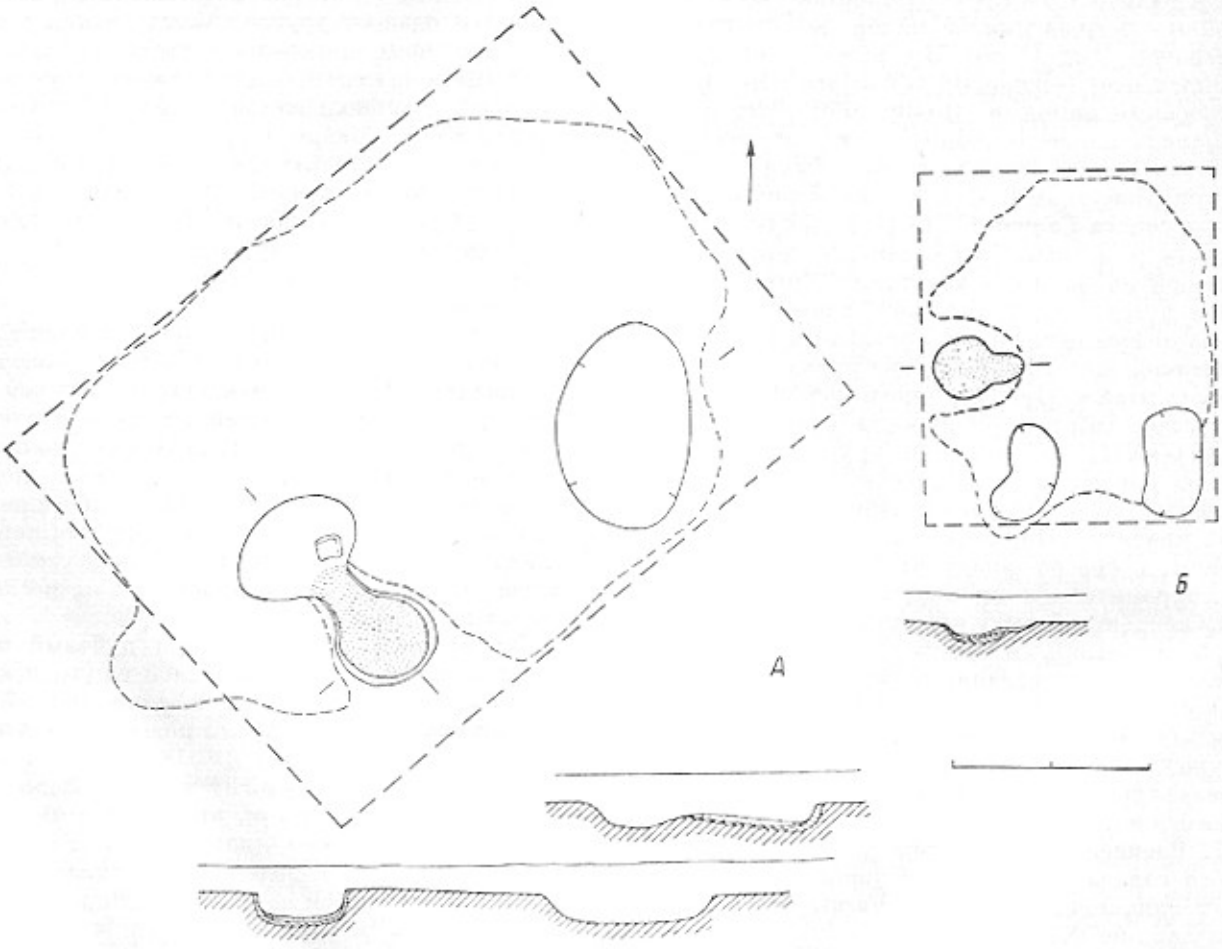


Рис. 19. Лепковцы. (Отряд по изучению жилищ 1967 г. П. А. Раппопорт. Раскопки М. В. Малевской).
А — жилище 3; *Б* — жилище 1.

определить лишь приблизительно, хотя в целом его конфигурация вырисовывается достаточно отчетливо. Судя по тому, что этот земляной пол не имел никаких следов утоптанности, возможно, что в древности он был сверху прикрыт досками, т. е. был деревянным. На границах пола нет никаких следов стен. Здесь не отмечено также ни столбовых ям, ни завалов глины, что свидетельствует о деревянных стенах срубной конструкции или каркасно-стойчатых с нижней обвязкой.

Жилище 1 ориентировано по странам света; его размеры приблизительно 3.6×2.9 м. Два других жилища ориентированы углами по странам света. Размер жилища 2 — 4.1×4.0 м, а жилища 3 — 6.8×5.2 м.

жилища 3, кроме того, есть овальная предпечная яма, имеющая примерно такую же глубину, как под печи. Перед устьем печей в жилищах 1 и 3 лежали плоские камни. В завалах печей найдены куски их глиняных стенок, а в печи жилища 3 — большой завал кусков стенок и свода. На многих кусках видны пустоты от деревянных прутьев каркаса (диаметр прутьев от 0.3 до 1.2 см), расположенных не только вдоль свода печи, т. е. вертикально, но и в поперечном направлении. По-видимому, каркас состоял из прутьев, сходящихся к вершине свода, и из поперечных обвязок.

В жилищах 2 и 3 печи расположены в южном углу, а в жилище 1 — у середины западной стены. В жилище 3 отмечено небольшое расширение пола в юго-западном направлении — быть может, следы входа. Если это так, то печь в данном жилище стояла справа от входа и была обращена устьем в его сторону.

[23] Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А. Раскопки на Лепковецком поселении в 1967 г. — СА, 1970, № 4, с. 112.

В жилище 1 обнаружены две неглубокие хозяйственные ямы, а в жилище 3 — одна такая яма. Неподалеку от жилищ также вскрыто несколько хозяйственных ям.

192. Дарабаны. На городище у с. Дарабаны раскопками 1966 г. обнаружены остатки наземных жилищ.[24] Так же как и городище в целом, они относятся к XII—XIII вв. Сохранились остатки глинобитных печей и глиняные полы толщиной до 10 см. Имеются предпечные ямы. Поверх развалов жилищ выявлен слой желтой глины, видимо рухнувший сверху. Поскольку жилища расположены полосой вдоль вала, Б. А. Тимощук предполагает, что они имели плоскую крышу, служившую для прохода воинов вдоль оборонительной стены.

193. Лука-Врублевецкая. В 1945—1946 гг. при раскопках верхних горизонтов многослойного поселения в с. Лука-Врублевецкая были обнаружены остатки разрушенного полуземляночного жилища XII—XIII вв.[25] В нем стояла круглая глинобитная печь. Под этой печи имел три слоя подмазки. Найдены куски глиняного купольного свода печи со следами каркаса из жердей. На том же поселении отмечены круглые глинобитные печи наземных жилищ XII—XIII вв.

194. Городок. Во время раскопок на раннеславянском поселении у с. Городка на р. Смотрич была раскопана одна полуземлянка XII—XIII вв.[26] Размер ее 3.7×2.8 м. Почти в центре помещения размещался овальный глинобитный очаг. Исследователи высказали предположение, что это жилище было местом временного обитания, поскольку на поселении, кроме данной полуземлянки, абсолютно нет материалов XII—XIII вв.

195. Бакота. На поселении у с. Бакоты раскопано полуземляночное жилище XII—XIII вв.[27] В углу обнаружена печь «с каменной конструкцией». В жилище отмечено наличие хозяйственного подвального помещения.

196. Галица. На городище Галица обнаружены жилища в срубных клетях оборонительного вала.[28] Ширина клетей до 6 м. На площадке городища вскрыты остатки наземных жилищ. Укрепленное поселение функционировало до XIII в.

197. Городище. В 1968—1969 гг. были проведены раскопки на городище у с. Городище на р. Згар.[29] При изучении оборонительного вала выяснилось, что его конструкцию составляли два ряда срубных клетей. Один ряд срубов был плотно забит глиной. Второй ряд, расположенный в тыльной части вала и обращенный к площадке городища, составляли клети, которые использовались как жилые и хозяйственные помещения. Длина каждой клети (вдоль вала) 4.6—4.8 м, ширина 4.0 м. Полы клетей утрамбованы и обмазаны глиной. Срубные стены были побелены известью. Во многих клетях имелись печи. Они располагались почти в центре помещения на небольших земляных возвышениях (высотой 15—20 см). Поды печей имели диаметр около 80 см. Пространство клетей было заполнено остатками рухнувших деревянных перекрытий и землей, оползшей с вала.

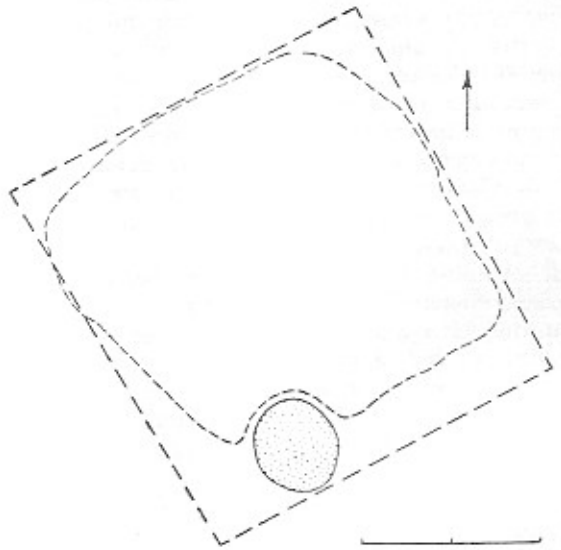


Рис. 20. Ленковцы. (Отряд по изучению жилищ 1967 г. П. А. Раппопорт. Раскопки М. В. Малевской). Жилище 2.

На площадке городища обнаружено полуземляночное жилище. Размер его 4.2×3.8 м, глубина 85 см. В юго-восточном углу на материковом останце стояла глинобитная печь подковообразной формы. Диаметр печи до 1 м.

Весь материал, обнаруженный на городище, относится к XII—XIII вв.

198. Городище. На городище у с. Городище близ г. Шепетовки, представляющем собой, по-видимому, остатки древнерусского города Изяславля, открыто значительное количество жилищ.[30] Они наземные, с глинобитными печами. Весь комплекс поселения относится ко второй половине XII—первой половине XIII в.

199. Колодежное. На городище, представляющем собой остатки древнего города Колодяжина, было раскопано 25 полуземляночных жилищ. Из них 7 было вскрыто на основной площадке городища, 14 — между внутренними и наружными валами и 4 — вне пределов укрепленной площадки. Все жилища относятся ко времени суще-

[24] Тимощук Б. О. Дослідження давньоруського городища Дарабани-Щовб. — В кн.: Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971, с. 187.

[25] Тиханова М. Розкопки верхніх горизонтів поселення в с. Лука-Врублевецька. — АП, I, 1949, с. 180. Также информация М. А. Тихановой.

[26] Винокур И. С., Приходнюк О. М. Раннеславянское поселение у с. Городок. — АО 1968 г., 1969, с. 333.

[27] Винокур И. С. Работы Подольской экспедиции. — АО 1970 г., 1971, с. 295.

[28] Тимощук Б. А. Древнерусское городище Галица в Северной Буковине. — АО 1968 г., 1969, с. 336.

[29] Якубовський В. І. Розкопки на Північному Поділлі. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972, с. 294.

[30] Материалы не опубликованы. Краткую информацию см.: Каргер М. К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. — В кн.: Тез. докл. сов. делег. на I Междунар. конгр. славянск. археол. в Варшаве. М., 1965, с. 39.

ствования укрепленного поселения, т. е. к XII—XIII вв.[31]

Все жилища прямоугольные. Длина их от 3.0 до 4.7 м, ширина от 2.5 до 3.8 м. Наименьшее жилище — 3.0×2.5 м, наибольшее — 4.7×3.7 м. Все они углублены в землю от современной поверхности на 0.6—0.9 м, а там, где имеются осыпи с валов, — даже до 1.9 м. В материковый грунт они врезаны на 0.25—0.5 м, а кое-где несколько больше — до 0.9 м. В шести жилищах отмечены входы (шириной 55—70 см), представляющие собой вырезанные в земле ступеньки. Столбовых ям в большинстве жилищ не обнаружено, хотя в некоторых имеется по одной или две ямы, большей частью в углах. Лишь в жилище 13 столбовые ямы есть в трех углах. Глиняной обмазки или следов верхних, наземных частей нигде не обнаружено. Только в нескольких жилищах отмечены следы сгоревшего дерева, а в одном — обожженный пол. В жилище 15 вдоль двух стен идут земляные приступки высотой около 20 см, шириной до 75 см.

Постройка 6, небольшая по величине (2.8××2.6 м) и углубленная в материк на 1 м, не имеет печи, но зато в ней есть столбовые ямы во всех четырех углах. Возможно, что это не жилище, а хозяйственное помещение. Во всех остальных постройках имеются печи. Они глинобитные, расположены на материковых останцах так, что их под возвышается над полом жилища на 10—25, изредка на 35—40 см. Судя по чертежам, под печей иногда бывал расположен также на уровне пола. Предпечная яма найдена лишь перед одной печью (жилище 24). Толщина стенок печей 12—15 см. В стенках видны следы деревянного каркаса; в нескольких печах следов каркаса не имеется. Поды печей овальные, реже круглые или подковообразные; ширина их от 0.7 до 1.1 м, длина от 1.0 до 1.6 м. Печи расположены в углах жилищ и несколько врезаны в материковый грунт, своей тыльной частью они выступают за границы жилища в направлении, перпендикулярном длинной стороне жилища, а устьем повернуты вдоль его короткой стороны. Лишь в двух случаях (жилища 17 и 21) печи расположены так, что их устье направлено вдоль длинной стены жилища, а в одном случае (жилище 11) по его диагонали. Довольно часто (в пяти или шести случаях) печь расположена так, что по другую сторону ее устья образуется небольшое помещение, более узкое, чем основная часть жилища.

В одном жилище (7), наименьшем, печь так сильно врезана в стенку, что целиком размещается вне его пределов. В другом жилище (10), помимо обычной печи, лишь слегка выдвигающейся за пределы помещения, имеется вторая печь, целиком врезанная в материковую стенку, так что ее устье расположено заподлицо с этой стенкой; эта вторая печь размещена не в углу, а в середине стены.

Всего два жилища в Колодяжине имеют более сложную форму, но в первом (24) это, по-видимому, одно жилище, врезанное в другое, более раннее, а во втором (12 и 13) это два вполне самостоятельных жилища, расположенных так близко одно от другого, что разделявшая их материковая стенка обрушилась.

В нескольких жилищах отмечены хозяйственные ямы, большей частью по две-три сразу; иногда они устроены подбоем в стенке жилища.

В шести случаях, когда в жилищах были обнаружены входы, удается проследить взаимное соотношение входа и печи. Печь была расположена в углу напротив входа, но при этом в двух случаях ее устье было направлено вдоль задней стены, а в четырех — в сторону входа.

Ориентация жилищ в Колодяжине не была стабильной. В зависимости от соотношения с оборонительным валом жилища ориентированы по странам света то сторонами, то углами. Однако можно отметить, что в большинстве случаев печи расположены в северной половине жилища, а входы — в южной.

Вторым типом жилищ на Колодяжинском городище были срубные клети, связанные с конструкцией оборонительного вала. Линия этих клетей представляла собой единую связанную срубную конструкцию, вплотную примыкавшую с тыльной стороны к валу. Очевидно, что поверх перекрытия клетей была сделана земляная подсыпка, т. е. клети были прикрыты сверху задней полой насыпи вала. После пожара, уничтожившего все деревянные сооружения Колодяжина, земляная насыпь обрушилась и заполнила помещения клетей. Помимо этой линии клетей, проходившей по всему периметру городища, на отдельных участках к ней примыкали клети второго, внутреннего ряда, настолько плохо сохранившиеся, что их размеры и устройство не удалось установить. Судя по тому, что в клетях внутреннего ряда не было печей, а также по находкам хозяйственного инвентаря и большого количества костей скота, это были хозяйственные постройки.

Клети наружного, основного ряда имели более или менее одинаковую ширину — около 3.2 м. Длина их была различной; наиболее часто встречаются клети длиной 3.5—3.6 м, однако есть и более крупные (до 5 м), и более мелкие (около 2 м). Клети срублены из дубовых бревен диаметром около 20 см, причем продольные бревна соединены рубкой «внахлестку», а поперечные стены врублены «в обло», с выпуском остатков длиной 30—40 см. Полы в клетях были глинобитными. Сохранились остатки глиняной обмазки со следами побелки, некогда покрывавшей внутренние поверхности стен клетей. Судя по остаткам дерева, найденного при раскопке клетей, потолки их представляли собой бревенчатый накат.

Клети несомненно были жилыми; об этом свидетельствуют как обнаруженный здесь бытовой инвентарь, так и наличие печей. Печи большей частью сферические, глинобитные; размеры их подов примерно 1.0×0.8 или 1.1×0.9 м, иногда не-

---

[31] Описание всех раскопанных жилищ и их чертежи см.: Юра Р. О. Древній Колодяжин. — АП, XII, 1962, с. 84—94. — Чертежи жилищ схематичные. Три жилища были ранее опубликованы В. К. Гончаровым (Гончаров В. К. Работи Волинської експедиції 1948 р. — АП, III, 1952, с. 172—173), причем их чертежи и описания не полностью совпадают с публикацией Р. А. Юры.

много меньшие. Поды печей расположены либо на уровне пола, либо на 10—20 см выше него. Наряду с глинобитными обнаружено несколько печей, сложенных из камней. По величине они примерно такие же, как глинобитные, но расположены на довольно высоких материковых останцах (от 0.5 до 1.0 м), укрепленных снаружи с помощью деревянного сруба. Останцы имеют несколько больший размер, чем сами печи (в клети VII — 1.8×1.6 м, в клети XV — 1.4×1.3 м). Печи стояли в углах помещений — за одним исключением (клеть X), где печь оказалась расположенной в середине. Печи имелись не во всех клетях, но в двух из них обнаружено по две печи. В двух случаях отмечено наличие в клетях больших круглых в плане зерновых ям.

Ни в одной из клетей не удалось определить положение входа. Однако направление его в нескольких случаях все же ясно. Так, находящиеся рядом клети V, VI и VII имеют печи и более или менее одинаковый размер. Очевидно, что это были отдельные, самостоятельные жилища. Следовательно, входы в них могли быть расположены только в той стене, которая обращена к площадке городища, т. е. в противоположной валу, а печи стояли против входа и были обращены устьем в его сторону. По-видимому, такое же соотношение входа и печи было в клети IX. В глубине помещения, т. е. так же, как и в предыдущих случаях, были расположены печи и в маленьких клетях XI и XIII. Но рядом с этими клетями есть клети большего размера, без печей. Можно полагать, что это были двухчастные жилища, каждое из которых имело меньшее помещение с печью и несколько большее без печи (т. е. клети XI, XII и клети XIII, XIV). Где был в этом случае расположен вход — в клети с печью или без печи, — неясно. Несколько особняком стоит клеть XV, не только более длинная (4.8 м), но и выделяющаяся среди других клетей своей шириной (4.0 м, т. е. на 80 см шире других клетей). В этой клети печь в виде исключения стоит не в глубине помещения, а у его внешней стены и повернута устьем в сторону вала. Можно предполагать, что вход в эту клеть вел не непосредственно с площадки городища, а из небольшой соседней клети XVI.

200. Райки. Райковецкое городище было раскопано в 1929—1934 гг. Полное раскрытие всей площади укрепленного поселения, целиком относящегося к сравнительно узкому хронологическому периоду (XII—XIII вв.) и единовременно погибшего во время взятия его монголами, дало чрезвычайно ценные результаты для изучения материальной культуры этого времени. Здесь было раскопано значительное количество жилищ, относящихся к двум основным типам, — полуземлянки на площадке городища и жилые срубные клети, конструктивно соединенные с каркасом оборонительного вала. К сожалению, материалы раскопок нашли отражение лишь в виде предварительной публикации в статьях Ф. Молчановского.[32] Позднее вся документация раскопок погибла. Монография В. К. Гончарова, посвященная этому городищу, является сводкой сохранившихся данных и по существу не добавляет нового конкретного материала.[33] Описания и чертежи отдельных жилищ отсутствуют. Поэтому судить о них можно лишь суммарно, в самых общих чертах.

Срубные клети обходили по периметру вокруг всей площадки городища. С напольной стороны и на участке у конца мыса имелись клети, плотно забитые землей и составлявшие основу оборонительного вала. На других участках этот наружный ряд клетей отсутствовал. Средний ряд клетей не был забит землей; таких клетей было несколько более 50. С внутренней стороны, т. е. со стороны площадки, к основной линии срубов примыкала еще одна линия клетей, очень плохо сохранившаяся и, очевидно, не сплошная, а имевшая интервалы.

Для строительства были использованы дубовые и частично березовые бревна диаметром 20—30 см. Продольные стены клетей соединялись рубкой «внахлестку», а поперечные врублены «в обло», с выпуском остатков длиной 20—30 см. Отмечено, что с внутренней стороны клетей бревна были во многих случаях отесаны и обмазаны глиной, на которой сохранились следы побелки. Клети имели ширину 2.6—2.8 м; длина их различная, в основном от 3.0 до 4.2 м. На участках, где не было клетей, забитых землей, наружная (т. е. обращенная в сторону рва) стена клетей была сложена из более массивных бревен и укреплена внизу камнями и врытыми в землю столбами. Клети сохранились кое-где на высоту до 8 венцов. Полы в клетях земляные, иногда подмазанные глиной, причем отмечены случаи неоднократной подмазки. Все полы имеют уклон в сторону площадки городища.

О жилом назначении клетей свидетельствуют как найденный инвентарь, так и наличие печей. Печи глинобитные, подковообразные в плане, с подом размером примерно 1.0×0.8 м и высотой полусферического свода до 55 см. Все печи имеют на внутренней стороне свода отпечатки деревянного каркаса. Расположены печи в углах помещений на возвышениях в 10—15 см; перед печами часто расположены предпечные ямы размером примерно 1.0×0.8 м и глубиной до 60 см. Около двух печей найдены железные диски, соединенные петлей с плоским железным обручем, — по предположению Ф. Молчановского, это вьюшки для закрывания отверстия печи, чтобы сохранить в ней тепло. В клети близ ворот была расчищена печь высотой 88 см с подом размером 0.8×0.95 м и остатками дымохода.[34]

Печи имелись не во всех жилищах. Отмечено, что большей частью клеть длиной 3.2—3.3 м с печью чередовалась с более длинной клетью (до 4.2 м) без печи. Очень вероятно, что каждое

---

[32] Мовчанівський Т. 1) Райковецьке городище XI—XIII ст. — В кн.: Наукові зап. Інст. іст. матер. культ. Кн. 5—6. Київ, 1935; 2) Матеріали дослідної роботи Райковецької археологічної експедиції в 1934 р. Там же. Кн. 2. Київ, 1937.

[33] Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.

[34] Молчановський Т. Матеріали дослідної роботи. . . , с. 59.

жилище состояло из двух таких клетей. Всего на городище было вскрыто 28 клетей большего размера и 23 клети меньшего. Кое-где по нижним венцам срубов можно было, по-видимому, судить о расположении входов: почти все они находились в стене, обращенной в сторону площадки, но существовали, очевидно, проходы и между некоторыми клетями. В одном случае стена клети со стороны площадки городища сохранилась на довольно значительную высоту, и здесь на высоте 65 см от пола обнаружено оконное отверстие. Насколько можно судить по чертежам, опубликованным в мелком масштабе, печи в клетях стояли большей частью у передней от входа стены, т. е. у стены, обращенной в сторону площадки; реже они располагались у задней стены.

В одной из жилых клетей в западной части городища были обнаружены каменные плитки приблизительно прямоугольной формы, неодинакового размера, толщиной 2—3 см. Одна сторона этих плиток была покрыта минеральной краской красного, желтого или серого цвета. По предположению Ф. Молчановского, плитки принадлежали убранству стен или печи-лежанки.

Клети внутреннего ряда, т. е. примыкавшие к жилым клетям со стороны площадки, имели в основном хозяйственное назначение. Это были кладовые, хлевы, мастерские. Впрочем, если судить по наличию печей, то возможно, что и здесь некоторые помещения являлись жилыми. Отличительная особенность построек этого ряда — врезка их пола в грунт и поэтому расположение значительно ниже пола ряда жилых клетей. В некоторых случаях разница в уровне полов была настолько велика (до 2 м), что дверь из жилой клети могла выводить прямо на потолочный накат такого хозяйственного помещения.

На площадке городища было раскопано 9 полуземляночных жилищ. Из них одно оказалось более ранним (X—XI вв.), а 8 безусловно были одновременны всему комплексу укрепленного поселения, т. е. относились к XII—XIII вв. Это прямоугольные жилища со стенами от 3.5 до 4.5 м. Некоторые постройки, правда, были значительно меньше (например, жилище 6 — 2.9×2.9 м). Глубина жилищ, видимо, была значительной, около 1 м. В некоторых из них имелись столбовые ямы. Кое-где обнаружены входы, ведущие большей частью со стороны клетей вала. В заполнении жилищ найдены завалы глины и обгорелое дерево. Печи расположены в углах; они глинобитные, с подами, находящимися немного выше пола, и предпечными ямами. Одна из печей, почти полностью сохранившаяся, имела размер 1.1×0.9 м при толщине стенок 15—18 см. Высота ее топки 60 см. Перед топкой лежала половина жернова, а перед ним находилась овальная предпечная яма (0.6×0.7 м) глубиной около 50 см.

Непосредственно за рвом Райковецкого городища было расположено небольшое открытое поселение. Второе поселение лежало несколько дальше к западу, примерно в 0.5 км от городища. Третье поселение находилось северо-западнее городища, в урочище Запасека. Наконец, четвертое поселение было обнаружено в 1.3 км к юго-востоку от городища. Археологический материал из всех этих пунктов относится к XII—XIII вв., т. е. ко времени функционирования укрепленного поселения. По-видимому, все эти небольшие селища были связаны между собой и по существу являлись различными участками одного довольно большого неукрепленного поселения, примыкавшего к городищу. В 1934 г. здесь были проведены небольшие разведочные раскопки, продолженные уже в 1946 г. В результате этих работ было вскрыто 6 жилищ на первом поселении, 10 на втором и одно на третьем.[35]

Жилища первого поселения, примыкавшего ко рву городища, представляли собой прямоугольные полуземлянки, имеющие размер сторон в среднем 3—4 м (наименьшее жилище — 3.4×2.6 м, наибольшее — 5×4 м). Глубина их в материковом лёссе от 70 см до 1 м. Следов конструкции стен не обнаружено, но в завале некоторых жилищ найдены обгорелые бревна. Печи в этих жилищах все были глубоко врезаны в материковые стенки в виде ниш, так что устья их лежали заподлицо с внутренней стеной жилища. Из шести исследованных жилищ в четырех обнаружено по две печи, причем одна из них, как правило, небольшого размера (величина пода 0.6×0.9 и 0.8××0.9 м), а другая гораздо большего (размер пода примерно 1.5×0.9 м). Под этих печей расположен либо на уровне пола жилища, либо немного выше него. В трех жилищах вдоль стен тянулись земляные приступки высотой около 40 см, шириной 50—65 см. Наличие двух печей и большой размер одной из них указывают на производственный характер помещений. Это подтверждается тем, что в одном случае над топкой большой печи сохранилась глиняная решетка с четырьмя отверстиями; по-видимому, это был гончарный горн. В нескольких жилищах найдены ступеньки входов, иногда укрепленные камнями.

В двух жилищах повторяется одинаковая плановая схема (жилище 2 из раскопок 1946 г. и жилище в урочище Ветряки): помещения имели удлиненную форму, вход расположен в одном торце, а производственная печь — в противоположном; бытовая печь находится слева у входа и обращена устьем ко входу. Впрочем, обнаружена и иная схема (жилище 1 из раскопок 1946 г.): в квадратном помещении бытовая печь стоит против входа, а производственная — справа от него.

Жилища второго поселения были расположены в ряд вдоль реки. Они имели размер в среднем 3.2×2.8 м; полы их, заглубленные в материковый лёсс, были глиняными, утрамбованными. В заполнении этих полуземлянок обнаружено довольно много дерева. Печи были расположены не в пределах жилища, а врезаны в стены в виде ниш, так же как в первом поселении. Входы имели ступеньки, иногда укрепленные камнями. Чертежи этих жилищ не сохранились, и соотношение печи и входа неясно. Отмечено лишь, что

---

[35] Гончаров В. К. 1) Райковецкое городище, с. 49—57; 2) Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. — АП, I, 1949, с. 32.

входы почти всюду были направлены в одну сторону. В отличие от жилищ первого поселения здесь не было никаких следов ремесленного производства.

Единственная полуземлянка, раскопанная на третьем поселении, была углублена в материк на 70 см и имела размер 3.7×3.1 м. Она была ориентирована сторонами по странам света. Вход был расположен в северной стене, а печь находилась в углу справа от входа и была обращена к нему устьем. Печь стояла на останце, под ее возвышался на 35 см над полом. В жилище отмечены столбовые ямы в углах, имевшие глубину 50 см и более, мелкие столбовые ямы по сторонам входа и около внешнего угла печи.

201. Городск. Раскопки на Малом городище в с. Городске начались в 1946 г.[36] Позднее эти работы были продолжены.[37] В итоге была вскрыта вся площадка городища.[38] На ней обнаружено 23 жилых, 3 ремесленных и 16 хозяйственных построек. К сожалению, опубликованная документация раскопок очень неполна. К тому же вначале раскопки небрежно фиксировались, а жилища, вскрытые в 1946 г., были, видимо, плохо поняты исследователем. В результате среди жилищ этого городища появилась целая группа овальных в плане полуземлянок, которые, очевидно, представляют собой либо производственные комплексы, либо сильно оплывшие прямоугольные жилища. Нет доказательств, подтверждающих предположение авторов раскопок о наличии на городище наземных, не углубленных в почву жилищ. Названные наземными жилища 19 и 20, а также постройка 11, судя по публикации, были углублены в материк не менее чем на 20—30 см. Очень вероятно, что в действительности глубина их подземной части была еще больше, так как они, по-видимому, были врезаны не только в материк, но и в культурный слой. Возможно, что к наземным жилищам относились те несколько печей, которые не были углублены в материк и не имели сохранившихся следов самих жилищ. Однако не менее вероятно, что эти печи были напольными. Наконец, далеко не ясен вопрос датировки жилищ. М. Ю. Брайчевский разделил городские жилища на три хронологических этапа — от IX до XIII в. Между тем жилища на этом городище довольно редко врезаются одно в другое, а поздние находки (например, стеклянные браслеты) встречаются почти во всех комплексах. Поэтому выделить жилища, относящиеся ко времени до XII в., на основании опубликованных материалов не представляется возможным. Тем не менее часть построек Городского городища все же может быть использована для изучения. Жилища прямоугольные; размер их сторон в основном от 2.8 м до 3.5 м, хотя встречаются жилища как несколько меньшие (например, 15 — 2.75× ×2.2 м), так и большие (например, 7 — 4.2×4.0 м). Они углублены в материковый грунт на 30—60 см, иногда несколько больше. Столбовые ямы имеются лишь в незначительной части жилищ. Печи в жилых постройках расположены в углах, а в производственных — в центре (раскопанное в 1946 г. овальное жилище 26 с «огнищем» в центре также, вероятно, имело не жилое, а какое-либо специальное назначение). Печи глиняные, хотя среди глины попадается довольно много камней, которые, видимо, также были использованы для устройства стенок печей. Некоторые печи стоят на материковых останцах высотой 30—40 см. Кое-где перед печами имеются предпечные ямы. Иногда печи врезаны в материк и несколько выступают за контур жилища. В жилище 4 такая печь, почти целиком выступающая за стену жилища, имеет под, расположенный не выше, а на 40 см ниже уровня пола.

Никаких данных о конструции стен жилищ на Городском городище не обнаружено. Исходя из отсутствия столбовых ям, Р. И. Выезжев считает, что жилища были срубными. На городище найдено небольшое количество обожженной глиняной «обмазки рубленых стен».

В нескольких жилищах обнаружены входы в виде одной или двух ступенек. Взаимное расположение печи и входа достаточно определенно зафиксировано в трех жилищах. В двух (жилища 13 и 23) печь стоит напротив входа, а в одном (15) рядом с ним. Если исследователи правильно интерпретировали небольшой косой приступок в жилище 4 как ступеньку входа, то в этом жилище печь расположена против входа. Кроме того, в овальном жилище 22, которое в действительности, видимо, представляет собой плохо сохранившееся прямоугольное жилище, печь стоит рядом с входом и повернута устьем к нему.

Почти все жилища Городского городища имеют одинаковую ориентацию (незначительно отклоняясь сторонами от стран света), связанную с формой площадки. Печи в жилищах чаще, хотя и не всегда, расположены в северо-западном углу.

Несколько особняком стоят два жилища — 5 и 17, состоящие каждое из двух помещений. Жилище 17 имеет сравнительно небольшой размер; его основное помещение — прямоугольная полуземлянка (3.5×2.95 м), врезанная в грунт на 90 см и повернутая стенками по странам света (с незначительным отклонением). Вдоль трех ее стен проходит обмазанный глиной материковый приступок высотой 15 см и шириной 20—30 см. В этом приступке сохранились отверстия от кольев диаметром 8—10 см, забитых на расстоянии от 23 до 32 см один от другого. В южной части восточной стены приступок обрывается; видимо, здесь находился вход. В углах помещения — столбовые ямы. С юга, т. е. с той стороны, где нет земляного приступка, к этому помещению примыкает второе, имеющее неправильную форму (прямоугольник со скругленными углами). Размер второго помещения 3.2×1.45 м; его пол выше пола первого помещения на 35 см. Здесь обнару-

[36] Дмитровська А. Звіт Городської експедиції 1946 р. — АП, I, 1949, с. 47.

[37] Гончаров В. К. Розкопки древнього Городська. — АП, III, 1952, с. 184; Брайчевський М. Ю. Розкопки на третьому Городському городищі. Там же, с. 187.

[38] Виезжев Р. І. Будівлі «малого городища» X—XIII ст. в с. Городську. — АП, XII, 1962, с. 131. — В этой статье дана общая сводка всех раскопанных на данном городище жилищ.

жен развал печи, а в восточном торце — яма диаметром 1.2 м.

Жилище 5 проще по форме и больше по размерам — это прямоугольная полуземлянка (7×3 м), врезанная в грунт на 60 см. Судя по публикации, данное жилище было разделено на два помещения, соединявшихся между собой проходом шириной 1.1 м. Чем были разделены два соседних помещения — из текста не ясно. Длина северного помещения 3.6 м, южного — 3.4 м. В южном помещении находилась овальная в плане печь (1.2×1 м).

В жилищах 5 и 17 обнаружены материалы XII—XIII вв., в том числе стеклянные браслеты. Следует отметить, что оба этих жилища расположены несколько в стороне от остальных, ближе к восточному краю городища.

На 1-м Городском городище были раскопаны три клети, примыкавшие к конструкции оборонительного вала и прикрытые сверху его насыпью.[39] Длина клетей 4.5, 3.3 и 3.6 м. Ширина клетей, видимо, не была определена. Дубовые срубные стены этих клетей местами сохранились на высоту 9 венцов. В наиболее крупной клети в углу стояла глинобитная печь. Под ее, расположенный на уровне пола, имел размер 1.5×0.9 м; перед устьем — предпечная яма. В клети обнаружены предметы XIII в.

202. Иваньков. Многочисленные полуземлянки XI—XIII вв. были обнаружены П. Н. Третьяковым на городищах в Иванькове и неподалеку от Иванькова у с. Ораное на р. Тетереве.[40] На городище у с. Ораное отмечено наличие глинобитных печей.

203. Шестовицы. На городище в с. Шестовицы было раскопано полуземляночное жилище XII—XIII вв.[41] Оно имело размер 4.0—4.5×3.5—4.0 м. Пол был утрамбован и подмазан глиной. В северо-восточном углу стояла круглая глинобитная печь.

На другом участке этого городища Д. И. Бліфельд обнаружил остатки печей, которые, по его мнению, могли принадлежать наземным жилищам.

204. Чернигов. В детинце Чернигова в 1946—1947 гг. близ северного портала раскопанной Благовещенской церкви было обнаружено жилище XII в.[42] Это полуземлянка, ориентированная по странам света, заглубленная на 80 см в материк, со сторонами 5×4 м. В южной части находятся остатки сруба размером 2.4×1.8 м, заполненного печиной и углями, — очевидно, остатки печи. К северу от печи имеется предпечная яма. Учитывая очень большой размер этой печи, занимающей почти половину помещения, Б. А. Рыбаков выдвинул предположение, что данная полуземлянка является не самостоятельным жилищем, а лишь углубленной частью большой наземной постройки, от которой сохранились две линии столбовых ям. Возможно, что эти столбы были стульями, на которые опирался сруб. Рядом с полуземлянкой найдены обломки поливных плиток с рельефным узором. По предположению Б. А. Рыбакова, плитки эти могли быть использованы для облицовки стен или печи наземного жилища. Впрочем, они могли относиться и к раскопанной рядом церкви.

Несколько жилищ XII—XIII вв. было раскопано в Чернигове в 1949 и 1951 гг.[43] Это квадратные или прямоугольные полуземлянки, углубленные в материк на 50—90 см, с размерами сторон от 3 до 4 м. В ряде полуземлянок имеются столбовые ямы, в других столбовых ям нет. Возможно, что некоторые из этих жилищ были двухчастными; к основному помещению у них примыкало второе, меньшее по площади.

Сохранились остатки глинобитных печей, иногда целиком стоявших внутри помещения, а иногда сильно врезанных в стенки.

Одна из построек имеет несколько меньший размер (2.5×2.5 м) и глубину около 1.4 м. К этой постройке вилотную примыкает дополнительное помещение той же ширины (2.5×1.25 м), пол которого на 35 см выше пола основного жилища. С противоположной стороны размещен вход в виде коридорчика с несколькими земляными ступеньками. В заднем правом углу основного помещения глубоко врезана в боковую стенку печь, обращенная устьем вдоль задней стены.

Одна полуземлянка, размером 3×3 м и глубиной 50 см, имеет шесть столбовых ям (в углах и посередине северной и южной стен), а отступя на 30 см от стен, еще шесть таких же ям.

Очень возможно, что, кроме полуземляночных жилищ, в раскопках 1949 и 1951 гг. были обнаружены и наземные постройки XII—XIII вв. Так, В. А. Богусевич отмечает остатки сруба наземного жилища размером 5×5 м и второго, хуже сохранившегося жилища, состоявшего из двух помещений. К сожалению, отсутствие четкой документации не позволяет составить об этих сооружениях даже самое приблизительное представление.

205. Белгородка. В 1909—1910 гг. В. В. Хвойка провел исследования на городище в Белгородке (древний Белгород). Помимо раскопок кирпичной церкви и изучения конструкции оборонительного вала, им было вскрыто шесть древнерусских жилищ. Краткие сведения об этих жилищах без иллюстраций помещены в опубликованной работе В. В. Хвойки.[44] Некоторые дополнения можно найти в работе Н. Д. Полонской.[45] Наконец, еще некоторые сведения, а также ри-

---

[39] Гончаров В. К. Розкопки древнього Городська, с. 185.

[40] Третьяков П. Н. Древлянские «грады». — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 64.

[41] Бліфельд Д. І. Досліджения в с. Шестовицях. — АП, III, 1952, с. 127.

[42] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА, № 11, 1949, с. 65.

[43] Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. — АП, V, 1955, с. 7.

[44] Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 85—88.

[45] Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 годов в мест. Белгородке. — В кн.: Тр. Моск. предв. комитета по устройству XV археол. съезда. Т. I. М., 1911, с. 63—64.

сунки жилищ имеются в отчете В. В. Хвойки.[46] Очень примитивная фиксация раскопок не дает возможности получить достаточно полное представление о раскопанных жилищах. Неясен также и вопрос их датировки. Более или менее определенно можно судить о жилище 4, в котором обнаружены материалы, явно относящиеся к XII—XIII вв. Судя по тому, что в жилище 5 в глиняную печь были вмазаны куски кирпичей, можно полагать, что это жилище никак не старше расположенной неподалеку церкви, т. е. относится скорее к XIII, чем к XII в.[47]

Одно из раскопанных жилищ (4) — простое, однокамерное, размером 3.55×2.8 м. В углу расположена большая глинобитная печь шириной 1.85 м. У боковых стен жилища находились «по три обгорелых столба, обгоревшие бревна и части сохранившейся стенной обмазки». По утверждению В. В. Хвойки, к жилищу примыкали «сенцы» размером 2.6×1.6 м; из них в жилище спускались по лестнице (три земляные ступеньки).

Все остальные жилища, раскопанные В. В. Хвойкой, были более сложными, двухкамерными. Жилище 6 имело размер 6.75×4.45 м (рис. 21). Пол его лежал на глубине 1.5 м от современной поверхности. В углах находились столбовые ямы, а поперек жилища «следы деревянной перегородки». В юго-западном углу жилища — лестница входа с четырьмя земляными ступеньками. Влево от входа устьем в его сторону стояла печь четырехугольной в плане формы (1.5×0.8 м). Близ входа, на 90 см выше пола жилища (т. е., по-видимому, на уровне поверхности материка), находились «сенцы» — четырехугольная площадка (3.35×1.4 м), в углах которой были расположены ямки с остатками истлевших столбов. В юго-восточном углу жилища открыта четырехугольная яма (0.9×0.55 м, глубина 0.6 м) с кухонными отбросами.

Жилища 1 и 3 были еще более крупными — 7.8×4.0 и 7.1×4.2 м; не меньше их было и жилище 2, точные размеры которого не указаны. Все эти жилища были углублены в землю и перегорожены поперечной стеной на два помещения. В жилищах 1 и 3 упомянуты круглые в плане глиняные печи диаметром от 0.7 до 1.3 м. В жилище 1 имелись две печи и очаг. Обращает внимание очень большая глубина этого жилища: его пол лежал на 1.7 м ниже уровня древней поверхности (если только это не ошибка В. В. Хвойки). Внутренняя поперечная стена жилища 1 сохранила остатки дерева толщиной 25 см, а по обеим сторонам перегородки лежали куски обвалившейся глиняной обмазки толщиной 5—6 см. В полу жилища 3 была большая и очень глубокая четырехугольная яма (2.8×1.4 м, глубина 1.4 м). В заполнении жилищ 1 и 2 найдено значительное количество обгорелого дерева и глиняной обмазки, а в жилище 2 отмечено наличие обгоревших досок от пола и потолка.

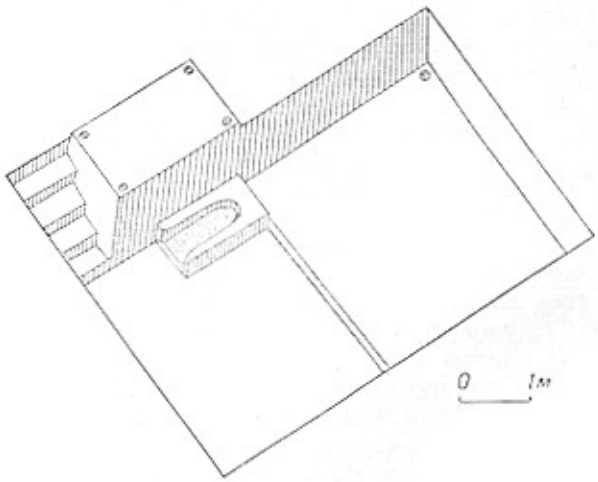


Рис. 21. Белгородка. Жилище 6 (по В. В. Хвойке).

В 1947 г. в Белгородке вновь были проведены раскопки.[48] Вскрыта полуземлянка очень небольшого размера (3.8×2.0 м), врезанная в материк на 80 см. С одной из торцовых сторон она имела земляной приступок шириной 30 см, высотой 40 см. С этой же стороны находились две столбовые ямы. В центре помещения стояла печь, под которой возвышался на 40 см над уровнем пола. В помещении не было сделано никаких находок. Небольшой размер помещения и центральное расположение печи свидетельствуют, видимо, не о жилом, а скорее о каком-то специальном, производственном характере сооружения.

Там же было обнаружено и наземное жилище, от которого сохранились только печь и четыре столбовые ямы. Если судить по этим ямам, жилище должно было иметь размер 7.2×4.6 м. К сожалению, ни наземное положение, ни размер жилища в данном случае далеко не бесспорны.

С 1966 г. в Белгородке начаты новые раскопки как на детинце, так и в окольном городе.[49] Вскрыты полуземляночные жилища, относящиеся, по-видимому, в большинстве к XII—XIII вв. Все жилища полуземляночного типа, с круглыми глинобитными печами. Размер жилищ в детинце

[46] Хвойка В. В. Отчет о раскопках 1902 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 96, 1909.

[47] Для датировки жилищ 1 и 2 большую роль могли бы сыграть найденные там поливные керамические плитки. Однако данные жилища были расположены вблизи церкви Двенадцати апостолов, пол которой был украшен подобными плитками, поэтому не исключено, что плитки попали в заполнение жилищ значительно позднее, после разрушения как церкви, так и жилищ. В пользу такого предположения говорит и то, что найденные плитки имели не только квадратную, но и фигурную форму, вообще редко встречающуюся в русской архитектуре и тем более маловероятную в жилых постройках. Правда, в книге В. В. Хвойки указано, что в жилище 1 плитки лежали под слоем обмазки стен (Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья. . ., с. 86). Однако в его отчете отмечено, что в этом жилище вообще была найдена всего одна плитка (Хвойка В. В. Отчет о раскопках 1909 г.), а это свидетельствует в пользу предположения о случайном попадании плиток в жилища.

[48] Бліфельд Д. І. Дослідження древнього Белгорода. — АП, III, 1952, с. 30.

[49] Мезенцева Г. Г. 1) Новые исследования древнего Белгорода. — АО 1968 г., 1969, с. 329; 2) Дослідження древнього Белгорода. — В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей. XV наукова конф. Інст. археол. АН УРСР. Одеса, 1972, с. 334.

приблизительно 4.5×3.5 м, в окольном городе — немного меньше. В жилищах на детинце вдоль стен обычно расположены материковые приступки.

206. Вышгород. Раскопки в Вышгороде проводились в 1934—1937 гг. В эти годы было вскрыто несколько (не менее 10) полуземляночных жилищ XII—XIII вв.[50] Жилища были раскопаны в восточной части детинца и располагались двумя параллельными рядами. Между рядами оставалась незастроенная полоса шириной до 10—15 м. Глубина жилищ от древнего уровня поверхности равнялась 50—60 см, а в отдельных случаях доходила до 90 см. Все жилища в плане прямоугольные, большей частью близкие к квадрату. Средний размер их сторон 3.0—4.5 м, хотя отмечены жилища как несколько большие (4.5××5.4 м), так и меньшие (2.7×2.5 м). В большинстве жилищ в углах обнаружены столбовые ямы.

Печи были глинобитными, размером от 0.9 до 1.1 м. Некоторые печи стояли на материковых останцах. Печи обычно были расположены в северном или северо-восточном углу жилища. В трех жилищах отмечено наличие ступенек входов, ведущих с юга или с востока.

Несколько жилищ было двухкамерных. Так, в двух жилищах с севера имелись небольшие наземные пристройки, а третье жилище состояло из двух заглубленных в землю помещений.

Во многих жилищах вдоль стен обнаружены материковые приступки высотой 0.5—0.7 м. Иногда эти приступки шли вдоль двух или даже вдоль трех стен жилища. Почти во всех жилищах, помимо бытового инвентаря, отмечены следы металлургического производства (обработка железа, литье и ковка цветных металлов). Рядом с жилищами вскрыты зерновые и хозяйственные ямы.

В 1947 г. в Вышгороде вновь были проведены раскопки и обнаружено еще несколько жилищ.[51] Одно из них — небольшая прямоугольная полуземлянка, врезанная в материковый грунт примерно на 50 см и имеющая размер 3.2×2.7 м. Она ориентирована сторонами по странам света. Столбовые ямы в помещении не найдены. Вход шириной около 80 см находился в южной части западной стены. В восточной части южной стены расположена печь довольно большого размера (1.6×1.4 м), врезанная настолько глубоко в материковую стенку жилища, что целиком выходит за пределы этого жилища, а устье ее лежит заподлицо со стенкой. Печь имеет несколько заглубленный под; в ней обнаружено много золы. Перед печью — довольно глубокая (до 64 см) предпечная яма. В. И. Довженок датирует эту постройку XI—XII вв. и высказывает предположение (исходя из больших размеров печи), что это было не жилище, а какое-то производственное сооружение. Для такого предположения мало оснований: как размер помещения, так и размер печи не выходят за рамки обычных жилых построек названного времени.

Примерно в 2 м к востоку расположена вторая полуземлянка, стенки которой ориентированы параллельно стенкам первой. Размер постройки примерно 3.9×3.7 м, стенки ее сохранились на высоту до 1 м. В углах обнаружены столбовые ямы; стенки и пол оказались обожженными. Печи в постройке не найдено; быть может, остатками печи является слой печины, который лежал на уровне пола вне помещения, за его северо-восточным углом. Судить об этом трудно, так как именно северная часть полуземлянки уничтожена врезанной в нее другой полуземлянкой, пол которой на 50 см ниже пола первой. Эта более поздняя полуземлянка имеет не точно прямоугольную форму; размер ее 3.0×2.5 м. Печи не обнаружено, вход находится близ юго-западного угла. Замечательной особенностью этой постройки являются ямки от столбиков диаметром 5—7 см (расстояние между ямками около 15 см), проходящие лентой вдоль всех стенок полуземлянки, прерываясь лишь перед входом. Сохранились остатки глиняной обмазки столбиков. Большая глубина помещения, отсутствие печи и необычность конструкции стен заставляют предполагать, что это не жилище, а хозяйственная постройка. Над первой и второй полуземлянками несколько позднее была сооружена наземная постройка, от которой сохранилось шесть столбовых ям, оконтуривающих прямоугольник размером 4.8×2.8 м. Назначение данной постройки не выяснено.

В северо-западной части городища раскопано еще несколько полуземлянок. Они были в очень плохом состоянии, их первоначальная форма и конструкция не установлены.

207. Киев. За многие годы раскопок, проведенных в Киеве, было открыто значительное количество жилых сооружений. Среди них княжеские дворцы и богатые многокамерные жилища, однако подавляющее большинство обнаруженных жилых построек — простые однокамерные жилища полуземляночного типа. Судя по археологическому материалу, лишь очень небольшая часть раскопанных жилищ относится ко времени до XII в., почти все они существовали в XII—XIII вв. и очень многие погибли в пожаре во время взятия Киева монголами в 1240 г.

К сожалению, многие киевские жилища были раскопаны недостаточно тщательно и без надлежащей фиксации. Доброкачественный материал имеется по существу лишь начиная с раскопок 1938 г. Тем не менее в сводке М. К. Каргера приводится все же несколько жилищ из более ранних раскопок, по которым можно получить представление об их типе. Всего из раскопок М. К. Каргера, добавляя к ним некоторые наиболее документированные примеры из более старых раскопок, можно получить данные не менее чем о 20 простых полуземляночных жилищах

---

[50] Документация раскопок 1934—1937 гг. в значительной степени утрачена. По итогам работ в свое время была опубликована лишь краткая информация (ВДИ, 1938, № 1 (2), с. 114). Более детальное описание этих раскопок опубликовано значительно позднее (Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 25).

[51] Довженок В. И. Розкопки древнього Вишгорода. — АП, III, 1952, с. 16.

XII—XIII вв. на основной территории древнего Киева, т. е. на усадьбе Исторического музея, на Житомирской улице и на территории Михайловского монастыря.[52] К этому можно добавить сведения о нескольких жилищах, расположенных на горе Киселевка, а также вскрытых на Владимирской и Большой Житомирской улицах во время раскопок 1955 и 1965—1968 гг.[53] Таким образом, имеются данные более чем о 30 однокамерных полуземляночных жилищах Киева XII—XIII вв.

Все киевские жилища-полуземлянки прямоугольные или квадратные в плане. Их стенки редко имеют менее 3 м в длину (например, жилище 7 из раскопок 1938 г. — 2.9×2.45 м) и, как правило, не превышают 4.5 м (жилище из раскопок 1948 г. — 4.6×4.2 м, жилища 1 и 3 из раскопок 1967 г. — 4.8×4.6 и 5.2×5.0 м). Наиболее типичны жилища со стенками от 3 до 4 м. Жилища углублены в материковый грунт на 40—60 см, редко на 75—80 см.[54] В нескольких случаях при раскопках были обнаружены остатки конструкции стен жилищ. Так, в жилище 1 из раскопок 1946 г. на Большой Житомирской улице сохранились остатки стен из толстых и широких досок, причем в раскопе удалось отметить три такие доски, лежащие одна над другой. Между досками и материковыми стенками оставалось пространство в 10—20 см, засыпанное землей. Судя по тому, что на углах не было следов рубки «в обло», и по наличию во всех четырех углах столбовых ям, М. К. Каргер сделал вывод, что доски были врублены в вертикальные угловые столбы. Такая же конструкция из плах, врубленных в столбы, была отмечена в жилище 2 из раскопок 1967 г. В жилищах, раскопанных в 1955 г. на Владимирской улице, почти всюду имелись столбовые ямы, причем большей частью во всех углах. Там же было отмечено, что печи вплотную примыкали к земляным стенкам. Это несомненно свидетельствует о столбовой конструкции стен жилищ. Тем не менее в одном из таких жилищ В. К. Гончаров заметил на полу вдоль стен узкие канавки, которые он считает следами некогда лежавшего здесь нижнего венца сруба.

Однако столбовые ямы в киевских жилищах имеются далеко не всегда. Были обнаружены и остатки срубных стен. Так, в двух полуземлянках на горе Киселевка В. А. Богусевич нашел остатки обгорелых срубов из 20-сантиметровых сосновых бревен, рубленных «в обло». Срубы были найдены также в жилищах 1 и 3 из раскопок 1967 г.

Кое-где вместе с обгорелым деревом стен обнаружено значительное количество глиняной обмазки, иной раз со следами плах или жердей. В жилище 3 из раскопок 1967 г. найдены следы осыпавшейся побелки стен.

Полы жилищ были земляными, причем в нескольких случаях отмечена их неоднократная подмазка глиной. Входы имели земляные ступеньки; ширина входов 50—80 см. Отмечены следы обжига стен, полов и ступеней. Однако этот обжиг мог быть результатом пожара жилища, а не специального строительного приема.

Печи в жилищах расположены исключительно в углах. Все они глинобитные, устроены на оставленных при рытье жилищ материковых останцах высотой 15—25 см. Впрочем, иногда высота останца больше и тогда под печи расположен почти в 60 см над уровнем пола. Лишь в одном случае (жилище 2 из раскопок 1940 г. на территории Михайловского монастыря) под печи был устроен ниже уровня пола. Стенки печей имеют в нижней части толщину 25—30 см, а выше — не более 15 см. Свод печей, как правило, делали с деревянным каркасом (из жердей, прутьев), следы которого были найдены в большинстве изученных печей. Судя по тому, что верхняя часть свода печей нигде не уцелела, а наиболее сохранившиеся печи имели в высоту до 45 см (в одном случае до 57 см), первоначальная высота печей должна была быть не менее 60 см.

Обычно печи целиком расположены внутри жилого помещения, хотя в единичных случаях они своей тыльной частью выступают за контур жилища (например, жилище 1 из раскопок 1938 г. на территории Михайловского монастыря). Поды печей глиняные, иногда по нескольку раз подновлявшиеся; глину большей частью подстилает слой черепков сосудов. Иногда для устройства подов использовали плинфу. Изредка перед устьем печи устраивали предпечную яму. Обнаружена печь, сложенная из брусковых кирпичей на глине и снаружи также обмазанная глиной (жилище 1 из раскопок 1946 г. на Большой Житомирской улице); от этой печи сохранилось пять рядов кирпичной кладки. Всего в одном случае известна печь, сложенная из камней и обмазанная снаружи глиной (печь «из кусков красного камня, похожего на шифер», — жилище из раскопок 1909 г. на усадьбе Софийского собора).

Форма печей в плане большей частью овальная или подковообразная, иногда круглая. Размер подов обычно не превышал в длину 1.2 м, хотя в отдельных случаях достигал 1.5 м.

Взаимное расположение печи и двери в жилищах удается установить довольно редко. Так, в «жилище художника» (жилище 8 из раскопок 1938 г.) и в жилище 2 из раскопок 1967 г. печи находились рядом с входом и устьем были повернуты в его сторону. Такую же схему можно предположить (хотя и без твердой уверенности) еще в трех или четырех жилищах (жилища 1, 3 и 7

---

[52] Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 292—353.

[53] Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселівці. — АП, III, 1952, с. 68; Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві 1955 р. — В кн.: Археологія. Т. X. Київ, 1957, с. 122; Гончаров В. К. Отчет о раскопках 1955 г. — Архив Инст. археол. АН УССР (Киев), 1955/4, № 2746; Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д. Из работ Киевской археологической экспедиции. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968, с. 191; Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972, с. 113—118.

[54] Два жилища, раскопанных в 1933 г. на горе Киселевка, были врезаны в материковый лёсс примерно на 1 м (Магура С. Розкопки на горі Киселівці в Києві 1933 р. — В кн.: Наукові зап. Инст. іст. матер. культ. Кн. 1. Київ, 1934, с. 212).

из раскопок 1938 г., жилище 1 из раскопок 1946 г.). Однако в Киеве известны и другие варианты соотношения двери и печи. Так, в жилище 2 из раскопок 1946 г. на Житомирской улице печь была расположена напротив входа и повернута к нему устьем, а в жилище 5 из раскопок 1955 г. — также против входа, но устьем повернута вдоль задней стены жилища.

В редких случаях удавалось обнаружить следы внутреннего оборудования помещений. Так, в жилище 2, раскопанном в 1965 г., сбоку от печи сохранились ямки от четырех столбиков, поддерживавших полати. Под полатями в пол была врыта большая корчага. В «жилище художника» рядом с печью также отмечены ямки от деревянных столбиков. М. К. Каргер полагал, что это остатки стола, хотя, судя по расположению у боковой стенки печи, это скорее всего следы деревянных полатей. Под полатями в углублении пола найдена раздавленная корчага, в которой хранилась пшеница. Следует отметить, что врытые в пол помещений корчаги были найдены и в других киевских жилищах.

Ориентация жилищ различная; они повернуты к странам света как углами, так и сторонами. Можно отметить, что печь чаще находится в северной половине помещения. Входы также не имеют какой-либо одной определенной ориентации. В жилище 2 из раскопок 1967 г. отмечено наличие углубленной пристройки со стороны входа — нечто вроде сеней размером 1.4×1.7 м. В жилище 7 из раскопок 1938 г. перед входом сохранились остатки двух столбов, очевидно свидетельствующих о наземных сенях, имевших ширину около 1.8 м при длине около 2.5 м.

Помимо простейших однокамерных жилищ, составлявших, видимо, основную массу жилищ Киева в XII—XIII вв., было раскопано несколько жилищ более сложных. Так, например, на горе Детинка раскопано полуземляночное жилище необычно вытянутой формы — 5.0×2.1 м.[55] В нем были обнаружены остатки двух печей.

Жилище, раскопанное в 1949 г. на территории Михайловского монастыря, состояло из двух помещений. Основное помещение имело прямоугольную форму; размер его 3.5×2.4 м, стенки ориентированы по странам света. Оно было заглублено в материковый грунт на 1.36 м. Во всех четырех углах находились столбовые ямы, а в восточном торце — входная лестница, имевшая четыре земляные ступеньки. В западном, противоположном входу торце некогда, видимо, стояла печь, поскольку здесь были найдены куски обожженной обмазки и брусковые кирпичи. В завале жилища также было найдено много кусков обожженной обмазки и остатков обгорелого дерева. С севера к этому помещению примыкало второе, тоже прямоугольное (3.5×2.4 м); стенки его не вполне совпадали со стенками первого помещения — были сдвинуты примерно на 50 см к востоку, пол находился на 26 см выше пола первого помещения. Северо-восточный угол был уничтожен более поздней ямой. Судя по находкам (хрустальные бусы из амфоры, лежавшей на полу близ входа), оба помещения являлись частями одного жилища, а не двумя полуземлянками, случайно врезавшимися одна в другую.

Другое жилище, существенно отличающееся от рядовых, было раскопано на той же территории Михайловского монастыря в 1940 г. (жилище 2). Оно было прямоугольным, заглубленным в материковый грунт до 55 см. Пол его земляной, без подмазки. Длина постройки 7.5 м. Ширина здания не установлена, так как сохранилась лишь одна (северная) из его продольных стен. Судя по наличию линии столбовых ям, расположенных параллельно северной стене, Г. Ф. Корзухина, производившая раскопки этого жилища, считала, что жилище имело столбовую конструкцию и ширину около 3.5 м. Однако М. К. Каргер на основании обнаруженных у северной стены остатков сруба, рубленного «в обло», признает это здание срубным. В таком случае его ширина могла быть большей, а столбовые ямы, возможно, были расположены внутри жилища. В жилище сохранилась глинобитная печь обычного жилого типа: свод ее был сделан на каркасе из довольно толстых кольев, а под расположен чуть ниже уровня пола. С востока к торцу этого жилища вплотную примыкает другое жилище (1), размером 3.5×3.5 м. Полы их находятся на одном уровне, и не исключена возможность, что они представляли собой единый жилой комплекс.

Еще большее по размерам жилище было раскопано на Подоле.[56] Его размер 9×6 м. Как и предыдущее жилище, оно было ориентировано сторонами по странам света. Стены жилища были срубными, причем кое-где от этих стен сохранились остатки сгоревшего дерева, а в других местах прослежены небольшие заглубления в земле от нижнего венца. Жилище было разделено бревенчатыми стенами на три приблизительно одинаковых по размерам помещения. В среднем из них на полу найдены куски осыпавшейся со стен глиняной обмазки со следами побелки. В. А. Богусевич интерпретировал данное жилище как наземное. Между тем даже по цифрам, проставленным на опубликованном чертеже, видно, что его пол был ниже уровня древней поверхности не менее чем на 20 см. К тому же здание, видимо, было частично врезано в культурный слой так, что первоначальное заглубление его пола могло быть и несколько большим. Уровень пола во всех трех помещениях почти одинаков (разница не более 5 см); в западном и среднем членениях южная часть помещений была приподнята на 20 см, образуя довольно значительные по площади приступки. В среднем помещении на этом приступке стояла на небольшом возвышении глинобитная

[55] Козловська В. Розкопки р. 1930 у Києві на горі Дитинці. — В кн.: Хроніка археології та мистецтва. Ч. III. Київ, 1931, с. 50.

[56] Богусевич В. А. 1) Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. — В кн.: Археологія. Т. IX. Київ, 1954, с. 46; 2) Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 47; 3) Отчет о раскопках 1950 г. — Архив Инст. археол. АН УССР (Киев), 1950/16, № 1136.

печь. Под ее был почти круглым (диаметр 1.1—1.15 м) и включал слой крупных черенков. Рядом с печью на приступке найдены куски глиняного прямоугольного в сечении дымохода. В. А. Богусевич считал, что примыкавшая к жилищу с севера большая яма была погребом этого дома, но, судя по чертежам, это маловероятно.

Несколько совершенно необычных жилищ было обнаружено в центральной части древнего Киева (на усадьбе Петровского, т. е. на современной территории Исторического музея) при раскопках В. В. Хвойки в 1907—1908 гг. К сожалению, В. В. Хвойка в своей опубликованной работе дал лишь очень краткую и обобщенную характеристику раскопанных жилищ, к тому же без всяких чертежей или иллюстраций.[57] Несколько рисунков В. В. Хвойки, относящихся к данным жилищам, были опубликованы Л. Нидерле.[58] Вся документация раскопок исчезла. Лишь в 1954 г. в архиве Ленинградского отделения Института археологии были обнаружены выписки, сделанные А. А. Спицыным из дневника раскопок В. В. Хвойки 1907 г. Эти материалы были опубликованы Г. Ф. Корзухиной, которая сделала также попытку их интерпретации.[59] Впрочем, интерпретация эта вызвала серьезные возражения М. К. Каргера.[60] Действительно, разобраться в материалах раскопок В. В. Хвойки в настоящее время очень трудно, особенно учитывая, что с методической стороны раскопки эти были очень несовершенными, а подлинные наблюдения в дневниках, видимо, были зачастую перемешаны с фантастическими домыслами автора. И все же, несмотря на неясность и отрывочность сведений, материал В. В. Хвойки показывает, что ему посчастливилось вскрыть целый комплекс жилищ, несомненно относящихся к более сложному типу, чем рядовые жилища древнего Киева. Всего во время раскопок 1907—1908 гг. было обнаружено не менее 12 жилищ, из которых по крайней мере 7 раскопаны целиком.

Постройка, раскопанная на участке 10, — простая, прямоугольная в плане, но очень значительная по величине; ее размер 13.3×9.2 м. В канавках в материковом полу этой постройки лежали остатки трех деревянных балок, расположенных параллельно друг к другу (поперек помещения) на расстоянии 2 и 3 м. Возможно, что это основания внутренних стен данной постройки, однако вполне вероятно также, что это лаги деревянного пола. Поверх балок, перпендикулярно им, лежало несколько досок. В помещении не обнаружено печи. Пол был, видимо, довольно значительно углублен в землю, поскольку в помещение вели два входа, имевшие по нескольку вырезанных в грунте ступенек.

Другое, более сложное по плану сооружение было вскрыто на участке 11. Основное помещение (А) здесь имело квадратную форму (7×7 м) и было довольно глубоко врезано в материк. Сбоку примыкало меньшее помещение (С), пол которого находился на том же уровне, что и пол пом. А. В середине пом. С стояла круглая (или овальная) печь, слегка приподнятая над уровнем пола.

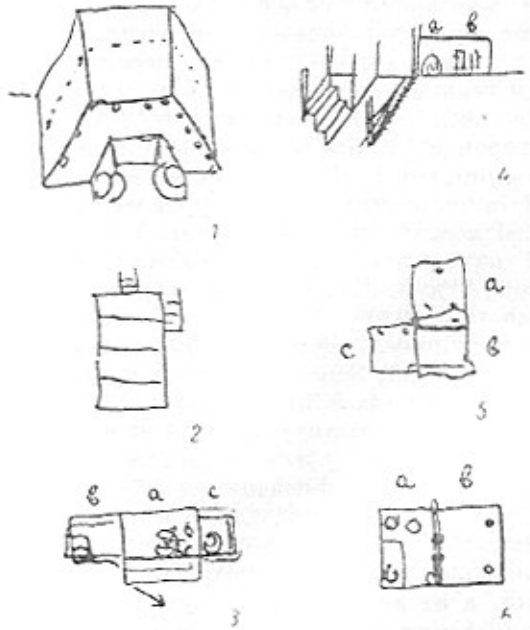


Рис. 22. Киев. Зарисовки А. А. Спицына по дневникам раскопок В. В. Хвойки.

1 — участок 3; *2* — участок 10; *3* — участок 11; *4* — участок 19; *5* — участок 33; *6* — участок 39.

Печь была сложена из кирпичей на глине; отличие этой печи от обычных жилых печей древнего Киева лишь в размере — ее диаметр 2 м.[61] Судя по канавке от бревна, пом. А, возможно, было перегорожено на две части. С противоположной пом. С стороны к пом. А примыкало еще третье помещение — В. В нем стояла большая прямоугольная печь, а пол его находился на 2.25 м выше пола остальных двух помещений. При этом пол лежал не на материке, а на культурном слое. В. В. Хвойка, по-видимому, считал пом. В составной частью данного жилища. С этим согласилась и Г. Ф. Корзухина. Однако такое заключение далеко не бесспорно. Основным доказательством в пользу объединения всех трех помещений в один жилой комплекс является наблюдение, сделанное в процессе раскопок, что над пом. А как раз на уровне пола верхнего пом. В проходит «слой золы

[57] Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья. . . , с. 73.

[58] Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, рис. 38.

[59] Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. — СА, XXV, 1956, с. 318. — К сожалению, по недосмотру редакции зарисовки А. А. Спицына не были опубликованы, хотя в тексте статьи Г. Ф. Кораухиной имеются ссылки на них. Эти зарисовки А. А. Спицына публикуются в настоящей работе (см. рис. 22).

[60] Каргер М. К. Древний Киев, с. 296. — В этой работе также опубликованы некоторые выписки из дневников В. В. Хвойки, обнаруженные в различных частных собраниях в Киеве.

[61] Размер печи, а также то обстоятельство, что она почти целиком занимала отдельное небольшое помещение, возможно, свидетельствуют о производственном назначении (плавка цветных металлов и эмали). Г. Ф. Корзухина называла эту печь горном.

и угля, сильно перемешанных с мусором и деревом». Г. Ф. Корзухина приняла этот слой за остатки сгоревшего перекрытия. Это маловероятно. Прежде всего если пом. А и С действительно имели перекрытие на уровне пола пом. В, то, значит, они были углублены в землю более чем на 2 м. Следовательно, как большое пом. А, так и меньшее пом. С вообще не имели естественного освещения. Трудно представить себе назначение таких глубоких и темных подвалов, в одном из которых к тому же стояла печь. Но гораздо важнее другое — помещения такой большой глубины не могли полностью заплыть землей и культурным слоем, в то время как часть их деревянного перекрытия находилась еще на своем месте. И наконец, никак не мог быть остатками перекрытия слой золы и угля, расположенный не только над пом. А и С, но, как указано в выписках А. А. Спицына, «по сторонам С». Все это приводит к выводу, что слой, принятый Г. Ф. Корзухиной за перекрытие, в действительности являлся уровнем пола более поздней постройки, расположенной на месте, где ранее находился жилой комплекс, состоявший из пом. А и С. Частью этой поздней постройки и было пом. В.[62]

По-видимому, нечто подобное имело место и на участке 33. Здесь раскопано прямоугольное помещение шириной 3.2, длиной 7.7 м. Оно было разделено на две части; пол одной из частей лежал на 30 см ниже пола другой части. Где-то у внутренней стены между помещениями обнаружены остатки разрушенной печи. Сбоку к этой постройке примыкает другая, пол которой на 2.75 м выше уровня пола нижней. Несмотря на то что А. А. Спицын, а за ним Г. Ф. Корзухина считали все эти помещения относящимися к одному жилому комплексу, гораздо правдоподобнее, что в действительности здесь на большой глубине было обнаружено врезанное в материк прямоугольное жилище, состоявшее из двух помещений, в то время как верхнее помещение относится к гораздо более позднему времени и было сооружено на культурном слое над разрушенным более древним жилищем.

Еще одно двухчастное жилище было раскопано на участке 39. Ширина жилища 4 м, общая длина 5.7 м. Оно было разделено на две части; от разделявшей его перегородки сохранились канавка в полу и две столбовые ямы, видимо отмечавшие место двери (шириной 70 см). В углу на материковом останце высотой около 45 см стояла печь, имевшая под размером 12×0.8 м. Рядом с устьем печи были расположены ступени входа, ширина которого 50—70 см.[63] По другую сторону входа в полу была обнаружена хозяйственная яма (75×95 см).

Возможно, что двухчастным было и частично раскопанное жилище на участке 19. Поперек помещения здесь проходила перегородка, от которой сохранились остатки бревна, лежавшего на полу в канавке, и два столба на концах этой перегородки. В жилище были раскопаны две стоявшие рядом печи (большая и маленькая) и ступеньки входа.

На участке 4 было раскопано прямоугольное помещение размером 2.7×3.2 м, врезанное в грунт на 1.7 м. Выше этого помещения обнаружены глиняный пол и развалившаяся печь. В. В. Хвойка полагал, что он вскрыл «деревянную постройку с подвальным этажом и жилым помещением», а А. А. Спицын записал, что «сооружение не выяснено».[64]

Судя по данным выписок из дневников В. В. Хвойки, в его раскопках наряду со сложными жилыми комплексами были обнаружены и простые однокамерные жилища. К сожалению, обрывочность документации не позволяет составить о них даже приблизительное представление.

Помимо описания отдельных жилых сооружений, из материалов раскопок В. В. Хвойки можно извлечь ценные сведения о конструкции древних жилищ и некоторых их деталей. К сожалению, рассматривать все эти материалы приходится суммарно, не разделяя их хронологически, хотя, по-видимому, подавляющее большинство раскопанных жилищ относится к XII—XIII вв. Об этом свидетельствуют как состав находок, так и гибель многих жилищ в пожаре, который, видимо, следует связывать с взятием Киева монголами. Есть и более конкретные данные. Так, в жилище на участке 19 найдена часть литейной формочки, принадлежавшей мастеру Максиму, погибшему в 1240 г. в тайнике под Десятинной церковью.[65] Печь в жилище на участке 11 была сложена, судя по рисунку В. В. Хвойки, не из плинфы, а из брускового кирпича, что безусловно датирует ее XIII в. Особо следует отметить, что датировка XIII в. нижнего комплекса жилых сооружений на участке 11 ставит вопрос о том, к какому же времени относится верхнее жилище с большой прямоугольной печью. Большая толщина культурного слоя, разделяющая эти постройки, позволяет высказать предположение, что верхнее жилище вообще относится не к древнерусской, а к «литовской» поре, т. е. к XIV—XV вв., или к еще более позднему времени. Не с этим ли связаны слова А. А. Спицына «литовская постройка», поставленные им в скобках в начале описания данного комплекса?[66] Воз-

---

[62] В качестве аргумента в пользу того, что все помещения (А, В и С) являлись частями одного комплекса, Г. Ф. Корзухина приводит находки в этих помещениях кусков эмали и предметов, связанных с ее производственным использованием. Судя по выпискам А. А. Спицына, такие находки были сделаны на полу в пом. А и С, а также в пом. А на уровне пола пом. В, но под слоем золы, т. е., по-видимому, в верхней части заполнения нижнего жилища. Никаких данных о находке подобных предметов в верхнем жилище не имеется.

[63] Ступени входа хорошо видны на рисунке В. В. Хвойки (К а р г е р М. К. Древний Киев, с. 287, левый средний рисунок). Печь данного жилища Г. Ф. Корзухина называет горном, но в выписках А. А. Спицына она названа просто печью. Ни ее размер, ни изображение на рисунке В. В. Хвойки не дают оснований полагать, что печь имела какое-либо производственное назначение.

[64] К а р г е р М. К. Древний Киев, с. 289; К о р з у х и н а Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко . . ., с. 338.

[65] К о р з у х и н а Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко . . ., с. 330.

[66] Там же, с. 339.

можно, что к такому же позднему времени относятся остатки еще некоторых жилых комплексов, в частности большие печи на участках 23 и 25 (они обнаружены на глубине 1.1—1.2 м, а материк на этих участках залегает на глубине 3—4 м). Поэтому раскопанные В. В. Хвойкой большие прямоугольные печи, покрытые штукатуркой и окрашенные, вряд ли возможно привлекать при изучении древнерусских жилищ. Г. Ф. Корзухина правильно отметила другую особенность печей древнерусских жилищ из раскопок В. В. Хвойки: широкое использование в них древних кирпичей и камней, обмазанных глиной. На других участках Киева раскопанные печи XII—XIII вв., как правило, целиком глинобитные.

Еще одна особенность древнерусских жилищ, раскопанных на усадьбе Петровского, — обилие найденного здесь дерева (исключительно сосна). М. К. Каргер верно отметил, что В. В. Хвойка явно гипертрофировал роль деревянного каркаса изученных им сооружений. Тем не менее в целом ряде случаев он все же, очевидно, не фантазировал, а зафиксировал действительно обнаруженные им остатки деревянных бревенчатых или дощатых стен, большей частью столбовой, но кое-где, видимо, и срубной конструкции.

Особо следует остановиться на вопросе об этажности раскопанных В. В. Хвойкой сооружений. В. В. Хвойка, а за ним А. А. Спицын и Г. Ф. Корзухина считали, что часть этих построек безусловно была двухэтажной. М. К. Каргер с этим совершенно не согласен. Анализ материала раскопок приводит к выводу, что прямых археологических доказательств наличия второго этажа здесь не было. По-видимому, большинство раскопанных сооружений представляло собой обычные для древнего Киева одноэтажные жилища, заглубленные в землю, т. е. полуземляночного типа, в ряде случаев отличавшиеся несколько большей величиной и сложностью плана. Конечно, очень возможно, что некоторые постройки имели второй этаж. Так, весьма правдоподобно, что двухэтажной была постройка на участке 10 площадью около 122 кв. м, без печи в первом этаже и, судя по лестнице, довольно значительно заглубленная в землю. Точно так же очень вероятно наличие второго этажа над помещением, раскопанным на участке 33, где найдена не печь, а лишь ее остатки, может быть рухнувшие сверху. Подклетом наземного срубного дома вполне могло быть также жилище 1 из раскопок 1967 г. Это помещение (4.8×4.6 м) имело глубину около 1.8 м и сохранило остатки пола из плах. Печи не было. Во время раскопок здесь найдено около 10 кг янтаря.

В раскопках 1965 г. над развалинами одной из полуземлянок были расчищены печь из брусковых кирпичей, а также обгорелые бревна (некоторые из них длиной до 3 м). По предположению В. К. Гончарова, это остатки наземного жилища первой половины XIII в. Еще четыре жилища, которые автор раскопок М. Ю. Брайчевский назвал наземными, были вскрыты в 1970 г. в Копыревом конце древнего Киева.[67] Однако, по данным самого раскопщика, жилища эти заглублены в грунт на 20—30 см. Кроме того, они врезаны не в материк, а в гумусный слой, и поэтому величину их первоначального заглубления в землю установить трудно. Гораздо более вероятно, что жилища эти относятся к полуземляночному, а не к наземному типу.

208. Старые Безрадичи. На селище рядом с городищем у с. Старые Безрадичи (древний город Тумащ) В. В. Хвойка в 1902 г. раскопал полуземляночное жилище, по-видимому относящееся к XII—XIII вв.[68] В нем найден под глинобитной печи, состоявший из нескольких слоев прожженной глины, чередующихся со слоями черепков сосудов. Поблизости В. В. Хвойка отметил следы еще нескольких подобных жилищ.

209. Жуковцы. На поселении черняховской культуры в с. Жуковцы в 1946 г. были раскопаны три древнерусских полуземляночных жилища.[69] Судя по керамике и наличию на поселении стеклянных браслетов, можно полагать, что жилища относятся к XII—XIII вв.

Жилища почти квадратные в плане. Размер их сторон от 3.2 до 4.0 м, глубина около 50 см. Полы были смазаны глиной и неоднократно перемазывались. При этом отмечено, что глиняная подмазка полов не доходит до земляных стенок на 15—20 см. Столбовых ям в жилищах нет.

Все жилища ориентированы сторонами по странам света и имеют в северо-западном углу круглую глинобитную печь, обращенную устьем к югу и не примыкающую к земляным стенкам. Снаружи поверхность печей хорошо заглажена. В стенках печей есть следы деревянного каркаса из плах (шириной 10—12 см), а ниже сохранились дырочки от кольев диаметром 3—5 см. Поды печей выше уровня пола жилищ на 10—18 см, а высота печей до 90 см. Диаметр печей снаружи 1.3—1.4 м, а диаметр подов 1.0—1.2 м. Все печи имеют хорошо выраженное устье.

В западных стенах жилищ расположены входы в виде ступенек. По-видимому, с этими входами были также связаны несколько углубленные в землю помещения типа сеней или тамбуров.

210. Халепье. На городище у с. Халепье (древнерусский город Халеп) было раскопано несколько полуземляночных жилищ XII—XIII в.[70] Пол их был подмазан глиной. В углах стояли круглые глинобитные печи.

211. Витачёв. «Следы жилищ с сохранившимися частями глинобитных печей» были обнару-

---

[67] Брайчевский М. Ю. Раскопки в Копыревом конце в Киеве. — АО 1970 г., 1971, с. 299.

[68] Хвойка В. В. Отчет о раскопках 1902 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 194, 1902, л. 5—6. — О датировке городища и селища см.: Рапопорт П. А. Оборонительные сооружения на городище в селе Старые Безрадичи. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 118.

[69] Махно Е. В. 1) Поселення культури «полів поховань» на Північно-Західному Правобережжі. — АП, I, 1949, с. 154; 2) Отчет о раскопках 1946 г. — Архив Инст. археол. АН УССР (Киев), 1946/19, № 368, 424.

[70] Довженок В. И., Приходнюк О. М. Из работ Каневской экспедиции. — АО 1971 г., 1972, с. 387.

жены в 1899 г. В. В. Хвойкой на Южном городище у с. Витачёва (древний город Святополч).[71] Во время раскопок 1961—1962 гг. на этом городище было вскрыто одно жилище.[72] Это овальная в плане постройка (2.75×2.0 м), углубленная в культурный слой на 50—60 см. В жилище стояла глинобитная печь размером 1.8×1.4 м, с подом, приподнятым над полом жилища на 10 см. Рядом с жилищем обнаружено несколько небольших очажков в виде чашевидных углублений. Жилище это, видимо, принадлежало не славянам, а степному населению.

212. Шарки. В 1901 г. В. В. Хвойка раскопал 10 жилищ на городище близ с. Шарки. Общая их характеристика дана в опубликованной работе В. В. Хвойки, некоторые дополнения можно найти в отчете.[73] Все жилища — прямоугольные полуземлянки с размером сторон примерно от 3 до 4 м. Глубина их стенок, врезанных в материк, около 50—60 см. Сохранились части стен жилищ в виде остатков дерева и кусков глиняной обмазки со следами побелки. Печи глинобитные, расположенные на материковых останцах, иногда довольно высоких (до 80 см). В подах печей использованы мелкие камни, обмазанные глиной. Встречаются печи и другого типа, выдолбленные в виде сводчатых пещерок в стенках жилищ. Около жилищ расположены круглые куполовидные хозяйственные ямы. Стенки этих ям обожжены, а на дне найдены остатки сгоревшего зерна.

Судя по тому, что среди находок встречаются стеклянные браслеты, жилища относятся к XII—XIII вв.

На другом участке, в средней части городища, было раскопано сложное сооружение. Оно состояло из трех помещений одинаковой ширины — 4 м. Среднее помещение имело площадь 4×3 м и находилось на глубине более 1 м от современной поверхности почвы. По сторонам были расположены два боковых помещения — западное (7.5×4.0 м) и восточное (3.5×4.0 м); у обоих пол на 35 см ниже пола среднего помещения. Пол во всех помещениях глиняный, заметно обожженный. В опубликованной работе В. В. Хвойка отметил, что центральная площадка является нижней частью большой глинобитной печи. Трудно сказать, что он имел в виду, ибо в его отчете никаких сведений об этом, как и вообще о печах в данном сооружении, нет. В заполнении помещений найдены остатки дерева и обожженной обмазки. Следует отметить, что находки в трехчастном сооружении имеют обычный для жилых помещений состав — ножи, замки, стрелы, крестики. Вместе, находки здесь несколько богаче, чем в остальных, однокамерных жилищах, — стеклянные сосуды, украшение от оклада (?), поливные керамические плитки трех цветов.

213. Иван-гора. На городище Иван-гора на Днепре раскопаны жилища типа срубных клетей, конструктивно связанных с каркасом оборонительного вала.[74] Ширина их 5.2 м. В некоторых клетях найдены печи. Подобные жилые клети чередовались с клетями, забитыми землей.

На площадке городища было, кроме того, раскопано 41 жилище полуземляночного типа. Жилища почти квадратные в плане, заглубленные в материк всего на 20—30 см. Они явно делятся на два типа. Первый тип — жилища, имеющие площадь около 12—14 кв. м. Стены их были срубными, причем отмечена рубка срубов «в обло», с выпуском остатков длиной до 20 см. Ко второму типу относится меньшее количество жилищ — всего 4. Они имели несколько большую площадь (16—22 кв. м) и столбовую конструкцию стен. Сохранились столбовые ямы и следы плах, закрепленных в пазах столбов. Пол этих жилищ был деревянным — из плах, уложенных на лаги. С одной из сторон к таким жилищам примыкали помещения несколько меньшие, чем само жилище, и заглубленные на такую же глубину. Пол этих помещений был земляным.

В углу каждого полуземляночного жилища стояла круглая глинобитная печь, свод которой имел следы деревянного каркаса. Наружная поверхность печей была искусственно заглажена и обожжена. В развале некоторых печей найдены обломки больших глиняных жаровен.

Во многих жилищах имеются круглые хозяйственные ямы, но больше таких ям найдено вне жилищ.

Весь комплекс городища относится к XII—XIII вв.

214. Щучинка. На городище у с. Щучинка, представляющем собой остатки г. Чучина, раскопано 11 жилищ.[75] Автор раскопок называет два из них наземными, а остальные — полуземлянками. Однако наземные жилища также заглублены в материк, одно на 10 см, а другое даже на 30 см. Очень вероятно, что на какую-то высоту они были, кроме того, врезаны в культурный слой. Таким образом, все жилища на данном городище оказались заглубленными в грунт, но одни очень немного, а другие гораздо глубже — до 1.3 м.

Все жилища прямоугольные, почти квадратные; величина их сторон от 3.7 до 4.5 м. Во всех жилищах имеются столбовые ямы: в одних — только в углах, в других — также и у середины стен. В некоторых жилищах сохранились остатки сгоревших дубовых бревен от стен. Большинство

---

[71] АЛЮР, т. I, 1899, с. 49.

[72] Плетнева С. А., Макарова Т. И. Южное городище у с. Витачёва. — КСИА, вып. 104, 1965, с. 60.

[73] Хвойка В. В. 1) Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. — Тр. XII АС, т. I, 1905, с. 100; 2) Отчет о раскопках 1901 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 99, 1901. — Чертежи к отчету см.: Архив ЛОИА, р. 1, арх. № 209, инв. № 1696. — Очень большое городище у с. Шарки, видимо, относится к эпохе раннего железа, а славянское поселение занимало лишь небольшую часть этого, к тому времени уже давно заброшенного городища.

[74] Гончаров В. К. Древньоруське городище Іван-гора. — В кн.: Археологія. Т. XVI. Київ, 1964, с. 127. — Более детальные сведения сообщены В. К. Гончаровым.

[75] Довженок В. И. 1) Древнерусские городища на Среднем Днепре. — СА, 1967, № 4, с. 263; 2) Раскопки Чучина. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 23.

жилищ на детинце ориентировано сторонами по странам света, но на территории окольного города жилища повернуты углами по странам света. При этом схема их плана, видимо, сохранилась одинаковой — в углу (большей частью в юго-западном) стояла глинобитная конусовидная печь диаметром около 1.8 м. Под печи расположен на уровне пола или на очень невысоком материковом возвышении. К боковой стороне печи примыкали полати (нары), остатки которых кое-где сохранились в виде следов от досок и ямок от кольев. У стены, расположенной напротив печи, очевидно, были размещены стол и скамья, поскольку в некоторых жилищах здесь также сохранились ямки от кольев и остатки досок. Входы в жилища с полукруглыми в плане ступеньками ведут с юга. Таким образом, печь всюду стоит слева от входа.

В двух жилищах перед входом расположено второе помещение, названное автором раскопок сенями. Это помещение значительно меньше основного и расположено выше него. Столбовых ям в дополнительных помещениях нет.

На детинце с тыльной стороны оборонительного вала вскрыта линия не забитых землей срубных клетей, примыкающая к основным клетям конструкции вала. Клети имели ширину 1.6 м. В длину чередовались большие клети (длиной 5 м) и малые (длиной 1.4 м). В одной из больших клетей обнаружен под печи, что, видимо, свидетельствует о жилом назначении клетей.

Город Чучин был разгромлен половцами в 1110 г., но затем восстановлен и просуществовал до середины XIII в.

215. Ходоров. На городище XII—XIII вв. у с. Ходорова близ г. Ржищева были раскопаны 4 полуземляночных жилища.[76] Жилище 1 частично перерезало жилище 2, хотя время существования обоих этих жилищ и их конструкция более или менее одинаковы. Жилище 1 имеет размер 3.6×3.5 м и ориентировано углами приблизительно по странам света. В северном углу на небольшом материковом возвышении расположена глинобитная печь, тыльная часть которой вырезана из материкового лёсса. В углах жилища — столбовые ямы с остатками сосновых столбов диаметром около 28—30 см. Несколько столбовых ям сохранилось и около печи. Вдоль стен обнаружены следы сгоревшего дерева (дуб). По предположению М. П. Кучеры, облицовка стен делалась с помощью крепления облицовочных досок (или плах) в пазах столбов. Об этом, по его мнению, свидетельствуют толщина столбов и их положение — вплотную к земляным стенкам. Это не вполне убедительно, поскольку на чертеже видно, что между угловыми столбами и земляными стенками свободно могли поместиться доски.

В северо-западной стене имеется большая округлая ниша, а в северо-восточной, перед устьем печи, был устроен вход в виде коридорчика, несколько повышающегося наружу. Здесь найдены остатки сосновых столбов и доски, а также железные гвозди.

В жилище у южного края городища печь оказалась вырезанной в материковой стенке в виде ниши.

216. Переяслав-Хмельницкий. В Переяславе-Хмельницком (древний Переяславль) на территории окольного города в 1952 г. были раскопаны два полуземляночных жилища, врезанных одно в другое.[77] Они однотипны и относятся к XII—XIII вв. Несмотря на то что участок раскопок был сильно поврежден более поздними ямами, форму более позднего жилища вполне возможно установить.

Жилище было ориентировано сторонами по странам света; его размер 4.5×4.2 м. Стенки жилища были врезаны в материковый грунт примерно на 70 см. Вдоль западной стенки тянулся материковый приступок шириной около 0.5 м, высотой 30 см. Столбовых ям нет. Следует отметить, что жилище имело усложненную форму, так как в его юго-западном углу находился небольшой прямоугольный выступ. Расположение входа не установлено, поскольку сохранившийся кусок приступка у западной стены слишком длинный (1.5 м), чтобы быть ступенью входа. У северо-западного угла жилища расположена круглая в плане глинобитная печь. В стенках ее видны отпечатки каркаса из толстых прутьев. Под глиняной обмазкой пода обнаружена забивка из черепков сосудов, а ниже еще два глиняных пода, также забитых керамикой. Нижний, первоначальный под находился примерно на уровне пола жилища, а верхний возвышался над полом примерно на 20 см.

В 1966 г. в Переяславе-Хмельницком были раскопаны еще два полуземляночных жилища XII—XIII вв., также врезанных одно в другое.[78] Размер первого жилища 4.4×4.25 м, а более позднего — 3.2×2.8 м. Глубина обоих жилищ примерно одинакова — около 70 см. В позднем жилище сохранилась глиняная печь, нижняя часть которой (до высоты 10 см) вырезана в материковом останце, а верхняя — глинобитная. Диаметр печи 1.3 м. Около печи найдены куски большой глиняной жаровни.

В более позднем жилище нет столбовых ям, а в раннем имеются столбовые ямы, но в полу, кроме того, сохранились канавки от бревен. В этом же жилище с южной стороны обнаружен вход шириной 1.4 м.

217. Кононча. На городище Замковище у с. Кононча на левом берегу Роси, недалеко от впадения р. Россавы, в 1901 г. В. В. Хвойка раскопал 8 полуземляночных жилищ. В печати об этих раскопках была помещена лишь краткая информация.[79] Больше данных имеется в отчете В. В. Хвойки, хотя и здесь многие важнейшие

---

[76] Кучера М. П. Ходорівське древньоруське городище. — В кн.: Археологія. Т. XX. Київ, 1966, с. 202.

[77] Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. — СА, XX, 1954, с. 9.

[78] Юра Р. А. Археологические исследования на посаде древнего Переяслава в 1965—1966 гг. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 177.

[79] АЛЮР, т. III, 1901, с. 182.

сведения отсутствуют.[80] Тем не менее на основании отчета можно все же получить некоторое представление о раскопанных жилищах.

Все жилища прямоугольные; их короткая сторона от 2.2 до 2.8 м, длинная — от 3.2 до 3.77 м. Глубина жилищ довольно значительна, по-видимому около 1 м. Входы ни на чертежах, ни в описании не отмечены, кроме жилища 2, в котором указан вход с северной стороны, имеющий ширину около 90 см и «несколько скошенный в виде уступа». Столбовые ямы не обнаружены. Печи глинобитные, стоящие на материковых прямоугольных останцах, большей частью довольно высоких — от 40 до 70 см. Расположены печи, как правило, в углах или близко от них, кроме жилищ 1 и 3, где печи стоят у середины стен (в одном случае у середины короткой стены, а в другом — длинной). В жилище 8, расположенном несколько поодаль от остальных, печь стояла на уровне дна жилища, а в трех углах имелись столбовые ямы. Никаких данных о конструкции стен жилищ нет.

Несколько особняком стоит жилище 7, расположенное в средней части городища. Оно имеет больший размер, чем все остальные, — 4.5× ×3.6 м — и разделено уступом пола на две части. В меньшей части, юго-западной, высота стен жилища около 1.0 м. Во второй части пол опускается на 15 см, а высота стен 1.15 м. Во второй части жилища имеется печь, стоящая на уровне пола. Под подом этой печи находится яма (диаметр 1.6, глубина 0.55 м), забитая серой землей. Следует отметить печь в жилище 4, состоящую как бы из двух соединенных вместе самостоятельных печей. Печь эта стоит на материковом останце высотой 40 см. Размер ее 1.8×0.85 м, толщина стенок 14—18 см. Посреди печи находится глиняный столбик, разделяющий ее топку на две части и имеющий в высоту 65 см.

В. В. Хвойка отметил, что в жилищах были найдены археологические материалы «великокняжеской поры» (в печатной информации сказано, что вещи XI—XIII вв.). Судя по тому, что почти во всех жилищах найдены стеклянные браслеты, эту датировку можно уточнить — XII—XIII вв. В более крупном жилище (7) были найдены фрагмент поливного сосуда и несколько кусков поливных керамических плиток. В жилище 3 обнаружена трипольская керамика, однако жилище это настолько идентично остальным, что не вызывает сомнений в том, что и оно относится к XII—XIII вв.

На схематическом чертеже В. В. Хвойки видно, что жилища были расположены двумя довольно правильными рядами, вытянутыми вдоль рва городища.

218. Сахновка. На городище Девичь-гора у с. Сахновки раскопки были проведены в 1901 г.[81] На краю городища обнаружено несколько жилищ; четыре из них описаны более или менее ясно. Это совершенно однотипные прямоугольные полуземлянки, расположенные на склоне и врезанные в землю в наиболее глубоком месте до 1.8 м. Размер жилищ 2.1×1.8 м. Со стороны склона в жилища вели проходы шириной около 1 м. Справа от входа в углу стояли круглые печи, от которых сохранились только поды. Диаметр подов около 70 см; очевидно, они были несколько приподняты над уровнем пола. Поды состояли из камней, обмазанных глиной. Полы жилищ глиняные. В жилищах найден инвентарь, который автор раскопок относил к X—XIII вв. В действительности этот материал, по-видимому, весь XII—XIII вв.[82]

В 1949 г. на поселении, расположенном к северу от городища, было раскопано одно полуземляночное жилище.[83] Его размер 3.65×3.46 м, глубина от древнего уровня 80 см. Жилище было врезано в песчаный грунт, но пол его промазан глиной. В углу стояла печь, под которой возвышался над полом на 15 см. В забивке пода имелась керамика XI—XIII вв.

219. Григоровка. На поселении близ городища у с. Григоровки (около Канева) раскопаны два полуземляночных жилища XII—XIII вв.[84] Площадь их около 25 кв. м, глубина до 1 м. В углах и у середины стен обнаружены столбовые ямы. В углу каждого жилища стояла овальная глинобитная печь, а возле печи была расположена приямная яма

220. Княжа Гора. На Княжей Горе близ Канева раскопками Н. Беляшевского в 1891, 1892 и 1899 гг. были обнаружены жилища, относящиеся, по-видимому, в основном к XII—XIII вв.[85] Всего на городище и в его окрестностях установлено наличие почти 40 жилищ. Все они имели круглые глинобитные печи со следами деревянного каркаса.

В 1958—1965 гг. на Княжей Горе были вновь проведены раскопки.[86] Выяснилось, что, кроме детинца, культурный слой есть и на территории окольного города. Всего на детинце и в окольном городе было раскопано 24 жилища. Все они прямоугольные или близкие к квадрату, полуземляночного типа.[87] Заглублены в среднем на

---

[80] Архив ЛОИА, ф. 1, № 99, 1901. — Чертежи см.: Архив ЛОИА, р. 1, арх. № 209, инв. № 1699.

[81] Раскопки В. Е. Гезе. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 65, 1901. — Краткую информацию о раскопках см.: АЛЮР, т. III, 1901, с. 211.

[82] Фотографии вещей из раскопок В. Е. Гезе см.: Фотоархив ЛОИА, II-26633-37, III-8268-78.

[83] Довженок В. П., Линка Н. В. Розвідки древньоруських городищ на Нижній Росі в 1949 р. — АП, V, 1955, с. 153.

[84] Довженок В. И., Приходнюк О. М. Из работ Каневской экспедиции. — АО 1971 г., 1972, с. 387.

[85] Киевская старина, т. 36, Киев, 1892, с. 64; т. 41, 1893, с. 142; АЛЮР, т. I, 1899, с. 60, 119.

[86] Бондар М. М., Мезенцева Г. Г. Археологічні дослідження в Канівському Подніпров'ї в 1958 р.— Вісник Київськ. унів., 1959, № 2, с. 140; Мезенцева Г. Г. 1) Деякі підсумки археологічного вивчення древньоруского міста Родня. — Там же, 1961, № 4, с. 110; 2) Древньоруське місто Родень. Київ, 1968, с. 26—53.

[87] Г. Г. Мезенцева высказала предположение, что в раскопках Н. Беляшевского были вскрыты наземные жилища (Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень, с. 27). Однако для такого утверждения нет никаких оснований. Все более или менее ясно описанные Н. Беляшевским жилища также были полуземлянками.

50—70 см от уровня древней поверхности. Размер их сторон большей частью от 3 до 4 м. Самое крупное жилище — 5.5×5.5 м, самое малое — 3.15×2.1 м. Полы жилищ ровные, часто подмазанные глиной. Ориентированы почти все жилища углами по странам света, что, очевидно, объясняется общей ориентацией городища. Во многих жилищах вдоль стен тянулись материковые приступки высотой около 30—50 см, шириной до 1 м. Столбовых ям в жилищах нет.

В трех жилищах обнаружены печи-каменки, во всех остальных жилищах печи глинобитные. Глинобитные печи в плане округлые, диаметром около 1.5 м, изредка до 1.8 м. Иногда печи стоят на материковых останцах, приподнятых над полом на 20—40 см и обложенных камнями. Толщина стенок печей 15—20 см; в них сохранились следы деревянного каркаса из ветвей ивы.

Во многих жилищах найдены входы, имеющие по несколько земляных ступенек. Ширина входов обычно несколько менее 1 м. Там, где удается установить соотношение печи и входа, выясняется, что печи-каменки всегда стоят напротив входа, а глинобитные либо напротив, либо рядом с ним. В обоих случаях преобладает левостороннее расположение печи.

В ряде случаев обнаружено обгорелое дерево от стен жилищ. В заполнении одного жилища найдены рухнувшие балки, а также солома и земля, по-видимому, от перекрытия и кровли.

Жилища детинца и окольного города совершенно одинаковы, хотя на детинце жилища несколько крупнее и богаче по найденному в них инвентарю.

Г. Г. Мезенцева отметила, что вдоль детинца шла основная улица поселения, имевшая в ширину около 4 м, а от нее в сторону отходила поперечная улица шириной 2 м. Рядом с жилищами есть хозяйственные сооружения и ямы.

Датировка раскопанных жилищ крайне затруднительна, так как культурный слой перемешан и в нем имеются материалы от X до XIII в. Какие именно материалы связаны с определенными жилищами, в публикациях не указано. Впрочем, Г. Г. Мезенцева считает, что жилища с печами-каменками, видимо, более древние, чем жилища с глинобитными печами. Подавляющее большинство археологического материала, обнаруженного раскопками, несомненно относится к XII—XIII вв.

221. Жовнин. Небольшими разведочными раскопками 1957 г. на городище у с. Жовнин были вскрыты два полуземляночных жилища.[88] Одно из них — почти квадратное в плане (2.9×2.8 м), углубленное в материковый грунт на 65 см. В юго-восточном углу жилища стояла круглая глинобитная печь, под которой расположен на 12 см выше пола. Диаметр пода 65 см. Второе жилище сильно разрушено. В нем вскрыта печь, вырезанная в материковой глине; ее размер 1.6×1.6 м, под расположен на 22 см выше пола. Автор раскопок датировала поселение XI—XIII вв. Судя по форме городища и опубликованным материалам, оно, видимо, скорее относится к XII—XIII вв.

222. Воинская Гребля. Раскопки г. Воинь (городище у с. Воинская Гребля), проведенные в 1956—1959 гг., выявили, что основным типом жилых построек в этом укрепленном поселении были дубовые срубные клети, конструктивно связанные с каркасом оборонительного вала.[89] На различных участках городища конструкция срубов была не вполне идентична. Так, в южной и восточной частях это связанная система клетей. Жилые клети здесь составляли внутренний ряд, а два внешних ряда были забиты землей. Поперечные стены жилых клетей являлись прямым продолжением поперечных стенок засыпанных землею срубов. В северо-западной части городища вся сторона состояла из отдельных срубов, вплотную приставленных один к другому. Поперечные стены не заполненных землей клетей внутреннего ряда здесь не совпадали с поперечными стенками забитых срубов. Возможно, что в этом случае жилые клети не были даже конструктивно соединены со срубами вала, а были лишь вплотную к ним приставлены. В одном случае отмечено, что жилая клеть полностью перестроена, а срубная конструкция вала при этом даже не затронута. Клети повсюду имели более или менее одинаковую ширину, равную расстоянию между продольными линиями бревен, образовывавших третий ряд срубов, — от 2.5 до 3.0 м. Клети были двух размеров — большие и малые, регулярно чередующиеся между собой. Длина больших клетей от 3.0 до 3.75 м (в среднем 3.4—3.5 м). Между каждыми двумя большими клетями расположена малая клеть, имеющая длину 1.1—1.5 м. В северо-западной части городища малые клети представляли собой лишь промежутки между двумя соседними клетями. Поскольку остатки при рубке «в обло» имеют в длину 20—30 см, между бревнами здесь оставались промежутки шириной 50—60 см.

Все клети, как и забитые землей срубы, сложены из дубовых бревен диаметром до 30 см. В нескольких случаях удалось отметить, что срубные стены с внутренней стороны помещений были отесаны, а в одной клети сохранились остатки известковой побелки, покрывавшей стены или потолок. Перекрытие клетей было сделано из плах, лежавших параллельно линии оборонительного вала, а над плахами находился накат из более тонких бревен, перпендикулярных плахам. Поверх перекрытия лежал слой глины.

В процессе раскопок удалось проследить, что перед строительством клетей подготавливали ровную площадку, а иногда даже делали вымостку из костей, поверх которой устраивали пол. Полы в клетях, как правило, глинобитные, но в восьми больших клетях обнаружены деревянные полы из досок (дубовых или сосновых), лежавших на лагах. Полы настланы в большинстве случаев

[88] Килиевич С. Р. Археологічні розкопки біля с. Жовнин. — В кн.: Археологія. Т. XIX. Київ, 1965, с. 189.

[89] Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.

вдоль направления вала, но встречаются и настланные поперек линии вала.

Почти во всех больших клетях обнаружены завалы печины. Как правило, они концентрируются в углу, прилегающем к наружной стене, т. е. к стене, обращенной в сторону площадки городища. Конструкцию печей установить не удалось, так как в завалах печины не сохранилось никаких конструктивных элементов печей. По-видимому, это следует объяснить тем, что печи стояли на каких-то деревянных основаниях, а во время пожара, уничтожившего клети, рухнули вниз и разбились. Такое предположение подтверждается единственным случаем, когда были найдены остатки печного пода: они лежали не на полу, а в завале выше пола.

Остается невыясненным, где находились двери. Они могли быть прорублены в наружных стенах больших клетей, но вероятнее всего — в наружных стенах малых клетей, а в северо-западной части городища — в промежутках между торцами бревен двух соседних больших клетей. Очень вероятно, что каждое жилище состояло из двух клетей — большой и малой, соединенных между собой. Возможно, что не все большие клети служили жилищами. Так, в одной большой клети весь пол был покрыт 2—3-сантиметровым слоем рыбьей чешуи, а в двух клетях найдено по несколько бочек с зерном. Быть может, часть клетей имела складское назначение. Но судя по инвентарю, большинство больших клетей было жилыми помещениями.

Всего на городище вскрыты 52 большие клети и столько же малых. Судя по плану городища, вдоль его вала должно было быть размещено около 90—100 комплексов, состоявших из одной большой и одной малой клети.

Датировка клетей не совсем ясна. Они были построены при реконструкции оборонительной системы укрепленного поселения. Авторы раскопок считают, что эта реконструкция происходила в XI в. Исходя из характера инвентаря, а также общеисторических соображений, более вероятно предположение, выдвинутое одним из авторов раскопок, что строительство новой оборонительной системы (а следовательно, и жилых клетей) относится к началу XII в.[90] Гибель укрепленного поселения, сопровождавшаяся пожаром, может быть связана с походом половецкого хана Кончака в 1184 г.

На площадке детинца г. Воинь были обнаружены остатки нескольких жилищ полуземляночного и наземного типа. Такие же жилища были вскрыты и на посаде. Всего было раскопано не менее 8 полуземляночных жилищ и почти 30 наземных. Последние определялись по наличию глинобитных печей, контуры же их выявить не удалось. Приблизительные размеры этих жилищ можно было установить по темному пятну, насыщенному углем и золой. Площадь их не превышала 20—25 кв. м. Никаких конструктивных деталей жилищ не было выявлено.

Полуземляночные жилища прямоугольные, ориентированные, как правило, сторонами по странам света. Они заглублены в материковый грунт на 30—40 см, и лишь одно жилище на детинце было углублено более чем на 1 м от древнего уровня. Размеры стен 3—4 м. В углах и частично у середины стен имеются столбовые ямы диаметром 15—30 см, глубиной 30—50 см. Расположение входов не определено. В углах жилищ стояли глинобитные округлые печи (в одном случае форма печи близка к прямоугольнику со скругленными углами). Под печей находится на уровне пола или очень немного выше него. Предпечных ям нет. Своды печей устроены без деревянного каркаса. В забивке подов иногда встречаются черепки сосудов. Печи расположены в разных углах жилищ, хотя чаще в северо-западном углу. Рядом с жилищами имеются хозяйственные ямы округлой, овальной и неправильной формы.

Как наземные, так и полуземляночные жилища относятся к XII—XIII вв., хотя некоторые полуземлянки, возможно, являются несколько более ранними.

223. Старый Игрень. У с. Старый Игрень на Днепре, несколько выше порогов, раскопано одно полуземляночное жилище XII—XIII вв.[91] Размер его 3.5×3.1 м, глубина в материковом грунте 35 см. Жилище повернуто сторонами по странам света. В северной его стене имеется вход шириной 1.15 м. Напротив него, в юго-восточном углу, на лёссовом останце высотой 20 см стоит печь приблизительно прямоугольной формы (1.55×1.25 м), с овальным подом. Печь повернута устьем вдоль задней стены жилища, т. е. к западу. В жилище имеются столбовые ямы — три у западной стены и одна в середине восточной стены.

Напротив этого поселения, на правом берегу Днепра, а также на Каменоватом острове было раскопано еще несколько жилищ XII—XIII вв. Сведения о них крайне фрагментарны; известно лишь, что они были прямоугольными, углубленными в землю (до 90 см), со стенками длиной от 3 до 4.5 м. Поды печей забиты черепками сосудов.

224. Днепровское. Близ с. Днепровского, на Днепре, несколько выше порогов, на открытом поселении XII—XIII вв. было раскопано восемь полуземляночных жилищ, часть из них очень плохой сохранности.[92] Все жилища прямоугольные и почти все ориентированы сторонами по странам света. Размер их от 4×3 до 5×4 м, глубина в материковом грунте 30—35 см. Столбовые ямы прослежены не во всех жилищах. В некоторых обнаружены куски горелого дерева. Печи сохранились только в трех жилищах; все они расположены в северо-западном углу и направлены устьем к востоку. Печи глинобитные; в одной

[90] Юра Р. О. Археологічні дослідження городища Воїня. — Український історичний журнал, 1960, № 1, с. 149.

[91] Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя. — АП, XII, 1962, с. 177.

[92] Бліфельд Д. Розкопки слов'янського поселення коло с. Дніпровського, Дніпропетровської області. — АП, I, 1949, с. 99; Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятки. . ., с. 172.

из них в стенках отмечены отпечатки деревянного каркаса. Под находился на разной высоте — от уровня пола до 40 см над полом; размер пода примерно 1.4×1.8 м. В глиняной забивке пода использованы мелкие камни и черепки. Входы в жилищах не обнаружены.

225. Яцевая балка. Три жилища XII—XIII вв. были вскрыты напротив с. Днепровского на левом берегу Днепра у Яцевой балки, на поселении, остальные жилища которого относятся к более раннему времени.[93] Два жилища — прямоугольные полуземлянки, ориентированные сторонами по странам света. Они врезаны в материк на 25 см; длина их стенок несколько более 3 м. Пол жилищ был подмазан беловатой глиной. Столбовых ям не обнаружено. В заполнении жилищ найдены куски глины с отпечатками прутьев, однако неясно, происходят ли они от стен или от печей. Печи глинобитные, на лёссовых останцах, находятся в северо-восточном углу жилищ и повернуты устьем к югу. Размер печей 1.1×1.5 м, толщина стенок в нижней части около 30 см, а выше — около 10 см. Под печей имел несколько слоев подмазки с добавкой черепков. В одном из жилищ в восточной стенке (т. е. рядом с устьем печи) обнаружена врезанная в материк ступенька высотой около 20 см — видимо, остатки входа.

Третье жилище XII—XIII вв. на этом поселении, по-видимому, было наземным. Оно расположено над развалом полуземлянки VIII—IX вв. От жилища сохранились печь и остатки двух деревянных столбов на расстоянии 2 м один от другого. Печь глиняная, подковообразная; наружный размер ее 1.5×2 м, а толщина стенок в основании 20—30 см. Устье печи было укреплено камнями. Под печи имел три слоя подмазки из глины с мелкими камнями и черепками сосудов XII—XIII вв.

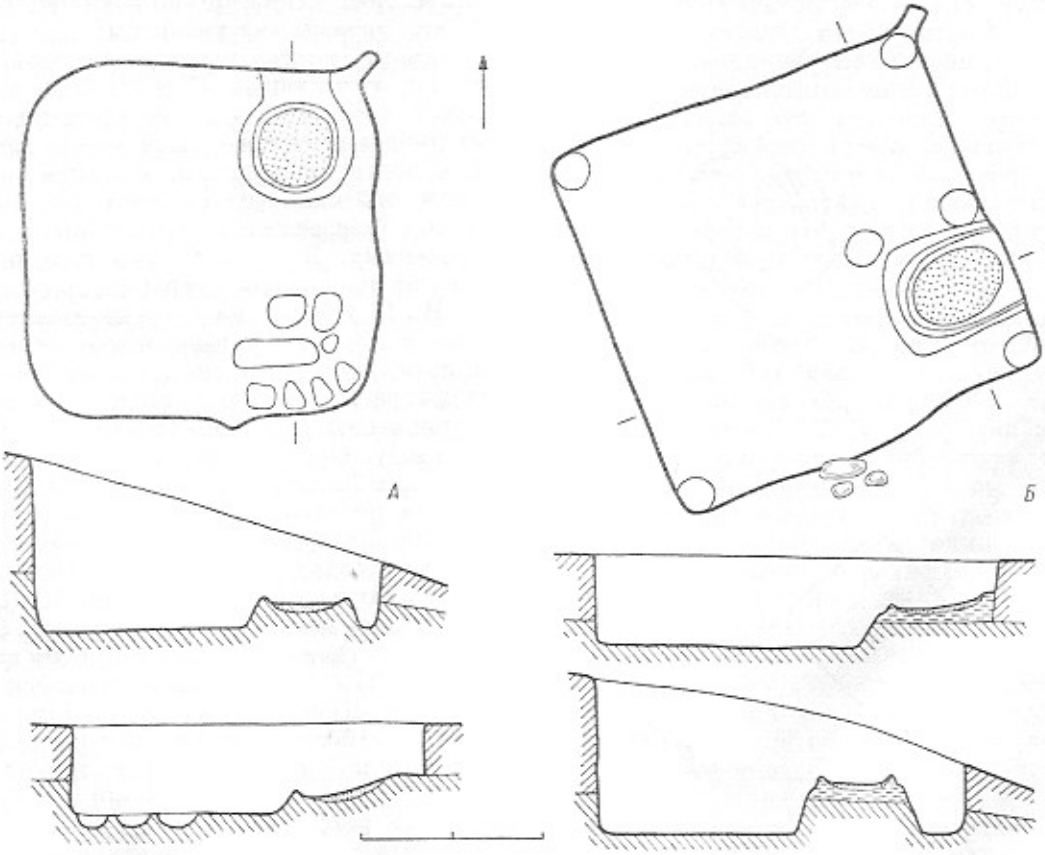


Рис. 23. Кичкас. (Раскопки 1927 г. А. Добровольский).
А — жилище 20; *Б* — жилище 21.

226. Кичкас. В районе Днепровских порогов близ с. Кичкас на правом берегу Днепра было обнаружено древнерусское неукрепленное поселение. Полуземляночные жилища на этом поселении отчетливо прослеживались на поверхности земли по небольшим западинам. В 1927 г. А. Добровольский нанес здесь на план 57 таких западин. В результате археологических работ 1927—1928 гг. на поселении было раскопано 17 жилищ (рис. 23, 24).[94] Все они оказались относящимися к XII—XIII вв.

[93] Брайчевська А. Т. Древньоруські, пам'ятки . . ., с. 168.

[94] Добровольський А. Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927. — В кн.: Дніпропетровський краевий історично-археологічний музей. Збірник, т. 1. Дніпропетровське, 1929, с. 144; Смолічев П. Археологічні розкопки на терені Дніпрельстану, в с. Кічкасі. — Там же, с. 161. — Раскопки С. С. Гамченко позднее опубликовала А. Т. Брайчевская (см.: Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятки. . ., с. 158).

Полуземлянки углублены в материк на 40—70, а в одном случае даже 85 см. Одно из раскопанных жилищ имело размер 6.0×6.2 м, но, как правило, длина стен была около 4 м. Следует отметить, что более трети жилищ имели не прямоугольную, а квадратную форму плана. Угловые

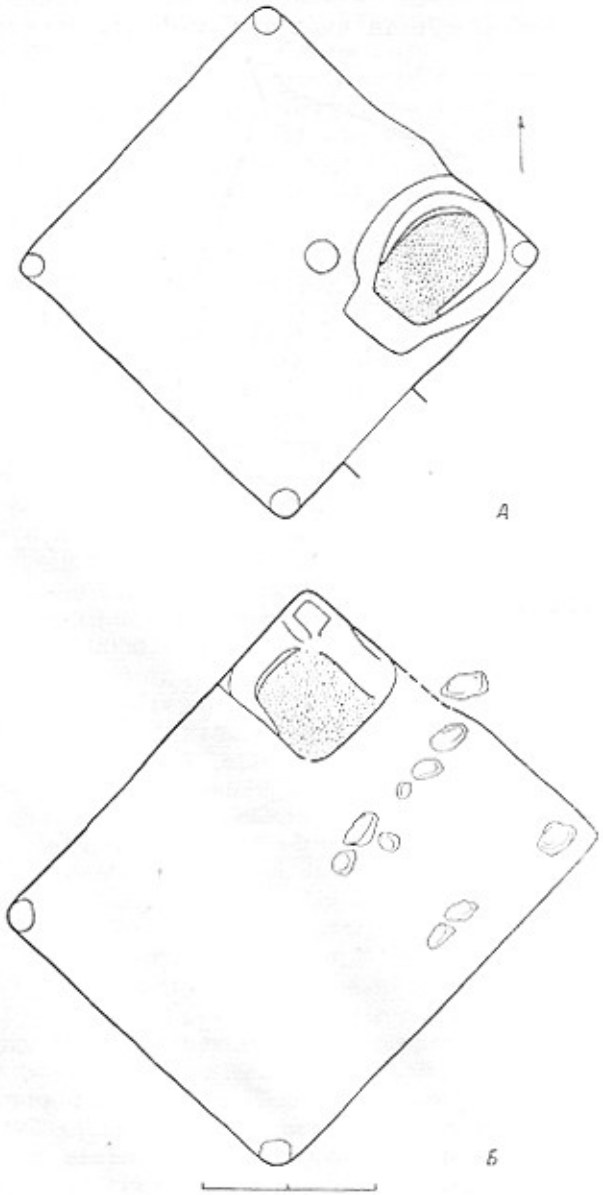


Рис. 24. Кичкас. (Раскопки 1928 г. П. Смоличев).
А — жилище 8; *Б* — жилище 5.

столбовые ямы обнаружены в большинстве жилищ; иногда этих ям две, иногда три, а в нескольких жилищах столбовые ямы находятся не только во всех четырех углах, но и в середине помещения. В ряде жилищ отмечена подмазка полов и стен белой или желтой глиной, а в одном случае (жилище 1) на полу обнаружены куски упавшей белоглиняной обмазки стен. Почти во всех жилищах сохранились остатки входов в виде ступенек шириной 50—70 см и даже до 1 м.

Печи расположены в углах жилищ на материковых останцах высотой от нескольких сантиметров до $^1/_2$ м. В жилище 21 материковый останец имел в высоту 30 см, а под печи находился на высоте 50 см от пола, так как поверх останца была сделана еще глиняная намазка. Наружные очертания печей большей частью близки к прямоугольнику, но поды их овальные. Размер печей — примерно около 1.5 м в длину при ширине около 1.2 м. Печи глиняные, но в жилищах 27 и 30 печи были сложены «из гранитных плит». Поды печей глиняные, иногда имеющие несколько слоев подмазки. В жилищах 47 и 50 «огнища» (или поды печей), расположенные на уровне пола или даже заглубленные в него, были обнаружены не в углу, а в центре помещения. Наконец, в жилище 57 были найдены остатки трех печей или очагов, однако неизвестно — разновременных или одновременных. В жилище 33 в полу была устроена яма, на дне которой сохранились остатки зерна.

Из 16 жилищ, на которые имеется документация, в 13 было установлено соотношение входа и печи. В них (кроме двух, где печи находятся в центре жилищ) вход оказался расположенным рядом с печью, причем устье печи было обращено ко входу. Ориентация жилищ не всюду одинаковая, но в большинстве случаев жилища повернуты углами по странам света, а входы ведут с юго-востока, причем печи большей частью стоят справа от входа, т. е. в восточном углу.

В жилище 5, судя по публикации П. Смоличева, был обнаружен дымоход («дымарь»). Он представлял собой прямоугольный в сечении вертикальный канал (25×35 см), сохранившийся на высоту до 20 см. Канал был устроен в глиняном массиве печи. В действительности этот канал вряд ли был дымоходом — он соединен с топкой отверстием неправильной формы, явно образовавшимся в результате разрушения стенок печи; первоначально же канал был, видимо, наглухо отделен от топки глиняной стенкой, имевшей толщину не менее 20 см. Неправдоподобно также, чтобы дымоход начинался внизу, на уровне пода печи. Судя по расположению этого канала в самом углу жилища, его скорее можно интерпретировать как отпечаток стоявшего здесь бруса.[95] А. Т. Брайчевская отметила, что во врезанной в материк тыльной части печи жилища 27, по предположению С. С. Гамченко, имелся круглый в сечении канал дымохода. Никаких чертежей и описаний, подтверждающих такое предположение, не имеется.

227. **Донецкое городище.** На Донецком городище было обнаружено несколько жилищ X—XIII вв.[96] Наиболее поздними среди них, видимо, являются наземные. Одно из этих жилищ (комп-

[95] В отличие от остальных жилищ, раскопанных на данном поселении, жилище 5 заглублено в грунт всего на 10 см. Очевидно, углубить пол жилища ниже было невозможно, так как там начинался гранитный массив (по отношению к жилищу 54 это отметил С. С. Гамченко). В таком случае становится понятным, почему один из угловых столбов не смогли врыть в землю, а укрепили в глиняном массиве, примыкавшем к печи.

[96] Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 335.

лекс Е), определяемое по столбовым ямам в углах, имеет размер 7.7×6.3 м. Оно ориентировано углами по странам света. В средней части юго-восточной стены имеются еще две столбовые ямы, возможно отмечающие место входа. У северо-восточной стены стоит печь, опущенная несколько ниже уровня пола в прямоугольное углубление (2.4×2.1 м). Печь глинобитная; основа ее вырезана в материке. Перед устьем — предпечная яма со ступенькой и скамьей сбоку, вырезанными в материковом грунте. В северо-западной части жилища имеется небольшой погребок, углубленный в землю.

По-видимому, к XII в. относятся две полуземлянки, обнаруженные В. А. Городцовым.[97] Полностью раскопана лишь одна из них. Она прямоугольная, почти квадратная — 4.0×3. 75 м, ориентирована сторонами по странам света. В восточной стене отмечен вход, а влево от него, у середины южной стены, был расположен под глинобитной печи, сделанный из плоских камней и обмазанный глиной. В стенках печи — следы каркаса из плетенки. В углах жилища — столбовые ямы. Сохранились следы деревянной облицовки стен. Рядом с жилищем—круглая хозяйственная яма. Вторая полуземлянка была подобна первой, но общий размер ее не был определен.

228. Ницахское городище. На Большом Ницахском городище была раскопана древнерусская полуземлянка.[98] Она имела прямоугольную форму; одна из сторон была равна 3.85 м. Полуземлянка ориентирована сторонами по странам света. В северо-восточном углу сохранился под глинобитной печи. Отмечены также остатки бревен от облицовки стен.

229. Моисеевское городище. На городище у хут. Моисеева близ с. Березы на р. Сване в 1955 г. было раскопано полуземляночное жилище, углубленное в материк на 1.2 м.[99] Жилище квадратное в плане (3.6×3.6 м), ориентировано сторонами по странам света. С юга в него ведет вход — коридор длиной 2.3 м, расширяющийся в месте примыкания к стене жилища до 2 м. По-видимому вход был укреплен плетнем, поскольку в коридоре есть отверстия от колышков. Справа от входа, в юго-восточном углу, сохранились остатки небольшой округлой глинобитной печи, обращенной устьем ко входу.

В трех углах жилища (кроме юго-западного) имеются столбовые ямы. В жилище найдены фрагменты керамики XII—XIII вв.

230. Липинское городище. На Липинском городище при раскопках 1951 г. в слое ,относящемся к XII—XIII вв., обнаружены плохо сохранившиеся остатки жилищ.[100] По-видимому, жилища эти были наземными. От печей сохранились только куски печины. Судя по отсутствию завалов глины, «полы этих жилищ не были глинобитными, а стены не обмазывали глиной».

231. Казинка. На поселении у с. Казинка на правом берегу р. Матыр в 1971 г. были раскопаны остатки нескольких наземных жилищ XII—XIII вв.[101] Размеры их 3×4, 4×4, 4×6 м. Некоторые жилища имели дощатые полы, в других были земляные полы, обмазанные глиной. Круглые глинобитные печи стояли на уровне пола, а возле них отмечены припечные ямы. Кроме того, имелись и печи рязанского типа, т. е. поставленные на столбиках над ямой. Вне жилищ открыты многочисленные хозяйственные ямы и небольшие наземные деревянные хозяйственные постройки.

232. Каменное. В раскопках на поселении близ г. Грязи у с. Каменного выявлены остатки наземных жилищ.[102] В них прослежены подпольные ямы. Два жилища отличались от остальных большими размерами; площадь одного около 50 кв. м., другого 65 кв. м. Печи этих жилищ круглые, глинобитные, диаметром 0.9—1.1 м; толщина стенок печей 20—25 см. Печи стояли на основании, сложенном из нескольких рядов плотно подогнанных мелких камней.

233. Цимлянское городище. На Левобережном Цимлянском городище, представляющем собой остатки г. Белая Вежа, обнаружено большое количество жилищ XII—XIII вв.[103] Это наземные постройки, стены которых сложены из сырцовых кирпичей. Таких жилищ зарегистрировано 66. Все они очень плохой сохранности, как правило, в виде бесформенной, расплывшейся сырцовой кладки. По сохранившимся фрагментам удалось установить, что толщина стен жилищ колебалась от 32 до 75 см. В нескольких случаях под остатками сырцовых кладок обнаружены ряды обожженных кирпичей, выполнявшие роль фундамента или, вернее, цоколя.

Сырцовые кирпичи имели размеры 25×16—18×10 и 30×17×? см. Полы жилищ были глинобитными, иногда деревянными. В средней части построек иногда имелись столбовые ямы. Устройство печей не установлено, хотя кое-где обнаружены развалы кирпичей от печей или очагов. Величину жилищ не удалось определить. Несмотря на наличие русской керамики, этническая принадлежность жителей крайне сомнительна.

---

[97] Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII археологического съезда. — Тр. XII АС, т. I. 1905, с. 113.

[98] Городцов В. А. Результаты исследований . . ., с. 129.

[99] Алихова А. Е. Моисеевское городище в период Киевской Руси. — КСИА, вып. 87, 1962, с. 84.

[100] Засурцев П. И., Лисицина Н. К. Липинское городище. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 47.

[101] Матвеева В. И. Работы Верхнедонской экспедиции. — АО 1971 г., 1972, с. 107.

[102] Там же, с. 108.

[103] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959.

ГЛАВА 7

ЖИЛИЩА XII—XIII вв. (ЛЕСНАЯ ЗОНА)

234. Дрогичин. Раскопки, проведенные в 1954—1957 гг. на городище в Дрогичине и на прилегающем к нему поселении, выявили следы наземных деревянных жилищ.[1] Остатки этих жилищ очень плохо сохранились, даже размеры их определены очень приблизительно. В нескольких случаях удалось установить, что жилища имели в длину около 5—6 м при ширине около 4 м. Найдены остатки сгоревших бревен стен, а также развалы круглых глиняных печей. Поды печей слегка вогнутые, глиняные, часто с забивкой мелкими камнями и черепками. По периметру пода также иногда уложены камни.

Рядом с жилищами имеются остатки наземных деревянных хозяйственных построек и хозяйственные ямы. Комплексы эти относятся ко времени начиная с XI в., но главным образом к XII—XIII вв.

235. Брест. В 1969—1971 гг. проводились раскопки на территории детинца древнего Берестья.[2] Было обнаружено 8 строительных ярусов древних построек, в основном относящихся к XII—XIII вв. Вскрыто более 20 жилых и хозяйственных сооружений. Все они наземные, рубленные «в обло» из сосновых бревен. Толщина бревен 15—20 см. Нижние венцы жилищ иногда дубовые. Отмечено, что чашки и пазы выбирались всегда в верхней части каждого нижнего бревна. Жилища квадратные. Стены их имеют размер от 3 до 4,4 м. Полы дощатые, уложенные по лагам или бревенчатым настилам. Лаги обычно врубались между первым и вторым венцами сруба. Под углами, а частично и под бревнами нижних венцов имеются подкладки из коротких бревен и плах. Печи глинобитные, иногда с применением кирпичей. Вокруг печей — остатки деревянных опечков.

Некоторые срубы сохранились на значительную высоту, и в них обнаружены дверные проемы, начинавшиеся с третьего или четвертого венца снизу. Двери открывались всегда внутрь помещения. На бревнах срубов встречаются порядковые метки, свидетельствующие, что срубы изготовлялись где-то на стороне, а затем перевозились. Кроме дверных проемов, отмечено наличие очень небольших окон, высотой всего в толщину одного бревна. Такие окна имелись не более одного на сруб. В завалах жилищ найдены некоторые детали кровли, в частности дубовые «какошины» — крючья краев крыши.

В 1970 г. был раскопан сруб XIII в., сохранившийся на высоту 12 венцов. Толщина бревен сруба 16—17 см. В юго-восточной стене этого сруба имеется дверной проем, проходящий от 4-го до 11-го венца. Ширина проема 67 см. Пол в этом доме был настлан досками, уложенными параллельно стене, в которой находилась дверь.

Отмечено, что в жилищах, расположенных вдоль улицы, входы ведут с противоположной улице стороны. Здесь перед срубами обычно имеются бревенчатые настилы. За первым рядом домов стоят дома второго ряда, обращенные входами в сторону домов первого ряда. Некоторые срубы настолько точно расположены входами один против другого, что вызывают предположение, не являются ли они частями более сложных комплексов — трехчленных связей. Впрочем, прямых доказательств такого предположения в раскопках нет. Следует отметить, что дома в детинце Берестья стояли очень тесно.

236. Гродно. На детинце древнего Гродно при раскопках 1931—1933, 1937—1939 и 1949 гг. в слоях, относящихся к XII—XIII вв., обнаружено значительное количество остатков наземных срубных сооружений жилого и хозяйственного назначения.[3]

---

[1] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu. — Materiały wczesnośredniowieczne, Warszawa, 1969, VI, p. 229.

[2] Лысенко П. Ф. 1) Раскопки древнего Берестья. — АО 1969 г., 1970, с. 311; 2) Археологические исследования древнего Берестья в 1969 г. — В кн.: Беларускія старажытнасці. Минск, 1972, с. 290; 3) Раскопки древнего Берестья. — АО 1970 г., 1971, с. 315; 4) Раскопкі Бярэсця. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1971, № 1, с. 19; 5) Раскопки древнего Берестья. — АО 1971 г., 1972, с. 406.

[3] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1954, с. 46—54.

Жилища в подавляющем большинстве однокамерные, приблизительно квадратные в плане, с размерами сторон от 3.4 до 4.0 м. Срубы сложены из сосновых бревен толщиной 15—20 см. Под углами срубов часто имеются стулья из закопанных в землю столбов, камней или плинфы. В одном из жилищ под углом находился стул, состоящий из двух закопанных бревен, а под другим углом — из нескольких камней.

Полы, как правило, дощатые, на лагах. В нескольких случаях отмечено, что половицы зажаты между первым и вторым венцами сруба. Входы в жилища не определены, но у одного жилища снаружи имеется основание небольшого крылечка, выложенное из плинфы. Лишь в одном случае обнаружена подпольная яма (глубиной 50 см), облицованная вертикально поставленными досками.

В углах жилищ кое-где сохранились остатки печей, сложенных из камней на глине. Иногда при строительстве печей использовали также плинфу. Под печью одного из жилищ найдены два вертикально закопанных столба.

Несколько выделяются по конструкции два жилища. Жилище 17 (одно из наиболее древних) имело вокруг сруба вторую, наружную обвязку из очень толстых бревен. Эта обвязка была конструктивно связана с основным срубом и отстояла от него примерно на $^1/_2$ м. У жилища 27 (по-видимому, XIII в.) был пятистенный сруб. Размер его 4×3 м; в северной части сруба выделено узкое помещение (шириной около 1 м). Бревна сруба круглые, но в его основном, квадратном помещении они отесаны на 4 канта. Под нижний венец этого сруба были подложены плинфы, а под углы — стулья из плинф. В средней части узкого помещения сохранились остатки вымостки из плинф. Печь в этом жилище не обнаружена.

Следует отметить находки «курицы» от кровли, а также кусков слюды, по-видимому от окон.

К жилищам примыкали несколько меньшие по величине хозяйственные постройки, также срубные и с деревянными полами. Между постройками имеются настилы дворов.

В районе, примыкавшем к кирпичной церкви, застройка в XII в. была довольно редкой, но к концу XII в. стала значительно гуще. Отмечены деревянные мостовые двух улиц, имевшие ширину около 2 м.

237. Волковыск. Жилища XII—XIII вв. были обнаружены как на детинце Волковыска (Шведская Гора), так и на территории окольного города (Замчище).[4] Жилища эти наземные, срубные. В большинстве случаев от них сохранились лишь следы стен и остатки печей-каменок. Однако в одном жилище на детинце по обугленному нижнему венцу удалось определить размер постройки — 4.0×3.5 м.

[4] Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске. — В кн.: Матер. по археол. БССР. Т. I. Минск, 1957, с. 269; Зверуго Я. Г. Новые данные о древнем Волковыске. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 150.

238. Слоним. Раскопками 1959 и 1968 гг. в Слониме вскрыты остатки жилищ XII—XIII вв.[5] Все жилища наземные, рубленные «в обло» из хвойных (в основном — сосна) и дубовых бревен. Дома маленькие, в большинстве однокамерные. Размер их сторон 3.4—3.8 м. Одно жилище разделено перегородкой на две части. Печи, сложенные из камней, расположены обычно в переднем от входа углу. В основание печей, как правило, закопан массивный столб, в пазы которого заведены доски, уложенные горизонтально на ребро и закрепленные другим концом в стене.

Хозяйственные постройки имеют как столбовую, так и срубную конструкцию.

Открыты настилы мостовых двух улиц: одна шириной 5—6 м, другая, поперечная, — 3—4 м.

239. Новогрудок. На окольном городе древнего Новогрудка раскопками, проведенными в 1956—1967 гг., было обнаружено большое количество жилых и хозяйственных комплексов. Значительная их часть относится к XII—XIII вв.[6] Жилища срубные, наземные. При перестройках контуры жилищ большей частью сохранялись неизменными.

Одна постройка (6) была углублена в материк почти на 1 м. Эта постройка имела сруб размером 11×7 м, а земляное углубление было сделано несколько больше сруба; площадь его до 100 кв. м. Сруб сохранился местами до высоты четвертого венца. Под углами сруба лежали камни. Жилище было разделено срубной стеной на две неравные части. В юго-западном, квадратном в плане помещении стояла глинобитная прямоугольная печь. В жилище сохранились остатки дощатого настила пола, лежавшего на лагах. Судя по направлению половиц пола, входили в квадратную комнату через второе, более узкое помещение. Печь стояла слева в переднем от входа углу. Над этим жилищем позднее было построено новое, совпадающее по плану и конструкции с нижним (5). Его пол лежал менее глубоко, всего на 40 см ниже древнего уровня земли. Расположение печи и половиц пола было таким же, как в нижнем жилище. Прямоугольная печь сложена из камней на глине и окаймлена кирпичом; свод ее каменный, а под кирпичный. В жилище найдено много оконного стекла. Еще выше залегали остатки третьего жилища (4). Оно имело тот же размер, но стены его были обмазаны глиной как снаружи, так и внутри. При этом, судя по отпечаткам, стены были сложены не из бревен, а из тесаных брусьев. Место печи в нем не совпадало с таковым в нижележащих жилищах, и она была сделана из глины с кусками камней и кирпичей в деревянной опалубке. Дощатый

[5] Пех Г. И. Раскопки древнего Слонима. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск. 1966, с. 277; Зверуго Я. Г. 1) Раскопки в Слониме. — АО 1968 г., 1969, с. 350; 2) Археологические работы в Слониме. — В кн.: Беларускія старажытнасці. Минск, 1972, с. 248.

[6] Сведения любезно сообщены Ф. Д. Гуревич. См. также: Гуревич Ф. Д. 1) Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. — СА, 1962, № 1, с 242; 2) О жилищах окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, вып. 87, 1962, с. 70; 3) Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. — КСИА, вып. 99, 1964, с. 97.

пол, расположенный на уровне земли, был выстлан по глиняной подмазке. Здесь также найдено много оконного стекла. Нижнее из этих жилищ возведено в первой половине XII в., а верхнее — в начале XIII в.

В основании другого комплекса жилищ, также три раза перестраивавшихся в течение XII—XIII вв., лежит наземное жилище первой половины XII в. размером 8.5×8.5 м (12). Сруб жилища был обмазан глиной. По периметру обнаружено более 70 железных гвоздей. В северо-восточном углу расположена глинобитная печь с кирпичным подом. Пол дощатый. В жилище найдены куски оконных стекол — обломки круглых дисков диаметром около 20 см с загнутым бортиком — и многочисленные куски известковой штукатурки с остатками фресковой росписи.[7] Над этим жилищем во второй половине XII в. было выстроено жилище тех же размеров, также с деревянными стенами, обмазанными глиной (10). Сохранились три нижних венца сруба стен. В северо-восточном углу — развал кирпичей от печи. Найдено много осколков оконного стекла и обломков кирпичей. Ф. Д. Гуревич высказала предположение, что жилища 12 и 10 были двухкамерными, однако это далеко не бесспорно.

Среди жилищ окольного города были постройки, имевшие еще большие размеры. Так, например, жилище 18 — 10.0×9.7 м. Наибольшая постройка 16 имела размер 12×10 м. В ней зафиксированы завалы глины вдоль стен (по-видимому, от обмазки), а также остатки деревянного пола и округлая глинобитная печь. В постройке найдены также квадратные керамические плитки с зеленой и желтой поливой. В одной из построек (1) обнаружены остатки двух упавших оконных проемов, имевших полукруглое завершение из кирпичей, сложенных на глине, со стеклами, вставленными в деревянную окончину.

Другие жилища окольного города в большинстве того же типа. Стены их срубные, полы дощатые. Вдоль их стен часто находили значительное количество гвоздей. Оконные стекла (круглые и квадратные) лежали главным образом близ углов домов. Печи большей частью глинобитные, но иногда с каменным сводом. Поды печей чаще кирпичные, чем глиняные. Все дома имели размеры, значительно превышавшие средний размер рядового дома. Судя по этому, а также по богатству инвентаря, это были жилища какой-то привилегированной, зажиточной части населения города.

Хозяйственных построек раскрыто довольно мало; они небольшие, без печей, но с деревянными полами. Места для дворов между жилищами, как правило, нет.

В южной части окольного города было раскопано еще несколько жилищ второй половины XII в. Часть этих домов полностью повторяла по величине и конструкции богатые жилища, раскрытые на более северной территории. Однако здесь же стояли и дома другого типа: срубные, наземные, имевшие площадь не более 30 кв. м. Печи в них глинобитные, кирпич и оконное стекло не применялись.

На детинце Новогрудка раскопками 1959, 1962 и 1969—1971 гг. также были раскрыты жилища XII—XIII вв.[8] Это наземные дома, рубленные «в обло». Они имели дощатые полы. Печи их глинобитные; основание печей часто укреплено большими камнями. Печи стояли на деревянных опечках, от которых сохранились столбы и лежащие горизонтально на ребре тесины. Между жилищами сохранились остатки амбаров и других хозяйственных сооружений.[9]

240. Слуцк. В Слуцке раскопками 1966 г. вскрыты остатки наземных срубных жилищ с дощатыми полами и глинобитными печами.[10] Постройки относятся к XII—XIII вв.

241. Пинск. При раскопках 1963—1964 гг. в Пинске был вскрыт культурный слой XII—XIII вв. с несколькими ярусами жилых и хозяйственных сооружений.[11] Все жилища наземные, срубные, с деревянными полами и глинобитными печами. Дерево, использованное в строительстве, — в основном сосна. Жилища однокамерные, площадью 16—18 кв. м. Обнаружены мостовые древних улиц.

242. Давид-городок. На городище в Давид-городке раскопками 1937—1938 и 1967 гг. раскрыто около 30 жилых и хозяйственных построек.[12] Эти постройки разделяются на строительные горизонты, нижний из которых относится к началу XII в., а верхний — к второй половине XIII—началу XIV в. Все постройки наземные, рубленные «в обло» из сосновых бревен. Реже применялись дубовые или березовые бревна. Пазы и чашки обычно вынимались в нижнем бревне. Под углами срубов иногда делались подкладки из кусков бревен. Жилища однокамерные, в плане близкие к квадрату, со сторонами от 3.5 до 4.5 м, иногда несколько большими. Полы в жилищах дощатые, на лагах. В некоторых постройках параллельно одной из стен на расстоянии 30—40 см от нее были положены жерди, которые П. Ф. Лысенко считает ограждением завалин. Кое-где в углах жилищ сохранились остатки глинобитных печей на глиняной подушке. В нескольких случаях отмечено наличие дверных проемов шириной около 1 м. Двери начинались не с нижнего венца, а несколько

---

[7] Гуревич Ф. Д. Дом боярина . . ., с. 98; Спегальский Ю. И. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 149.

[8] Зильманович И. Д. Раскопки на детинце Новогрудка в 1962 г. — КСИА, вып. 104, 1965, с. 93.

[9] Павлова К. В. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка. — КСИА, вып. 129, 1972, с. 77.

[10] Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Автореф. канд. дисс. Минск, 1971, с. 16.

[11] Равдина Т. В. Раскопки в Пинске. — СА, 1966, № 1, с. 288; Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. Древнейшие города Белоруссии. Минск, 1966, с. 62; Лысенко П. Ф. Археологические исследования раннефеодальных памятников Туровской земли. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 141.

[12] Jakimowicz R. Dawidgródek. Pińsk, 1939, p. 8; Лысенко П. Ф. Археологические исследования раннефеодальных памятников Туровской земли, с. 142; 2) Раскопки городища древнерусского Давидгородка в 1967 г. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 352.

выше. При перестройках домов после их разрушения нижние венцы, как правило, использовали в качестве основания и на них накладывали новые венцы. В некоторых срубах выявлено до четырех этапов перестройки.

Хозяйственные постройки имели такую же конструкцию, как и жилища, но несколько меньшие размеры. Отмечено, что не было построек для содержания скота, а навоз лежал в основном за пределами строений. Между домами сохранились настилы и уличные мостовые.

243. Туров. Раскопками 1961—1963 гг. в детинце древнего Турова было вскрыто более 20 жилых и хозяйственных построек XII—XIII вв.[13] Постройки составляли два строительных горизонта. Все они наземные, рубленные «в обло» из сосновых бревен, хотя в некоторых случаях нижние венцы были дубовыми. Постройки ориентированы углами по странам света и расположены, по-видимому, вдоль улицы. Площадь жилищ от 16 до 20 кв. м. Полы в жилищах дощатые, но были обнаружены также и глиняные полы. Печи в большинстве глинобитные, но в нижнем строительном горизонте найдены печи из плинфы. В одном жилище из плинфы сложено также основание крыльца. В некоторых жилищах нижнего горизонта имеются подпольные ямы и погреба со срубными и дощатыми стенками. Полы погребов выстланы жердями, а в одном случае — берестой.

244. Минск. За несколько лет археологических раскопок в детинце древнего Минска было вскрыто около 130 жилых и хозяйственных построек.[14] Большая часть их относится к XII—XIII вв. Благодаря хорошей сохранности дерева некоторые из этих построек уцелели на высоту нескольких венцов (в одном случае — на 5 венцов).

Все жилища срубные, наземные, однокамерные, хотя возможно, что некоторые из них были избами-пятистенками, т. е. разделенными на 2 помещения. Все срубы рублены «в обло», с чашкой и продольным пазом в нижнем бревне. В щелях кое-где сохранился мох. Часть срубов, видимо, изготовлялась на стороне, так как на бревнах сохранились следы нумерации зарубками. Под углами срубов иногда имеются стулья (закопанные столбы или камни) или бревенчатые подкладки. Иногда снаружи параллельно бревнам сруба на расстоянии около 50 см лежат вторые наружные венцы. Обычно внешние венцы более грубо обработаны, бревна их не окорены, хотя также рублены «в обло». Материал строительства — в основном сосна. Площадь жилищ от 16 до 25 кв. м. Полы дощатые; изредка их лаги лежат на земле, чаще они подняты на уровень между вторым и третьим венцами стен. В переднем от входа углу справа или слева расположена печь, сделанная из глины на каркасе из прутьев или кольев. В основании печи часто лежат крупные камни, а иногда камней много и в кладке самой печи. Печи стоят, как правило, на опечках высотой от 20 до 30 см, огороженных поставленными на ребро досками. Опечки были забиты глиной и мелкими камнями. В плане опечки большей частью квадратные (1.2×1.2 м), а глиняные поды печей — круглые. В свободном, т. е. обращенном внутрь жилища, углу опечка обычно имеется след массивного столба. Там, где печи сохранились на полную высоту, отмечено, что в их своде не было никаких отверстий. В нескольких случаях обнаружен низ дверного проема (как правило, в третьем венце, но иногда выше) с выемкой для двери (четвертью), сделанной с внутренней стороны сруба. Таким образом, двери открывались внутрь помещения. Ширина проема двери от 0.7 до 1.1 м. Найдены также полотнища дверей; высота их от 0.7 до 1.6 м. Отмечено наличие гнезд (подпятников) для дверного шипа. Кое-где открыты лестницы входов (крылечки). От верхних частей домов найдены остатки «самцов» (бревен фронтонов) двускатной крыши, а также «какошины».

Среди хозяйственных построек встречаются здания столбовой конструкции и легкие плетневые.

Целиком раскопаны три усадьбы, границы которых оконтурены следами частокола. Площадь усадеб 220—250 кв. м. На одной из них найдены две жилые и 4—5 хозяйственных построек. Входили в жилые постройки, как правило, со стороны двора.

На детинце Минска выявлена система уличной планировки. Ширина настила главной улицы 4 м, остальных 3—3.5 м.

245. Старый Борисов. При раскопках Старого Борисова (древний город Борисов) обнаружены остатки наземной постройки столбовой конструкции и хозяйственные ямы.[15] Назначение постройки неясно. Время возведения сооружений — начало XIII в.

В 1971 г. на городище раскопана полуземлянка XIII в.[16] Ее размер 2.2×2.2 м, глубина в материке 80 см. Судя по набору вещей, найденных в этой полуземлянке, Г. В. Штыхов высказал предположение, что здесь жил выходец с Киевщины, переселившийся на север после разгрома Киева монголами.

246. Друцк. В древнем Друцке в слое XII—XIII вв. раскопками были раскрыты остатки наземных срубных домов.[17] Площадь жилищ большей частью около 16 кв. м, пол дощатый, на лагах. В углах жилищ стояли печи, сложенные из камней на глине.

Дома группировались в усадьбы; на каждой усадьбе обычно стояли один жилой дом и 1—2 хозяйственные постройки. Между постройками —

---

[13] Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова. — КСИА, вып. 96, 1963, с. 44; Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. Древнейшие города Белоруссии, с. 55; Лысенко П. Ф. Археологические исследования раннефеодальных памятников Туровской земли, с. 139.

[14] Тарасенко В. Р. Древний Минск. — В кн.: Матер. по археол. БССР. Т. I. Минск, 1957, с. 214; Загорульский Э. М. 1) Древний Минск. Минск, 1963, с. 34; 2) Археология Белоруссии. Минск, 1965, с. 185.

[15] Штыхов Г. В. Исследования в Северной Белоруссии. — АО 1969 г., 1970, с. 309.

[16] Штыхов Г. В. Раскопки в Северной Белоруссии. — АО 1971 г., 1972, с. 403.

[17] Алексеев Л. В. 1) Полоцкая земля. М., 1966, с. 154; 2) Работы в древнерусском Друцке и его округе. — АО 1967 г., 1968, с. 256.

небольшие дворы, мощенные бревнами. Отмечено наличие бревенчатых настилов уличных мостовых.

247. Коростень. На городище II у с. Коростень обнаружена полуземлянка с богатым инвентарем X—XII вв.[18] Размер ее 5.5×5.0 м. В центре — остатки печи или очага («огнище»). В тыльной части вала этого же городища была раскопана деревянная клеть, рубленная «в обло» и использованная в качестве жилища.[19] Выяснилось, что вдоль вала подобные жилые клети чередовались с клетями, забитыми камнем и песком.

248. Любеч. На детинце древнего Любеча был раскопан сложный комплекс жилищ, в основном относящихся к XII в.[20] Все жилища полуземляночного типа, размером от 3.0×3.0 до 4.0××4.0 м, заглубленные в материк на 30—60 см. В некоторых жилищах в углах и у середины стен отмечены столбовые ямы. В одном из жилищ выявлен вход, огражденный столбиками. Печь в этом жилище стояла налево от входа в дальнем углу.

В некоторых жилищах, по-видимому объединенных в один богатый комплекс, автор раскопок отметил наличие рухнувших потолочных засыпок, свидетельствующих о наличии нескольких этажей.[21] Судя по реконструкции Б. А. Рыбакова, раскопанные на детинце Любеча жилища представляли собой составные части сложного комплекса княжеского двора.

249. Рогощe. На городище Рогощe раскопками 1949 г. обнаружено полуземляночное помещение, почти круглое в плане (диаметром около 3 м) и углубленное на 1.1 м.[22] Возможно, что это подполье наземного жилища. В помещении найдены разбитые под и куски глиняного свода печи. Находки относятся к XII—XIII вв.

250. Старые Боровичи. Во время разведки по р. Снов, проведенной в 1970 г., близ с. Старые Боровичи в обрезе берега обнаружено полуземляночное жилище глубиной около 1 м. В нем найдены куски печины и керамика XII—XIII вв.[23]

251. Трубчевск. На городище в г. Трубчевске в 1971 г. были раскопаны остатки наземного жилища XII—XIII вв.[24] От срубных стен жилища сохранилась лишь труха, которая позволила проследить полностью лишь одну северную стену, имевшую длину 4.4 м. Несколько лучше сохранился северо-западный угол, рубленный «в обло» из дубовых бревен. Здесь удалось выявить остатки трех венцов. Рядом отмечены следы наружного венца, отстоящего от основного на 30 см. Судя по выявленной древесной трухе, пол жилища был дощатым. Южная половина жилища и его печь не сохранились. Поверх остатков жилища и несколько севернее его лежала прослойка глины, быть может представляющая собой остатки глиняной подмазки кровли. В северо-западном углу жилища имелась округлая хозяйственная яма диаметром 0.8—1.0 м. Под северо-восточным углом обнаружено скопление щепы, по-видимому перемешанной с навозом. Ниже этого жилища расчищены следы второго, также наземного жилища, от которого сохранились лишь куски сгнившего деревянного пола, а также остатки большой круглой глинобитной печи (диаметром около 1.5 м).

По-видимому, наряду с наземными жилищами в Трубчевске существовали и жилища полуземляночного типа. Одно такое жилище XII в. было отмечено В. А. Падиным при зачистке стенок траншей военного времени.[25] Пол этого жилища был обмазан глиной.

252. Вщиж. Раскопками, проведенными во Вщиже в 1940 г., а затем в 1948—1949 гг., обнаружено значительное количество жилых построек.[26]

В нижнем слое, относящемся к XI и в основном к первой половине XII в., жилища были наземными, срубными, по-видимому большей частью двухкамерными. Под углами срубов в землю были закопаны столбы — стулья. Крыша жилищ была подсыпана толстым слоем земли. В жилищах имелись глинобитные печи на срубных опечках. По предположению автора раскопок, печи стояли большей частью посреди жилища.

В верхней части культурного слоя, датируемого второй половиной XII—первой половиной XIII в., жилища были также наземными, срубными, но меньшими по величине, однокамерными. Стояли эти дома почти вплотную один к другому. Там же обнаружен большой дом с богатым инвентарем. Дом этот, по-видимому, состоял из нескольких помещений и, очень вероятно, был двухэтажным. Судя по находке медных листов, средняя часть этого дома имела медную кровлю. Печь в богатом доме была сделана из глины с включением плинфы.

В некоторых жилищах были найдены специально формованные треугольные и прямоугольные плоские кирпичи. Развал этих кирпичей, сложенных на глиняном растворе, образовывал широкие полосы до 7 м длиной. По предположению автора раскопок, это остатки кирпичных дымоходов.

253. Осовик. В 1969 г. были проведены раскопки на городище у с. Осовик. Хронологические рамки этого поселения — от первой половины XII до второй половины XIII в.[27]

---

[18] Дослідження Коростенського городища. — В кн.: Наукові зап. Інст. іст. матер. культ. Кн. 3—4. Київ, 1935, с. 103.

[19] Самойловський І. М. Стародавній Коростень. — В кн.: Археологія. Т. XXIII. Київ, 1970, с. 196.

[20] Гончаров В. К. Розкопки древнього Любеча. — АП, III, 1952, с. 234; Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 г. — КСИИМК, вып. 79, 1960, с. 31.

[21] Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — КСИА, вып. 99, 1964, с. 21.

[22] Бліфельд Д. І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. — АП, V, 1955, с. 16.

[23] Сведения Е. А. Горюнова.

[24] Раппопорт П. А. Трубчевск. — СА, 1973, № 4, с. 207. — Раскопки жилища проводились под руководством Е. В. Шолоховой.

[25] Падин В. А. Памятные места Трубчевского района. Брянск, 1968, с. 15. Также сведения, сообщенные В. А. Падиным.

[26] Рыбаков Б. А. 1) Жернова Вщижского городища. — КСИИМК, вып. XI, 1945, с. 15; 2) Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. — КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, с. 34; 3) Вщиж — удельный город XII века. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 58; 4) Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с 118.

[27] Павлова К. В., Раппопорт П. А. Осовик. — СА, 1973, № 1, с. 200.

В раскопе на окольном городе обнаружены три горизонта строительных остатков. В верхнем раскрыта одна жилая постройка (1) и одна хозяйственная (2). В среднем горизонте вскрыты две жилые постройки (8 и 9) и две хозяйственные (11 и 12), а также частично раскопана третья жилая постройка (10). Постройки нижнего горизонта (13 и 14) также, по-видимому, были жилыми, хотя изучены они очень слабо из-за крайне плохой сохранности.

Все постройки ориентированы углами по странам света, что соответствует направлению оборонительного вала, неподалеку от которого они расположены. Все жилища наземные, срубные, квадратные в плане, со сторонами от 3.5 до 3.9 м. Стены были рублены из сосновых бревен диаметром около 17 см; углы соединены «в обло». Пол в жилищах был настлан из досок шириной 23—34 см и толщиной около 3—5 см. Кое-где под досками пола обнаружены поперечные доски — лаги. Пол настлан не непосредственно по земле, а поверх тонкого слоя глиняной подмазки.

В жилищах 8 и 9 печи находились у середины северо-восточной стены, а в жилище 1 также у северо-восточной стены, но поближе к северному углу. Печи глиняные, круглые, с подом, расположенным на уровне пола и имеющим диаметр около 60 см. В жилище 1 печь была несколько раз перестроена, причем под ее при этом поднимался. После третьей реконструкции под был поднят на 28 см от первоначального уровня, а вокруг печи построен восьмиугольный в плане деревянный (видимо, срубный) опечек, забитый внутри глиной и печиной, а снаружи обмазанный глиной. В плане наибольший размер площадки, ограниченной бревнами опечка, — 2.1 м. Сами бревна опечка имели в толщину около 10 см. Несколько ниже пода в забивке опечка была сделана вымостка из мелких камней. Печь, поставленная на опечке, имела под диаметром 80 см и явно выраженное устье. Стенки печи глиняные, толщиной около 24 см, без следов деревянного каркаса.

На детинце городища Осовик также обнаружено жилище. Стены его не удалось проследить. Круглая глиняная печь имела несколько больший размер, чем печи в окольном городе; диаметр ее пода 1.5 м. Печь имела явно выраженное устье. Толщина стенок печи — около 22 см. В печи на детинце в качестве ограничителей пода и основы стенок были использованы куски жернова, а в печи жилища 1 на окольном городе для той же цели использованы плоские камни.

Удалось отметить, что при обрушении жилищ их развал был прикрыт тонким слоем глины, упавшей сверху. Очевидно, это следы глиняной обмазки кровли.

Хозяйственные постройки имели конструкцию, близкую к жилищной, но без деревянного пола. Постройка 2 (размер 2.6×2.4 м) была без печи и слоя глины поверх кровли; слой глины в ее основании имел очень четкие очертания и представлял собой довольно толстую подушку (толщина около 12 см). Постройка 12 имела ширину 2.3 м и длину несколько больше 3 м. В ее восточном углу была расположена печь, имевшая под диаметром до 50 см. Пол этой постройки оказался засыпанным слоем зерна, что вместе с небольшими размерами помещения безусловно определяет ее хозяйственное назначение.

Положение входов в постройки не определено.

254. Рославль. На детинце древнего Рославля в слое XII—XIII вв. обнаружены остатки наземного срубного жилища с глинобитной печью.[28] Рядом отмечено наличие хозяйственных построек и замощения двора.

255. Мстиславль. Раскопками, которые проводились в 1959 г. на детинце древнего Мстиславля, вскрыты наземные срубные дома XIII в.[29] На некоторых замечены метки, свидетельствующие, что срубы рубили где-то на стороне, а затем перевозили в разобранном виде.

256. Дросенское. На селище у с. Дросенского обнаружены три наземные жилые постройки.[30] Сохранились ямы от стульев, подпольные ямы и остатки глинобитных печей. По-видимому, все постройки были срубными. Одно из жилищ имело размер 4.6×3.4 м, другое несколько больший — 6×5 м; у последнего стулья находились не только в углах, но и у середины стен. Не исключено, что это была пятистенка.

Печи найдены в развалившемся виде; очевидно, они были приподняты на деревянных опечках.

Жилища относятся к XI—XIII вв.

257. Яново. На селище у пос. Яново вскрыты наземные жилища, относящиеся в основном к XII—XIII вв.[31] Некоторые жилища перекрывают одно другое. В нижнем слое обнаружены 4 постройки. От них сохранились столбовые ямы в углах — от стульев. Отмечены также подпольные ямы глубиной до 1.5 м, со сторонами около 4 м. Печи жилищ — глинобитные, найдены большей частью упавшими в подпольные ямы.

Одна из построек, видимо хозяйственного назначения, имела больший размер, чем остальные, — 12×5 м и, возможно, была столбовой.

258. Церковище. На городище Церковище, представляющем собой остатки городка Воищина, раскопками 1955—1958 гг. вскрыто 10 наземных жилищ.[32] От них сохранились лишь темные пятна, отмечающие площадь, небольшие остатки сгоревших бревен стен (диаметром 15—25 см) и столбовые ямы в углах — от стульев. Жилища прямоугольные; наименьший их размер 3.8×3.2, 4.2×2.6 м, наибольший 6.0×5.4, 5.5×4.2 м. Судя по наличию кусочков глиняной обмазки, бревенчатые стены жилищ, по-видимому, подмазывались глиной. В углах жилищ находятся развалы печей. Печи круглые или овальные, диаметром несколько более 1 м. В большинстве случаев печи были глинобитными, но часто с вклю-

---

[28] Алексеев Л. В. Раскопки в Мстиславле, Рославле и в окрестностях Друцка. — АО 1969 г., 1970, с. 307.

[29] Аляксееў Л. В. Старажытны Мсціслаў. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1971, № 1, с. 27.

[30] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, с. 127.

[31] Там же, с. 136.

[32] Там же, с. 63.

чением камней, иногда в довольно значительном количестве. Возможно, что некоторые печи были сложены из камней насухо, так как в развалах этих печей не было найдено глины.

В трех жилищах по их взаимному расположению можно более или менее определенно установить направление входа. Видимо, в этих жилищах печи стояли справа или слева от входа в переднем от него углу.

Одно из жилищ (9), стоявшее несколько особняком, имело размер 6.5×5.0 м и, судя по наличию двух промежуточных ям от стульев, возможно, было пятистенным. Если места промежуточных ям действительно соответствуют положению внутренней стены, то жилище было разделено на две неравные части, причем печь находилась в большем помещении.

Все раскопанные жилища относятся к XII—XIII вв., по-видимому даже в большей степени к XIII в.

259. Смоленск. Систематические раскопки в Смоленске проводятся начиная с 1951 г.[33] За это время вскрыто большое количество жилых и хозяйственных сооружений. Значительная их часть относится к XII—XIII вв. Отмечено наличие мощеных улиц и дворов. Рядом с жилищами сохранились остатки сараев, хлевов, кладовых.

Все дома наземного типа, срубные. Под нижними венцами срубов иногда имеются подкладки. Полы дощатые. Некоторые дома разделены легкими переборками на 2—3 помещения. В углу дома обычно стояла глинобитная печь.

260. Бородинское городище. На Бородинском городище, относящемся к XII—XIII вв., раскопками 1958—1959 гг. были вскрыты остатки наземных деревянных домов.[34] Прослежены пятна этих жилищ, лишь очень приблизительно определяющие их размер и форму. Никаких ям от стульев не отмечено.

В жилищах стояли глинобитные печи. В нескольких случаях поды этих печей располагались на грунте, но большей частью они имели какое-то основание, т. е., видимо, были приподняты на деревянных опечках. На площади жилищ отмечены ямы, очевидно подпольные, глубиной от 50 см до 1.3 м. Следов деревянных стенок ям не сохранилось, но в песчаном грунте такие ямы не могли существовать без обшивки их стенок. Печи, как правило, располагались рядом с этими ямами, а иногда даже стояли над ними.

Одно жилище в средней части поселения выделялось среди прочих. Оно несколько больше по площади (около 17 кв. м) и представлено двумя подпольными ямами, примыкающими друг к другу. По углам одной из этих ям сохранились столбовые ямы, вероятно от стульев.

261. Лебедка. На селище у дер. Лебедки раскопками 1952—1953 гг. выявлены следы нескольких наземных жилищ XII—XIII вв.[35] От них остались глинобитные печи, глиняные прослойки (толщиной до 30 см), скопления угля и золы, обуглившиеся бревна.

262. Гать. На городище близ дер. Гать в 1938 г. было раскопано жилище, относящееся, судя по находкам, к XII—XIII вв.[36] Жилище представляло собой деревянный наземный дом, от которого сохранилось основание стен в виде каменной выкладки. Выкладка эта состоит из известняковых плит неправильной формы, уложенных на глине, и проходит по периметру здания полосой, имеющей ширину около 1 м. Размер жилища 3.35×3.35 м; оно ориентировано сторонами по странам света. С южной стороны обнаружен порог входа — каменные плиты, уложенные на глине. Ширина проема 75 см. Внутри помещения пол покрыт слоем мелкой гальки с глиной; толщина слоя 20 см. В глубине помещения (в левом заднем от входа углу, устьем в сторону входа) стояла овальная в плане печь. Свод ее был сделан из глины, а под — из камней (валуны и известняковые плиты на глине). Размер печи 2.0×1.25 м. Перед печью находится предпечная яма. С юга перед входом имеются следы вилотную примыкавшего второго помещения. По ширине оно было равно основной камере, а в глубину достигало 2.15 м. Далее к югу расположено каменное основание еще одного помещения, площадью 3.2×3.0 м. Н. П. Милонов полагал, что все три камеры представляют собой остатки одного трехчастного дома. Более вероятно, что южное помещение не входило в состав этого комплекса, а было самостоятельной постройкой, быть может даже не вполне одновременной расположенному севернее зданию. Южное помещение имело в юго-западном углу остатки печи (уголь, обожженные камни и глина); там же найдены крицы и шлаки.

263. Слободка. На городище у дер. Слободки, возможно представляющем собой остатки древнего города Домагощ, раскопки выявили значительное количество жилищ, относящихся ко времени от второй половины XII в. до середины XIII в.[37] Жилища эти трех различных типов.

Первый тип — наземные срубные избы. Они имели размер около 4×4 м. Печи глинобитные, полы дощатые, на лагах.

Второй тип жилищ — полуземлянки. Они имели примерно такие же размеры, как наземные жилища, иногда несколько меньшие. Стены были облицованы плахами, полы дощатые.

Наконец, третий тип — срубные жилища, представляющие собой внутренний ряд клетей оборонительного вала. Ширина полосы этих клетей 4 м, длина отдельных камер 2—3 м. Печи глинобитные, большей частью на деревянных опечках. Сохранились куски толстой глиняной обмазки — по-видимому, промазка бревенчатых стен. Полы

---

[33] Материалы не опубликованы. Краткие сведения см.: Авдусин Д. А. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, с. 42.

[34] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. . ., с. 95.

[35] Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 177, 196.

[36] Милонов Н. П. Отчет о раскопках 1938 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, № 78, 1938, л. 2.

[37] Никольская Т. Н. 1) Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961). — КСИА, вып. 96, 1963, с. 26; 2) К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 187.

деревянные. Поверх крыши, возможно, имелась значительная земляная засыпка — тыльная часть насыпи вала.

В юго-западной части городища были раскопаны остатки богатого жилища, от которого сохранились только развал глины, печь, много обмазки и горелого дерева. Здесь же выявлена подпольная яма глубиной до 2 м. Общая площадь этого жилища 80 кв. м; контуры его не определены.

264. Серенск. На детинце древнего Серенска в слое XII—XIII вв. отмечено наличие наземных домов срубного типа.[38] Под углами домов имелись глубоко закопанные стулья.

В одном из жилищ (12) найдены остатки каменно-глинобитной печи и сгоревшие доски пола. Одна из сторон этого дома имела размер 5.5 м, другая не определена. В юго-западной части детинца стояла большая наземная постройка. Судя по развалу камней, Т. Н. Никольская полагает, что постройка эта имела размер 11.6×6.4 м и могла быть жилищем феодала.

Кроме наземных домов, на детинце Серенска выявлены также и углубленные в землю постройки. Одна из них (13) — жилище, имевшее размер 4×3 м при глубине около 80 см. Почти в самом центре жилища стояла глиняная печь. Постройка эта, вероятно, была одновременно и мастерской по обработке цветных металлов.

265. Спас-на-Оке. На городище у с. Спас-на-Оке раскопками 1936 г. обнаружено полуземляночное жилище.[39] Котлован его имел размер 3.3×3.1 м при глубине до 1.5 м. В котлован был запущен сруб из бревен толщиной 10—15 см. Размер сруба 3×3 м. Пространство между стенками котлована и бревнами было забито глиной. Этот слой глины сохранил отпечатки сгнивших бревен сруба. В одном из углов замечен отпечаток рубки «в обло». На полу жилища были разбросаны камни и куски глиняной обмазки от разрушенной печи.

Несколько позже на месте этого жилища было построено новое, тоже полуземляночное, полностью сохранившее ориентацию первого жилища. Оно несколько больше первого (3.6×3.4 м), но менее заглубленное (0.7 м). Стены жилища также были срубными. Обугливщиеся бревна (из дерева какой-то лиственной породы) имели толщину 15—20 см. Размер сруба 3.55×3.0 м. Тремя стенами сруб вплотную примыкал к земляным стенкам, а с четвертой стороны между ними была щель, забитая землей. Жилище имело дощатый пол, настланный вдоль более длинных стен. Доски этого пола частично сохранились. У середины одной из более коротких стен на глиняной платформе (высотой 20—30 см, размером 1.3×1.1 м) стояла печь, сложенная из камней и глины. В развале печи найдены куски глиняной обмазки с отпечатками каркаса из прутьев. Судя по направлению досок пола, вход должен был быть в стене, противоположной печи.

В слое засыпки жилища, примерно на 20 см выше его пола, отмечены остатки досок или плах, лежавших параллельно доскам пола. По-видимому, это следы рухнувшей кровли. В этом же слое много глины, вероятно также упавшей вместе с крышей.

266. Николо-Ленивец. На городище у дер. Николо-Ленивец отмечены следы построек XII—XIII вв.[40] Обнаружены подполье наземного дома и хозяйственные ямы.

267. Тушков городок. На территории Тушкова городка было раскопано несколько жилых построек разного времени.[41] Два жилища относятся к XII—XIII вв. Оба они наземные, рубленные «в обло» из бревен диаметром от 15 до 25 см. Размер сруба одного жилища 3×2 м, а второй был несколько больше, поскольку сохранившаяся его стена равна 4.2 м. Жилища стояли на склоне, поэтому один их угол был несколько врыт в землю, а под противоположный угол подложены камни. Полы дощатые (ширина досок до 20 см при толщине 6—8 см). В углах жилищ сохранились камни, уголь и зола от разрушенных печей.

268. Беницы. На поселении у с. Беницы раскопками 1960—1962 гг. было вскрыто несколько жилищ, из которых 6 относятся к XII в.[42]

Все жилища срубные, наземные, однокамерные. Углы их срубов опирались на стулья — закопанные в землю столбы, укрепленные камнями (диаметр ям от этих столбов 80—90 см, глубина до 1 м). Там, где удалось определить хотя бы приблизительно контуры жилищ, стороны их были около 5 м. Печи сложены из камней и глины. В развалах печей были найдены также куски глиняного свода. В большинстве случаев печи стояли на столбах (2—3 столба) над небольшими подпечными ямами.

269. Звенигород. В 1944 г. в Звенигороде (под Москвой) раскопками было вскрыто наземное жилище XII в.[43] Оно имело размер 4.3×3.2 м и было рублено «в обло» из сосновых бревен. В северном углу сохранился развал глинобитной печи, у внешнего угла которой (т. е. у угла, обращенного к середине жилища) находилась столбовая яма. Вдоль юго-западной стены параллельно бревну сруба снаружи лежало второе бревно, упиравшееся концами в два вертикальных столба.

270. Москва. Раскопками, проведенными в Кремле и в Зарядье в 1946—1960 и 1963—1965 гг.,

---

[38] Никольская Т. Н. 1) Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников. — КСИА, вып. 125, 1971, с. 74; 2) Работы на Верхней Оке. — АО 1971 г., 1972, с. 104.

[39] Третьяков П. Н. 1) Калужская экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры 1936 г. — СА, IV, 1937, с 239; 2) Отчет о раскопках 1936 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, № 277, 1936, л. 9; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, с. 47.

[40] Никольская Т. Н. Городище у дер. Николо-Ленивец. — СА, 1962, № 1, с. 239, прим. 28.

[41] Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. — СА, XXIX—XXX, 1959, с. 268.

[42] Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы. — В кн.: Ежегодник ГИМ за 1962 год. М., 1964, с. 218. — Автор раскопок датирует эти жилища XI—XII вв., однако весь обнаруженный материал свидетельствует, что жилища относятся к XII в.

[43] Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). — МИА, № 12, 1949, с. 132.

вскрыто значительное количество остатков хозяйственных и жилых комплексов.[44]

Самые древние комплексы относятся к концу XI в. В низменной части посада, близ реки, была раскрыта усадьба этого времени. Наземный срубный дом усадьбы был полностью разрушен.

Значительная часть жилищ относится к XII—XIII вв. Все они наземные, срубные. Применялись два типа жилищ: чаще — наземная изба, реже — дом на срубном подклете, частично углубленном в землю. В строительстве жилищ использовались в основном сосна и ель, изредка дуб; в строительстве хозяйственных построек — обычно дуб. Полы в жилищах дощатые, печи — глинобитные, на столбовых опечках, иногда стоящие над ямой. По-видимому, для постройки печей использовали также сырцовые или слабо обожженные кирпичи. В тех случаях, когда определено место входа, печь обычно стояла рядом с ним.

Размеры жилищ большей частью установлены лишь частично или приблизительно, но длина большинства срубных стен около 3—4 м. Впрочем, были жилые постройки и со сторонами 2.6 м. С другой стороны, среди жилищ, раскопанных в Кремле, некоторые имели стены длиной 6—7 м. Все жилища однокамерные, но в одном случае удалось обнаружить, что снаружи к срубу примыкала пристройка, выполненная из тонких, вертикально поставленных бревен. Отмечено, что при рубке чашка выбиралась в верхней части бревна. Щели между бревнами проконопачивались мхом. Толщина бревен, использовавшихся для срубов, различная — от 15 до 40 см. Найдено дверное полотнище, выполненное из плах, соединенных шпонками. Ширина двери 1.27 м, высота 1.62 м.

В слое XIII в. была найдена также одна полуземлянка размером 2.6×2.0 м, глубиной 70 см. Печи в ней не было, назначение ее неясно.

271. Городок. На городище Городок на р. Моче (древний Перемышль-Московский) были раскопаны квадратные в плане полуземляночные жилища XII—XIII вв.[45] Глубина их до 1.1—1.3 м. Печи глинобитные, с толстыми стенками, высотой около 60 см.

272. Битяговка. Близ с. Битяговки на селище, датируемом XII—XIII вв., в 1968 г. вскрыто несколько полуземляночных жилищ с печами-каменками.[46]

273. Тешилово. В 1925 г. были проведены раскопки на городище близ с. Тешилово.[47] Культурный слой городища относится к XII—XIII вв. По стратиграфическим разрезам видно, что раскопками были вскрыты плохо сохранившиеся остатки наземных бревенчатых домов.

274. Федоровское селище. В 1936 г. во время обследования Федоровского селища, относящегося к XII—XIII вв., в обрезе берега была зачищена полуземлянка.[48] Глубина ее около 1 м от поверхности материка, сторона равна 4.8 м. Близ угла найдены остатки глинобитной печи.

275. Коломна. В 1935—1936 гг. были произведены раскопки в Кремле г. Коломны.[49] Обнаружено 5 жилищ, относящихся к XII—XIII вв. Все жилища наземные, рубленные «в обло», с деревянными полами. Размер жилищ от 4.5×4.5 до 6×6 м. В некоторых из них были подпольные ямы. Глинобитные печи стояли на уровне пола.

276. Ростиславль. В 1937 г. при археологической разведке на городище Ростиславль были вскрыты остатки сруба наземного жилища XII в.[50] Размер жилища 7×7 м. Вход — с юга. В северо-восточном углу пятно обожженной глины отмечало место печи. В средней части жилища имелось подполье размером 3.5×2.0 м, перекрытое сверху деревянным полом жилища.

277. Жокино. На городище у с. Жокино в 1953 г. было раскопано одно наземное жилище XII—XIII вв. с глиняной печью и предпечной ямой (размером 1×1 м).[51] Найдено много кусков глины с отпечатками бревен и следами побелки. В жилище обнаружена овальная подпольная яма размером 4.0×2.9 м, глубиной до 1.2 м. Рядом с жилищем сохранились следы столбов хозяйственной постройки, в которой хранилось зерно. Постройка эта имела печь из крупных камней, сложенных на глиняном растворе.

278. Лубянское городище. Раскопками 1953 г. на Лубянском городище было вскрыто несколько наземных жилищ XII—XIII вв.[52] Постройки плохо сохранились и прослеживаются в основном по остаткам печей и подпольным ямам. Печи расположены на уровне пола. Они глинобитные, со следами деревянного каркаса; толщина их стенок до 23 см.

279. Ижеславльское городище. На Ижеславльском городище в 1953 г. были раскопаны остатки нескольких наземных жилищ XII—XIII вв.[53] Постройки бревенчатые, с глинобитными печами и подпольными ямами. В глине печей видны отпечатки деревянного каркаса и соломы. Размер печей приблизительно 1.5×1.0 м. В одном случае печь была поставлена на краю предпечной ямы и опиралась на два столба, стоявших в яме. Подпольные ямы различны по величине: от 1×1 до 3.0×2.4 м, глубина их до 1.7 м. Полы жилищ

---

[44] Рабинович М. Г. 1) О древней Москве. М., 1964, с. 194—241; 2) Культурный слой центральных районов Москвы. — В кн.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 11—87; Шелянина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. — Там же, с. 131—141.

[45] Рабинович М. Г. Древний ландшафт и жилище. — СЭ, 1969, № 2, с. 19.

[46] Беленькая Л. А., Дубынин А. Ф., Смирнов К. А., Юшко А. А. Московская экспедиция. — АО 1968 г., 1969, с. 37.

[47] Арциховский А. В. Отчет о раскопках 1925 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, № 199, 1925, л. 28.

[48] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., с. 66.

[49] Милонов Н. П. 1) Историко-археологический очерк г. Коломны. — В кн.: Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948, с. 82; 2) Отчет о раскопках в Коломне. — Архив ЛОИА, ф. 2, № 219, 1937, л. 24.

[50] Милонов Н. П. Отчет о раскопках 1937 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, № 219, 1937, л. 4.

[51] Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 226.

[52] Там же, с. 218.

[53] Там же, с. 223.

глиняные, но в одном жилище по отпечаткам досок удалось установить, что поверх глины был уложен деревянный пол.

280. Лихаревское городище. В 1924—1925 гг. Н. П. Милонов произвел раскопки на Лихаревском городище.[54] Он вскрыл полуземляночное жилище размером 4.2×4.2 м. Стенки полуземлянки были облицованы плахами. Печь глинобитная, с предпечной ямой. Н. П. Милонов датировал жилище XII—XIII вв.

281. Пронск. На территории Пронского городища в 1927—1930 гг. раскопками были вскрыты остатки семи жилищ.[55] Об устройстве этих жилищ были получены очень ценные сведения. К сожалению, документация раскопок настолько неполная, что в настоящее время трудно отделить полученные в итоге раскопок фактические данные от их интерпретации, предложенной Н. П. Милоновым.[56] Тем не менее можно установить, что все жилища были наземными и относились к XII—XIII вв.

Жилища имели приблизительно квадратную форму, размеры сторон от 3.5 до 5.5 м. Стены были бревенчатыми, рубленными «в обло». Под углами срубов найдены стулья в виде закопанных столбов, а иногда камней. Пол жилищ образовывала глиняная подушка толщиной до 10—14 см. Жилища сгорели, и на глине лежал слой золы, который Н. П. Милонов считал следами соломенной крыши. Более вероятно, что это остатки деревянного пола.

Печи в жилищах были глинобитными, но в нескольких случаях они оказались сложенными из кирпичей. Расположены печи на глиняных площадках, приподнятых над полом приблизительно на 15 см. Таким образом, если в жилищах имелись деревянные полы на лагах, то печи, очевидно, стояли на уровне пола. Поды печей были несколько углубленными и выстланными камнями.

Входы в жилища вели с юга и были отмечены столбиками по сторонам порога. Перед входом в одном случае удалось выявить пристройку столбовой конструкции. Столбы были обмазаны глиной. Эта пристройка была несколько уже, чем основное помещение избы, а в глубину имела около 1.5 м. Печь в столбовой пристройке стояла в переднем от входа углу и была обращена устьем к входу. В глубине помещения находилась подпольная яма. Подобные ямы имелись и в других жилищах. Ямы перекрывались деревом — плахами, уложенными горбылями кверху и опиравшимися на столбики, расположенные на краях ям.

Поверх остатков жилищ отмечен слой глины, очевидно рухнувший вместе с кровлей. Было найдено довольно значительное количество кусочков слюды, быть может от окон.

Жилища были расположены двумя параллельными рядами, что, видимо, связано с наличием улицы.

В 1970 г. в Пронске был раскопан жилой комплекс XII—XIII вв.[57] Сгоревший жилой дом был наземного типа, с дощатым полом. Отмечены остатки соломенной кровли.

282. Рязань. Раскопками 1956 г. в Рязани (древний Переяславль-Рязанский) было обнаружено несколько строительных ярусов жилых и хозяйственных построек.[58] В нижнем слое, датируемом XII—XIII вв., отмечен один большой сруб, погибший в пожаре. Рядом — небольшой погреб, облицованный досками, и частокол. В вышележащем слое, относящемся ко второй половине XIII—первой половине XIV в., также раскопан один большой сруб и рядом с ним остатки мостовой. К тому же времени относится постройка, вскрытая на другом раскопе.

Срубы были изготовлены в основном из стволов хвойных деревьев, но частично, в особенности в хозяйственных постройках, применялся также дуб. Вокруг двух срубов отмечено наличие второго, наружного венца. Полы в жилищах дощатые, на лагах из бревен. В некоторых постройках полы глиняные. Кое-где под углами и под серединами сторон срубов имеются ямы от бревенчатых стульев, зарытых на глубину 50—75 см. На бревнах есть метки, свидетельствующие об изготовлении срубов на стороне. Все здания рубились «в обло». Отмечено, что чашка при рубке вынималась в нижнем бревне. Есть следы проконопачивания щелей между бревнами мхом. Печи были, по-видимому, глиняными.

283. Казарь. На городище Казарь в 1955 г. были раскопаны остатки двух наземных жилищ XII—XIII вв.[59] В первом жилище имелась подпольная яма размером 1.6×1.4 м и глубиной до 1.1 м. Точные контуры самого жилища установить не удалось. Найден развал глинобитной печи с куполовидным сводом. В обломках свода видны следы деревянного каркаса. Второе жилище также сохранилось очень плохо. Однако удалось все же установить, что это была бревенчатая постройка с деревянным полом и угловыми столбовыми ямами от стульев. Жилище это имело также подполье, но менее глубокое (до 50 см). У середины южной стены жилища сохранились остатки глинобитной печи.

На селище, примыкающем к городищу, в обнажении берега расчищены угол бревенчатого сруба, рубленного «в обло», а также остатки глинобитной печи со следами деревянного каркаса. Судя по керамике, жилище это относится к XIII—XIV вв.

284. Никитино. На городище у дер. Никитино, представляющем собой остатки древнего Нового Ольгова городка, в 1970 г. были проведены разведочные раскопки.[60] Культурный слой городища целиком относится к XII—XIII вв. и пропа-

---

[54] Милонов Н. П. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии. Рязань, 1928, с. 6; Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 228.

[55] Милонов Н. П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931, с. 5; Мансуров А. А. Археологическая карта реки Прони. — СА, IV, 1937, с. 219.

[56] Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 208.

[57] Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. Ф. Раскопки в долине р. Прони. — АО 1970 г., 1971, с. 89.

[58] Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 179.

[59] Там же, с. 201.

[60] Даркевич В. П., Кравченко Т. А., Монгайт А. Л., Раппопорт П. А. Раскопки на городище Старая Рязань. — АО 1970 г., 1971, с. 85. — В старой литературе это городище упоминалось как «городище у Климентовского погоста».

хан на всю глубину. По основанию печи и распространению находок удалось установить, что здесь существовали деревянные наземные жилища.

285. Старая Рязань. Жилища, раскопанные в большом количестве на старорязанском городище, относятся в основном к XII—XIII вв.[61] Несмотря

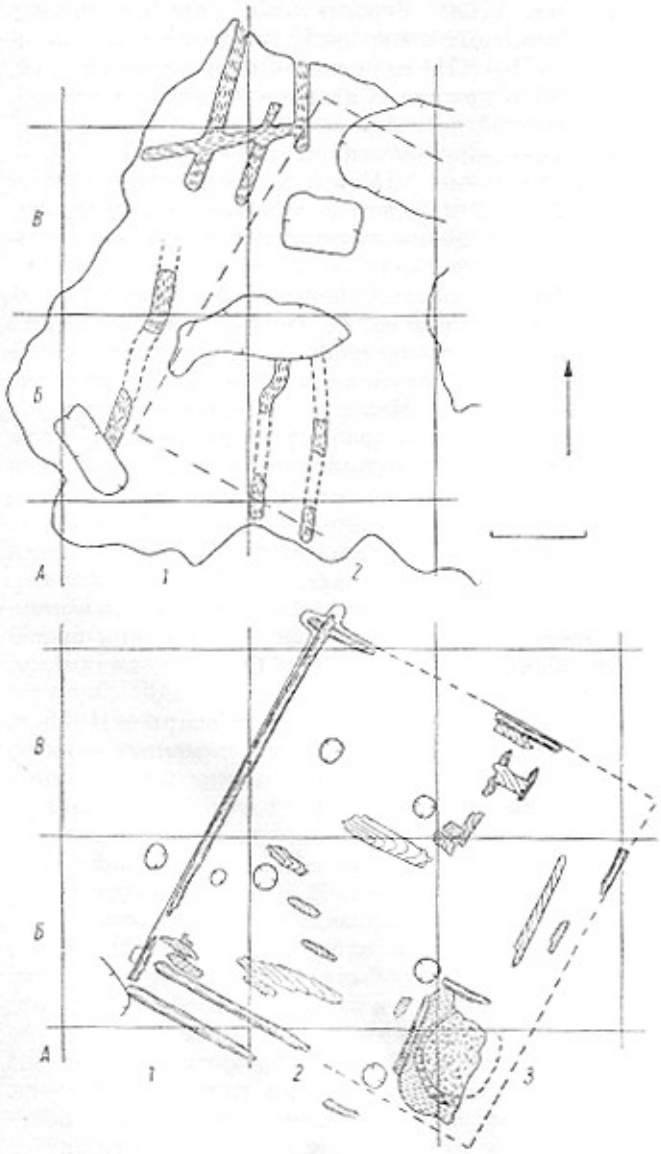


Рис. 25. Старая Рязань. (Отряд по изучению жилищ 1970 г. П. А. Раппопорт. Раскопки Е. В. Шолоховой).

Внизу — план на уровне пола; *вверху* — план остатков рухнувшей крыши.

на ряд частных различий, они могут быть объединены в две большие группы — жилища наземные и жилища полуземляночные. Оба типа, видимо, сосуществуют в течение всего рассматриваемого периода, т. е. в XII и XIII вв., причем встречаются на обеих площадках городища (так называемые Северное и Южное городища). Среди раскопанных остатков к наземному типу относится значительно большее количество жилищ, чем к полуземляночному.

Наземные жилища имели стены, рубленные «в обло», по-видимому, большей частью из сосновых бревен. Размеры жилищ определить почти нигде не удалось из-за плохой сохранности дерева. В нескольких случаях отмечена длина стен несколько менее 4 м. Там, где в раскопках удавалось обнаружить относительно хорошо сохранившиеся бревна, пазы в них и чашка для соединения «в обло» были всегда вынуты в верхней части каждого бревна.

Полы в наземных жилищах дощатые. В нескольких постройках были найдены глиняные полы, но очень возможно, что это лишь слой подготовки, поверх которого лежали доски пола. В большинстве жилищ отмечено наличие подпольных ям, обычно по одной-две в каждом доме. Ямы по форме близки к четырехугольнику или овалу; длина их обычно не менее 2 м, а глубина 60—70 см, хотя в отдельных случаях доходит почти до 2 м. Впрочем, встречаются и небольшие подпольные ямы, а в некоторых жилищах подпольных ям совсем не было. Стенки и дно подпольных ям были обшиты досками или обмазаны глиной. Поверх ям проходил деревянный пол, рухнувшие доски которого находили в них.

Печи — исключительно глинобитные. В наземных жилищах они располагались обычно в углах, хотя в ряде случаев отмечено, что печи стояли у середины одной из стен. В обломках сводов печей часто обнаруживали следы деревянного каркаса (колья или прутья) и примесь соломы. В двух случаях удалось определить, что в сводах печей имелись круглые отверстия с заглаженными краями. Поды печей глиняные, изредка намазанные поверх деревянного настила. Печи стояли либо на уровне пола, либо на материковом останце, либо над подпольной ямой, опираясь на несколько столбов (большей частью два столба), забитых в ее дно. Иногда рядом с печью имелась небольшая предпечная яма. Изредка в конструкции печей использовались плинфы, а в одном случае — сырцовые кирпичи (4.5×17×19 см), которые оказались частично обожженными в процессе эксплуатации печи.

Примером относительно хорошо сохранившегося наземного жилища XII в. может служить постройка, вскрытая в 1970 г. на раскопе XII (рис. 25).[62] Жилище сгорело, и только благодаря этому оказалось возможным проследить его основные конструктивные особенности, поскольку негорелое дерево в Старой Рязани совершенно не сохраняется. Жилище имело в плане правильную квадратную форму и было ориентировано углами по странам света. Размер сторон (по наружному краю бревен) 4.1 м. Рубка выполнена «в обло». Пол был выстлан досками шириной 20—24 см, опиравшимися на лаги. В южном углу сохранились остатки глинобитной печи. Овальный под (95×80 см) лежал на 7—8 см выше поверхности земли, но до того, как сгорел деревянный пол,

[61] Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955, с. с. 40—74.

[62] Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Новые материалы о жилищах Старой Рязани. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 72.

под печи, очевидно, находился на уровне деревянного пола. Судя по форме пода, устье печи было направлено к северо-востоку. К печи примыкала глиняная подушка, которая с двух сторон была ограничена небольшими бревнами, а двумя другими сторонами примыкала к стенам жилища. В материке отмечено несколько ям от столбов, связанных с устройством жилища. Так, две ямы, почти вплотную примыкавшие к боковой стенке печи, а также одна яма в западной части помещения, видимо, отмечали место полатей, тянувшихся вдоль юго-западной стены. В северной части дома два столба, возможно, служили основанием стола. Замечательно, что в этом жилище найдены остатки рухнувшей крыши — деревянных стропил и слоя глиняной обмазки.

В нескольких случаях в Старой Рязани были раскопаны остатки наземных жилищ, имевших обширное и глубокое подполье. Были найдены подполья в виде больших прямоугольных ям размером 4.3×2.9, 3.7×3.0, 3.4×2.6 м. Величина этих подполий была, видимо, лишь немногим меньше, чем площадь всего жилища, а порой, быть может, была даже равна ей. Пол жилищ находился на высоте от 0.8 до 1.8 м над дном подполий. В углах подполий, как правило, имелись столбы; иногда столбы стояли и у середины каждой стены. Во время раскопок находили рухнувшие деревянные перекрытия с дощатым настилом — полы наземных жилищ, расположенных над подпольями. Вместе с полом обычно в подполья падали и печи. В нескольких жилищах определено место входа, отмеченное впадиной для деревянной лестницы или находками дверного прибора (ключ, пробой, кольцо). Печь в этих случаях (судя по месту, где лежал развал печи) стояла в противоположном входу углу.

Хорошо сохранившееся подполье наземного дома XII в. было раскопано в 1970 г. на раскопе XIБ.[63] Это квадратное в плане помещение (3.4×3.35 м), заглубленное в материк на 40 см. Дно его было смазано слоем серой глины толщиной до 1 м. В этом помещении обнаружен развал глинобитной печи. Куски свода печи имели заглаженную выпуклую поверхность; в них замечены следы сгоревшей соломы. Вместе с печью в помещение рухнули куски обугливших бревен (или досок), сохранивших взаимно перпендикулярное положение. Очевидно, это остатки пола наземного жилища. Рядом с остатками печи (и частично под ее развалом) лежали куски бересты, видимо использованные в качестве прокладки под печью.

Полуземляночные жилища Старой Рязани представляют собой приблизительно квадратные в плане помещения, имеющие стороны размером от 3.5 до 4.0 м и глубину от 0.6 до 1.1 м.[64] Печь в этих жилищах размещена в углу, причем в большинстве случаев в северо-западном. Печь всегда глинобитная, по конструкции совпадающая с печами старорязанских наземных жилищ, расположена на уровне пола или на материковом останце высотой около 50 см. Иногда под печью имеется деревянный настил. Полы жилищ были смазаны глиной или покрыты досками. Стены обшиты досками (ширина 25—30 см, толщина до 8 см), закрепленными в пазах угловых столбов. Хозяйственные ямы были, как правило, расположены не в жилище, а снаружи, рядом с ним. В тех случаях, когда по наличию земляных ступенек можно определить место входа, печь была расположена в дальнем углу и обращена устьем к входу.

В 1971 г. было раскопано относительно хорошо сохранившееся полуземляночное жилище.[65] Оно имело размер 3.2×2.8 м и глубину 1.7 м. Пол жилища дощатый; под полом имелись хозяйственные ямы. Стены были обшиты плахами, закрепленными в пазах столбов, стоявших в углах жилища. У северной стены на дощатом помосте на столбиках стояла глинобитная печь. Выявлен вход в жилище — несколько земляных ступенек. Против входа в материковой стенке имелась выемка глубиной 20 см — быть может, остатки окна.

Другое жилище, раскопанное в 1971 г., было более сложным. Его углубленная в землю часть имела размер 4.5×2.4 м при глубине 1.2 м. Пол был дощатым, стены облицованы плахами. Вдоль стен проходили земляные приступки. Сохранились земляные ступеньки входа, а против входа стояла глинобитная печь на обмазанном глиной деревянном возвышении. Вне жилища отмечены ямы от столбов, что дало основания В. П. Даркевичу высказать предположение, что жилище, кроме полуземляночного помещения, имело и наземную часть, которая была по площади больше углубленной части.

На городище в Старой Рязани были вскрыты остатки нескольких больших, по-видимому богатых, наземных жилищ.[66] Таков, например, наземный бревенчатый дом XIII в., имевший размер более 7×6 м. Под углами сруба найдены кирпичные столбики. Дом имел две половины — холодную и теплую. В теплой стояла печь, сложенная из кирпичей. Из холодной части дома ступени вели вниз, в помещение, углубленное в материк на 50 см и расположенное вдоль западной стороны дома. Основной вход в дом был, видимо, с юга, где находится ряд столбов. Дом имел застекленные окна. Выявлены границы огороженной забором усадьбы.

286. Муром. В г. Муроме в раскопках выявлены остатки двух жилищ.[67] Одно из них — полуземлянка размером 4×4 м, с глинобитной печью,

---

[63] Раскопки В. П. Даркевич.

[64] Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 50—60. — Кроме того, описание полуземляночного жилища XII—XIII вв. имеется также в информации о раскопках 1966 г. (Даркевич В. П., Розенфельдт Р. Л. Раскопки на городище Старая Рязань. — АО 1966 г., 1967, с. 46).

[65] Даркевич В. П. Раскопки в Старой Рязани. — АО 1971 г., 1972, с. 101.

[66] Даркевич В. П., Розенфельдт Р. Л. Раскопки на городище Старая Рязань, с. 47; Даркевич В. П., Монгайт А. Л., Никитина Г. Ф., Розенфельдт Р. Л. Исследования городища Старая Рязань. — АО 1967 г., 1968, с. 60; Монгайт А. Л. Рязанская экспедиция. — АО 1968 г., 1969, с. 76; Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Рязанская экспедиция. — АО 1969, г., 1970, с. 70.

[67] Тухтина Н. В. Раскопки на Николонабережном селище в г. Муроме. — АО 1971 г., 1972, с. 99.

при постройке которой были применены кирпичи. Рядом был расположен сгоревший наземный дом, также имевший глинобитную печь.

Жилища, по-видимому, не вполне одновременны: полуземлянка относится к XII в., а наземный дом к XII—XIII вв.

287. Пировы Городищи. На городище у с. Пировы Городищи, расположенном на месте древнего города Ярополча, раскопками было вскрыто 18 полуземляночных жилищ.[68] Жилища эти относятся к XII в. Все они более или менее однотипны: их площадь от 11 до 22 кв. м (средний размер сторон 4 м), глубина от 0.3 до 1.0 м. В углах имеются столбовые ямы диаметром 40—60 см. В одном довольно крупном жилище, кроме столбов, удалось выявить также горизонтальные плахи облицовки стен. Во многих жилищах на глубине 0.6—1.0 м есть уступы, на которые, видимо, опирались доски пола; ниже было расположено хозяйственное подполье.

Печи встречены как глинобитные, так и каменки; в большинстве случаев они имели деревянный опечек высотой около 50 см. Там, где удалось определить место входа, печи стояли напротив (слева или справа) него.

Хозяйственные постройки были такой же конструкции и примерно такой же глубины, как жилые, но несколько меньших размеров (3.0×2.5 м) и без печей.

Жилища располагались тремя рядами; расстояние между рядами 16—20 м, а между домами в одном ряду 4—8 м.

В XIII в. на городище полуземляночные жилища были сменены наземными. От последних сохранились в большинстве случаев лишь остатки печей (глинобитных и каменных). Судя по положению печей, наземные дома стояли примерно там же, где и полуземлянки, повторяя старую планировку поселения. Одна наземная постройка сохранилась несколько лучше других; она была срублена «в обло» из бревен толщиной около 20 см, а пол ее настлан из толстых досок.

288. Городец. В Городце (на Волге) на территории детинца и окольного города в 1960—1962 гг. раскопано несколько жилищ, относящихся ко второй половине XII — первой половине XIII в. В большинстве это жилища полуземляночного типа, но обнаружены также остатки наземных построек.[69]

Полуземлянки имели значительную глубину, достигая в отдельных случаях 1.8 м. Их земляные котлованы приблизительно квадратные в плане, со стенками от 3 до 4 м. Впрочем, были и вытянутые прямоугольные постройки, например жилище 3 — 4.8×3.2 м. В подавляющем большинстве случаев в углах обнаружены столбовые ямы, а иногда и остатки самих столбов диаметром около 25 см, зарытых на глубину до 40 см. Вдоль стен прослеживались остатки бревен, прижатых этими столбами к земляным стенкам. Бревна имели диаметр 15—18 см. Нижние бревна лежали в канавках, прорезанных в полу (глубиной до 20 см). В жилище 1, кроме того, найдена одна столбовая яма в центре помещения, а в жилище 2 — две ямы у середины противоположных стен, но немного отступя от них. В жилище 5, помимо угловых столбов, были еще столбы по углам, но вне контура земляной выемки, по-видимому для поддержки кровли. В жилище 2 одна из стен имела иную конструкцию: здесь было закопано 13 кольев диаметром около 10 см, расположенных с интервалами 10—14 см. Вероятно, стенка была плетневой. Здесь же сохранились куски глиняной обмазки. Лишь в одном жилище не было столбовых ям.

В одном случае замечено, что поверх остатков дерева от рухнувшей кровли имелась прослойка земли, очевидно некогда лежавшая на крыше.

На полу нескольких жилищ обнаружен слой угля, быть может от сгоревшего пола. В жилище 3 деревянный пол, видимо, лежал на 25 см выше земляного дна, образуя невысокое подполье. Печи были найдены лишь в двух полуземляночных постройках из семи. Они оказались сложенными из камней и глины на площадках, врезанных в материк и лежащих вне контура земляных котлованов жилищ. Таким образом, печи выходили в жилища лишь своим устьем. Под печей расположен на 70—90 см выше пола. Он представлял собой каменную вымостку на глине с песком (толщина слоя около 10 см). Размер пода одной из печей 85×80 см, а снаружи печь имела размер 1.6×1.1 м. Толщина стенок печи от 20 до 35 см; форма печей округлая.

В жилище 3 обнаружен вход с тремя земляными ступеньками. Высота ступенек 22—28 см, ширина 70—80 см. Нижняя ступенька находилась на высоте около 1.5 м над дном котлована; в дне перед ступеньками имелась небольшая выемка, быть может от деревянной лесенки. Печь в этом жилище расположена справа, рядом с входом.

Кроме полуземлянок, отмечено наличие нескольких наземных бревенчатых сооружений. Одно из них имело размер 4.8×4.0 м и состояло из двух примерно равных по величине помещений. Другая постройка была очень длинной — более 11 м — и состояла из четырех клетей (размер их приблизительно 3.1—3.4 м при ширине 4.3 м).

289. Суздаль. Раскопками, проведенными на территории детинца в Суздале в 1936—1940 гг., были выявлены как постройки полуземляночного типа (11 построек), так и наземные дома (3 постройки).[70]

Полуземлянки квадратной формы, со сторонами от 3.0 до 4.8 м. Лишь одно жилище имеет

[68] Седов В. В. Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине. — КСИА, вып. 86, 1961, с. 74; Седова М. В. 1) Раскопки Ярополча Залесского (1961). — КСИА, вып. 96, 1963, с. 48; 2) Археологические работы во Владимирской области в 1962 г. — КСИА, вып. 104, 1965, с. 108; 3) Работа Вязниковского отряда. — АО 1968 г., 1969, с. 71; 4) Раскопки Пирова городища. — АО 1970 г., 1971, с. 86; 5) Древнерусские города низовьев р. Клязьмы. Автореф. канд. дисс. М., 1972, с. 15.

[69] Медведев А. Ф. 1) Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 160; 2) Первые раскопки Городца на Волге. — КСИА, вып. 110, 1967, с. 74; 3) Новые материалы к истории Городца на Волге. — КСИА, вып. 113, 1968, с. 33.

[70] Дубынин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля. — КСИИМК, вып. XI, 1945, с. 91.

несколько больший размер (6×6 м). Глубина полуземлянок до 1.4 м. В некоторых постройках внутри земляных котлованов найдены остатки срубов. Вместе с тем сохранились столбовые ямы от часто поставленных, но довольно тонких бревен. Такие столбовые ямы имеются и в тех постройках, где сохранились следы срубов.

В трех жилищах выявлены обожженные участки почвы — очевидно, места расположения печей или очагов. В двух случаях печи стояли посреди жилища, а в одном — в углу. В других полуземлянках печи не найдены; быть может, это были не жилые, а хозяйственные постройки. В трех постройках есть входы со ступеньками, а в одной постройке (пом. 3, без печи) вход имел в ширину 1.6 м и выдавался вперед на 1 м, т. е. представлял собой небольшое помещение типа тамбура. На земляных стенках этой постройки сохранились отпечатки вертикально стоявших горбылей, обращенных плоской стороной внутрь помещения. В жилище 2 (с печью в середине) вдоль трех стен тянутся приступки высотой 45—55 см, шириной около 1 м. Задняя часть этих приступок вырезана в материке, а передняя укреплена плетнем.

Дата полуземляночных построек — XI—XII вв., быть может частично и XIII в.

Кроме полуземлянок, обнаружены остатки наземных домов XIII—XIV вв. От них сохранились подпольные ямы и упавшие в эти ямы остатки глинобитных печей.

В 1968 г. в Суздале на территории детинца были раскопаны следы одной наземной постройки, а вне его, близ бывш. Дмитриевского монастыря,— полуземляночное жилище XII в.[71] Жилище имело размер 3.5×3.5 м, глубину 0.5 м. В углах найдены столбовые ямы. Вырез входа вел с запада, а глинобитная печь стояла напротив входа.

В 1970 г. на детинце были раскопаны остатки еще двух наземных срубных построек с печами-каменками.[72] Жилища имели размер 4.5×5.0 м. На берегу р. Каменки также выявлены остатки жилищ наземного типа, рубленных «в обло», с дощатыми полами. Печи в жилищах глинобитные, реже каменные.

290. Ростов Ярославский. В Ростове Ярославском в культурном слое домонгольского времени хорошо сохранились остатки деревянных наземных домов и уличные мостовые.[73]

291. Ярославль. В Ярославле была раскопана полуземлянка, представляющая собой либо хозяйственную постройку, либо подполье наземного жилища.[74] Помещение было заглублено в грунт несколько менее 1 м и имело стороны примерно по 3 м. В углах стояли столбы, в пазы которых были заведены еловые плахи, обращенные плоской стороной внутрь. Пространство между плахами и земляными стенками было засыпано землей. Следов печи не обнаружено. Судя по керамике, постройка относится к XII—XIII вв.

292. Вологда. Раскопками 1948 и 1955—1957 гг. в слое XII—XIII вв. вскрыт участок улицы с примыкавшими к ней постройками.[75] Одно из жилищ — пятистенный сруб из толстых бревен, имевший размер 5.2×3.3 м и разделенный на две равные части поперечной срубной стеной. Постройка ориентирована по странам света. Вход в нее вел с запада, где перед срубом находилось замощение. В западной, т. е. передней, части сруба пол был дощатый, а в восточной — из необработанных тонких бревен на лагах. В западном помещении сохранились остатки столбов, по предположению автора раскопок, поддерживавших печь, находившуюся во втором этаже.

В другой части раскопа сохранились остатки сруба другого жилища, от которого полностью уцелела лишь одна стена, имевшая в длину 3.5 м.

293. Крохино (Белоозеро). На территории «старого города» раскопками 1949—1962 гг. вскрыто большое количество жилых и хозяйственных построек.[76] Большинство их относится к XII—XIII вв.

Все жилые и хозяйственные постройки наземные, срубные. Срубы выполнены из сосновых, реже еловых бревен толщиной до 45—50 см. Пазы и чашки вынуты всегда в нижнем бревне. Нижний венец срубов обычно лежит непосредственно на земле, часто на глиняной подмазке. Иногда под срубами встречаются нивелировочные подкладки из плах. Угловых стульев нет.

Жилища, как правило, однокамерные, близкие к квадрату. Размеры их сторон от 3.5 до 7.0 м. Отмечено, что иногда к срубам вплотную примыкали небольшие пристройки. Встречаются жилища, имевшие второй, наружный венец, конструктивно связанный с основным венцом.

Полы дощатые, на лагах, врубленных обычно на уровне второго или третьего венца сруба. Впрочем, иногда лаги положены непосредственно на глиняную подмазку. Печи, сложенные из камней, расположены в углах жилищ. Они подняты на деревянных опечках, забитых глиной. Опечки встречаются как срубные, так и столбовые, с горизонтально расположенными досками, закрепленными в пазах столбов. Размер опечков от 1.5×1.2 до 1.6×1.6 м, хотя встречаются и более крупные — до 2.6×2.0 м.

Среди раскопанных жилищ имеется несколько двухкамерных, т. е. изб-пятистенок. Основное их помещение обычно почти квадратное, а второе — узкое, шириной не более 3 м. Вход в такие дома вел через узкое помещение, так как кое-где удалось

---

[71] Седов В. В. Раскопки в Суздале. — АО 1968 г., 1969, с. 73.

[72] Седов В. В. Исследования в Суздале. — АО 1970 г., 1971, с. 87.

[73] Матвеева В. И. Ростов Великий. — АО 1968 г., 1969, с. 80.

[74] Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле.— МИА, № 11, 1949, с. 185.

[75] Никитин А. В. О начальном периоде истории города Вологды. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 32.

[76] Голубева Л. А. 1) Древнее Белоозеро. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 37; 2) Белозерская экспедиция 1957 года. — КСИИМК, вып. 79, 1960, с. 35; 3) Белозерская экспедиция. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 77; 4) Славянские памятники на Белом озере. — В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, с. 32; 5) Раскопки древнего Белоозера в 1961—1962 гг. — КСИА, вып. 110, 1967, с. 95; 6) Древнее Белоозеро. — В кн.: Тез. докл. сов. делегации на II Междунар. конгр. славянск. археологии в Берлине. М., 1970, с. 16.

отметить остатки крылечек. Печь в большем помещении стояла справа или слева рядом с входом в узкое помещение. В двух довольно больших домах (один из них размером 9.4×8.0 м) печь стояла посреди большего помещения. В одном из этих домов опечек был выстлан берестой.

На раскопанном участке вскрыты остатки богатой усадьбы, в состав которой, кроме жилого дома (5.4×4.7 м), входили клеть (2.5×2.5 м, с полом, но без печи) и большая хозяйственная постройка (5×3 м). Предположение Л. А. Голубевой о том, что мощеный двор этой усадьбы, имевший площадь около 90 кв. м, был крытым, встретило возражения.[77]

В одном случае Л. А. Голубева предположила наличие трехчастной связи — два отапливаемых помещения, соединенных сенями. Судя по чертежам, вполне возможно, что это два совершенно самостоятельных жилища, не соединенных между собой.

Раскопки выявили уличную систему планировки. Мостовая главной улицы имела ширину 3.5 м, а мостовые двух поперечных улиц — по 2.7 м. Там, где у жилищ обнаружены остатки крылечек, они всегда были обращены в сторону реки.

294. Золоторучье. В 1954—1956 гг. на селище у дер. Золоторучье (на правом берегу Волги в 4 км от г. Углича) были раскопаны остатки двух наземных жилищ.[78] Сохранились следы стен, рубленных «в обло». Основанием стен служили сплошные вымостки из камней; под углами лежали большие каменные плиты. Археологический материал на селище относится к XII—XIII вв. В 1970 г. здесь были вновь раскопаны остатки наземных домов.[79] Обнаружена глиняная печь, основание и под которой были сложены из камней. Печь имела срубный опечек.

295. Васильки. На селище у ручья Богоявление близ дер. Васильки в 1970 г. раскопаны остатки наземных жилищ XIII в. с глинобитными печами и большими подпольными ямами.[80]

296. Грехов ручей. На селище близ Грехова ручья (на правом берегу Волги в 6 км от г. Углича) во время раскопок 1957—1959 гг. обнаружен культурный слой XI—XIII вв.[81] Здесь вскрыты остатки шести жилищ, относящихся, по-видимому, в основном к XII в.

Одно из жилищ (4) — наземное, размером 6.4×3.5 м. Контур его определен по трем угловым столбовым ямам (диаметром 40—50 см, глубиной до 30 см) и каменным вымосткам, на которые опирались нижние бревна стен. В жилище обнаружены остатки печи-каменки, куски обожженной глины, угли.

Остатки остальных пяти жилищ — прямоугольные ямы размером приблизительно 3.5×2.25 м, глубиной до 1.2 м. Столбы были расположены большей частью вне этих ям. В углу одной из ям отмечен «развал очага». М. В. Фехнер называет эти жилища полуземлянками, однако, судя по расположению столбов и очень небольшой ширине самих ям, это, видимо, не полуземляночные жилища, а подпольные ямы наземных жилищ.

297. Кимры. На селище близ г. Кимры раскопками 1935—1936 гг. вскрыто 6 жилищ XII в.[82] Они были наземными, по-видимому срубными, размером от 4×3 до 7.5×7.0 м. Размеры жилищ определены по большим камням, которые в качестве стульев были подложены под углы жилищ. Кроме того, под срубами имелось основание — полоса вымостки из мелкой гальки на глине. Ширина этой полосы от 0.5 до 1.0 м, толщина 20 см. Автор раскопок отметил, что площадка, на которой возводились жилища, поверх гальки подмазана слоем глины.

Печи в одних жилищах были каменными (размер их 2.5×2.0 м), в других — из глины с камнем, с промазанным глиной каменным подом (они несколько меньше). Печи стояли в углах жилищ, реже — у середины стен, а в одном случае каменная печь была расположена посреди жилища.

В 1967 г. на этом селище были раскопаны еще два наземных жилища.

298. Дмитров. Раскопки, проведенные в 1933—1934 гг. в детинце древнего Дмитрова, вскрыли несколько наземных срубных жилищ XII в.[83] Размер их приблизительно 4×4 м. Нижние венцы срубов лежали в основном непосредственно на поверхности земли; лишь изредка встречались ямы от угловых стульев. В жилище 1 одна из стен опиралась на сплошной ряд камней. Отмечено наличие второго, наружного бревна вдоль одной из стен сруба. Полы в жилищах деревянные, несколько приподнятые над поверхностью земли. В углах стояли печи, глинобитные или сложенные из кирпичей (плинфы) на столбовых опечках.

299. Николо-Рожок. В 1967 г. на городище Николо-Рожок раскопаны остатки двух построек конца XI—XII в.[84] Жилища срубные, наземные, из бревен диаметром около 20 см. В одном из жилищ печь сложена из плотно пригнанных друг

---

[77] Шенников А. А. «О крытых дворах» в Старой Ладоге и Белоозере. — СА, 1970, № 4, с. 244.

[78] Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв. — В кн.: Краеведческие записки Ярославского областного краеведческого музея. Вып. 2. Ярославль, 1957, с. 186.

[79] Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции. — АО 1970 г., 1971, с. 42.

[80] Там же, с. 43.

[81] Фехнер М. В. Раскопки селища близ Грехова ручья. — В кн.: Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып., 37. М., 1960, с. 156.

[82] Милонов Н. П. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги. — МИА, № 13, 1950, с. 152; Фехнер М. В. Раскопки в Калининской области. — АО 1967 г., 1968, с. 47.

[83] Милонов Н. П. 1) Дмитровское городище. (Кремль города Дмитрова). — СА, IV, 1937, с. 150; 2) Отчеты о полевой работе. — Архив ЛОИА, ф. 2, № 112, 1933; № 160, 1934. — Относительно хорошо сохранившееся жилище в раскопе III, датированное Н. П. Милоновым XII в., в действительности относится к XIV—XV вв. (см.: Никитин А. В. К характеристике материалов раскопок Дмитрова (1933—1934 гг.). — В кн.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 274).

[84] Успенская А. В. 1) Раскопки на озере Селигер. — АО 1967 г., 1968, с. 48; 2) Городища XI—XIII вв. на юге Новгородской земли. — В кн.: Экспедиции ГИМ. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5—7 февраля 1969 г. М., 1969, с. 202.

к другу крупных камней. В другом жилище печь из мелких камней и глины.

300. Березовец. В 1968 г. на городище Березовец были раскопаны остатки наземного жилища XII в.[85] Обнаружены обгорелые бревна стен и печь, сложенная из крупных камней. Найдено много слюды от окон.

301. Старая Русса. Раскопками 1966 и 1967 гг. в Старой Руссе вскрыты наземные срубные дома XII—XIII вв. с печами и деревянными полами.[86] В 1971 г. раскопаны 2 больших дома начала XII в. с деревянными полами, сенями и крыльцами.[87]

302. Новгород. Очень большое количество жилищ XII—XIII вв. было раскопано с 1951 по 1962 г. на Неревском конце.[88] К этому времени относятся все постройки, расположенные с 11-го по 20-й ярус.

В конструктивном отношении жилища эти почти не отличаются от раскопанных на этом же участке жилищ X—XI вв. Это по-прежнему исключительно наземные избы, рубленные «в обло» из сосновых, реже еловых бревен. Подкладки под нижним венцом в XII—XIII вв. встречаются более чем в половине жилых построек. Кроме того, с конца XI в. до 30-х годов XII в. в крупных домах часто применяют специальные цокольные площадки, состоящие из сплошного ряда подкладок, обведенных снаружи бревенчатой обвязкой в один венец. В слоях XIII в. встречаются также стулья диаметром 30—50 см, закопанные в землю.

Полы в жилищах дощатые. Настланы они всегда «по ходу», т. е. от двери по направлению к задней стене. Под полами всегда имеются переводины — лаги. Отмечено, что лаги эти бывают расположены по-разному в зависимости от положения печи, поскольку ни в одном случае лаги не заходят под печь. Лаги обычно врублены в венцы сруба так, что пол находится на высоте 20—60 см над уровнем земли. При этом подполья использовались исключительно для изоляции пола от влаги, а не для хозяйственных нужд. При большой длине лаг под них иногда подкладывали бревенчатые подкладки.

Печи в домах XII—XIII вв. в отличие от печей в более ранних жилищах всегда расположены в углах, а не в середине помещения. Положение печи посреди помещения в XII и особенно XIII в. встречается в основном в производственных, а не в жилых постройках. Характерно, что в разных частях таких построек полы часто настилают в разных направлениях. В жилищах печи чаще стоят в ближнем от входа углу. В тех случаях, когда по удлиненности опечка можно определить положение устья, оно всегда направлено к задней от входа стене. Количество печей, расположенных справа от входа, несколько превышает количество печей, стоящих слева. Значительно меньше печей находится в дальнем от входа углу. Чаще такое расположение печей встречается в однокамерных постройках, в то время как в избах-пятистенках и в постройках, имеющих перед входом столбовую пристройку, печи обычно стоят в переднем от входа углу.

Печи, как и в более раннее время, обычно сделаны из камня на глине и имеют дубовые столбовые опечки.

Следует отметить, что в XII в. наибольшее количество жилищ относится к типу пятистенок, тогда как с XIII в. их число резко сокращается за счет увеличения количества однокамерных построек. Переход от изб-пятистенок к более простым, однокамерным срубам может иметь несколько объяснений. Он может быть связан с изменением социальных групп населения, проживавшего на этой территории, но может обозначать переход к более сложным приемам домостроительства, когда богатые дома стали строить не как избу-пятистенку, а как комплекс нескольких однокамерных срубов. Вместе с переходом от изб-пятистенок к однокамерным к XIII в. уменьшаются и размеры срубов, поскольку избы-пятистенки почти всегда по размерам больше однокамерных срубов. Размеры же самих однокамерных срубов в XIII в., как правило, больше, чем в X—XI вв. Площадь изб-пятистенок от 60 до 100 кв. м, изредка 130 кв. м, что является уже почти пределом при рубке из целых (не составных) бревен.

При жилых постройках почти всегда существовали пристройки столбовой конструкции. П. И. Засурцев называет их сенями, хотя в действительности это скорее галереи, проходящие вдоль фасада, или же крыльца при входе. Засурцев называет сенями также и узкие помещения в избах-пятистенках.

При раскопках жилищ изредка находили остатки верхних частей и кровель. Так, в слое XII в. была найдена связка драниц (длина 1.4 м при сечении 7.0×0.5 см). В концах драниц имелись отверстия с обрывками лубяных веревок. В слое XIII в. найдена связка неиспользованных лемехов (12 шт.). Были находки резных досок — быть может, причелин. Часто отмечали слои упавшей сверху земляной засыпки. Засурцев считает ее потолочной подсыпкой, хотя вероятнее, что это остатки подсыпки, лежавшей поверх кровли.

Встречаются (в небольшом количестве) избы-пятистенки, состоящие из двух одинаковых по величине камер. Большей частью такие срубы не имели печей и, очевидно, представляли собой подклети жилых домов. Предполагать наличие второго этажа можно еще в целом ряде случаев: при жилом комплексе без печи в первом этаже, а также при наличии развала печи, упавшей сверху. В единичных примерах обнаружены и остатки лестниц, ведших на второй этаж. Судя по этим данным, двухэтажные, а может быть, даже и трех-

---

[85] Успенская А. В. 1) Раскопки на озере Селигер, с. 78; 2) Городища XI—XIII вв. на юге Новгородской земли, с. 210.

[86] Медведев А. Ф. 1) Археологические открытия в Старой Руссе. — АО 1966 г., 1967, с. 19; 2) Новые данные о Старой Руссе. — АО 1967 г., 1968, с. 19.

[87] Медведев А. Ф. Новые материалы о Старой Руссе. — АО 1971 г., 1972, с. 37.

[88] Литературу см. выше, при № 170. Кроме того, см.: Засурцев П. И., Чистяков Г. Н., Борисевич Г. В., Тюрин В. Н. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII века. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961, с. 207.

этажные дома не были в Новгороде редкостью.[89]

С XII в. известны уже совершенно бесспорные по достоверности примеры трехчастных жилых построек. Обычно они состоят из двух изб или чаще из избы и неотапливаемого помещения (клеть), соединенных между собой столбовой пристройкой. Встречаются и более сложные сочетания жилых и хозяйственных построек.

Все постройки объединены в усадьбы, большей частью разделенные заборами (частокол, плетень) и имеющие ворота. Отмечено наличие уличной схемы планировки, мощеных дворов. Входы в жилища, как правило, ведут со двора.

Хозяйственные постройки имеют такую же конструкцию, как и жилые. Они также наземные, но не имеют печей, столбовых пристроек, полы их часто выполнены менее тщательно. Амбары выделяются только по скоплению зерна, так как конструктивных отличий от других типов хозяйственных построек не имеют. Навоз найден, как правило, вне построек, т. е. скот, по-видимому, содержался не в хлевах, а на дворах.

Длительность существования жилых построек в среднем около 20 лет.

Кроме раскопок в Неревском конце, выявивших наибольшее количество жилых сооружений, необходимо отметить раскопки на Славне (1933, 1934, 1936 и 1937 гг.),[90] а также на Ярославовом дворище (1938 и 1939 гг.).[91] Кроме того, с 1962 г. начаты раскопки в районе древней Ильиной улицы.[92] Во время всех этих раскопок также были выявлены жилые комплексы.

303. Перынь. На Перыни (близ Новгорода) в 1951—1953 гг. было раскопано 19 полуземляночных жилищ.[93] Они относились к двум горизонтам: нижний — XII в., верхний — вплоть до начала XV в.

Жилища XII в. в плане близки к квадрату, размер сторон которого около 4 м. Внутри земляных котлованов сохранились остатки запущенных туда срубов, рубленных «в обло» из бревен толщиной 15—20 см. Кое-где удалось выявить до четырех сохранившихся венцов таких срубов. Бревна срубов отстояли от земляных материковых стенок на 20—30 см, и поэтому внутренние размеры жилищ значительно меньше, чем размеры земляных котлованов: большей частью 3.5×3.0 м. Срубы опирались внизу на земляные уступы (шириной около 20 см), специально оставленные для этой цели при рытье котлованов. В других случаях срубы опирались на закопанные в землю деревянные стулья, от которых в углах, а иногда и у середины стен сохранились столбовые ямы. Иногда эти элементы сочетались: часть стен сруба опиралась на земляные уступы, а часть на стулья.

Полы жилищ были устланы досками. В некоторых жилищах в полу найдены хозяйственные ямы, а в двух — подполья, имевшие площадь, равную всей площади жилища. Глубина этих подполий в одном случае 30 см, в другом — около 1.4 м.

Печи в жилищах сложены из камней. Иногда вместе с камнями были использованы также кирпичи. Форма печей круглая, причем, судя по количеству камней, печи были большими. Кое-где под печью сделана глиняная подушка.

В нескольких жилищах сохранились земляные ступеньки входов. При этом в двух случаях печь стояла слева рядом с входом, а в двух — напротив входа. В одном жилище были найдены кусочки слюды, по-видимому от окна. В этом же жилище на краю котлована лежало обгоревшее бревно — возможно, рухнувший конек крыши.

Несколько полуземлянок меньшего размера не имели печей; очевидно, это хозяйственные постройки, которые обычно стояли рядом с каждым жилищем.

304. Городок. На городище у дер. Городок на правом берегу р. Шелони в 1970 г. было раскопано жилище XIII в.[94] Это наземная срубная изба, ориентированная сторонами по странам света. Бревна сруба имеют диаметр до 20 см и длину (вместе с выпущенными на углах остатками) до 5.3 м. Помещение квадратное, размером (по внутренним сторонам бревен) 4.8×4.8 м. Пол земляной, утрамбованный. В северо-западном углу расположена печь-каменка. Под ее находится на уровне пола жилища.

305. Псков. Жилища XII—XIII вв. во Пскове были вскрыты на территории так называемого Старого Застенья во время раскопок 1954—1959 гг.[95] Позднее подобные жилища были раскопаны также близ здания Педагогического института.[96]

Все жилища наземные, рубленные «в обло». В большинстве они однокамерные, в плане близкие к квадрату со сторонами от 3.5 до 4.8 м. Часто под углами срубов, а иногда и под стенами имелись подкладки из кусков бревен. Полы в жилищах дощатые, настланные из тесаных досок или горбылей, лежащих на лагах. Печи расположены в углах жилищ, причем чаще в северной половине дома и особенно в северо-восточном углу. Печи сложены из камней, большей частью довольно крупных, и ограждены бревнами или досками, укрепленными в углах с помощью зарытых в землю столбов. Впрочем, встречаются и срубные опечки, забитые землей или камнями. Размер опечков от 1.2×1.0 до 2.6×2.3 м.

---

[89] П. И. Засурцев принимал также в качестве критерия двухэтажности здания наличие усиленных подкладок под нижним венцом сруба. Однако подкладки, очевидно, не играли роли фундамента, а служили для выравнивания площадки под основание дома. Поэтому подкладки не могут служить доказательством многоэтажности.

[90] Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, № 11, 1949, с. 119.

[91] Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. — МИА, № 11, 1949, с. 152.

[92] Авдусина Г. А., Засурцев П. И. Раскопки на древней Ильиной улице в Новгороде в 1962—1963 гг. — КСИА, вып. 104, 1965, с. 124.

[93] Седов В. В. Поселение XII—начала XV в. в Перыни. — КСИИМК, вып. 62, 1956, с. 108.

[94] Орлов С. Н. Городец Александра Невского на Шелони. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 46.

[95] Гроздилов Г. П. 1) Раскопки древнего Пскова в 1954 г. — В кн.: Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. VIII. Л., 1955, с. 48; 2) Раскопки древнего Пскова в 1955 г. — Там же. Вып. XI. Л., 1957, с. 64; 3) Раскопки древнего Пскова. — В кн.: Археол. сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962, с. 11. — См. также сводный план раскопок, представленный в экспозиции Гос. Эрмитажа.

[96] Лабутина И. К. 1) Раскопки в Пскове у здания Педагогического института. — АО 1969 г., 1970, с. 25. 2) Раскопки в Пскове. — АО 1970 г., 1971, с. 20.

Кроме однокамерных, вскрыто несколько избпятистенок, состоящих из двух камер одинакового размера. Размер таких срубов в длину от 5.3 до 6.6 м. Печей в этих срубах нет, хотя найдены камни от развалившихся печей. В одном случае был обнаружен сруб размером 9.2×8.1 м; печи в нем не оказалось, назначение его неясно. В другом случае был раскопан жилой комплекс, в котором две избы соединялись между собой промежуточным помещением, лишенным печи. Размер постройки 8.4×4.0 м. Однако, судя по чертежам, возможно, что такая интерпретация этого комплекса ошибочна и в действительности это не пример трехчленной связи, а двухкамерное жилище, рядом с которым стояло второе, совершенно независимое однокамерное жилище.

Кроме жилых домов, в Пскове вскрыто значительное количество подсобных и хозяйственных построек, в частности хлевов. Раскопаны также многочисленные дворовые настилы и настилы мостовых нескольких улиц. Ширина мостовой главной улицы 3.5 м, а переулка 1.8 м.

306. Торопец. Раскопки на Малом Торопецком городище проводились в 1957—1958, 1960—1961 и 1965 гг.[97] На участке раскопок было вскрыто 9 строительных горизонтов. Самый нижний (9-й) горизонт относился к рубежу XI и XII вв., а самый верхний (1-й) — к началу XIV в. Промежуточные горизонты (со 2-го по 8-й) охватывали XII—XIII вв.

Все жилые и хозяйственные постройки, обнаруженные раскопками, — наземные, срубные, однокамерные. Размеры жилых срубов от 2.6×2.5 до 3.6×3.5 м; в редких случаях длина сторон достигает 4 м. Срубы изготовлены из сосновых бревен толщиной от 14 до 25 см. При рубке чашка и паз вынимались всегда в нижнем бревне. Есть следы проконопачивания пазов мхом. В связи с уклоном грунта под одну из сторон или под один из углов сруба (нижние по склону) для выравнивания подкладывали короткие бревна.

Полы жилищ представляли собой бревенчатый накат по деревянным лагам. Лаги врубали в стенки сруба между первым и вторым или между вторым и третьим венцами. По-видимому, поверх наката настилали доски, остатки которых были найдены кое-где. В слое второй половины XIII в. под полами отмечена глиняная подушка толщиной 30—35 см.

Печи в слоях XII в. глиняные, на столбовых опечках, размером около 1.3×1.2 м. Пространство между столбами опечка забрано досками, лежащими на ребре и заведенными в пазы столбов. Пространство внутри опечка забито глиной. В одной из печей доски опечка с внутренней стороны обложены берестой. В слоях XIII в. печи были другого типа. Они сложены из камней и глины на полу, причем участок пола под печью промазан глиной. Печи такого типа часто стоят не в самом углу помещения, а ближе к середине одной из стен.

Входы в жилища не установлены, но в некоторых случаях их оказалось возможно определить по расположению построек и их сочетанию между собой. При этом в одном жилище XIII в. печь стояла в углу, противоположном входу, а в другом (тоже XIII в., но более позднее) — в углу рядом с входом.

В нескольких случаях отмечено, что поверх развалов жилищ лежали остатки сгоревшей крыши, а выше них — слой глины (толщиной около 10 см), более или менее совпадающий по размеру с жилищем. Очевидно, это слой глиняной подмазки, находившийся на крыше. Доказательством того, что этот слой лежал поверх кровли, а не на потолке, является отсутствие всяких следов горелого дерева выше глиняного слоя. В одном случае (горизонт 2, жилище 12) вверху заполнения жилища найдено обгоревшее бревно, направленное по оси сруба, — очевидно, конек крыши. Параллельно ему близ стен симметрично лежали еще два бревна, — по-видимому, слеги. А поверх этих бревен перпендикулярно им выявлены обгоревшие бревна наката крыши, выше которых — остатки ее глиняной обмазки.

Хозяйственные постройки имели такую же конструкцию, как жилые; они несколько меньше и без печей. Полы их дощатые, на лагах, лежащих непосредственно на земле. Одна из хозяйственных построек XII в. имела стены другой конструкции — из вертикально поставленных плах.

В раскопах отмечены частоколы, заборы, замощенные дворы, уличные настилы.

307. Полоцк. В Полоцке за период с 1957 по 1963 г. было раскопано более 70 древних построек.[98] Постройки эти относятся к XII—XIII вв. Среди раскопанных сооружений — жилища, хлевы, хозяйственные постройки различного типа, мастерские.

Все жилища наземные, срубные, в плане близкие к квадрату со сторонами от 3.5 до 5 м. Срубы сложены из сосновых, реже еловых бревен, рубкой «в обло» с выпуском остатков длиной 20—30 см. При рубке чашка и паз вынимались всегда в нижнем бревне. Под нижним венцом сруба иногда имеются деревянные подкладки. Полы дощатые, на лагах. Печи глинобитные, обычно на столбовых опечках.

Обнаружены жилища, в которых вокруг основного сруба имелся второй, внешний венец.

Жилые и хозяйственные постройки сгруппированы в комплексы, дворы между которыми обычно замощены деревом.

308. Браслав. Раскопки, проведенные в 1955—1956 гг., выявили остатки срубных наземных домов XII—XIII вв.[99] Одно из наилучше сохранившихся жилищ имело размер 4×4 м. Под углами сруба лежали камни. Обнаружена глиняная прослойка в основании пола. В одном из углов — остатки глинобитной печи. В другом жилище найдены куски дощатого пола.

---

[97] Малевская М. В. 1) Раскопки на Малом Торопецком городище (1960). — КСИА, вып. 96, 1963, с. 74; 2) Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г. — КСИА, вып. 110, 1967, с. 58; 3) Раскопки древнего Торопца. — АО 1965 г., 1966, с. 178.

[98] Загорульский Э. М. Археология Белоруссии. Минск. 1965, с. 169; Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Автореф. канд. дисс. Минск. 1965, с. 10.

[99] Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 101.

ГЛАВА 8

ДВОРЦЫ

Каменно-кирпичные гражданские постройки дворцового характера, относящиеся ко времени до середины XIII в., известны всего в шести городах Древней Руси — в Киеве, Чернигове, Переяславле, Смоленске, Звенигороде и Холме (рис. 26).

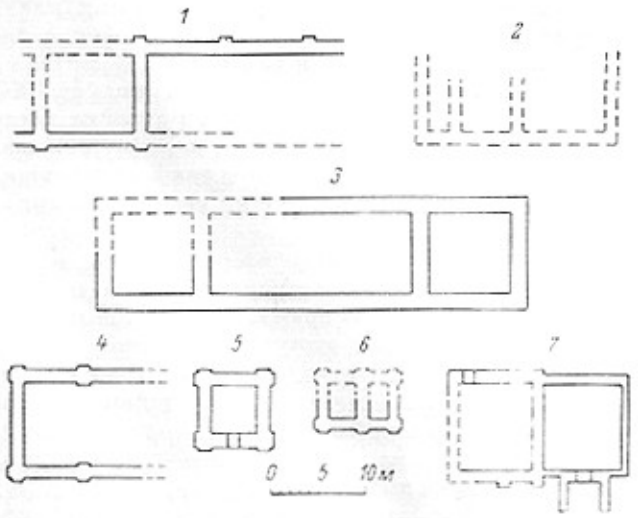


Рис. 26. Кирпичные дворцы.

1 — Киев, здание к западу от Десятинной церкви; *2* — Киев, здание к северо-востоку от Десятинной церкви; *3* — Киев, здание к югу от Десятинной церкви; *4* — Киев, здание близ так называемой церкви Ирины; *5* — Чернигов, здание 2; *6* — Чернигов, здание 1; *7* — Переяслав-Хмельницкий, здание близ Михайловского собора.

Киев. В Киеве были обнаружены 4 кирпичных дворца.[1] Все они очень плохой сохранности. В большинстве случаев дворцы были открыты еще в XIX в. при случайных земляных работах, затем неоднократно вскрывались вновь и ко времени серьезного археологического изучения в XX в. представляли собой лишь жалкие фрагменты фундаментов.

Три дворца находились в непосредственной близости от Десятинной церкви. Судя по технике кладки и стратиграфическим наблюдениям, все они были построены в конце X—начале XI в., т. е. во времена князя Владимира Святославовича. Предположения о том, что некоторые из этих дворцов были построены еще до возведения Десятинной церкви и относятся ко времени княгини Ольги, лишены серьезных оснований.

Полный план дворцового здания удалось установить лишь в одном случае — в постройке, расположенной к югу от Десятинной церкви. Это вытянутое прямоугольное здание, имеющее в длину 45 м, в ширину 11.5 м. Внутри оно было перегорожено поперечными стенами на три части, причем крайние помещения были квадратными, а среднее — вытянутым (с соотношением сторон несколько более чем 2 : 1). Фундамент дворца имел в ширину 1.7 м, т. е. на 20 см превышал ширину фундамента Десятинной церкви.

Значительно менее ясна плановая схема другого дворцового здания, расположенного перед западным фасадом Десятинной церкви, в Десятинном переулке. Здесь были раскопаны две параллельные стены, расстояние между которыми равно 9 м. Эти продольные стены прослежены на протяжении около 35 м, но концы их не обнаружены. Вскрыты также две поперечные стены, выделявшие внутри здания квадратное помещение. Данных для реконструкции плана дворца, к сожалению, не имеется.[2]

[1] Подробная сводка материалов о раскопках киевских дворцов имеется в работе М. К. Каргера (К а р г е р М. К. Древний Киев. Т. II. М.—Л., 1961, с. 59—77).

[2] С. П. Вельмин, производивший в 1914 г. раскопки этого дворца, отметил, что ось квадратного помещения совпадает с осью Десятинной церкви (К а р г е р М. К. Древний Киев, с. 73). На этом основании он выдвинул предположение, что квадратное помещение является центральным, а по обе стороны от него должны были быть расположены удлиненные помещения. Это предположение позднее развил Н. В. Холостенко, в результате чего была создана реконструкция плана этого дворца, якобы имевшего в длину почти 75 м (Х о л о с т е н к о М. В. З історії зодчества Древньої Руси X ст. — В кн.: Археологія. Т. XIX. Київ, 1965, с. 83; см. также: Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 3. Л.—М., 1966, с 532). Между тем совпадение осей Десятинной церкви и квадратного помещения дворца очень приблизительное и,

Еще более отрывочны данные о третьем дворцовом здании, которое было расположено на краю горы северо-восточнее Десятинной церкви. Судя по сведениям, сообщаемым В. В. Хвойкой, производившим раскопки этого дворца в 1907—1908 гг., в здании было найдено много деталей архитектурного убранства.[3] К сожалению, отсутствие документации и дилетантский подход В. В. Хвойки, совершенно не понимавшего памятников древнерусской монументальной архитектуры, не дают возможности судить ни о плане, ни об архитектурном облике постройки. Судя по описанию и примитивному рисунку В. В. Хвойки, от дворца в то время сохранялись одна из продольных стен и три поперечные. Один из концов продольной стены не был обнаружен, поэтому общая длина здания не была установлена. Сохранившаяся длина здания около 21 м, а ширина не менее 10 м. Здание, по-видимому, имело три помещения.[4] В торцовом помещении сохранился низ дверного проема, а в раскопках были найдены куски наличника двери из красного шифера, соединявшиеся между собой с помощью железных стержней. В здании были обнаружены слой обгоревшего дерева, архитектурные детали из мрамора и красного шифера, поливные керамические плитки и круглые оконные стекла.

У всех трех дворцовых зданий каменные фундаменты, а стены сложены из кирпичей (плинфа) и камня в технике, полностью совпадающей с техникой кладки Десятинной церкви. В раскопках было найдено много кусков штукатурки с остатками фресковых росписей и мозаики. Однако близость этих зданий к развалинам Десятинной церкви не дает возможности утверждать, что все найденные здесь детали роскошного архитектурного убранства действительно относятся к дворцам, а не являются остатками церкви.

Четвертое дворцовое здание было раскопано близ так называемой церкви Ирины. Кладка фундамента этого здания оказалась целиком выбранной, но границы фундаментных рвов позволили определить очертания постройки. Раскрыт был лишь кусок здания длиной около 14 м. Ширина внутри постройки около 8 м. Судя по территории, на которой находится этот дворец, он был, видимо, построен не при князе Владимире, а несколько позже. Наличие лежней под фундаментом постройки свидетельствует, что она относится к XI в.

Еще один дворец был, по-видимому, обнаружен В. В. Хвойкой на территории усадьбы Петровского. Никаких сведений о размере или форме этого здания не имеется. В. В. Хвойка относил эту постройку к XII в. и отмечал, что в развале лежали слои рухнувшей вместе со стенами штукатурки, «украшенной богатой фресковой росписью».

Чернигов. В центральной части Чернигова, близ Спасского собора, были раскопаны остатки двух кирпичных гражданских построек.[5]

Одна из них имеет размер 9.8×6.5 м. Внутренняя поперечная стена делит постройку на две части, одна из которых несколько больше другой. Толщина стен около 1.2 м, а толщина внутренней стены 1.57 м. В раскопе были найдены куски сводов и фрагменты свинцовых листов кровли, а также керамические плитки (с поливой и фигурные без поливы). Судя по технике кладки и стратиграфическим наблюдениям, здание может быть отнесено к первой половине XI в. В XII в. здание было разрушено и на этой территории воздвигнута Борисоглебская церковь, сохранившаяся до настоящего времени. Церковь неоднократно перестраивалась, поэтому нельзя быть полностью уверенным, что все фрагменты декоративного убранства, найденные при исследовании гражданской постройки, относятся именно к ней, а не к церкви.

Второе здание несколько меньше по величине и состоит всего из одного помещения. Оно квадратное в плане. Наружный размер 7.5×7.5 м. Толщина стен 1.4 м. В одной из стен сохранилась нижняя часть дверного проема шириной 76 см. При раскопках около этого здания были найдены фрагменты арочных перемычек и куски сводов, штукатурки с фресковой росписью, фрагменты свинцовых листов кровли, керамические поливные плитки. Здание, по-видимому, относится к XII в.[6]

Переяслав-Хмельницкий. Гражданская кирпичная постройка была раскопана в детинце древнего Переяславля, примерно в 50 м от Михайловского собора, близ оборонительного вала.[7] Здание состоит из двух самостоятельных, почти квадратных помещений. Одно из этих помещений немного больше другого, и поэтому лишь одна продольная стена прямая, в то время как вторая имеет небольшой уступ в месте соединения с поперечной стеной. Общий размер здания 18×11 м.

Оба помещения имеют самостоятельные входы, расположенные с противоположных сторон. Уро-

---

по всей вероятности, случайное. А главное — такое совпадение (если бы даже оно действительно имело место) ни о чем не свидетельствует в отношении плановой структуры дворца, поскольку строгая симметрия не характерна для древнерусских архитектурных ансамблей. То, что квадратное помещение являлось центральной частью дворца, вовсе не бесспорно.

[3] Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 66—69.

[4] Реконструкция плана этого дворца, сделанная Н. В. Холостенко, очень спорна (Холостенко М. В. З історії зодчества Древньої Руси X ст., с. 81).

[5] Богусевич В. А., Холостенко Н. В. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. — КСИА АН УССР, вып. 1, 1952, с. 35; Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. — В кн.: Архитектурное наследство. Т. 15. М., 1963, с. 3.

[6] Н. В. Холостенко датирует это здание серединой XI в. Однако этому полностью противоречат как техника кирпичной кладки (без скрытых рядов), так и найденные архитектурные детали (например, куски аркатурного пояска). Впрочем, сам же Н. В. Холостенко сближает эту постройку с такими типичными памятниками XII в., как собор Елецкого монастыря и Борисоглебская церковь в Чернигове (см.: Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в., с. 15).

[7] Юра Р. О. Нова пам'ятка архітектури XI ст. у Переяславі-Хмельницькому. — Український історичний журнал, 1965, № 9, с. 152; Асеев Ю. С., Сикорский М. П., Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком. — СА, 1967, № 1.

вень полов в помещениях не удалось установить. Однако отмечено, что один из входов имеет несколько ступеней, сделанных из шиферных плит. Ступени ведут вниз, и это свидетельствует, что пол данного помещения был, очевидно, на 35—40 см ниже древнего уровня поверхности земли. Ширина этого входа (в большем помещении) 1.6 м. Проем входа меньшего помещения имеет в ширину 2 м и снаружи снабжен двумя параллельными стенками длиной 3.7 м. Соединялись ли помещения данной постройки между собой — неясно.

Стены здания имеют различную толщину. В большем помещении толщина стен 1.5 м, тогда как в меньшем стены тоньше. Особенно тонка (всего 55 см) торцовая стена, приобретшая, очевидно в результате деформации, легкую кривизну в плане. У этой стены, как отмечают исследователи, снаружи не было аккуратной обработки фасадной поверхности. Возможно, что эта стена была снаружи присыпана землей.

Судя по находкам голосников, здание было перекрыто сводами. Найдены кровельные черепицы и куски свинцовых листов. Во время раскопок обнаружены остатки богатого внутреннего убранства: шиферные плиты с мозаичными наборными вставками, обломки мраморных колонн и карнизов, мраморная капитель (явно привозная, выполненная из проконесского мрамора), кубики мозаики из смальты и из мраморовидных известняков, круглые оконные стекла. Совершенно отсутствовали куски штукатурки с фресковой росписью. В развале найдены брусковые кирпичи, не имевшие следов раствора, а также керамические водопроводные трубы (диаметром 11.5 и 14 см) византийского типа.

Судя по строительной технике, полностью совпадающей с техникой остальных построек, возведенных при митрополите Ефреме, здание относится к концу XI в.

Смоленск. Раскопками 1965 г. на Соборной горе в Смоленске, т. е. на территории древнего смоленского детинца, были вскрыты остатки кирпичной постройки.[8] От здания сохранились лишь две смыкающиеся под прямым углом стены. Одна из них длиной 5.3 м, но, судя по лежащему рядом упавшему куску, первоначальная длина была не менее 7.8 м. Длина обнаруженной части второй стены несколько менее 5 м. Стены сохранились местами на высоту до 1.5 м.

В одной из этих стен (северо-западной) близ самого угла расположен дверной проем, несколько выступающий от плоскости стены наружу. Ширина проема около 1 м. Проем обрамлен двумя симметричными выступами. Сохранились плиты порога, а также камень с углублением — подпятник двери. Вход в здание вел не с уровня древней поверхности, а из специального приямка. Очевидно, пол здания находился ниже древней поверхности земли. Впрочем, учитывая, что постройка расположена на склоне, возможно, что пол несохранившейся части выходил на уровень земли.

По-видимому, здание было первоначально квадратным или близким к квадрату со сторонами не менее 8 м. Небольшая толщина стен (0.77 м) свидетельствует, что постройка могла иметь лишь балочное, а не сводчатое перекрытие. Полное тождество строительной техники с датированными памятниками смоленского зодчества позволяет определить время возведения здания — середина XII в.

Звенигород. Раскопками 1969—1971 гг. в галицком городе Звенигороде были раскрыты остатки княжеского дворца, относящегося, по-видимому, к середине XII в.[9] От здания сохранились лишь слабые следы фундаментных рвов и развал камней, поэтому план дворца может быть установлен очень приблизительно. Здание было разделено на несколько помещений (на приведенном А. А. Ратичем чертеже указаны 3 помещения). Общий размер здания 24.5×13.6 м, толщина его фундамента около 2 м. Предположение А. А. Ратича, что дворец по второму этажу соединялся с расположенной рядом церковью, лишено оснований, поскольку здание дворца находится к востоку от церкви, т. е. за ее апсидами.

Холм. В 1910—1912 гг. в г. Холме на Высокой Горке (древний детинец) были раскопаны куски каменной стены XIII в.[10] Исследователи предполагали, что это каменная оборонительная стена, окружавшая детинец. В 1966—1968 гг. здесь были вновь проведены раскопки.[11] При этом выяснилось, что обнаруженная ранее стена является частью дворцового здания. Стена возведена из зеленоватого известняка на известковом растворе, причем лицевые стенки сложены из подтесанного камня, а середина забучена обломками. Толщина стены около 2 м. Она ограничивает прямоугольное в плане пространство. Размер сооружения 38×22 м. Неясно, имело ли это помещение перекрытие, поскольку при 22-метровой ширине и отсутствии промежуточных опор оно не могло быть перекрыто ни сводами, ни балками.

* * *

Гражданский характер всех описанных выше построек не вызывает сомнений. Это были, конечно, постройки не культового и не военного назначения. В отношении переяславльского здания могут быть сомнения: не является ли оно той каменной баней, о которой есть сведения в летописи. Впрочем, более вероятно, что это остатки епископского дворца. В отношении всех остальных построек нет никаких сомнений — это безусловно дворцовые здания.

Один из дворцов сравнительно невелик; это однокамерное здание в Чернигове размером 7.5×

[8] Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники. — СА, 1967, № 3, с. 229.

[9] Ратич А. А. К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI—XIV вв. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 188.

[10] Раппопорт П. А. Холм. — СА, XX, 1954, с. 313.

[11] Gurba J., Kutyłowska I. Sprawozdanie z badań wczesnośredniowiecznego grodziska w Chełmie Lubelskim. — Sprawozdania archeologiczne, 1970, t. XXII, p. 231.

×7.5 м. По-видимому, похожа по плану и смоленская постройка. Остальные дворцы двух- или даже трехкамерные. Самое крупное здание — трехкамерная постройка, расположенная к югу от Десятинной церкви, — имеет размер 45×11.5 м.

Наиболее сложен вопрос о конкретном назначении данных построек. Ни одна из них не имела печи. Вместе с тем почти всюду были найдены следы богатой внутренней отделки. Это может свидетельствовать о том, что здания имели не жилой, а исключительно парадный характер, т. е. представляли собой не дворцы в целом, а лишь самостоятельные парадные залы, предназначенные для торжественных приемов и пиров, а не для жилья.[12] В таком случае собственно жилые помещения были, очевидно, деревянными и стояли где-то поблизости. Возможно, однако, и другое предположение — жилые помещения могли находиться на втором этаже, над парадными залами. Толщина стен и остатки рухнувших сводов определенно говорят о том, что в большинстве дворцовых построек первый этаж был перекрыт сводами. Над сводами могли находиться каменно-кирпичные или деревянные помещения второго этажа. В смоленском дворце наличие второго этажа в известной мере подтверждается рисунком XVII в. (план Гондиуса), на котором это здание изображено высоким, башнеобразным.[13] О том, что дворцовые постройки имели, как правило, второй этаж, свидетельствует также наличие переходов из дворцов непосредственно на хоры дворцовых церквей. Такие переходы сохранились в Боголюбове (где само здание дворца полностью уничтожено) и известны по летописному описанию дворца в Галиче.[14]

[12] Некоторые исследователи сопоставляют остатки киевских дворцов с упоминаемыми в летописях и былинах зданиями для пиров — гридницами (см., например: Л и н и ц Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, с. 176).

[13] В о р о н и н Н. Н., Р а п п о п о р т П. А. Смоленский детинец. . ., с. 300.

[14] Подробнее об этом см.: В о р о н и н Н. Н. Жилище. — В кн.: История культуры Древней Руси. Т. I. М.—Л., 1948, с. 224.

ГЛАВА I

КОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩ

ТИП КОНСТРУКЦИИ

К наиболее важным элементам, определяющим конструктивный тип жилища, относятся устройство его стен, кровли, отношение уровня пола к уровню поверхности земли. Несмотря на то что далеко не все эти данные удается выяснить при раскопках, некоторые, а часто даже основные принципы устройства жилищ обычно все же выявляются. Так, почти всегда улавливается уровень пола, дающий возможность определить, было ли жилище полуземляночным или наземным. Наличие или отсутствие столбовых ям, расположение печей вплотную или отступя от стенок, отпечатки деревянных стен на земляных стенках котлована и остатки сгоревших частей стен — все это дает возможность решить, были ли стены жилища срубными или столбовыми. Сведя воедино имеющиеся сведения, можно попытаться проследить развитие конструкции древнерусских жилищ.

ЖИЛИЩА VI—VII вв.

Жилища VI—VII вв. начали систематически изучать примерно 10—15 лет тому назад. До этого бесспорно славянские памятники были известны лишь для периода начиная с VIII в. Открытие многочисленных славянских поселений VI—VII вв., имеющих прямую генетическую связь с более поздними славянскими памятниками вплоть до эпохи Киевской Руси, является одним из наиболее серьезных достижений советской археологии.

Памятники этого времени известны сейчас на территории лесостепи — от верховьев Днестра и Западного Буга на западе до Днепра на востоке. Все жилища VI—VII вв. прямоугольные в плане, обычно близкие к квадрату. Они заглублены в грунт большей частью на 40—70 см. Часто глубина их еще меньше — 30—40 см, а в отдельных случаях даже 15—20 см. Максимальная глубина большей частью не превышает 1 м.

Малая заглубленность этих жилищ в грунт свидетельствует, что значительная часть их стен поднималась над поверхностью земли. Поэтому крыша должна была опираться не на земляные края котлованов, а на стены. Тем не менее жилища такого типа, даже очень незначительно углубленные, принято называть полуземлянками. Термин этот, конечно, условен, однако он имеет широкое распространение в научной литературе, так как позволяет достаточно четко разделять два принципиально различных типа жилищ — жилища с полом, пониженным по отношению к уровню земли, и жилища наземного типа с полом, который расположен на уровне поверхности или поднят над ним.

Жилищ наземного типа на славянских поселениях Восточной Европы VI—VII вв. не обнаружено; все жилища здесь полуземляночные.

Колебания глубины пола жилищ по отношению к уровню древней поверхности, по-видимому, в основном зависели от местных условий и обычно довольно значительно варьируют на одном и том же поселении при наличии совершенно однородных по размерам и конструкции жилищ.

Размеры сторон жилищ, вернее сторон их земляных котлованов, очень редко бывают меньше 2.5 м. С другой стороны, они также редко превышают 5 м. Наиболее распространенный размер — 3—4 м. Пол жилищ обычно ровный, часто имеющий небольшое понижение к центру, изредка подмазанный глиной.

Стены жилищ в большинстве случаев были, по-видимому, срубными. Другой тип конструкции стен трудно предположить, так как при глинобитных стенах на краях котлованов жилищ должны были оставаться большие завалы глины, а при столбовой конструкции должны были сохраниться ямы от столбов. Между тем во время раскопок жилищ нигде не было отмечено скопления глины, а столбовые ямы встречаются лишь в незначительном количестве построек. Да и те столбовые ямы, которые были обнаружены, часто явно не имели отношения к конструкции стен, а служили для поддержки перекрытия. Об этом

свидетельствуют, например, те случаи, когда столбовые ямы расположены не по контуру жилища, а заметно выступают за линию стен наружу (Корчак) или внутрь жилища (Рашев II).

В нескольких пунктах (Семенки, Городок на р. Смотрич) при раскопках удавалось обнаружить остатки бревен от срубов. В одном случае (Самчинцы) остатки сруба сохранились довольно хорошо; бревна имели диаметр около 20 см. Однако очень вероятно, что часто срубы делали из более тонких бревен, чем и объясняется необходимость установки столбов для поддержания кровли. Так, имеются жилища, в которых столбовые ямы расположены не в углах, а лишь у середины двух противолежащих стен (Демьянов, Перебыковцы—Лука). Возможно, что стены таких жилищ были срубными, но выполненными из тонких бревен, и поэтому для поддержки конька крыши здесь понадобилась установка столбов. В Рашеве у стен жилищ сохранились остатки не бревен, а плах, из которых был, видимо, сделан сруб. Судя по найденным кускам глиняной обмазки, весьма вероятно, что срубные стены были (во всяком случае иногда) промазаны глиной.

На поселении Луг 1 в Пеньковке можно отметить явное наличие не срубной, а столбовой конструкции стен. Здесь имеется некоторое количество жилищ (несколько менее половины раскопанных), в которых обнаружены столбовые ямы. Ямы эти иногда расположены не только в углах, но и у середины стен, причем ямы у середины стен имеют не круглую, а удлиненную (вытянутую вдоль стен) форму. По аналогии с более поздними жилищами, где такое расположение ям встречается часто и иногда в сочетании с сохранившимися остатками самих стен, можно полагать, что в данном случае стены были сделаны из плах, прижатых к земляным стенкам котлованов с помощью столбов. Такая же картина наблюдается в двух жилищах на поселении Рашев II, в одном жилище на поселении Глубокое. Наличие столбовых ям в углах и у середины стен отмечено также в жилищах на поселении Зеленый Гай. Следует отметить, что на поселении Пеньковка в жилищах, не имеющих столбовых ям, печи отстоят от стенок котлованов на 30—35 см, в то время как в жилищах со столбовыми ямами — всего на 10—12 см. Очевидно, более широкое пространство между печью и земляной стенкой требовалось для помещения бревен сруба, в то время как для плах или досок столбовой конструкции это пространство оставляли гораздо меньшим.

Некоторые исследователи выделяют среди полуземлянок в Прутско-Днестровском междуречье группу жилищ с опорным столбом, расположенным в центре помещения.[1] Жилища с таким столбом известны в лесостепной, а частично и в лесной зоне Восточной Европы на более древних поселениях (в основном первой половины I тыс. н. э.), этническая принадлежность которых еще не ясна. Смешанный состав керамики во многих комплексах VI—VII вв. на поселениях Прутско-Днестровского междуречья не дает уверенности, что здесь нет более ранних или неславянских жилищ. Между тем на других территориях в безусловно славянских поселениях начиная с VI в. такая конструкция не выявлена. Поэтому вопрос о наличии среди славянских жилищ VI—VII вв. построек, имеющих центральный столб, пока остается открытым.

Изредка в жилищах VI—VII вв. встречаются небольшие хозяйственные или припечные ямы. В большем количестве круглые и овальные хозяйственные ямы найдены вне жилищ. На некоторых поселениях наряду с полуземляночными жилищами встречаются полуземлянки, меньшие по размерам и лишенные печей, — очевидно, хозяйственные постройки. Встречаются вне жилищ и каменные очаги, вероятно напольные.

На поселениях Рашев и Городок на р. Смотрич в нескольких жилищах вдоль стен проходили земляные приступки, игравшие, по-видимому, роль лавок или столов.

Входы в жилища, видимо, были устроены большей частью с помощью деревянных лесенок, поскольку никаких земляных остатков от них в большинстве жилищ не найдено. Однако в нескольких жилищах на поселениях Городок на р. Смотрич, Пеньковка и Корчак, в одном жилище на поселении Ханска II и в одном жилище на поселении Пригородок имелись вырезанные в земле коридорчики или ступеньки, служившие входами.

Таким образом, несмотря на то что в настоящее время на территории Восточной Европы изучено еще очень немного славянских жилищ VI—VII вв., некоторые общие и основные конструктивные черты этих жилищ вырисовываются достаточно отчетливо.[2]

ЖИЛИЩА VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.

Славянские памятники Восточной Европы, относящиеся к VIII—X вв., археологи изучают уже давно, и количество известных жилищ этого времени значительно превышает число изученных жилищ VI—VII вв. Жилища VIII—X вв. четко разделяются на две разобщенные между собой группы (рис. 27). Первая группа включает в себя подавляющее большинство памятников этого времени и занимает всю территорию лесостепи, несколько заходя как на юг, в степь, так и на север, в лесную зону. Вторая группа — крайне немногочисленные памятники севера, сконцентрированные в новгородско-псковском районе. Жилища в этих двух группах относятся к различным типам: все жилища южной группы — полуземляночные, все северные жилища — наземные. Наземные срубные дома, раскопанные на юге — в Белой Веже, настолько явно занесены сюда прин-

[1] Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Автореф. канд. дисс. М., 1968, с. 9.

[2] В литературе встречаются даже попытки дать характеристику жилищ VI—VII вв. по отдельным районам (см., например: Приходнюк О. М. Ранньослов'янське житло на Поділлі. — Археологія, 1971, № 3, с. 26; Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, Е1-25, 1973, с. 23; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 16—30).

лым населением, что для территории степи или даже лесостепи безусловно являются чуждым элементом. Совершенно единичным остается жилище, вскрытое рядом со святилищем в бассейне р. Тетерева, близ с. Шумска.

Между этими двумя группами, в средней части лесной зоны, жилища этой поры вообще не известны. Правда, работами последних лет выявлены безусловно славянские памятники IX—первой половины X в. и в средней части лесной зоны, т. е. находящиеся между двумя группами. Так, подобное поселение начал копать И. И. Ляпушкин в районе Смоленска.[3] Однако тип жилищ на этом поселении пока установить не удалось.

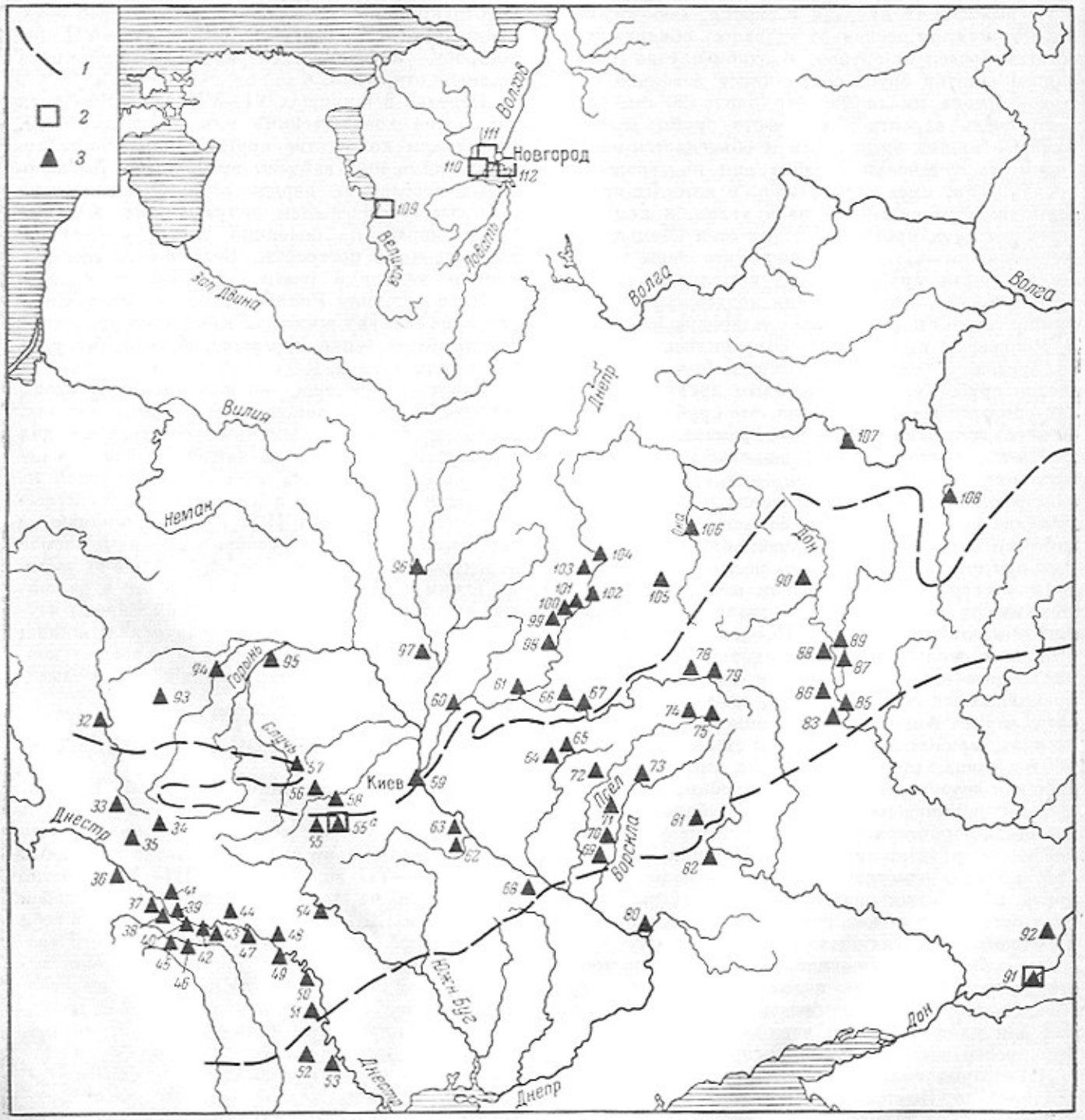


Рис. 27. Распространение наземных и полуземляночных жилищ в VIII—первой половине X в.
1 — северная и южная границы лесостепи; *2* — наземные жилища; *3* — полуземлянки.

[3] Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 33.

Особенно много жилищ VIII—X вв. было раскопано на территории Днепровского Левобережья, на поселениях так называемой роменско-боршевской культуры. Здесь имеются поселения, где были проведены систематические и планомерные раскопки, материал которых был затем хорошо опубликован. Одно из городищ этого района (Новотроицкое) было вскрыто целиком. Много жилищ раскопано в последние годы в Поднестровье. Значительно слабее изучены памятники, синхронные роменским, на территории Днепровского Правобережья.

Подобно жилищам предшествующей поры, жилища VIII—X вв. южной группы, т. е. территории степи, лесостепи и южной части лесной зоны, представляют собой прямоугольные, большей частью почти квадратные полуземлянки. Они обычно заглублены в грунт на 0.5—1.0 м, иногда несколько меньше — на 30—40 см. Встречаются жилища, заглубленные в грунт всего на 20—25 см. Наибольшая глубина — 1.6 м. Размер сторон земляных котлованов жилищ обычно колеблется от 3.0 до 4.5 м, редко снижаясь до 2.5 м и также редко доходя до 5.5 м. По сравнению с жилищами предшествующего периода жилища VIII—X вв. иногда имеют несколько большие размеры и глубину. Впрочем, разница эта очень невелика и большинство жилищ VIII—X и VI—VII вв. имеют одинаковые глубину и величину сторон.

Рис. 28. Два варианта ям для установки столбов у середины стен.

Пол жилищ почти всегда материковый, ровный, обычно слегка понижающийся к середине. В тех случаях, когда пол лежит не на материке, а на культурном слое или каком-либо неплотном грунте, встречаются следы подмазки этого пола глиной, иногда в несколько слоев.

Конструкция стен жилищ в VIII—X вв. была как срубной, так и столбовой. Чисто глинобитная конструкция стен полностью исключается, ибо нигде во время раскопок жилищ этой поры не обнаружено более или менее значительных завалов глины. В то же время остатки дерева встречаются очень часто.

Очень широкое распространение в жилищах VIII—X вв. получила столбовая конструкция стен. При такой конструкции во всех углах котлована жилища обязательно должны оставаться следы столбов, т. е. столбовые ямы. Кроме того, очень часто находят еще столбовые ямы у середины стен. При этом если угловые ямы всегда круглые, то ямы у середины стен большей частью имеют полукруглую или удлиненную форму (рис. 28). Очевидно, в углах в качестве столбов стояли круглые бревна, а у середины стен — плахи. Иногда удлиненные ямы настолько вытянуты, что заставляют предполагать наличие двух поставленных рядом столбов. В ряде случаев остатки таких сдвоенных столбов были обнаружены. Столбовые ямы имеют, как правило, плоское дно, свидетельствующее о том, что столбы зарывались в землю, а не забивались.

С помощью столбов крепились стены, сделанные из плах или досок (рис. 29). Высказывалось предположение, что плахи или доски закреплялись в пазах угловых столбов. По-видимому, в большинстве случаев это делалось иначе: доски или плахи просто прижимались столбами к земляным стенкам котлованов (рис. 30). Об этом свидетельствует прежде всего форма промежуточных столбов, стоявших у середины стен. Применение в данном случае плах или сдвоенных столбов могло иметь смысл только в том случае, если столбы предназначались для прижимания досок стен. При таком применении плахи давали большую плоскость соприкосновения со стенами и в то же время меньше выступали от стен внутрь жилища, т. е. занимали внутри жилища мало места. При закреплении же досок стен в пазах столбов плахи не могли быть использованы. Предположение, что столбовые ямы представляют собой следы стульев, на которые опирался сруб, также беспочвенно, ведь котлованы полуземлянок отрыты, как правило, в материке и поэтому подводить под сруб стулья нет необходимости. Полукруглая форма ям у середины стен тоже делает подобное предположение неправдоподобным, поскольку специальное применение в качестве стульев не столбов, а плах совершенно бессмысленно.

В нескольких случаях в раскопках были обнаружены остатки плах, составлявших конструкцию стен, прижатых к земляным стенкам. Так, например, в Титчихе в одном из жилищ найдено пять плах, расположенных одна над другой, а прижимавший их столб сохранился на высоту до 70 см.

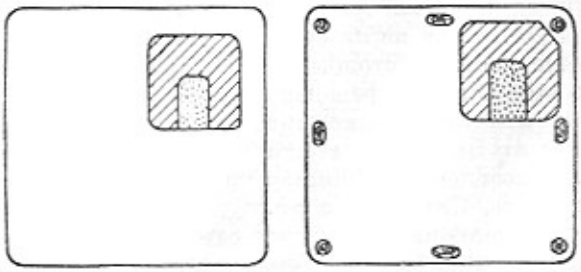


Рис. 29. Планы полуземляночных жилищ без столбовых ям и со столбовыми ямами.

Второй тип конструкции стен, применявшийся в жилищах VIII—X вв., — срубный. Наличие срубной конструкции естественнее всего предполагать в тех случаях, когда в котлованах жилищ нет столбовых ям. Иногда на дне жилищ вдоль стен проходят неглубокие канавки, в которых, очевидно, лежали бревна нижнего венца сруба. В целом ряде случаев (Игрень, Боршево, Титчиха, Буки и др.) удалось обнаружить даже остатки самих бревен срубов.

Впрочем, отсутствие столбовых ям еще не предопределяет наличие срубной конструкции. Во многих поселениях наряду с полуземлянками,

имеющими полный комплект столбовых ям (в углах и у середины стен), встречаются точно такие же полуземлянки, но либо совершенно лишенные ям, либо всего с одной или двумя такими ямами. Вряд ли конструкция этих жилищ могла принципиально отличаться от конструкции расположенных рядом жилищ со столбовыми ямами. Гораздо вероятнее, что одинаковые по размерам и форме одновременные жилища должны были быть одинаковыми или близкими и по конструкции. Видимо, полуземлянки без столбовых ям также имели в данном случае опорные столбы, но не закопанные в землю, а закрепленные на нижней обвязке. Доказательством этого является следующее обстоятельство: сруб безусловно должен был иметь врубки во всех четырех углах, что было невозможно при наличии печи, плотно вдвинутой (или даже врезанной) в материковый земляной угол. Такие печи найдены, например, на Новотроицком и Петровском городищах, на поселении Опошня и некоторых других. Наличие канавки от бревна в полу жилища не служит окончательным доказательством применения срубной, а не столбовой конструкции, поскольку канавка может быть отпечатком брусьев нижней обвязки.

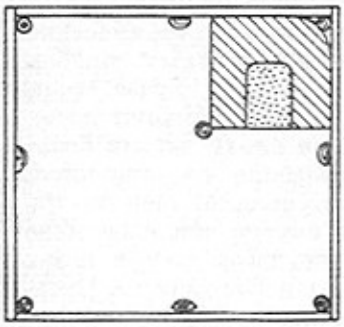


Рис. 30. План полуземляночного жилища со стенами, прижатыми столбами.

Таким образом, отсутствие столбовых ям может — но далеко не всегда — свидетельствовать о срубной конструкции. При этом срубы иногда сочетались со столбами: в том случае, если срубы были сделаны из тонкого леса, кровля должна была опираться не на срубные стены, а на специальные опорные столбы. При отсутствии столбовых ям одним из решающих признаков наличия сруба является размещение печи несколько отступя от земляных стенок котлована (рис. 31). Так поставлены, например, печи на поселениях Коржовка, Сахновка и др.[4]

К сожалению, отпечатки самих стен, т. е. их бревен или досок, на земляных стенках котлованов встречаются очень редко. Это объясняется прежде всего тем, что в процессе строительства жилищ котлован часто отрывали не с вертикальными, а со слегка наклонными стенками. После того как в котлован ставили сруб или устанавливали столбы и прикладывали к ним снаружи доски, пространство между деревянной и материковой стенками забивали землей или глиной. Таким образом, деревянные стены примыкали не к материковой земле, а к земляной забивке, которую в процессе раскопок очень трудно сохранить. Подобная система строительства отчетливо прослежена, например, на Большом Боршевском городище. И все же в отдельных случаях (например, в Белой Веже) на земле были обнаружены отпечатки дощатой опалубки стен.

Применение срубной и столбовой конструкции стен часто можно обнаружить на одном и том же поселении. Поэтому создается впечатление, что полуземляночные жилища VIII—X вв. почти не имеют различий на всей рассматриваемой территории. Между тем более детальное изучение материала показывает, что здесь можно выделить две зоны, граница между которыми проходит примерно по Днепру.

На территории к западу от Днепра, т. е. там, где были известны жилища VI—VII вв., сохранились традиции, идущие от этого более раннего времени; преобладающим типом здесь по-прежнему являются жилища со срубной конструкцией стен. На данной территории нет ни одного поселения, в котором столбовая конструкция была бы полностью преобладающей. В Плеснеске жилища столбовой и срубной конструкции сосуществуют. На поселениях Лука-Райковецкая, Незвиско и Бранешты столбовые ямы встречаются в меньшей части раскопанных жилищ. В Буках и Тетеревке обнаружены срубы; кроме того, столбовые ямы в Тетеревке расположены настолько нерегулярно, что исключают возможность применения нормальной столбовой конструкции. Все остальные поселения VIII—X вв. этого района (Сахновка, Каневское поселение, Коржовка, Григоровка и др.) вообще не имеют столбовых ям в жилищах.

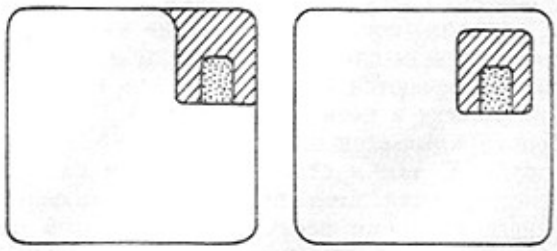


Рис. 31. Планы полуземляночных жилищ с печью, стоящей вплотную к земляным стенкам и отступя от них.

К востоку от Днепра достаточно четко выделяется вторая зона, в которой полностью господствует столбовая конструкция стен. Впрочем, граница между указанными зонами не вполне определенная. Так, на правом берегу Днепра на поселении Пеньковка (Луг 2 и Макаров Остров) в большинстве жилищ обнаружены достаточно четко выраженные следы столбовой конструкции. С другой стороны, на поселении у с. Игрень, на левом берегу Днепра, найдены тем не менее остатки сруба. Все остальные поселения Днепровского Левобережья, вплоть до Дона, имеют почти

[4] Следует отметить, что положение глиняной печи, вплотную примыкавшей к углу жилища, не обязательно вызывается конструкцией этой печи, врезанной в материковый останец. Известны печи подобной конструкции, расположенные так, что между печью и земляными стенками оставалось достаточно места для помещения здесь срубной стены. Такие примеры встречаются даже в древнейшем периоде (VI—VII вв.) — на Рипневском поселении.

исключительно столбовую конструкцию жилищ. Особенно четко это выявлено на таких достаточно хорошо изученных поселениях, как Новотроицкое, Волынцево, Большое и Малое Боршевские, Титчиха, Донецкое. На них в большинство жилищ есть полный комплекс столбовых ям — во всех углах и у середины каждой стены. Но даже на тех поселениях, где в большинстве жилищ имеется всего по две столбовые ямы (например, Опошня), расположение печей, врезанных в угол жилища, не позволяет допустить наличие срубной конструкции стен. Замечательно, что на Большом Боршевском городище срубными являются в основном хозяйственные постройки, а не жилища.

Незначительная глубина многих полуземлянок свидетельствует о том, что стены их должны были подниматься над землей и, следовательно, кровля в большинстве случаев не могла опираться непосредственно на землю.[5]

В некоторых жилищах обнаружены входы в виде земляных ступенек. На Большом и Малом Боршевском, а также на Донецком городищах обнаружены врезки в борта земляных котлованов — как бы откосы небольших оконных проемов. Назначение этих окон не вполне ясно. Расположение проемов рядом с печью (Боршевские городища) заставляет думать, что основное их назначение — отвод дыма.[6] В то же время на Донецком городище подобные врезки расположены напротив печей, что позволяет рассматривать их как остатки ступенек входа. Наличие в одном из жилищ земляных ступенек в другой, противоположной стене нисколько не противоречит такой интерпретации, поскольку жилище могло быть перестроено и вход при этом мог быть перенесен на новое место.

Вдоль стен жилищ VIII—X вв. иногда находят земляные приступки, как бы длинные скамьи, вырезанные в материковом грунте или — реже — сбитые из глины. Кое-где на них сохраняются следы деревянной облицовки. Такие приступки довольно редки; они известны на Каневском поселении, на городище Монастырище, единичные примеры есть на поселениях Пеньковка, Сахновка.

Изредка в жилищах встречаются хозяйственные ямы. Значительно чаще такие ямы (обычно круглые) расположены вне жилищ, но неподалеку от них. На многих поселениях, кроме жилищ, были найдены остатки хозяйственных построек, иногда совпадающих по конструкции с жильем, а иногда более облегченных, без печей и, как правило, меньшего размера, чем жилища.

На городище Белая Вежа, кроме обычных полуземляночных жилищ, было раскопано несколько наземных. Это срубные избы с глинобитными печами или печами-каменками. Сохранились остатки бревен нижнего венца, соединенные на углах врубкой «в обло». Под нижним венцом кое-где отмечены столбовые ямы от деревянных стульев. Жилища эти явно отражают систему домостроительства не лесостепной, а лесной зоны.

О конструкции наземных жилищ северной группы лесной зоны в силу плохой сохранности памятников известно очень немного. Однако все же ясно, что это были срубные избы. По площади они несколько больше, чем полуземляночные жилища. В одном случае (Георгий), судя по кускам обмазки, можно заключить, что пазы и щели срубов были промазаны глиной. В двух поселениях (Псков, Рюриково городище) удалось установить наличие деревянного пола. Под углами срубов довольно часто зарыты деревянные столбы-стулья. На Рюриковом городище под полом жилища имелась хозяйственная яма довольно значительных размеров. По-видимому, нечто подобное было обнаружено и во Пскове (по определению С. А. Тараканової — подвал).

ЖИЛИЩА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X—XI в.

Жилища второй половины X—XI в. изучены в меньшем количестве, чем памятники предшествующего и последующего периодов. Объясняется это в основном двумя причинами. Во-первых, поселения данной поры большей частью продолжали существовать и позже, в XII—XIII вв. Поэтому напластования более позднего времени часто разрушали жилища XI в. или же благодаря перемешанности культурного слоя не позволяли их выделить. Во-вторых, до самого последнего времени археологи часто отмечали в своих отчетах лишь суммарно наличие материала, и особенно керамики, «эпохи Киевской Руси» или «великокняжеского времени», т. е. X—XIII вв., не пытаясь хронологически его расчленить. В таких случаях на основании публикаций и отчетов не удается выделить XI в. и отделить его от XII—XIII вв.

Тем не менее в настоящее время жилища второй половины X—XI в. выявлены достаточно отчетливо, особенно на территории Галицкой, Волынской и Новгородской земель. В меньшем количестве они известны в других районах. Важно при этом отметить, что памятники данного времени найдены на всей территории лесной зоны — не только в ее северной и южной частях, но и посередине (рис. 32).

В лесостепной зоне и в южной части лесной зоны по-прежнему господствовал полуземляночный тип жилищ, а в северной части лесной зоны применялся исключительно наземный тип. В средней части лесной зоны, на территории современной Белоруссии и в бассейне Оки, известны оба конструктивных типа. Таким образом, по сравнению с предыдущим периодом полуземляночные жилища распространены несколько дальше на

---

[5] Необходимо, впрочем, отметить, что в некоторых случаях могли существовать жилища, целиком заглубленные в землю и не имеющие надземных частей стен. Таковы, например, по интерпретации И. И. Ляпушкина, жилища на Новотроицком городище (Л я п у ш к и н И. И. Городище Новотроицкое. М.—Л., 1958, с. 206).

[6] В болгарском языке слово «баджа» одновременно обозначает и окно и дымовую трубу (Т и х о в Н. З. Материалы для истории развития славянского жилища. — В кн.: Изв. Общ. археол., истор. и этногр. при Казанск. унив. Т. IX, вып. 1. Казань, 1891, с. 51).

север. Однако если территория, занятая полуземлянками, немного расширилась, то гораздо заметнее это явление по отношению к наземным жили-

части лесной зоны по существу не известны и поэтому реальная картина соотношения территорий, занятых разными типами жилищ в

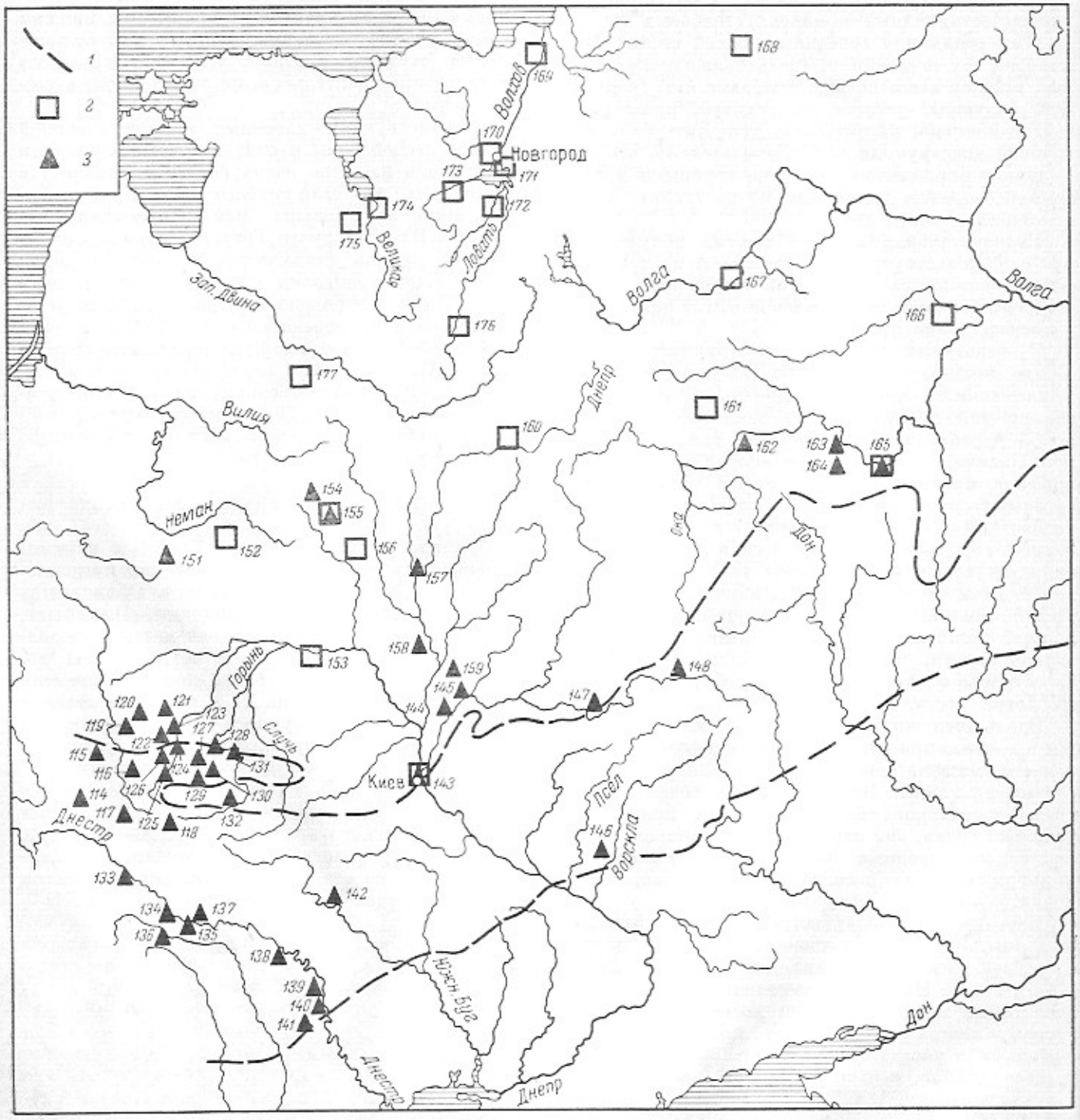


Рис. 32. Распространение наземных и полуземляночных жилищ во второй половине X—XI в.

1 — северная и южная границы лесостепи; *2* — наземные жилища; *3* — полуземлянки.

щам, которые далеко продвинулись к югу и заняли в X—XI вв. значительно большую часть лесной зоны, чем в предшествующий период. Впрочем, следует все время помнить, что славянские поселения древнее середины X в. в средней

X—XI вв. и в более раннее время, для лесной зоны еще неясна.

Полное господство полуземляночных жилищ в зоне лесостепи в X—XI вв. не подлежит сомнению. Наземные жилища здесь известны лишь

в междуречье Днестра и Прута на территории современной Молдавии, где они существовали одновременно с полуземлянками и, по-видимому, представляли собой летние дома облегченного типа (Алчедар). Единственный пример наземного жилища в северной части Галицкой земли (Рипнев) мало достоверен, поскольку жилище очень плохо сохранилось. Наконец, упоминания о наземных жилищах в районе Канева настолько плохо документированы, что не могут служить основанием для каких-либо выводов.[7] К тому же наличие в одном из этих жилищ очага в центре помещения заставляет подозревать их неславянскую принадлежность. Единственным исключением являются наземные срубные дома, раскопанные на Подоле, в Киеве. Конечно, наличие таких домов не меняет вывода о том, что в зоне лесостепи X в. полуземлянки являлись основным типом жилья. Полуземляночные жилища названного времени представлены здесь настолько большим количеством хорошо изученных памятников, что исключают возможность каких-либо сомнений. Остается предположить, что наземные дома на Подоле появились в силу исключительных обстоятельств. Быть может, их появление связано с переселением в Киев значительной группы северорусского населения (ведь именно на Подоле стояла новгородская божница). Не менее вероятно, что это специфический тип жилища, связанный с заселением расположенного на заливаемой территории посада большого города. Вопрос о происхождении таких домов пока остается открытым.

Полуземляночные жилища второй половины X—XI в. прямоугольные, большей частью близкие к квадрату, заглубленные в грунт на 0.5—0.8 м, а иногда до 1.2 м. Размер их сторон обычно от 3 до 4.5 м. Таким образом, по сравнению с жилищами VIII—X вв. размер и глубина жилищ почти не изменились (рис. 33). Пол жилищ всегда ровный, большей частью слегка понижающийся к середине, иногда смазанный глиной или подсыпанный песком. Встречаются жилища, имеющие входы с земляными ступеньками или в виде коридорчиков.

Рис. 33. Остатки полуземляночного жилища X—XI вв. Крылос. (Раскопки 1955 г. М. К. Каргер). Жилище 3.

Столбовые ямы есть в подавляющем большинстве жилищ этого времени. Как правило, они расположены в углах, но часто, кроме того, находятся и у середины стен. Ямы имеют плоское или скругленное дно, поскольку столбы не забивали в землю, а зарывали.

Конструкция стен жилищ была деревянной, о чем свидетельствуют остатки сгоревшего или сгнившего дерева, обнаруженного во многих случаях вдоль земляных стенок котлованов. Большей частью стены сооружали из плах (или досок), прижатых к земляным стенкам с помощью столбов. В Белой Веже в нескольких жилищах были обнаружены хорошо видимые отпечатки такой конструкции на стенках котлованов. Там, где никаких следов подобной конструкции не сохранилось, о наличии плах, прижатых столбами, говорит форма столбовых ям, особенно удлиненных, находящихся у середины стен. По-видимому,

[7] См., например: Богусевич В. А. Канівська археологічна експедиція. — АП, III, 1952, с. 150.

надземная часть деревянных стен жилищ иногда обмазывалась глиной, как об этом свидетельствуют найденные куски глиняной обмазки.

Наличие среди жилищ этого времени полуземлянок, не имеющих столбовых ям, заставляет полагать, что иногда применялась и срубная конструкция стен. Так, о срубной конструкции свидетельствуют канавки в полу жилищ вдоль их земляных стенок — очевидно, следы нижнего венца сруба (например, в Белой Веже), а изредка

Рис. 34. Остатки полуземляночного жилища X—XI вв. Владимир-Волынский, Белые Берега. (Раскопки 1955 г. М. К. Каргер).

и остатки самих стен (Червоне, Рудь). Севернее, в Волковыске, выявлены остатки срубных стен, но сложенных из тонких бревен и сочетающихся со столбовыми ямами. Следует отметить, что наличие срубной конструкции отмечено лишь в незначительном количестве жилищ — и в основном в жилищах небольшого размера. В то же время имеются случаи, где даже при отсутствии столбовых ям срубы не могли быть применены, как например в полуземлянке Владимира-Волынского (урочище Белые Берега), поскольку печь здесь сливалась с материковыми стенками, не оставляя места для срубных стен (рис. 34).

Таким образом, картина распределения конструктивных типов жилищ на рассматриваемой территории к X в. по сравнению с предшествующим периодом существенно меняется. Жилища этого времени (т. е. второй половины X—XI в.) — по-прежнему полуземлянки, но устройство их стен приобретает более единообразный характер: преобладает столбовая конструкция. Срубная конструкция продолжает применяться, по-видимому, главным образом в юго-западной части древнерусской территории.

Жилища наземного типа, относящиеся ко второй половине X—XI в., все срубные. Там, где удалось установить породу дерева, из которого они построены, это обычно сосна (Новгород, Старая Ладога, Белоозеро). Впрочем, наряду с сосновыми бревнами почти всегда в меньшем количестве используются и еловые. Диаметр бревен, как правило, не менее 20 см. Во многих случаях отмечено, что срубы промазывались глиной. Покрывала ли глина всю стену или же только пазы между бревнами, неясно. Точно так же неизвестно, производилась ли обмазка с одной или с двух сторон стены. Во всяком случае куски глиняной обмазки с отпечатками бревен были найдены в Новогрудке, Старой Ладоге, на поселении Бенцы и на Рюриковом городище под Новгородом. Однако в самом Новгороде, где было раскопано значительное количество жилищ относительно хорошей сохранности, никаких следов обмазки срубов глиной не отмечено. Под нижними венцами срубов встречаются бревенчатые подкладки. Иногда (например, в Новгороде) такие подкладки образуют даже специальную конструкцию, скрепленную внешним бревенчатым венцом. В нескольких случаях под углами срубов найдены закопанные в землю столбы-стулья. По-видимому, подкладки под срубы применялись в более северных районах чаще, чем стулья. Так, покладки известны в Новгороде и Белоозере, а стулья на поселении Бенцы, в Городке на р. Ловати, на

Пекуновском селище. Впрочем, небольшое количество изученных памятников этой поры не позволяет еще в настоящее время наметить районы, в которых господствуют определенные варианты строительной техники наземного срубного строительства.

Полы в наземных жилищах дощатые, на лагах. В нескольких случаях (Новгород, Старая Ладога) отмечено, что лаги лежали не на земле, а были несколько приподняты над нею, так как врубались в бревна сруба жилища. Судя по тому, что под остатками полов не обнаружено

ЖИЛИЩА XII—XIII вв.

Русские жилища, относящиеся к XII—XIII вв., выявлены во время раскопок в значительно большем количестве, чем жилища других этапов истории восточных славян. Помимо обычных однокамерных, для данного периода известны уже и жилища более сложные, состоящие из нескольких помещений. К этому нужно добавить большое количество раскопанных жилых построек, расположенных в срубных клетях оборонительных валов.

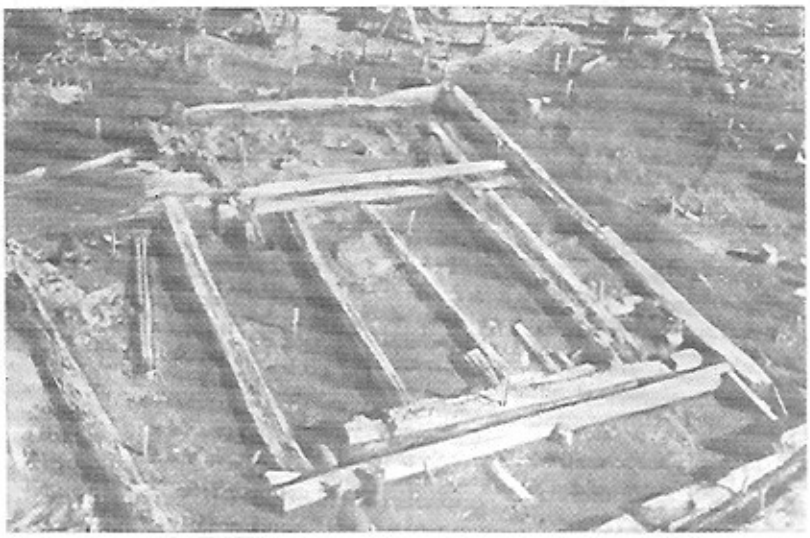


Рис. 35. Наземное срубное жилище X в. со вторым наружным венцом. Старая Ладога, горизонт Д, центральный комплекс. (Раскопки 1948 г. В. И. Равдоникас).

хозяйственных или бытовых находок, подполья не использовались для хозяйственных нужд, а служили исключительно для изоляции пола от влажной почвы.

В ряде пунктов (Новгород, Псков, Старая Ладога, Городок на р. Ловати) отмечено наличие галереек, примыкавших к срубу с одной или нескольких сторон. В Новгороде и Старой Ладоге у срубных жилищ выявлены вторые, наружные венцы, которые авторы публикаций интерпретировали как ограждения земляных завалин (рис. 35). Однако приподнятый пол этих жилищ, а порой и целые сооружения из подкладок приводят к выводу, что здесь принимали всевозможные меры, чтобы уберечь жилища от сырости. Земляные завалины, наоборот, увеличили бы сырость. Поэтому более вероятно, что наружные венцы представляют собой основание галерей, примыкавших к главному срубу жилища большей частью с трех сторон.[8] Стремление утеплить нижнюю часть сруба можно отметить лишь в одном случае: в Новогрудке пол одного из жилищ был несколько заглублен в землю — по типу полуземлянки.

[8] Подробную аргументацию положения, что наружные венцы не могли представлять собой ограждение завалин, см.: Спегальский Ю. Н. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 165.

Общее количество жилищ XII—XIII вв. на территории Древнерусского государства, учтенных в настоящее время, равно примерно половине всех славянских и древнерусских жилищ, которые известны на указанной территории с VI в. Очень важно, что многие из этих жилищ расположены на поселениях, уничтоженных монголами в 1240—1241 гг. Катастрофическая гибель обусловила лучшую, чем обычно, сохранность остатков жилищ. К тому же очень часто поселения, погибшие во время монгольского вторжения, в течение долгого времени стояли заброшенными, и поэтому над жилищами XIII в. здесь обычно нет никаких культурных напластований, по крайней мере до XVI—XVII вв.

Все эти обстоятельства привели к тому, что археологические данные о жилищах XII—XIII вв. значительно более полны, чем о постройках предшествующей поры. И эти данные, хотя тоже достаточно отрывочные, позволяют судить как об основных конструктивных особенностях русских жилищ XII—XIII вв., так и о соотношении различных типов этих жилищ (рис. 36).

Прежде всего — это время широкого наступления наземных жилищ. Заполняя всю лесную зону, наземные жилища в западной части древнерусской территории охватывают также и зону лесостепи, вплоть до Карпат. В Белоруссии, где еще

в XI в. часто встречались полуземлянки, в XII в. применяются уже исключительно наземные дома. Районом полного преобладания полуземлянок в это время остается по существу лишь Среднее Поднепровье. Правда, в литературе неоднократно предпринимались попытки доказать, что и среди жилищ Среднего Поднепровья XII—XIII вв. большой процент составляют наземные жилища. Детальный анализ археологической документации такие утверждения опровергает. Среди рядовых одно-камерных жилищ XII—XIII вв. на территории Среднего Поднепровья обнаружено лишь одно жилище наземного типа (в Белгороде), но и это еще требует подтверждения. Не известны наземные рядовые жилища и в Киеве, если не считать очень неясных отпечатков одного жилища XIII в., обнаруженного при раскопках 1955 г. Учитывая, что на территории лесостепной и южной

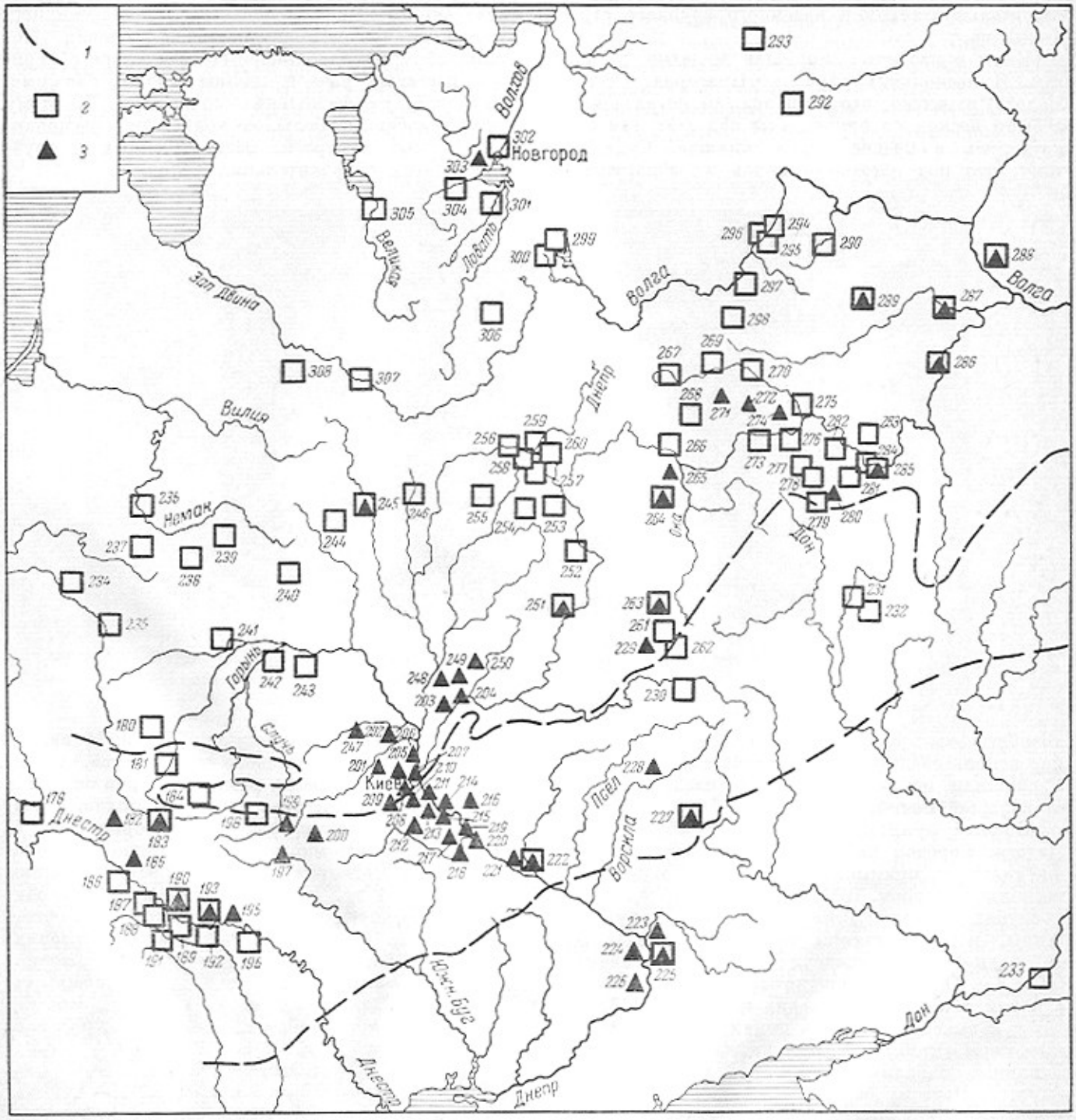


Рис. 36. Распространение наземных и полуземляночных жилищ в XII—XIII вв.

1 — северная и южная границы лесостепи; *2* — наземные жилища; *3* — полуземлянки.

части лесной зоны Среднего Поднепровья — в пределах Киевской, Переяславльской и Чернигово-Северской земель — жилища XII—XIII вв. известны уже более чем в 20 пунктах, можно сделать вывод, что рядовые жилища этого времени здесь, как и в предшествующий период, были, как правило, полуземляночными.

Не так просто обстоит дело в западнорусских и юго-восточных районах лесостепи, а также на границе со степью. В X—XI вв. все жилища здесь тоже были полуземляночными, но в XII—XIII вв. положение изменилось. Так, не вызывает сомнений наличие наземных жилищ в Изяславле, лежащем на восточной границе Волыни. Обнаружены остатки наземных домов XII—XIII вв. и в центральной части Волыни — в Данилове и Перемышле. Еще отчетливее выступают жилища наземного типа в Галицкой земле. Они известны в Галиче, Плеснеске, Ленковцах и еще нескольких пунктах. Таким образом, в Галицкой земле и на Волыни в XII—XIII вв. на смену полуземляночному типу жилищ приходит наземный тип. Впрочем, одновременно продолжали строить и полуземлянки. Так, в Плеснеске среди жилищ XII—XIII вв. некоторая часть (сравнительно небольшая) относится к полуземляночному типу. Полуземлянки XII—XIII вв. были вскрыты в Звенигороде, а также на Днестре — в Болшеве (вблизи Галича), Бакоте, Перебыковцах и в Луке-Врублевецкой.

В восточной части лесостепной зоны, на территории южной части Рязанского княжества и в восточных районах Чернигово-Северской земли, наземные жилища, по-видимому, также становятся в XII—XIII вв. господствующим типом рядового жилья.

Наземные жилища XII—XIII вв. известны и на Днепре, в южной части зоны лесостепи, — в г. Воинь. Более того, жилища наземного типа на этом поселении составляют большинство раскопанных жилищ. Еще один пункт, где были обнаружены наземные жилища (правда, всего одно жилище), — поселение Яцевая Балка в районе Днепровских порогов. Наземные жилища (вместе с полуземлянками) выявлены также на Донецком городище. Вопрос о том, какой тип жилищ преобладает в XII—XIII вв. на границе лесостепи и степи в Поднепровье, очевидно, решается все же в пользу полуземлянок, поскольку в других пунктах этого района (у устья Сулы — Жовнин, у Днепровских порогов — Кичкас, Днепровское и др.) известны пока исключительно полуземляночные жилища.

В лесной зоне, в бассейне Оки, полуземлянки по-прежнему продолжали бытовать наряду с наземными жилищами, но если в XI в. полуземлянки здесь преобладали, в XII—XIII вв. господствуют уже наземные дома. Целиком занят полуземлянками лишь маленький район к югу от Москвы. Наконец, еще далее к северо-востоку, в бассейне Клязьмы и на Волге, встречаются оба типа жилищ. На всей остальной территории лесной зоны полуземлянок в XII—XIII вв. не строили. Единственным исключением является поселение на Перыни близ Новгорода, где были раскопаны полуземлянки. Однако единичность данного примера и устойчивое бытование полуземлянок в течение долгого времени (с XII до начала XV в). в полном отрыве от территории остальных полуземляночных жилищ заставляют поставить жилища Перыни под сомнение. Не исключена возможность, что эти постройки служили не жилищами, а производственными помещениями (например, для кончения сетей), подобно той более древней постройке, которая была раскопана на поселении Прость, расположенном в том же районе.[9]

Среди полуземляночных жилищ XII—XIII вв., как и в предыдущий период, наибольшее распространение имели полуземлянки со столбовой конструкцией стен. При этом наряду со стенами из досок (или плах), прижатых к земляным стенкам котлованов с помощью столбов, отмечено наличие другого варианта столбовой конструкции, при котором плахи стен закреплены в пазах столбов. На многих поселениях (Белгород, Воинь, Щучинка, Кичкас и др.) столбовые ямы есть почти во всех раскопанных жилищах. Ямы эти обычно расположены в углах, а очень часто еще и у середины стен. Поскольку дно полуземлянок почти всегда врезано в плотный материковый грунт, устраивать под деревянными стенами фундамент типа стульев было незачем. Поэтому в отличие от наземных жилищ столбовые ямы в полуземлянках вряд ли имеют отношение к стульям. Гораздо вероятнее, что в этих ямах стояли столбы, с помощью которых крепилась деревянная обшивка земляных стенок. Наличие деревянных стен, сделанных из досок или плах, зафиксировано в ряде случаев по отпечаткам дерева на земляных стенках или по остаткам сгоревшего или сгнившего дерева.

Существует целый ряд поселений XII—XIII вв., где лишь небольшая часть жилищ имеет столбовые ямы. Однако такие поселения, где большинство жилищ лишено столбовых ям, встречаются редко (например, Княжа Гора). Но даже и в этих случаях иногда возможно, что конструкция стен была все же столбовой, а не срубной. Так, например, в Колодяжине столбовые ямы в полуземляночных жилищах встречаются редко, но само положение печей, сильно врезанных тыльной стороной в земляные стенки котлованов, препятствовало установке срубов. Впрочем, здесь мог быть использован и совершенно иной вариант конструкции. В. К. Гончаров выдвинул предположение, что жилища Колодяжина были срубными, но срубы были установлены на поверхности земли и имели несколько большую площадь, чем земляные котлованы.[10] Значит, заглублено в землю было не все жилище, а только его средняя часть (рис. 37). Этим объясняется и своеобразное положение печей, значительной частью выступающих за пределы земляной впадины жилища. По утверждению В. К. Гончарова, такая же конструкция была

[9] Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода. — СА, 1972, № 2, с. 136.
[10] Устное сообщение В. К. Гончарова.

обнаружена в 30-х годах при раскопках в Вышгороде. Однако в отличие от Колодяжина внешний контур жилищ в Вышгороде прослеживался благодаря тому, что наружная часть жилищ, примыкающая к срубным стенкам, была немного углублена в землю. Таким образом, наружная часть этих жилищ заглублялась в грунт незначительно, а середина была заглублена гораздо сильнее. Судя по наличию печей, сильно выступающих за контур котлована, подобная картина, кроме Колодяжина и Вышгорода, могла иметь место в Чернигове, Райках, Городске.

Раскопки полуземляночных жилищ лесной зоны показали, что в них встречается как срубная, так и столбовая конструкции стен. Так, рубленный «в обло» сруб выявлен на городище у с. Спас-на-Оке, срубы в сочетании со столбами отмечены в Суздале, а столбовая конструкция — в Ярополче и в Городце на р. Волге. Плахи облицовки стен обнаружены на Лихаревском городище и в Ярополче, а в Старой Рязани удалось даже определить, что плахи (или доски) облицовки стен заводились в пазы угловых столбов.

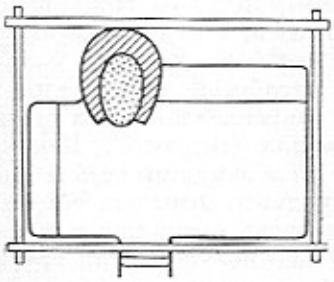


Рис. 37. План жилища частично заглубленного в землю (по В. К. Гончарову).

Таким образом, наряду с широким применением столбовой конструкции стен в полуземляночных жилищах XII—XIII вв. употреблялась и срубная конструкция. При этом необходимо отметить, что остатки срубных стен удается обнаружить в раскопках крайне редко. В отличие от облицовки стен плахами, прижатыми столбами к земляным стенкам котлованов, срубы должны были стоять несколько отступя от земляных стенок, так как иначе негде было поместить угловые врубки. Пространство между срубами и земляными стенками засыпалось землей, и поэтому при раскопках отпечатки бревенчатых стен не могут быть выявлены на стенках котлованов. Лишь в редких случаях, когда земляная забивка между срубом и стенками котлована была очень плотной и по характеру мало отличалась от материкового грунта, в котором вырезан котлован, при раскопках удавалось расчистить в углах жилищ отпечатки рубки «в обло». Таковы, например, киевские жилища 1 и 3 из раскопок 1967 г. Впрочем, иногда остатки бревен срубных стен находили прислоненными вплотную к земляным стенкам котлованов. В этом случае бревна, по-видимому, соединялись на углах рубкой не «в обло», а «в лапу», т. е. без выпуска концов.[11]

Конструктивные особенности двух- и трехкамерных полуземляночных жилищ, вероятно, мало отличались от таковых у более простых, однокамерных. Следует, впрочем, отметить, что при раскопках многокамерных, богатых жилищ обычно находили большое количество остатков дерева, в том числе бревен. Видимо, в богатых жилищах существовала тенденция к увеличению роли срубной конструкции стен. В одном случае (Подол в Киеве) прямо засвидетельствовано, что стены жилища были срубными.

Полуземляночные жилища XII—XIII вв. на всей рассматриваемой территории, по-видимому, не делятся на локальные группы и не имеют существенных различий в основных конструктивных элементах. Размер однокамерных жилищ повсюду примерно одинаков. Длина стен редко снижается до 2.5 м и также редко достигает 5 м, обычно ограничиваясь 3.0—4.5 м. Глубина, на которую дно этих жилищ было опущено от уровня древней поверхности, видимо, зависела главным образом от местных условий и грунта. Поэтому она существенно менялась даже на одном и том же поселении. В среднем эта глубина была равна примерно 0.5—0.8 м. Таким образом, размеры и глубина полуземляночных жилищ не претерпевают существенных изменений по крайней мере с VIII—IX вв. Единственное различие, которое можно отметить в устройстве полуземлянок XII—XIII вв., — несколько большая глубина земляных котлованов жилищ лесной зоны по сравнению с жилищами лесостепи. Так, в бассейне Оки полуземлянки нередко имеют глубину около 1 м, а порой 1.3—1.5 м (Спас-на-Оке, Перемышль, Старая Рязань). Еще более явно эта тенденция выражена в полуземлянках бассейна Клязьмы. Так, в Ярополче глубина полуземлянки около 1 м, в Суздале еще несколько больше, а в Городце на р. Волге достигает 1.8 м. Возможно, что в ряде случаев такая значительная глубина котлованов объясняется наличием дощатого пола, приподнятого над уровнем земляного дна котлована и образующего хозяйственное подполье. Такие подполья обнаружены, например, в Ярополче и в Городце на р. Волге.

Можно отметить еще одну особенность полуземлянок лесной зоны: здесь чаще, чем в более южных районах, встречаются жилища не квадратные в плане, а прямоугольные, иногда очень вытянутых пропорций. Такие жилища обнаружены как на ранних памятниках (Хотомель, Лебедка), так и на поселениях X—XI вв. (городище Муравельник в Волковыске, Рогощи, Старая Рязань) и XII—XIII вв. (Городец на р. Волге).

Полы полуземляночных жилищ лесостепной зоны всегда глиняные, часто утрамбованные. Если грунт пола был недостаточно плотный, полы часто подмазывались глиной, иногда неоднократно. Лишь в двухкамерном жилище в Белгороде (2, раскопки В. В. Хвойки) отмечено наличие пола из досок.

Входы в жилища часто имели земляные ступеньки, облицованные деревом. Однако иногда земляные ступеньки отсутствуют — в жилище, очевидно, спускались по деревянной лесенке, от которой, естественно, не сохранилось никаких следов. В полуземляночных жилищах лесной зоны, подобно жилищам более южной территории,

[11] О системе врубок см., например: Г а н ц к а я О. А. Строительная техника русских крестьян. — В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 171.

также неоднократно отмечали наличие земляных ступенек входов. Иногда здесь удавалось обнаружить даже остатки тамбура перед входом (Суздаль).

В ряде случаев вдоль стен жилищ проходили земляные приступки, которые иногда называют лавками или лежанками. Обычно они имеют высоту от 20 до 40 см и ширину 30—70 см. Расположение этих приступков различное: иногда они проходят вдоль одной из стен, иногда вдоль двух, а изредка даже вдоль трех стен.

Довольно часто в полуземляночных жилищах XII—XIII вв. находят хозяйственные ямы. Такие же хозяйственные ямы встречаются и вне жилищ, поблизости от них. Иногда в пол жилища бывают вкопаны большие сосуды-корчаги. Впрочем, известны и такие поселения (например, Райки), где ни в самих жилищах, ни рядом с ними хозяйственных ям не найдено.

* * *

Среди древнерусских жилищ XII—XIII вв. наиболее значительную группу составляют наземные постройки. Они выявлены сейчас уже более чем в 60 пунктах, причем в некоторых из этих пунктов в большом количестве экземпляров. Естественно, что конструктивные особенности таких жилищ можно изучать детальнее, чем наземных жилищ более ранней поры (рис. 38).

Все наземные жилища XII—XIII вв. срубные. Рубка выполнена «в обло», с выпуском остатков длиной до 30 см. На строительство большей частью шли сосновые бревна, реже еловые. Совсем редко наряду с сосной и елью применяли дуб или березу (Давид-городок, Слоним, Трубчевск). В нескольких случаях (Туров, Брест) отмечено, что дуб употребляли только для нижнего венца срубов. В хозяйственных постройках дуб использовали несколько чаще (Москва, Рязань). Диаметр бревен обычно колебался от 15 до 25 см, хотя в отдельных случаях в строительство шли и более толстые бревна. Неоднократно удавалось определить, что чашку и паз всегда выбирали в верхней части каждого нижнего бревна. В пазах между бревнами нередко находили остатки мха.

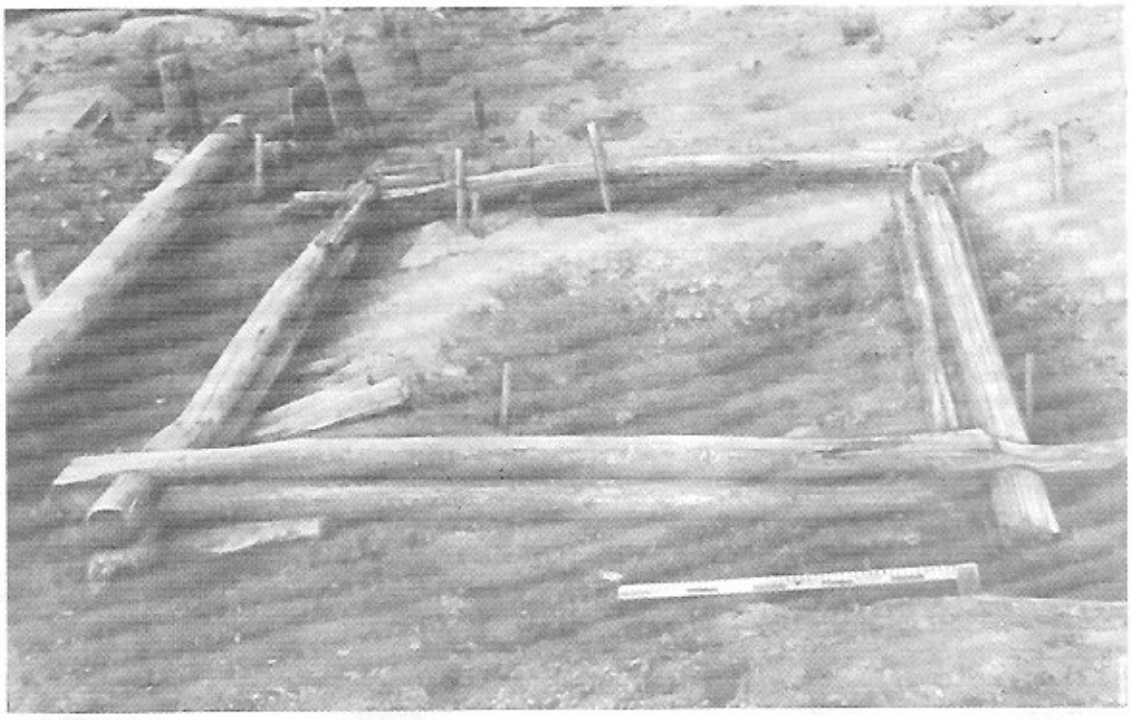


Рис. 38. Остатки наземного срубного жилища XII в. Торопец, горизонт 5, постройка 27. (Раскопки 1961 г. Г. Ф. Корзухина и М. В. Малевская).

Стены домов, по-видимому, как правило, не промазывали глиной, а оставляли открытыми. Следы глиняной обмазки бревенчатых стен выявлены лишь в Новогрудке, на поселениях Церковище близ Смоленска и Жокино в Рязанской земле.

Полы в наземных жилищах были всюду дощатыми. В нескольких пунктах наряду с дощатыми обнаружены также и глиняные полы (Туров, Старая Рязань, Пронск). Однако во многих случаях под деревянным полом отмечено наличие глиняной подмазки. Поэтому очень вероятно, что в некоторых случаях глиняные полы, обнаруженные в наземных срубных домах, в действительности являются лишь глиняными основаниями, поверх которых некогда был настлан дощатый пол. Доски пола, как правило, лежали на лагах. Далеко не всегда удается установить, на каком уровне первоначально находились эти лаги. Иногда по соотношению уровня пола с подом печей можно определить, что пол был распо-

ложен невысоко над землей, т. е. лаги пола лежали непосредственно на земле. В других случаях установлено, что лаги врубались в венцы сруба на определенной высоте от земли (большей частью между первым и вторым или между вторым и третьим венцами). По-видимому, прием укладки лаг на землю более характерен для юго-восточной части лесной зоны (например, Старая Рязань), тогда как лаги, врубленные в венцы, обычно употреблялись в западной и северной частях лесной зоны (Минск, Брест, Торопец, Новгород, Белоозеро, Дмитров).

Очень возможно, что эти отличия в устройстве пола связаны с тем, что в юго-восточной части лесной зоны имели широкое распространение подпольные ямы. Порой эти ямы были настолько большими, что по существу представляли собой как бы заглубленный в землю подклет дома (Старая Рязань, Москва). Подпольные ямы — конструктивная деталь, имевшая совершенно определенный ареал: в восточной части территории они заходят на север до Ярославского Поволжья (Васильки), а на западе не встречаются дальше Смоленска (Яново и Бородинское городище). Единственный пример применения подпольных ям на более западной территории — Туров.

Таким образом, по высоте расположения пола над землей и по наличию подпольных ям в наземных жилищах лесной зоны как будто бы намечаются два варианта, из которых каждый занимает совершенно определенную территорию.

Несколько вариантов строительной техники можно отметить и в устройстве основания под срубами. При достаточно плотном грунте и ровной горизонтальной площадке срубы, по-видимому, ставили прямо на землю, без всяких дополнительных укреплений. Однако если площадка была неровная или грунт недостаточно плотный, под нижний венец и в особенности под углы сруба подводили специальное основание. Одним из типов оснований были деревянные стулья — закопанные в землю столбы. Деревянные стулья имели широкое распространение в юго-восточной части лесной зоны. На севере крайними пунктами, где применена эта конструкция, является Ярославское Поволжье (Грехов ручей), а на западе — район Смоленска (Церковище, Дросенское, Яново). Изредка стулья встречаются и на территории Белоруссии (Минск, Гродно), но здесь чаще в качестве основания применяли бревенчатые подкладки (Минск, Брест, Давид-городок, Смоленск, Полоцк). Подкладки употребляли и в северной части лесной зоны (Новгород, Псков, Торопец, Белоозеро). Четкую границу между районами, в которых имели распространение эти приемы, нельзя провести. Более того, даже в Новгороде, где основным приемом укрепления основания были бревенчатые подкладки, в XIII в. одновременно применяли и деревянные стулья. И все же стулья и подкладки — это два варианта строительной техники, применяемые в большинстве случаев на разных территориях. Помимо этого, существует еще и третий прием — устройство каменных стульев под углами срубов. Этот прием известен на разных территориях: в Белоруссии (Браслав), под Москвой (Тушков городок), на границе лесостепи (Гать). В Поволжье (Кимры, Золоторучье) есть примеры, когда камни подкладывали не только под углы, но и под всю стену.

Среди наземных жилищ XII—XIII вв., как и в предыдущем хронологическом периоде, известны такие, где, кроме основного сруба стен, существовал второй, наружный венец (Минск, Полоцк, Гродно, Рязань, Трубчевск). Иногда это был целый венец, обходивший вокруг дома со всех четырех сторон. Чаще, однако, такой наружный венец имеет только три стороны, а в нескольких случаях отмечено, что только вдоль одной из сторон жилища проходило второе, внешнее бревно (Звенигород, Дмитров). Конструктивный смысл таких внешних венцов пока еще окончательно не установлен, но наиболее вероятно, что это основание примыкавших к жилищу наружных галерей. Впрочем, в отдельных случаях находили и такие остатки галерей, которые не вызывали никаких сомнений (Новгород).

Все конструктивные особенности наземных срубных жилищ XII—XIII вв. выявлены на памятниках лесной зоны и главным образом на севере ее. Там, где удалось достаточно детально изучить наземные жилища более южных районов лесной зоны (например, Давид-городок, Осовик), выяснилось, что все основные элементы конструкции совпадают с таковыми северных жилищ: так же как и на севере, это были срубные дома с дощатыми полами. Очень вероятно, что более или менее аналогичны и наземные жилища лесостепной зоны. Тип конструкции и даже сам контур этих жилищ определяются с очень большим трудом, поскольку в раскопках обычно не удается обнаружить почти никаких следов стен. Если бы эти стены были глинобитными, по контурам жилищ должны были сохраниться очень заметные завалы глины. Между тем завалов глины в раскопках таких жилищ как раз не найдено. Очевидно, стены были деревянными. При сравнительно небольшой толщине культурного слоя и переменном режиме влажности дерево совершенно не сохраняется. Естественно, что стены, целиком состоявшие из дерева, в таких условиях должны были исчезнуть бесследно. Впрочем, в Галиче удалось обнаружить несколько бревен, которые автор раскопок (Я. Пастернак) считал остатками нижнего венца срубных построек. В Плеснеске среди развалов наземных жилищ также расчищены куски обгорелого дерева и угли, свидетельствующие в пользу деревянной конструкции стен. Наиболее вероятно, что стены были срубными, хотя вполне возможно допустить и столбовую их конструкцию с горизонтальным заполнением между столбами. Такая конструкция давала экономию дерева, и особенно крупных стволов, что было очень важно в районах, бедных лесом, например на границе со степью. Но даже и в этом случае конструкция должна была иметь нижнюю обвязку из бревен, поскольку столбовые ямы встречаются довольно редко. В тех немногочисленных примерах, когда при раскопках

наземных жилищ обнаруживали столбовые ямы, они оказывались большей частью ямами от стульев, на которые опирался нижний венец сруба. Предположение, что столбовые ямы — следы несущих столбов конструкции, а не стульев, маловероятно, так как в этом случае столбовые ямы всегда располагались бы в строгом порядке и обязательно отмечали бы все углы здания, что бывает далеко не везде. Лишь на Донецком городище, где столбовые ямы имеются во всех углах, а две дополнительные ямы отмечают место входа, вполне возможно, что ямы принадлежали несущим столбам. Полы в наземных жилищах лесостепи выявляются с огромным трудом, так как они отличаются от окружающей поверхности земли только большей насыщенностью культурными остатками, но не имеют никаких следов утоптанности. Очень вероятно, что полы были дощатыми. Расположены полы на уровне древнего горизонта почвы или на лагах.

* * *

Своеобразный вариант жилых сооружений представляют собой жилые клети, связанные с конструкцией оборонительного вала.

Такие клети обнаружены на памятниках XII—XIII вв. — на Райковецком городище, в Колодяжине, Изяславле, Ленковцах, Городище на р. Згар и др. (рис. 39). Подобная конструкция, включающая не засыпанные землей срубные клети, примыкающие к оборонительному валу, известна и на более ранних памятниках, относящихся к X в., например в Судовой Вишне. Однако там в клетях не найдено печей, что свидетельствует о хозяйственном, а не жилом их использовании. На различных поселениях жилища в срубных клетях вала обычно сделаны несколько по-разному. Даже сама конструктивная схема их связи с каркасом оборонительного вала различна. Большей частью это связанная система срубов, хотя кое-где (например, в северо-западной части городища Воинь) встречаются и отдельные срубы, приставленные друг к другу. В Колодяжине и Райках к основному ряду клетей, имевшему жилое назначение, примыкали клети второго ряда, использовавшиеся для хозяйственных нужд. В Воине и Ленковцах клетей второго ряда не было. Различны размер и пропорции клетей. Их ширина, определяемая расстоянием между двумя параллельными срубными стенками, идущими вдоль вала, колеблется от 2.5 до 3.2 м. В Ленковцах этот размер значительно больше — 4.4 м. Поперечные стенки, врубленные в продольные, расставлены на различных расстояниях. В Ленковцах расстояние это всего 1.7—1.8 м и жилые клети повернуты длинной стороной поперек вала. Во всех остальных случаях клети расположены длинной стороной вдоль вала. Длина их от 3.0 до 4.2 м.

Очень часто между двумя клетями обычного размера помещается меньшая клеть. Наиболее четко такое чередование больших и малых клетей отмечено в Воине, где малые клети имеют размер 1.1—1.5 м и явно являются лишь междуклетиями, а не самостоятельными клетями. Менее четко, но все же достаточно определенно подобная система была прослежена в Райках и еще слабее — в Колодяжине, где на ряде участков отмечено чередование больших и малых клетей,

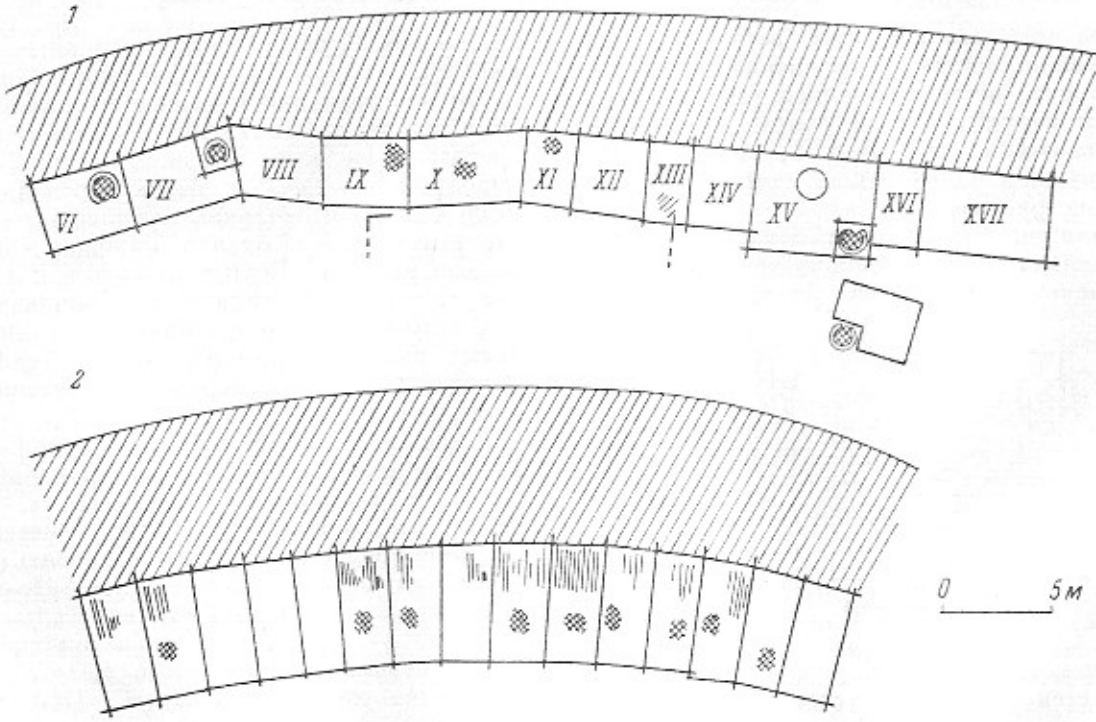


Рис. 39. Жилые клети оборонительных валов.
1 — Колодяжин; *2* — Ленковцы. *Римские цифры* — номера жилищ.

а на других участках все клети (как и в Ленковцах) приблизительно одинакового размера. Там, где отмечено чередование больших и малых клетей, печи большей частью стоят в малых клетях, хотя, по-видимому, это не является общим правилом, поскольку в Щучинке печь расположена в большой клети.

Полы в жилых клетях глинобитные или утоптанные земляные, подмазанные глиной. Лишь в нескольких клетях в Воине, видимо, существовал деревянный пол. В нескольких случаях (Воинь, Колодяжин) отмечена побелка внутренней поверхности стен клетей.

Перекрытием клетей служил бревенчатый накат (Колодяжин, Ленковцы) или настил из плах, а поверх них накат из тонких бревен (Воинь). Над накатом лежал тонкий слой земли или глины. Очевидно, перекрытие жилых клетей было одновременно основанием боевой площадки для защитников крепости.

РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРХНИХ ЧАСТЕЙ ЖИЛИЩ

Наиболее сложным вопросом, встающим при изучении жилищ, является выяснение конструкции их верхних, несохранившихся частей. Жалкие остатки верхних частей домов, находимые при археологических раскопках, позволяют предложить в лучшем случае лишь самые гипотетические реконструкции.

При наличии столбовой конструкции стен в полуземлянках, когда обшивка земляных стенок котлованов состоит из плах, прижатых

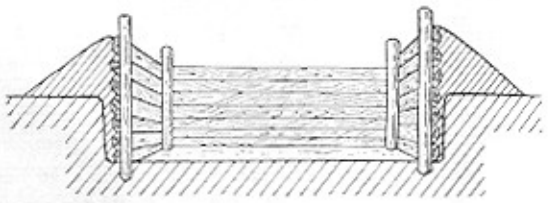


Рис. 40. Столбовая конструкция стен полуземляночного жилища.

к земле с помощью столбов, устройство надземных частей стен может быть установлено с большой долей вероятности. В этом случае надземные части стен должны были иметь такую же конструкцию, как нижние. Другие типы конструкции здесь не могли быть использованы. Срубная конструкция верхних частей стен в данном случае невозможна потому, что сруб своим давлением сдвинул бы плахи их нижних частей. Если же сделать сруб несколько большим по площади, то он обрушил бы земляные края котлована. Конструкция из плах, забранных в пазы столбов, также не могла быть применена, поскольку этому противоречит форма промежуточных столбов, расположенных у середины стен и часто имеющих не круглое сечение (бревно), а полукруглое (плаха).

Таким образом, единственным логичным конструктивным решением при столбовой конструкции нижних частей стен жилища является продолжение этой же конструкции вверх, выше уровня земли. Но в верхней части стен плахи окажутся прижатыми к столбам лишь с одной стороны, с другой же их ничто не будет удерживать. Очевидно, что в таком случае должна была существовать специальная земляная подсыпка стен снаружи (рис. 40). Следы подобной подсыпки неоднократно встречались археологам либо в виде завалов земли вдоль стенок внутри земляных котлованов, либо в виде земляных валиков, лежащих снаружи на краях котлованов.[12] При таком конструктивном решении жилища должны были снаружи иметь вид земляных холмиков. Сделать окна в их наружных стенах — трудновыполнимая задача, и очень вероятно, что помимо маленького волокового окошка, служившего для вывода дыма, окон в жилищах такого типа вообще не было. Если согласиться с этим выводом, то становится понятна и устойчивая ориентация полуземляночных жилищ лесостепи, повернутых, как правило, входом на юг. Видимо, дверь являлась основным источником освещения жилища.[13]

Судя по тому, что ориентация жилищ входом на юг гораздо более устойчива в ранних памятниках, а в жилищах XII—XIII вв. выдерживается уже гораздо менее строго, очевидно, что к этому времени начинают применять и другие источники света, кроме двери. По-видимому, окна начинают приобретать все большее значение. Следует отметить, что в жилищах Киева вдоль периметра стен часто находят большое количество железных гвоздей. При гвоздевом креплении плах к столбам роль земляной подсыпки заметно уменьшается и появляется возможность размещать в стенах окна не только для вывода дыма, но и для освещения.

При наличии столбовой конструкции другого типа — с плахами, концы которых забраны в пазы столбов, — роль земляной подсыпки надземных частей стен значительно меньше. Такая конструкция могла бы существовать и вовсе без земляной подсыпки. Более вероятно все же, что надземные части стен и при данной конструкции подсыпались снаружи землей, хотя бы частично. Это давало экономию топлива, ибо жилища становились более теплыми.

Бесспорные случаи применения столбовой конструкции из плах или досок, вставленных концами в пазы столбов, до настоящего времени из-

---

[12] Первый случай наиболее четко был прослежен при раскопках в Плеснеске (К у ч е р а М. П. Древній Плісніськ. — АП, XII, 1962, с. 20). Второй случай подробно описан при раскопках Малого Боршевского городища (Е ф и м е н к о П. П., Т р е т ь я к о в П. Н. Древнерусские поселения на Дону. — МИА, № 8, 1948, с. 73).

[13] Этнографы отмечают, что жилища, не имеющие окон и освещаемые через дверь, дожили кое-где почти до наших дней. Они хорошо известны, например, в Эстонии (см.: Т и х а з е К. И. Народное зодчество Эстонии. Л., 1964, с. 53 и 92).

вестны лишь в жилищах XII—XIII вв. Если такое наблюдение в дальнейшем подтвердится, это будет свидетельствовать в пользу увеличения к XII в. роли надземных, не присыпанных землей частей стен, а также увеличения количества и величины окон, поскольку окна в стенах подобной конструкции значительно легче сделать, чем в стенах, состоящих из плах, прижатых столбами к земляным стенкам.

В тех случаях, когда в котлованах полуземляночных жилищ отмечено использование срубной конструкции, вряд ли может возникнуть сомнение в том, что и выше, в надземной части, стены также были срубными. При отсутствии столбовых ям другой вариант конструкции верхней части жилища представляется неправдоподобным. Запущенный в землю сруб — конструкция простая и логичная. Такой сруб не требует никаких земляных подсыпок в своей надземной части. Однако вероятнее всего, что подсыпки все же делались. Конструктивно они в данном случае не были необходимы, но они давали большие преимущества, делая жилище более теплым. Если сруб ставили не на землю, а запускали в специально отрытый котлован, то это можно объяснить только стремлением утеплить жилище. Между тем на одном и том же поселении обычно встречаются жилища, врезанные в грунт на различную глубину. На этих же поселениях часто можно обнаружить как срубные жилища, так и жилища столбовой конструкции. Последние явно имели в верхней части земляную подсыпку и были поэтому достаточно теплыми. Срубные полуземлянки большой глубины также были достаточно утеплены. Расположенные здесь же срубные жилища, заглубленные в землю всего на 30—40 см, должны были быть значительно более холодными, чем соседние. Между тем печи во всех жилищах имеют более или менее одинаковый размер. Очевидно, срубные полуземляночные жилища, неглубоко запущенные в землю, для компенсации своих тепловых качеств присыпались землей в своей надземной части.

Таким образом, представляется вполне вероятным, что срубные полуземлянки, так же как и полуземлянки столбовой конструкции, были в надземной части присыпаны снаружи землей (рис. 41). В особенности это относится к наиболее ранним жилищам — до X в. То обстоятельство, что срубы часто делали из очень тонких бревен, делает предположение о наличии наружной земляной подсыпки еще более правдоподобным.

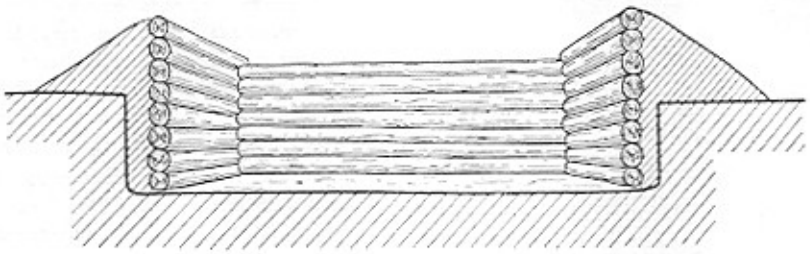


Рис. 41. Срубная конструкция стен полуземляночного жилища.

Иные тенденции можно отметить в срубных полуземляночных жилищах XII—XIII вв. Если ранние срубные жилища, по-видимому, мало отличались от столбовых, т. е. также были присыпаны снаружи землей и освещались в основном через дверь, то в более позднее время, в XII—XIII вв., срубы начинают применять главным образом в богатых жилищах или же в рядовых жилищах, но в крупных городах (в основном в Киеве). Очевидно, в данном случае увеличение количества жилищ срубной конструкции было связано с теми преимуществами, которые могла дать эта конструкция. Следует добавить, что в тех случаях, когда удавалось определить характер бревен, оказывалось, что в жилищах XII—XIII вв. они были достаточно толстыми, диаметром не менее 20 см. О толстых бревнах свидетельствуют и земляные расширения на углах котлованов, отрытые для помещения угловых врубок, исполненных «в обло» (особенно четко это было выявлено в жилищах 1 и 3 из раскопок 1967 г. в Киеве). Срубы, сделанные из толстых бревен, вряд ли нуждались в присыпке землей для утепления, особенно учитывая наличие в таких жилищах больших и достаточно совершенных глинобитных печей.

Очень вероятно, что надземные части срубных стен обмазывались глиной, поскольку куски глиняной обмазки с отпечатками бревен находили неоднократно. Судя по находкам кусков обмазки с побелкой, стены жилых помещений иногда не только обмазывали изнутри, но и белили. Однако неясно, делалась ли обмазка и с наружной стороны стен, а если делалась, то закрывала ли она бревна полностью или же использовалась только для подмазки пазов. В киевском двухкамерном жилище (участок № 1, раскопки В. В. Хвойки) отмечено, что деревянная перегородка между помещениями была с обеих сторон покрыта глиняной обмазкой.

Увеличение количества жилищ столбовой конструкции с плахами, закрепленными в пазах столбов, и особенно усиление роли срубных жилищ свидетельствуют, что в XII—XIII вв. постепенно уменьшается значение земляной подсыпки надземных частей стен. Все большее распространение получают вертикальные деревянные стены. В том случае, когда такие жилища были мало заглублены в грунт, они имели по существу характер наземных деревянных домов. Об этом же говорят и многочисленные находки вдоль периметра стен киевских жилищ (не только

XII—XIII, но и XI в.) большого количества гвоздей, совершенно ненужных при наличии стен, присыпанных снаружи землей.

Деревянные стены наземных жилищ зоны лесостепи, по-видимому, обычно промазывали глиной. Об этом свидетельствуют находки кусков глиняной обмазки с отпечатками бревен или плах (Данилов). Глиняная обмазка, очевидно, имела такой же характер, как в надземных частях стен полуземляночных жилищ. Таким образом, очень вероятно, что по конструкции стен и внешнему облику наземные дома XII—XIII вв. юж-

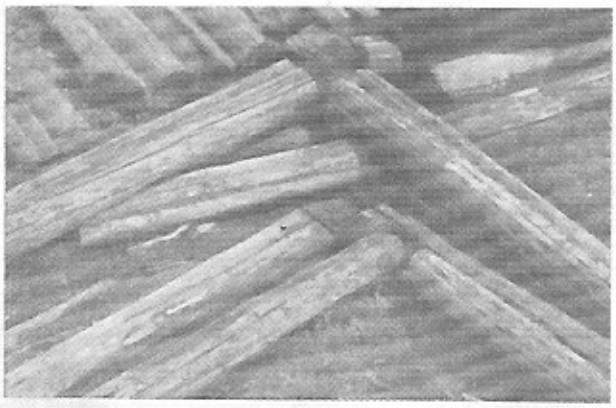


Рис. 42. Угол постройки XII в. Торопец, горизонт 4, постройка 21. (Раскопки 1961 г. Г. Ф. Корзухина и М. В. Малевская).

ной части древнерусской территории мало отличались от полуземляночных жилищ этого же времени.

Иначе выглядели стены наземных домов лесной зоны. Это были сосновые, реже еловые срубы, обычно лишенные какой-либо обмазки. В целом ряде пунктов (Новгород, Торопец, Минск, Брест и др.). во время раскопок были найдены срубы, сохранившиеся на довольно значительную высоту. В таких срубах удалось обнаружить дверные проемы. Следует отметить, что в срубных жилищах лесной зоны уже начиная по крайней мере с X—XI вв. безусловно были окна, служившие для освещения помещения. Об этом свидетельствуют находки слюды (Новгород, Беницы), очевидно связанной с устройством окон. Тем не менее при раскопках в Бресте, где срубы XII—XIII вв. сохранились порой до 12-го венца, оказалось, что окна имеются только по одному на каждое жилище и очень небольшого размера: это отверстия, полученные путем вырубания куска бревна сруба, т. е. равные по высоте толщине всего лишь одного бревна.

Срубы всегда изготовлялись из довольно толстых бревен (во всяком случае не меньше 15 см в диаметре), тщательно подогнанных одно к другому. Для более точной подгонки в каждом бревне по его длине выбирался паз, причем этот паз (как и чашка врубки) всегда выбирался в верхней части каждого нижнего бревна (рис. 42). Довольно часто в пазах сохранялись остатки мха. Очевидно, именно конопатка пазов мхом (древнерусский термин — «мшить») заставляла выбирать их в нижних бревнах, несмотря на то что паз, выбранный в нижней части каждого верхнего бревна, был бы более рационален, ибо в него не затекала бы вода. Переход к такому приему оказался возможным значительно позже (в основном в XVII в.), вместе с заменой мха, легко крошащегося при высыхании, более удобным материалом — паклей.[14]

Во многих случаях рядом с наземными срубными домами выявлены остатки щепы, свидетельствующие, что строительство этих домов производилось здесь же. Но наряду с этим неоднократно отмечались случаи, когда на бревнах срубов находили метки, означающие, что сруб изготовляли где-то в другом месте, а затем перевозили в разобранном виде.

Несколько особый характер имели богатые жилища XII—XIII вв., изученные в Новогрудке. Это также были срубные постройки, однако стены их были обильно обмазаны глиной. В одном случае выявлено, что сруб был изготовлен не из бревен, а из отесанных брусьев. Находки значительного количества оконного стекла свидетельствуют о большой роли окон. Удалось даже определить их характер: проем сверху перекрыт арочной перемычкой, сделанной из кирпичей, сложенных на глине, а стекла вставлены в деревянную оконичину. В одном из таких богатых жилищ стены внутри помещения были оштукатурены и расписаны.

* * *

Особенно сложен вопрос об этажности древнерусских жилищ. Конечно, в том, что подавляющее большинство рядовых жилищ были одноэтажными, не может быть никаких сомнений. Но, по-видимому, существовали все же и двухэтажные дома. К сожалению, археологических материалов для подтверждения такого предположения очень мало.[15] В Киеве в раскопках В. В. Хвойки (жилища на участках 10 и 33), а также в раскопках 1967 г. (жилище 1) были обнаружены довольно глубокие полуземлянки, не имевшие печей и, видимо, служившие хозяйственными подклетами жилых помещений, находившихся над ними. Характерно, что именно в этих подвальных помещениях были найдены следы деревянных полов. Пол этажа, расположенного над подвалом, в таких домах должен был находиться, очевидно, даже не на уровне земли, а несколько выше. Таким образом, это были если и не подлинно двухэтажные дома, то во всяком случае дома, имевшие, кроме основного, еще и подвальный этаж. Очень вероятно, что подобная картина наблюдается и в ряде дру-

[14] Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, № 123, 1963, с. 19.

[15] Попытка представить рядовые жилища Киева как многоэтажные дома построена на очень произвольном обращении с археологическими данными и не менее вольном толковании древнерусских миниатюр (см.: Рядовий міщанський будинок у Києві XI—XIII ст. — В кн.: Київська старовина. Київ, 1972, с. 51).

гих пунктов, например значительно севернее — в Городце на р. Волге, где также были найдены глубокие полуземлянки, лишенные печей. Еще более уверенно о таком типе домов можно говорить в Старой Рязани, где в 1970 г. было раскопано полуземляночное помещение, в котором печь оказалась упавшей сверху.

Прямых археологических доказательств существования двухэтажных домов пока известно очень немного. Так, например, в Галиче в ближайших окрестностях города было раскрыто жилище с остатками печи, рухнувшей со второго этажа. Площадь этого жилища не определена, но известно, что она была не менее 6.3×4.5 м. Другое жилище, также, видимо, имевшее два этажа, простиралось в длину почти на 12 м. О богатстве этого дома можно судить по тому, что в его развале были найдены куски цветных оконных стекол. Остатки богатого, очевидно двухэтажного, дома были раскопаны во Вщиже. Наконец, в Любече в нескольких полуземляночных жилищах, вероятно объединенных в один богатый комплекс, были выявлены рухнувшие земляные, видимо потолочные, засыпки. По предположению Б. А. Рыбакова, это свидетельствует о наличии двух или даже трех этажей.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что многоэтажные дома существовали и среди богатых северных наземных жилищ. В Новгороде обнаружены, например, жилые комплексы, имевшие довольно значительные размеры, но лишенные печей. Очевидно, это были подклеты жилых домов. Иногда в новгородских жилищах находили даже упавшие сверху печи и лестницы, служившие, видимо, для подъема на второй этаж.

* * *

Для суждения о конструкции крыш жилищ данных имеется очень немного. В отдельных случаях в завалах жилищ удавалось обнаружить остатки дерева от сгоревших или сгнивших перекрытий. Судя по крайне немногочисленным примерам (когда эти остатки давали возможность сделать хотя бы самые минимальные выводы), крыши, видимо, были двускатными, с коньком, сделанным из бревна, и опирающимися на этот конек плахами. Остатки таких плах, лежащих поперек конька, в нескольких случаях удалось зафиксировать достаточно определенно.

Среди жилищ VI—VII вв. остатки двускатной кровли, сделанной из жердей и перекрытой сверху слоем глины, были обнаружены в Перебыковцах. О двускатной кровле свидетельствуют и те примеры, когда в жилищах имеется всего по две столбовые ямы у середины двух противолежащих стен. В жилищах VI—VII вв. такие примеры довольно редки. Так, четко выявлена подобная конструкция в одном жилище на поселении в Демьянове. При этом конек кровли оказался направленным параллельно печи, т. е. вдоль направления ее топки.

В жилищах VIII—X вв. данных об устройстве крыш имеется немного больше. В нескольких случаях в сгоревших жилищах этого времени были найдены остатки рухнувших частей кровли. При этом удалось отметить, что конек крыши обычно лежал поперек направления топки печи. Именно в таком направлении, как правило, стояли и те два столба, которые подпирали конек. Наиболее четко это удалось установить в жилищах Новотроицкого городища и поселения Опошня. В Титчихе плахи кровли лежали параллельно направлению топки печи,— следовательно, конек и здесь тоже должен был быть ориентирован поперек направления топки. Однако на поселении Буки конек крыши (судя по расположению опорных столбов) был направлен от двери к печи, т. е. вдоль направления топки, а не поперек. Так же был направлен конек и в жилище 2 на поселении Ближняя Мельница.

Впрочем, две столбовые ямы у середины противоположных стен встречаются далеко не везде и археологические доказательства наличия двускатной крыши имеются в сравнительно небольшом количестве древнерусских полуземляночных жилищ. Часто в завалах жилищ находят остатки дерева, лежащие в различных направлениях. В большинстве случаев такое расположение остатков является следствием неравномерного разрушения крыши и поэтому не может служить основанием для каких-либо реконструкций. Но возможно, что иногда расположение упавших бревен в различных положениях объясняется соответствием их не двускатной, а трех- или четырехскатной крыше, при которой стропила были направлены по диагонали жилища, а обшивка лежала перпендикулярно стенам.

Возможно, что о четырехскатной крыше свидетельствуют слова арабского географа Ибн-Русте, писавшего, что крыша в славянских жилищах делается «деревянной, остроконечной . . . наподобие христианской церкви».[16] Следует добавить, что из этнографических наблюдений известны преимущества четырехскатной кровли, которая требует для постройки меньше дерева и является более теплой и более ветроустойчивой.[17]

К сожалению, сведения об устройстве крыши в жилищах X—XIII вв. также весьма ограниченные. Здесь тоже встречаются полуземляночные жилища, в которых выявлено по две столбовые ямы, расположенные у середины противолежащих стен, — очевидно, следы опор конька двускатной крыши. Известны такие жилища как на юге (Перемиль), так и на севере (Городец на р. Волге). Однако количество подобных примеров настолько незначительно, что не дает возможности сделать уверенный вывод о преобладании в полуземляночных жилищах этой поры покрытия двускатного типа.

Мало данных имеется и о крышах наземных жилищ. Лишь один раз (Минск) в раскопках

[16] Цит по: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 388.

[17] Самойлович В. П. Народна творчість в архітектурі сільского житла. Київ, 1961, с. 82. — Самойлович отмечает также, что при соломенном покрытии кровли чаще применяется четырехскатная крыша, а при деревянном покрытии — двускатная (там же, с. 84).

было найдено бревно фронтона (самец), что безусловно свидетельствует о двускатной крыше. Чаще удавалось обнаружить отдельные детали кровли, например крючья, закреплявшие края ее, — «курицы», «какошины». Подобные находки были сделаны в Старой Ладоге, Новгороде, Бресте, Минске. В одном случае (Старая Рязань) отмечено наличие упавших стропил — бревен (или брусьев), лежавших параллельно друг другу. В сгоревшем жилище Торопца обнаружены коньковое бревно, две параллельные ему слеги и сплошной бревенчатый накат крыши, лежавший перпендикулярно коньку.

Поверх деревянной конструкции крыша жилищ (как полуземляночных, так и наземных) промазывалась глиной. Было ли это общим правилом, судить трудно, но остатки такого глиняного слоя находили в раскопках многократно. Иногда подсыпка состояла не из глины, а из земли. При этом глиняно-земляная подсыпка найдена в славянских жилищах начиная с древнейшего периода (VI—VII вв.) вплоть до XIII в.

О наличии на крышах славянских жилищ земляного слоя прямо писал Ибн-Русте, отмечая, что «на крышу накладывают землю».[18] О том же свидетельствует и русская летопись, в которой описывается убийство в Переяславле в 1095 г. половецкого хана Итларя. Итларя заперли в «истобке», а затем «възлезше на истобку, прокопаша верх, и тако . . . Итларя . . . и дружину его всю избиша».[19] Таким образом, судя по летописи, для того чтобы проломить крышу жилища, оказалось необходимым «прокопать верх».

Под земляным слоем, вероятно, часто делали еще прокладку из соломы или камыша — дренирующий слой. По-видимому, остатки именно такого слоя были найдены при раскопках в Белой Веже и на Княжей Горе. Солома могла сохраниться при пожаре лишь в том случае, если она была сверху прикрыта слоем земли.

Наличие слоя земли или глины, лежавшего поверх остатков наземных срубных жилищ лесной зоны, некоторые исследователи рассматривали как потолочную подсыпку, т. е. слой земли, утеплявший потолочное перекрытие. Однако при топке по-черному вряд ли вообще делали потолки, поскольку в помещении нужно было иметь достаточно большую высоту, иначе дым заполнял бы все жилое пространство. Поэтому более вероятно, что вскрываемый раскопками слой земли или глины использовался для покрытия кровли. В нескольких случаях (Старая Рязань, Торопец) такой вывод подтверждается обнаружением ниже этого слоя глины остатков рухнувших частей крыши. Слой засыпки (независимо от того, лежал ли он на кровле или на потолочном перекрытии) в лесной зоне реже бывал земляным (Вщиж), а чаще представлял собой глиняную подмазку (Осовик, Старая Рязань, Трубчевск, Торопец и др.). В раскопках жилища в Пронске был выявлен упавший сверху слой соломы. Очевидно, это также был дренирующий слой, прикрытый сверху глиной, остатки которой тоже встречались в раскопках пронских жилищ. Подобная картина раскрылась и в раскопках Городка на р. Ловати. Упавший сверху слой земляной подсыпки часто находили в Новгороде и Старой Ладоге. Впрочем, покрытые землей или глиной крыши были, видимо, не единственным типом кровли. Несомненно, что существовали и деревянные крыши, не прикрытые землей, как об этом свидетельствуют находки драниц и лемеха. Кроме того, очевидно, не были покрыты землей и крыши холодных, неотапливаемых построек.

Основная цель устройства земляной подсыпки на крыше — утепление жилища. Однако слой земли мог иметь и другое назначение — он предотвращал пожары.[20]

* * *

Сложность, а во многом и спорность реконструкции верхних частей славянских и древнерусских жилищ делает пока невозможной достаточно убедительное графическое воссоздание их первоначального наружного вида. Для такой задачи сейчас еще недостаточно данных даже по некоторым основным элементам конструкции стен и крыши, не говоря уже о чисто художественной стороне, о декоративных элементах, которые несомненно играли весьма существенную роль во внешнем облике жилищ. Конечно, можно привлечь для этой цели рисунки жилищ XVII—XVIII вв., а также этнографические параллели. Однако при всей своей ценности подобные источники, не подкрепленные археологическими данными, все же не могут дать бесспорного ответа на интересующий нас вопрос. По-видимому, решить проблему воссоздания наружного облика древнерусских жилищ можно будет лишь постепенно, по мере накопления нового археологического материала.

---

[18] Цит по: Новосельцев А. П. Восточные источники . . ., с. 388.

[19] Повесть временных лет. Ч. I. М.—Л., 1950, под 6603 г. — О том, что слово «истобка» в основном соответствует слову «изба», см.: Popre A. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Warszawa, 1962, p. 25.

[20] Для этой цели подобный прием использовали и значительно позже, в XVII в. Так, в Указе 1681 г. в качестве противопожарной меры предусматривалось: «И выбъ то полатное всякое строенье ныне и впредь крыли тесом, а сверхъ тесу усыпали землею и укладывали дерном» (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. М., 1828, с. 390).

ГЛАВА 2

ПЛАНОВАЯ СТРУКТУРА ЖИЛИЩ

Археологические раскопки дают, как правило, ничтожно малое количество сведений о внутренней планировке древнерусских жилищ. Несмотря на то что стол, скамья, полати всегда занимали в жилище вполне определенное место и были закреплены в полу, расположение их удается определить лишь в единичных случаях. Однако это все же не означает, что общую схему планировки древнерусских жилищ выяснить невозможно. Этнографы отмечают, что в народном жилище имеется сравнительно небольшое количество вариантов расположения мебели и основным, определяющим для каждого из них является соотношение печи и входа.

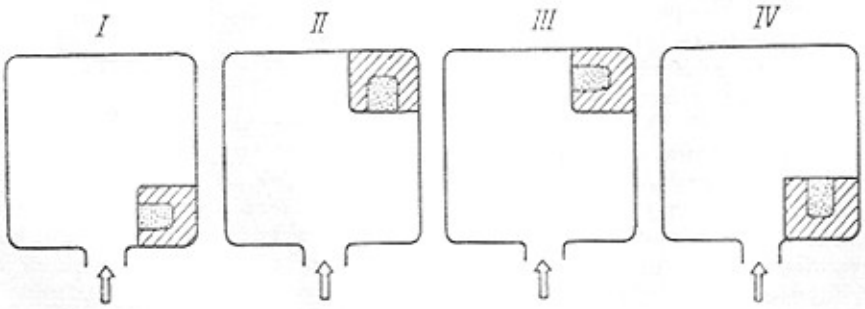


Рис. 43. Схемы плановой структуры жилищ.

Для русского, украинского и белорусского народного жилища этнографы указывают всего четыре типа соотношения печи и входа (рис. 43).[1] В жилищах типа I печь стоит в одном из передних от входа углов и обращена устьем ко входу. Такой тип характерен в настоящее время для Украины, Белоруссии и западнорусских районов. При типе II печь стоит в заднем от входа углу и обращена устьем к переднему углу, т. е. ко входу. Этнографы называют этот тип «восточным южновеликорусским». Тип III характеризуется печью, стоящей в заднем от входа углу и обращенной устьем вдоль задней стены. Это «западный южновеликорусский тип». И наконец, при типе IV печь стоит в переднем от входа углу, но обращена устьем к заднему углу. Это «северо- и средневеликорусский тип». Полати во всех случаях расположены у боковой стенки печи, а красный угол — в противоположном (по диагонали) от печи углу жилища. Во всех четырех типах преобладает расположение печи справа от входа, но встречается и левосторонняя, т. е. как бы зеркально отраженная схема планировки.[2]

Взаимное расположение входа и печи можно проследить во многих раскопанных древнерусских жилищах, и это несомненно может служить основой для выявления схемы их внутренней планировки.

Положение печи обычно удается определить даже в самых плохих по сохранности жилищах. Правда, в разрушенных печах-каменках иногда трудно установить первоначальное направление

[1] Наиболее полно и четко это изложено в работе Е. Бломквист (Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 212). Схему типовой организации помещения в украинском жилище см.: Самойлович В. П. Народна творчість в архітектурі сільского житла. Київ, 1961, с. 28.

[2] Во избежание путаницы необходимо отметить, что в этнографии — в отличие от нашей работы — передней стеной северорусской избы называют стену, противоположную входу, т. е. как раз заднюю от входа. Некоторые археологи (например, П. И. Засурцев) придерживаются такой же терминологии.

устья. Однако и этот вопрос часто удается решить весьма определенно благодаря вытянутости пода вдоль направления печи.

Значительно хуже обстоит дело с определением места входа, но и здесь можно найти достаточно большое количество примеров, где вход выявлен вполне точно. Так, в полуземляночных жилищах вход довольно часто устраивали в виде лесенки, вырезанной в материковом грунте. Земляные

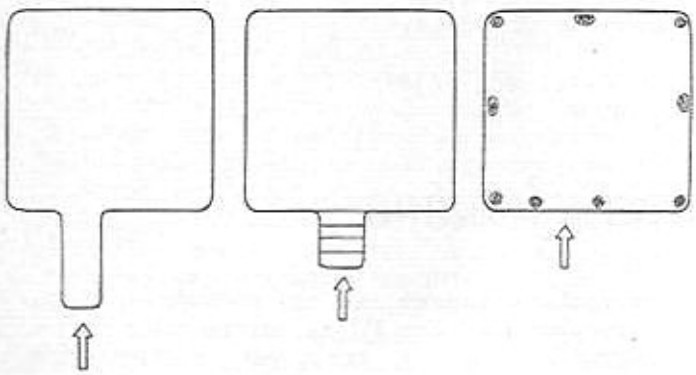


Рис. 44. Устройство входов в полуземляночных жилищах.

ступеньки лесенки часто сохраняют следы дерева — по-видимому, ступеньки были укреплены досками. Иногда ступеньки делали из плоских камней. В жилищах, относящихся ко времени до X в., земляные ступеньки встречаются редко, но зато иногда здесь находят вырытые в земле коридорчики, служившие приямками у входа в жилище (рис. 44).

Существуют и другие критерии для установления положения входа. В ряде случаев это удается сделать по наличию дополнительной столбовой ямы у одной из стен жилища. Столб, вкопанный между угловым столбом и столбом, стоявшим у середины стены, очевидно, мог быть только косяком двери. Именно так определил подобные столбы В. Д. Белецкий при анализе жилищ Белой Вежи.[3] К аналогичному выводу пришла А. Н. Москаленко, рассматривая жилища на городище Титчиха.[4] Такие же дополнительные столбовые ямы можно отметить в жилищах Корчака, Петровского городища и ряда других мест.

Достаточно уверенно определяется место входа в полуземляночных жилищах, расположенных на склонах. В отдельных случаях склоны эти бывают настолько крутыми, что глубина жилища у одной из стен более чем вдвое превосходит глубину у противоположной стены. Вход в таких жилищах мог быть расположен лишь в наименее глубоком месте, т. е. со стороны нижней части склона (рис. 45). Очень хорошо это видно, например, на Большом Боршевском городище в жилищах 9, 12, 15, 17 и др. В жилищах 21 и 22 на этом же городище пол со стороны нижней части склона выходит на древний уровень поверхности, что уже совершенно бесспорно определяет местоположение входа. Не менее явно определяется благодаря направлению склона и положение входа в жилищах 12, 34 и 36 на Новотроицком городище. Следует отметить, что на обоих этих городищах положение печей в жилищах по отношению к направлению склона всегда одно и то же. Это дает основание полагать, что в тех жилищах, где крутизна склонов незначительна и, следовательно, положение входа на этом основании не может быть твердо определено, оно такое же, как у жилищ, расположенных на более крутых склонах. Необходимо добавить, что в тех случаях, когда в жилищах, размещенных на склоне, обнаруживали ступеньки входов, они всегда были расположены в нижней по склону части жилища.[5]

Если отбросить все сомнительные случаи и пользоваться только теми примерами, где положение входа установлено вполне определенно, то даже и тогда остается все же достаточное количество жилищ, в которых удается установить соотношение входа и печи.

Для раннего периода (VI—VII вв.) это соотношение хорошо определяется на поселении Корчак VII, где в четырех жилищах (2, 5, 6 и 14) использована планировка типа II, т. е. печь в них расположена в заднем от входа углу и обращена устьем в сторону входа. Ту же схему планировки — правосторонний вариант типа II — можно видеть в жилищах 4 и 26 на поселении Луг 1 в Пеньковке, на поселении Задубровка, в нескольких жилищах

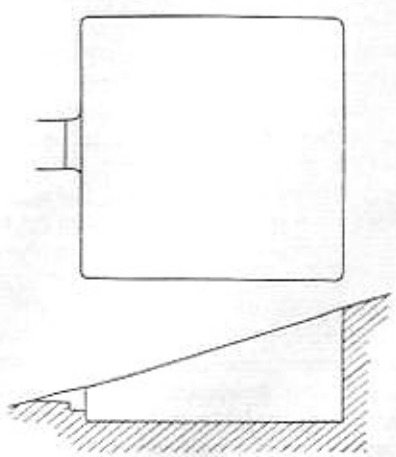


Рис. 45. Устройство входа в полуземляночном жилище, расположенном на склоне.

на поселениях Корчак IX и Городок на р. Смотрич. По одному жилищу такой плановой схемы выявлено на поселениях Корчак I, Зеленый Гай, Глубокое, Подгорье. В жилище 2 на поселении Корчак I печь расположена почти так же, но несколько отклонена устьем к середине жилища. Левосторонний вариант типа II можно отметить в жилище 16 на поселении Луг 1 и в жилище 6 на

[3] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959, с. 84.

[4] Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 56.

[5] Например, на Девичь-горе в Сахновке и на Княжей Горе близ Канева (см.: Гезе В. Е. Раскопки на городище Девичь-гора. — Архив ЛОИА. ф. 1, № 65, 1991, л. 21; Мезенцева Г. Г. Деякі підсумки археологічного вивчення древньоруського міста Родня. — Вісник Київськ. унів., 1961, № 4, с. 112).

поселении Ханска, в одном из жилищ на поселении Городок на р. Смотрич, в жилище на поселении Пригородок.

Другие типы планировки жилищ в памятниках VI—VII вв. встречаются лишь в единичных случаях. Так, в жилище 7 на поселении Корчак I и в жилище на поселении Гульск, по-видимому, использован тип III. Жилище 4 на поселении Корчак VII относится к типу I, однако автор раскопок И. П. Русанова отмечает, что жилище это расположено в особых условиях, находясь на самом конце мыса, и поэтому несомненно представляет собой исключение из общего правила.

Таким образом, выясняется, что в жилищах VI—VII вв. практически используется один тип внутренней планировки жилья — тип II. Конечно, количество примеров пока еще недостаточно для окончательных выводов. Однако следует учесть, что многие исследователи отмечают стандартность расположения печей в полуземлянках VI—VII вв.: «Устойчивость в расположении печей в интерьере жилищ характерна для славянских поселений VI—VII вв.».[6] На поселении Рашев I отмечены случаи, когда для постройки печи в том углу, где был нарушен материк, приходилось делать специальное глиняное основание, но печь тем не менее ставили в том же углу, как в других жилищах этого поселения. Удивительная однотипность расположения печей в жилищах свидетельствует о том, что тип планировки жилища в пределах поселения применялся всегда один и тот же. В таких условиях даже сравнительно немногочисленные примеры становятся достаточно убедительными.

Значительно большее количество примеров соотношения входа и печи известно в жилищах VIII—X вв. При этом оказывается, что почти всегда использовалась схема типа II, т. е. та же схема, которая полностью господствовала и в жилищах предыдущего периода. Эта схема планировки отмечена во многих жилищах Большого Боршевского городища, в нескольких жилищах Малого Боршевского и Новотроицкого городищ, в Титчихе, Белой Веже, Луке-Райковецкой и на поселении Тетеревка I. По одному примеру такого же типа обнаружено на поселениях Буки, Пеньковка (Макаров Остров), Бранешты, Волынцево, Колочин, на Петровском городище. Несколько севернее, уже в пределах лесной зоны, подобный тип плановой структуры обнаружен в двух жилищах Выгоничей, в одном жилище Макчи и в одном на поселении Польное-Ялтуново. Всего известно уже около 50 примеров применения типа II в планировке жилищ VIII—X вв. При этом правосторонний вариант преобладает над левосторонним в соотношении примерно 3 : 1.[7]

Жилища, имеющие планировочную структуру типа III, найдены в сравнительно небольшом количестве. По-видимому, такая схема не была в то время широко распространена. При этом можно отметить, что планировка типа III встречается, как правило, не на тех же поселениях, где отмечены жилища с планировкой типа II, а на других, где тип II не известен. Так, на городище Монастырище и на поселении Сахновка печь расположена в левом заднем углу и повернута устьем вдоль задней стены. В одном-единственном случае (на Донецком городище) печь оказалась расположенной в соответствии со схемой типа IV.

Полное преобладание планировки типа II продолжалось вплоть до X в., когда положение начало существенно меняться: на смену типу II начал постепенно выдвигаться тип I, при котором печь расположена в переднем углу, т. е. рядом с входом, и направлена устьем ко входу. Правда, и в памятниках X—XI вв. старая схема встречается еще довольно часто. Так, например, она еще полностью господствует в жилищах этого времени на Плесненском городище. Однако на Каневском поселении встречаются уже оба типа. Руководитель раскопок Каневского поселения Г. Г. Мезенцева датировала это поселение VII—IX вв., однако весь археологический материал, и особенно круговая керамика, свидетельствует, что поселение дожило до X в. На Каневском поселении обнаружены два типа печей — каменки и глинобитные. На основе опубликованных данных нет возможности установить, синхронны ли жилища с глинобитными печами жилищам с печами-каменками или же являются несколько более поздними. Судя по тому, что глинобитные печи имеют округлую форму и своды, сделанные с помощью деревянного каркаса, они, видимо, относятся к последнему этапу жизни поселения, т. е. не древнее X в.

Расположение печи в заднем от входа углу, т. е. по схеме типа II, применяется, как правило, в тех жилищах Каневского поселения, где имеется печь-каменка (четыре случая против одного), в то время как установка рядом со входом почти всегда сопутствует глинобитной печи (три случая против одного). В находящемся поблизости поселении на Княжей Горе планировка типа II отмечена в двух жилищах, имеющих печи-каменки и относящихся, очевидно, к древнейшему этапу жизни этого поселения, т. е. к X в.

На поселении Затурцы в жилище X в. использована схема типа II, а в жилище XI в. уже новая схема — типа I. На поселении Чаплин одно из жилищ X—XI вв. имеет плановую схему типа II, а другое жилище, относящееся примерно к тому же времени, — типа I. Старая схема — типа II — выявлена в полуземляночном жилище в Галиче, а также в жилище, раскопанном в Старой Рязани, но здесь печь не стояла в углу жилища, а была вырезана в середине его земляной стенки. В Белой Веже в жилищах этого времени обнаружен лишь один случай, где известно соотношение входа и печи, — это тип I. К этому же типу, но с печью, повернутой несколько по диагонали, относится жилище на поселении Сосница. На поселении Воргол также известен один пример жи-

[6] Рафалович И. А. Раннеславянское поселение Хуча VI—VII вв. в Молдавии. — В кн.: Тез. докл. первого симпозиума по археол. и этногр. Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964, с. 36.

[7] При расположении печи слева от входа хозяйке не с руки прясть. Поэтому такое жилище в современной народной терминологии называется «изба-непряха» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.—М., 1881, с. 6, слово «изба»).

лища с планировкой типа I. Севернее жилище с плановой схемой типа I известно на окольном городе в Волковыске.

Следует отметить, что при расположении печи в переднем углу никогда не применяется печь-каменка (за единственным исключением — жилище 17 на Каневском поселении).

Кроме жилищ, имеющих планировочную структуру типов I и II, на поселениях X—XI вв. известно несколько жилищ других типов. Так, на поселении Воргол раскопано одно жилище типа IV, а на городище Курган (в виде редчайшего исключения) — четыре жилища, все относящиеся к разным типам. В Киеве в одном жилище печь стояла не в углу, а в центре помещения — пример для Южной Руси совершенно исключительный.

Таким образом, в жилищах X—XI вв. наряду с характерной для более древних построек схемой соотношения входа и печи (тип II) появляется новая схема — тип I. В дальнейшем в жилищах XII—XIII вв. новая схема получила еще большее распространение. Правда, и в этот период существовали поселения, где во всех жилищах печь по-прежнему стояла напротив входа. Характерным примером является Колодяжин, где в трех полуземлянках печи стояли в правом заднем углу, а в одной — в левом заднем; во всех этих случаях печи были повернуты устьем в сторону входа. В том же Колодяжине, кроме того, известны еще две полуземлянки, в которых печи стояли в заднем углу, но были повернуты устьем вдоль задней стены. Следует добавить, что в Колодяжине в нескольких случаях удалось определить соотношение входа и печи в жилых клетях, связанных с конструкцией оборонительного вала: здесь также печи всюду стояли в заднем углу, т. е. напротив входа (тип II).

Среди известных нам поселений лесостепной зоны XII—XIII вв. Колодяжин является единственным, в котором старая схема соотношения входа и печи полностью господствует. В других случаях эта схема либо вовсе не применяется, либо сосуществует с новой. Так, например, в Городске в двух жилищах печь стояла напротив входа, а в двух — рядом с ним. Сосуществование типов планировки жилищ можно отметить и в Киеве. Здесь среди жилищ XII—XIII вв. лишь в двух обнаружены печи, стоящие в правом заднем углу; одна печь повернута устьем ко входу, другая — вдоль задней стены. Во всех остальных случаях (их известно не менее шести) печь стоит рядом с входом, т. е. по схеме типа I.

На Княжей Горе среди жилищ, имеющих глинобитные печи и относящихся к XII—XIII вв., а частично, по-видимому, к XI в., планировка типов I и II встречается примерно в равном количестве. Замечательно, что при обоих типах здесь преобладает левосторонний вариант расположения печей.

На поселениях в районе Днепровских порогов (Кичкас, поселение у Яцевой балки) известно 12 жилищ, в которых использована схема типа I, и лишь одно жилище (Игрень), где печь расположена в заднем углу. Во всех остальных поселениях лесостепной зоны XII—XIII вв. (Райки, Сахновка, Шучинка, Жуковцы, Ходоров, Большев и др.) встречается лишь одна схема соотношения входа и печи — типа I.

Таким образом, выясняется, что в восточнославянских жилищах лесостепной зоны на смену печи, стоявшей обычно в заднем от входа углу и обращенной устьем в сторону входа, примерно с X в. приходит новая плановая схема, получившая к XII—XIII вв. явное преобладание: печь расположена в переднем от входа углу, т. е. рядом с входом, и обращена к нему устьем. Многие детали этого процесса еще предстоит уточнить, но сам факт наличия определенной тенденции в развитии плановой структуры жилищ лесостепи вряд ли может вызвать сомнение.

Несколько иная картина вырисовывается при анализе плановой структуры в полуземляночных жилищах XII—XIII вв. более северной территории. Уже почти на самой границе лесостепи — в Старой Рязани — печи и в XII—XIII вв., по-видимому, продолжали ставить по-прежнему напротив входа. Судя по одному выявленному примеру, то же самое происходило и в Любече. В одном из раскопанных жилищ на поселении у с. Спаса-Оке вход расположен напротив печи, но сама печь стоит не в углу, а у середины стены. На северо-востоке, в Ярополче, печи стоят также в дальних от входа углах. Лишь в Городце на р. Волге обнаружен один пример расположения печи рядом со входом, но зато печь стоит не в углу жилища, а выступает наружу за его контур. В Суздале выявлены два примера постановки печи не в углу, а посреди жилища, что в полуземлянках лесостепи вообще почти никогда не встречается.

Конечно, количество изученных примеров плановой структуры полуземляночных жилищ лесной зоны настолько невелико, что не позволяет делать более или менее убедительные выводы. Однако создается впечатление, что схема плановой структуры, которая до XI в. в полуземлянках лесной зоны развивалась совершенно так же, как в зоне лесостепи, в XII—XIII вв. начинает развиваться иначе, не имея уже полного соответствия в лесостепной зоне.

В единственном пункте северной части лесной зоны, где имеются полуземлянки, — в Перыни, в двух жилищах печь стоит напротив входа, а в двух — рядом с ним.

Сведения о плановой структуре полуземляночных жилищ лесной зоны менее полны, чем сведения о подобных жилищах лесостепи. Еще хуже обстоит дело с выявлением плановой структуры наземных жилищ. Основной показатель плановой схемы жилища — соотношение печи и входа — здесь удается определить лишь в очень редких случаях. Стоявшие на деревянных опечках печи наземных жилищ после разрушения обычно превращаются в бесформенную кучу, в которой нельзя установить даже положение устья. Иногда, впрочем, это достигается косвенным путем. Дело в том, что корпус печи большей частью делали в плане квадратным, а перед устьем оставляли свободную площадку. Поэтому в тех случаях, когда удается зафиксировать контур опечка, направление устья можно определить по удлинен-

ности плана этого очечка. Еще труднее установить положение входа в наземное жилище. В отличие от полуземлянок точное расположение двери в наземных постройках почти никогда не выявляется. Приблизительное же положение входа иногда определяется по ряду косвенных признаков: наличию тамбура, расположению хозяйственных пристроек и т. д. Одним из показателей может служить также направление досок пола, которые обычно настилали «по ходу», т. е. от двери. К сожалению, и этим признаком довольно трудно руководствоваться, поскольку место входа может находиться в двух противоположных стенах, к которым обращены торцы половиц. К тому же этот признак не вполне надежен, так как известны примеры настилки пола не «по ходу», а поперек (например, в одном из жилищ XIII в. в Бресте).

Таким образом, данные о плановой структуре наземных жилищ очень отрывочны и не создают такого цельного представления, как сведения о плановой структуре полуземлянок. И все же некоторые выводы можно сделать даже по развитию плановой схемы наземных жилищ. Так, для X—XI вв. известно соотношение положения печи и входа в ряде жилищ Старой Ладоги и Новгорода. При этом картина в данных двух пунктах вырисовывается совершенно различная. В Старой Ладоге в большинстве жилищ печь стояла в правом ближнем ко входу углу. Судя по определению В. И. Равдоникаса, она была при этом обращена устьем в сторону входа.[8] В Новгороде печи чаще всего стояли в том же углу (т. е. справа при входе), но во всех случаях, когда удавалось определить положение устья, оно было обращено не ко входу, а к задней от входа стене. Одновременно с такой плановой схемой в новгородских жилищах X—XI вв. применяли еще два варианта расположения печи. Первый вариант — печь ставили в правом заднем от входа углу, устьем в сторону входа. Во втором варианте, характерном для двухкамерных жилищ, печь ставили в середине большего (т. е. квадратного в плане) помещения.

В наземных жилищах XII—XIII вв. соотношение печи и входа зафиксировано в нескольких пунктах на территории Белоруссии (Минск, Слоним, Новогрудок), на Смоленщине (Церковище), в Новгороде, Белоозере, Москве, Пронске. Во всех случаях печь стояла рядом с входом. К сожалению, направление устья печи нигде не было установлено, что не дает возможности определить, к какому варианту плановой структуры относились эти жилища. В Новгороде, где в ряде случаев направление устья было определено, оно, как и в X—XI вв., оказывалось повернутым к противоположной от входа стене. В то же время в Пронске, судя по определению П. П. Милонова, устье печей было повернуто ко входу.

Следует отметить, что в Новгороде в нескольких однокамерных жилищах XII—XIII вв. отмечено также и иное расположение печи — в заднем от входа углу. В левом заднем углу устьем в сторону входа стояла печь в жилище на поселении Гать. В Торопце в одном из жилищ XIII в. печь также стояла в углу, противоположном входу. Однако в том же Торопце в другом жилище XIII в. (несколько более позднем) печь была расположена в переднем от входа углу. Наконец, известны случаи (Вщиж, изредка в Белоозере, в одном жилище на поселении Кимры), когда печь ставили посреди помещения.

Несмотря на очень небольшое количество наземных жилищ, в которых удалось установить схему плановой структуры, можно все же попытаться сделать некоторые выводы. Так, несомненно, что тип жилища с печью, стоящей в центре помещения, чаще встречается среди наземных жилищ, чем в полуземлянках. В некоторых северорусских городах (Новгород, Белоозеро) жилища, в которых печь стояла посреди помещения, являются не случайными исключениями, а примерами четко выявленного типа планировки жилья. Однако в целом подобная плановая схема применялась редко и всегда лишь в качестве сопутствующего варианта в части жилищ на поселениях, где основную массу составляют жилища с печью в углу. Редко встречаются в наземных жилищах и печи, стоящие в дальнем от входа углу. В подавляющем большинстве жилищ (во всяком случае в жилищах X—XIII вв.) печь ставили рядом со входом, чаще справа от входа, реже — слева. Но такое расположение печи может соответствовать двум совершенно различным вариантам плановой схемы жилищ. Один вариант — устье печи повернуто ко входу — совпадает с современным этнографическим типом украинского, белорусского и псковского жилища. Другой вариант — устье печи повернуто к задней от входа стене — совпадает с современным средне- и северорусским жилищем. В наземных жилищах X—XIII вв. известны оба эти варианта, но выявлены они в таком незначительном количестве пунктов, что определить их ареалы в настоящее время еще не представляется возможным.

* * *

Помимо рядовых однокамерных жилищ, археологическими раскопками были выявлены жилища более сложного типа, имеющие два, а иногда даже три помещения. К сожалению, довольно часто за многокамерные жилища принимали разновременные однокамерные постройки, врезавшиеся одна в другую, или же простые однокамерные жилища с пристенным тамбуром у входа. Поэтому при некритическом подходе сведения о количестве раскопанных двух- и трехкамерных жилищ часто заметно преувеличиваются.[9] Однако среди раскопанных жилищ есть немало и таких, которые явно состоят из нескольких помещений, причем эти многокамерные жилища бывают двух вариантов: полуземляночного типа (т. е. заглубленные в землю) и наземные.

[8] Впрочем, по определению Ю. Н. Спегальского, печи в староладожских жилищах чаще ставили не в переднем, а в заднем углу (Спегальский Ю. Н. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 59).

[9] См., например: Юра Р. О. Найдавніші традиції у плануванні східнослов'янського народного житла. — Археологія, 1971, № 1, с. 85.

Многокамерные полуземляночные жилища известны только в районе среднего Поднепровья и все без исключения относятся к XII—XIII вв. (рис. 46). Восемь таких жилищ было раскопано в Киеве, несколько — в Белгороде, Вышгороде, Городске, Щучинке, на городище Иван-гора, по одному — в Конончe, Шарках. Простейшими среди них являются жилища на Иван-горе и в Щучинке. По существу это обычные однокамерные полуземлянки, но имеющие со стороны входа дополнительное помещение, нечто вроде сеней. Ширина этих сеней в одном случае такая же, как самого жилища, а в другом — несколько меньшая. Пол сеней несколько выше (до 40 см) пола основного помещения или расположен на одной с ним глубине. Входили в жилища через эти сени. Другим простейшим типом являются полуземлянки, пол которых разделен на две части, расположенные на разных уровнях. Жилище на городище Конончa (7) очень небольшое (3.6 × 4.5 м), а разница в уровне полов здесь всего 15 см. Очень может быть, что данное жилище является обычным однокамерным, а разница в уровне пола двух его половин вовсе не обозначает, что оно имело два отдельных помещения. В жилище на участке 33 в Киеве (раскопки В. В. Хвойки) разница в уровне полов достигает 30 см, а пропорции жилища очень вытянутые (3.2 × 7.7 м). Это жилище безусловно двухкамерное. Впрочем, большая глубина помещения, а также крайне неясные сведения о печи (видимо, лишь развал ее) не дают уверенности в том, что это самостоятельное жилое помещение, а не подвальная часть наземного дома. Возможно, что такая же картина наблюдалась и в жилище на участке 10 в Киеве (раскопки В. В. Хвойки).

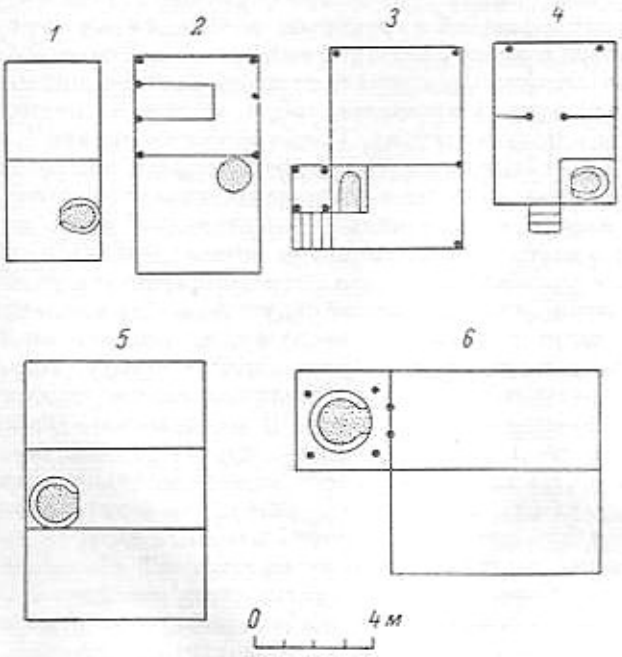


Рис. 46. Многокамерные жилища.

1 — Городск, жилище 5; *2* — Белгородка, жилище 3; *3* — Белгородка, жилище 6; *4* — Киев, жилище на участке 39; *5* — Подол в Киеве; *6* — Киев, жилище на участке 11 (чертежи 2, 3, 4 и 6 — по материалам раскопок В. В. Хвойки).

Большое помещение (9.2 × 13.3 м), имеющее два входа, значительную глубину и лишенное печи, может представлять собой подземную часть жилого комплекса.

Существуют, однако, и такие двухкамерные полуземлянки, которые не вызывают сомнений в том, что они являются самостоятельными жилищами. Таковы, например, жилища 5 в Городске, 1, 3, и 6 в Белгороде (раскопки В. В. Хвойки), на участке 39 п. вероятно, на участке 19 в Киеве (также раскопки В. Хвойки). Ширина этих жилищ примерно такая же, как обычных однокамерных (от 3.0 до 4.5 м), но длина значительно больше (от 5.7 до 7.8 м). Жилища разделены на две более или менее равные части с помощью внутренней перегородки. От перегородок сохранились канавки в материковом грунте, иногда с остатками древесной трухи. Глинобитная печь стоит в одной из половин жилища. В тех случаях, когда были обнаружены входы, они всегда вели в ту часть жилища, где стояла печь.

На городище Шарки было раскопано полуземляночное жилище, состоящее из трех помещений. В средней его части пол на 35 см выше полов боковых помещений. По-видимому, в этой части стояла глинобитная печь. Близкую схему имело жилище, раскопанное в Киеве на Подоле. Размер его 6.0 × 9.0 м. Оно было разделено деревянными перегородками на три части. В средней стояла печь. Жилище это было очень неглубоко врезано в грунт, что дало основание В. А. Богусевичу интерпретировать его (по-видимому, ошибочно) как наземное.

Особый вариант представляет собой жилище на участке 11 (раскопки В. В. Хвойки) в Киеве. Это большая квадратная полуземлянка (7 × 7 м), разделенная деревянной перегородкой на две приблизительно равные части. Сбоку примыкает маленькое помещение с большой печью. Жилище 2 в Киеве (раскопки 1940 г. на усадьбе Михайловского монастыря) имело в длину 7.5 м; ширина его не определена. Если предположить, что линия столбовых ям, отмеченная на чертеже, являлась основой перегородки, делящей жилище на две равные части, то окажется, что это жилище было почти аналогичным предыдущему. Сбоку к жилищу примыкала небольшая пристройка. В отличие от жилища на участке 11 печь здесь стояла не в маленьком, а в основном помещении. Впрочем, интерпретация этого жилища пока остается очень спорной.

Несколько особняком стоят два полуземляночных жилища — в Киеве (1949 г., усадьба Михайловского монастыря) и Городске (17). Они состоят из двух помещений, как бы случайно врезанных одно в другое, с полами на разном уровне. Очень возможно, что эти жилища образовались при расширении простой однокамерной постройки путем прибавления к ней второго помещения. Не менее вероятно, что оба этих жилища имеют специальное, производственное назначение.

Количество обнаруженных полуземляночных многокамерных жилищ очень невелико; оно значительно уступает количеству известных многокамерных жилищ наземного типа. К этому следует

добавить, что в зоне лесостепи дерево в раскопках, как правило, не сохраняется. Поэтому очень вероятно, что даже в тех районах, где все однокамерные жилища были полуземляночными, более богатые, многокамерные дома строили наземными. Следы больших наземных домов находили при раскопках южнорусских городов, где рядовые жилища даже в XII—XIII вв. продолжали оставаться заглубленными в землю. Так, например, в Чернигове углубленное в землю помещение с печью представляло собой, по предположению Б. А. Рыбакова, подвальную часть богатого наземного дома. К сожалению, плановая схема этого жилища не определена, поскольку оно не было раскопано полностью.

Значительное количество многокамерных жилищ было обнаружено в тех районах, где наземный тип жилища вообще являлся основным не только для богатых, но и для рядовых однокамерных домов. При этом двухкамерные жилища здесь известны уже с X в. Так, например, в Новгороде в слоях X в. были раскопаны избы-пятистенки, т. е. такие срубы, которые были перегорожены внутренней стеной на два самостоятельных помещения. В плане избы-пятистенки обычно имеют удлиненную форму; одно из их помещений по форме близко к квадрату, а второе, меньшее, — более узкое. Печь в таких домах всегда находилась в большом помещении, а вход вел через меньшее. В слоях XI в. в Новгороде избы-пятистенки известны уже в большом количестве. Изба-пятистенка, относящаяся к X в., была раскопана также в Белоозере. Выявлены избы-пятистенки и в нижних слоях Пскова.

Возможно, что двухкамерными были большие дома, вскрытые в слоях XI в. в Новогрудке. В одном из них наличие двух помещений можно предполагать по различному направлению досок пола в разных частях дома. Впрочем, этому несколько противоречит почти квадратная форма плана здания.

Особенно много наземных двухкамерных домов было вскрыто на поселениях XII—XIII вв. Избы-пятистенки этого времени известны в значительном количестве в Новгороде. Вскрыты они также в Белоозере. Судя по вытянутой форме плана и расположению ям от стульев, пятистенка существовала на поселении Церковище близ Смоленска. Одна изба-пятистенка вскрыта в Гродно. Наконец, к тому же типу относится и несколько углубленное в землю срубное жилище 6 в Новогрудке, а также сменивший его дом 5. Возможно, что пятистенками были и еще некоторые большие дома Новогрудка. Всюду, где в избах-пятистенках удавалось определить место входа и печи, оказывалось, что вход вел через узкое помещение, а печь стояла в большом квадратном помещении. Очевидно, что такая схема являлась общепринятой для двухкамерных жилых построек.

В Новгороде обнаружено несколько срубов, имеющих иную схему плана. Это большие срубы, разделенные поперечной стенкой на два примерно одинаковых по размеру помещения. Печей в таких постройках не было. Наиболее вероятно, что подобные срубы являлись подклетами, над которыми располагался второй, собственно жилой этаж. Этот второй этаж, очевидно, имел нормальную схему плана богатого дома, т. е. одно квадратное, а второе узкое помещение. Кроме Новгорода, такие срубы обнаружены в Пскове.

Возможно, что существовали и другие варианты плановой схемы двухкамерных построек, однако никаких определенных данных на этот счет пока не имеется. Остатки богатых домов, вскрытые раскопками в Старой Рязани и Галиче, сохранились настолько плохо, что не дают возможности достаточно уверенно судить об их плановой схеме.

Трехкамерные жилые сооружения известны в Новгороде в слоях XII—XIII вв. Они представляют собой две однокамерные избы или же избу и холодную клеть, соединенные между собой столбовой постройкой. Таким образом, трехкамерные жилища Новгорода XII—XIII вв. чрезвычайно близки по плановой схеме трехчастной связи, хорошо известной этнографам по русским жилищам XVIII—XX вв. Очень возможно, что подобная трехчастная композиция существовала в Новгороде и несколько раньше; однако примеры таких построек, вскрытых раскопками в новгородских слоях XI в., не вполне бесспорны. Точно так же не могут считаться бесспорными и трехчастные дома, раскопанные в Пскове, Белоозере и на поселении Гать.

Раскопки в Новгороде показали, что в слоях XII—XIII вв., помимо трехчастных построек, имеются и более сложные жилые комплексы, состоящие из четырех и более срубов. К сожалению, выделение таких комплексов почти всегда сопряжено со значительными трудностями, поскольку далеко не всегда удается установить, были ли соединены данные срубы в один хозяйственно-жилой комплекс или же составляли части разных комплексов. Кроме того, даже если план такого комплекса определяется более или менее уверенно, то интерпретация назначения его отдельных частей почти всегда остается спорной.[10]

---

[10] В качестве примера можно привести комплекс хором в Новгороде, реконструкция которого разными исследователями пришла к совершенно различным результатам (ср.: Засурцев П. И., Чистяков Г. П., Борисевич Г. В., Тюрин В. П. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII века. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961, с. 207; Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв., с. 224).

ГЛАВА 3

ПЕЧИ

Печь — один из наиболее стабильных элементов жилья. Если во время археологических раскопок находили жилище, то почти всегда удавалось обнаружить и печь. И если даже печь оказывалась сильно разрушенной, тип ее все же обычно можно было определить. Более того, иногда печи при раскопках выявляли даже там, где от самого жилища не оставалось почти никаких следов. Поэтому материала по конструкции печей имеется в настоящее время немало. К этому следует добавить, что тип печей, как показали многочисленные археологические примеры, очень устойчив и единообразен на каждом поселении. Одновременное использование на одном поселении нескольких типов печей является редким исключением. Поэтому, определив тип печи в нескольких жилищах, можно быть почти полностью уверенным в том, что и во всех остальных жилищах данного поселения печи будут относиться к тому же типу. Все эти обстоятельства позволяют судить об эволюции конструкции печей с достаточной полнотой.

Рис. 47. Печь-каменка VI—VII вв. Задубровка. (Раскопки 1967 г.).

Однако значение печей для археологического изучения и классификации жилищ определяется не только их широким распространением и относительно хорошей сохранностью. Значение печей особенно увеличивается от того, что их конструкция и система расположения, по-видимому, очень чутко реагируют на всевозможные этнические сдвиги и влияния. Так, например, наличие печи посреди полуземляночного жилища или применение вместо купольной печи открытого очага сразу же заставляет подозревать неславянский характер жилища. Некоторые исследователи принимали печь даже за основной элемент, который может служить критерием классификации жилищ. С таким выводом вряд ли можно целиком согласиться, поскольку конструкция жилищ и их плановая структура представляют собой не менее, а может быть, даже более важные элементы, чем печь. Тем не менее изучение печей несомненно весьма существенно для выяснения эволюции жилища и выявления его локальных вариантов.

В славянских жилищах лесостепной зоны Восточной Европы, относящихся к VI—VII вв., полностью господствуют печи-каменки. Печи эти довольно однотипны. Они сложены из необработанных камней и имеют снаружи прямоугольную, реже подковообразную форму (рис. 47). Наружный

размер печей обычно несколько более 1 м, редко более 1,5 м. Нижнюю часть складывали, как правило, из крупных, часто плоских камней, а верхнюю — из более мелких. Камни уложены без всякого связующего, хотя кое-где отмечено, что щели между ними забиты глиной или черепками сосудов. Камни использовали того сорта, который было легко найти в окрестностях: известняк, песчаник, гранит, иногда даже куски железной руды.

из небольших камней. Никаких отверстий в своде печей не было, и дым, очевидно, выходил через топочное отверстие. На нескольких поселениях были обнаружены куски больших глиняных жаровен, очевидно стоявших на печи (Пеньковка, Корчак, Хуча, Ханска, Горошево). На поселениях Ханска, Корчак I и Корчак VII в развалах печей найдены глиняные вальки, которые применялись при строительстве свода печи вместо кам-

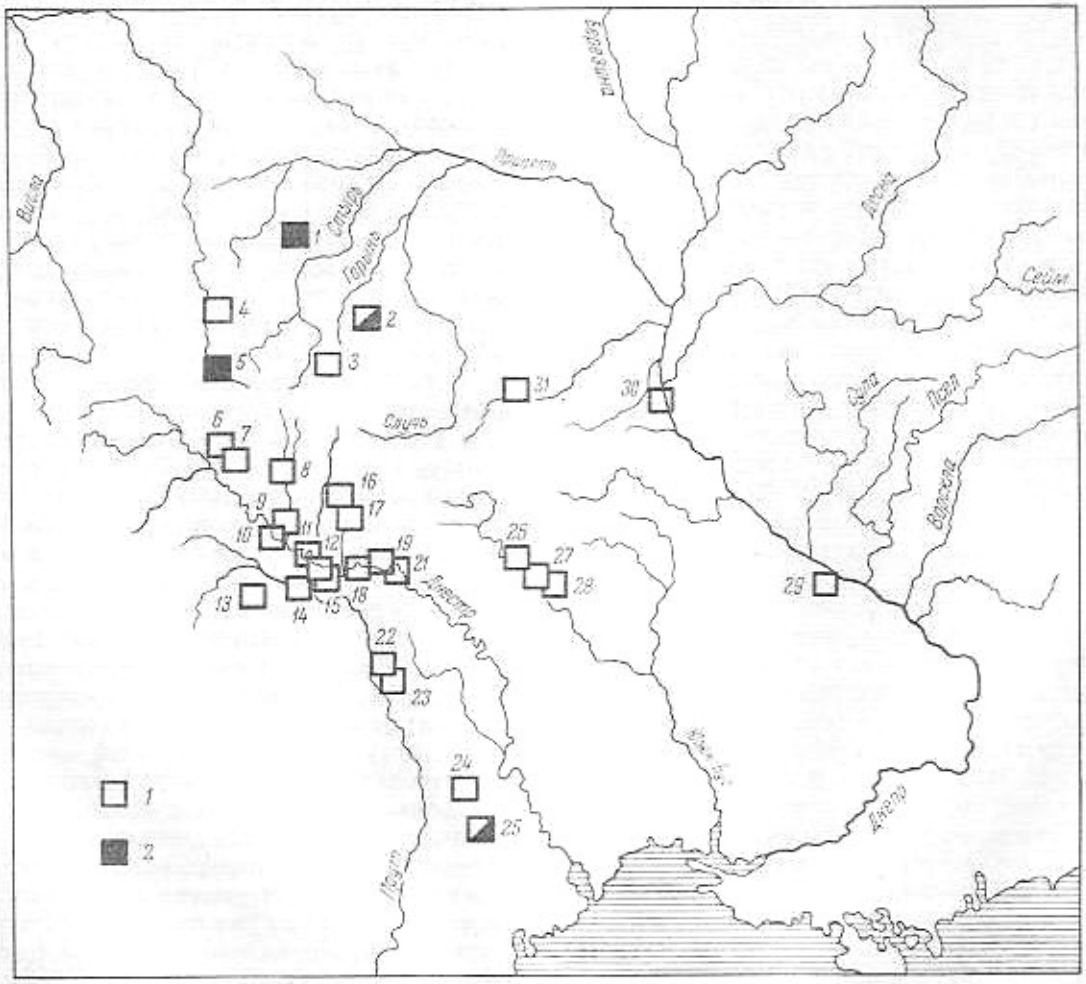


Рис. 48. Распространение типов печей в жилищах VI—VII вв.

1 — печи-каменки; *2* — глиняные печи.

Поды печей овальные или округлые, расположены на уровне пола жилищ или даже врезаны в него на несколько сантиметров. Поды печей, как правило, материковые, лишь изредка подмазанные глиной или подмощенные каменными плитами. Можно отметить, что задняя стенка печи и та боковая стенка, которая примыкает к стене жилища, часто имеют большую толщину, чем стенка печи, обращенная к середине помещения. Такое утолщение стенок печи несомненно связано с опасением, что при недостаточной толщине каменной прокладки огонь из топки может вызвать возгорание деревянных стен жилища.

Верхние части печей обычно разрушены, но в нескольких случаях (Самчинцы, Перебыковцы, Семенки, Корчак IX) удалось раскопать печи, свод которых сохранился. Топка была перекрыта либо большими плоскими камнями, либо сводом

ней или, вернее, вместе с ними. По-видимому, там, где не хватало удобного для постройки печей камня, в строительстве верхних частей печи использовали глиняные вальки, как бы искусственные камни. Особенно явно это видно на поселении Подгорье, где некоторые печи сооружены из глиняных вальков совершенно так же, как в других местах из камней.

Перед печами иногда расположены сравнительно небольшие предпечные ямы, а у устья печей часто находят ямки от столбиков. Лишь в исключительных случаях (одно жилище в Зеленом Гае, одно — в Пеньковке) отмечено наличие вместо печи открытого очага.

Таким образом, на всей территории от Днепра на востоке до Днестра и Западного Буга на западе в славянских жилищах VI—VII вв. печи имели более или менее одинаковый характер (рис. 48).

Исключением в этот период является поселение Рпшнев, расположенное в верховьях Западного Буга. Правда, в устройстве печей на этом поселении есть много общего с печами-каменками остальных поселений: совпадают форма и размер, расположение в жилищах, использование валков при устройстве купола. Однако основа печи здесь все же другая — не сложенная из камней, а вырезанная в глиняном материковом останце. Более того, даже в тех жилищах Рпшнева, где материк был нарушен, печи сделаны не из камня, а в искусственном глиняном массиве. Очевидно, данное поселение свидетельствует о наличии уже в VI—VII вв. самостоятельных традиций в строительстве печей. Одна из этих традиций представлена довольно большим количеством памятников, другая пока известна лишь по одному поселению на крайнем западе рассматриваемого района. С памятниками какой территории связано Рпшневское поселение, сказать трудно, так как ни к северу от него, ни к западу синхронные славянские поселения пока не выявлены. Кроме Рпшнева, глиняные печи в этот период известны лишь на поселении Подрижье и в виде единичных исключений на нескольких других поселениях. Такова глиняная печь в одном из жилищ на поселении Городок близ г. Ровно. Глиняная печь найдена также в одном помещении на поселении Ханска II, где во всех остальных жилищах обнаружены печи-каменки. Одновременно ли это жилище прочим на данном поселении, не совсем ясно. Во всяком случае печь, врезанная в материковый останец на поселении Ханска II, пока является единственным примером в данном районе. Из глины сделан свод печи в одном из жилищ Кочурова, но низ печи здесь каменный. Кроме того, во всех других жилищах этого поселения верхняя часть печей также выполнена из камня.

Таким образом, если не считать жилищ Рпшнева и Подрижья, а также единичных жилищ на поселениях Городок и Ханска, все славянские жилища лесостепной зоны Восточной Европы VI—VII вв. с точки зрения конструкции их печей могут быть объединены в одну группу.

В VIII—X вв. картина существенно изменилась и стала гораздо более разнообразной. Очаги, как и в предшествующий период, в жилищах почти не применялись.[1] Единичные примеры использования очагов были обнаружены на Новотроицком городище, в Опошне и на некоторых других поселениях. Однако очаги здесь найдены в тех жилищах, в которых есть еще и обычная печь. В одном жилище в Пеньковке (12, Луг 2), в одном в Грозинцах и в двух жилищах в Рашкове были только очаги. Следует отметить, что жилища с очагами большей частью заметно выделяются среди всех прочих жилищ этого времени своими малыми размерами. Известен пример использования очага вместо печи на Битицком поселении, но в постройке, которая могла иметь не жилое, а какое-то специальное назначение (наличие в постройке нескольких ям и гораздо меньшая заглубленность в землю, чем в остальных жилищах этого поселения).

Исключительность приведенных примеров дает полное основание утверждать, что открытый очаг как средство отопления жилищ в славянских памятниках VIII—X вв. на территории Восточной Европы, как правило, не применялся.

Иногда в жилищах VIII—X вв. встречаются печи, вырезанные подбоем в материковых стенках котлована. Такие печи довольно редки: они известны на поселениях Рашков, Опошня, Битица, у хут. Ближняя Мельница, на Новотроицком городище и др. Обычно такая подбойная печь служила лишь второй, дополнительной печью в жилище, где имелась еще и обычная печь. Поэтому печи, вырезанные в земляных стенках жилищ, нельзя считать обычным типом печи в жилищах VIII—X вв.[2]

Основными типами в жилищах этого времени были каменки и глиняные печи.

Печи-каменки VIII—X вв. имеют такой же характер, как VI—VII вв. Снаружи они по форме близки к прямоугольнику. Стороны печей обычно имеют размер не менее 80—90 см и не более 1.7 м. Высота печей достигает 90 см. Камни использовались самого различного типа, такие, какие имелись в окрестностях. В нижней части стенки печей обычно складывались из довольно крупных, большей частью плоских камней, выше — из более мелких, без связующего, хотя известны примеры промазки печей-каменок глиной. В Белой Веже для строительства печей, кроме камней, использовали кирпичи разрушавшейся хазарской крепости.

Поды печей обычно располагались на уровне пола жилищ; лишь изредка они немного врезались в пол или, наоборот, слегка поднимались над ним (не более 10—15 см) на естественном материковом возвышении. Почти всегда под был материковым, хотя известны случаи, когда его подмазывали глиной или вымащивали плоскими камнями, а иногда черепками. Размер пода от 30 × 50 до 80 × 100 см. В одном случае (два жилища на поселении Лука-Райковецкая) отмечено, что топка была разделена надвое вертикально поставленным камнем. Следует добавить, что печи-каменки несомненно имели какие-то дополнительные деревянные части, от которых сохранились лишь ямки. Особенно часто такие ямки от кольев находят у устья печей.

Второй тип печей, применявшийся в VIII—X вв., — глиняные, вырезанные в материковых

[1] Иногда исследователи принимали за очаг остатки разрушенных печей, особенно тех печей-каменок, в которых камни были разобраны и унесены. Однако даже само размещение в углу жилища свидетельствует о том, что это остатки печей, а не очагов. При деревянной конструкции стен открытый очаг, расположенный в углу жилища, несомненно вызвал бы пожар.

[2] На поселении Битица в одном жилище имеется подбойная печь, а в другом — открытый очаг. Это могло бы свидетельствовать о наличии какой-то особой, возможно неславянской, традиции устройства печей в поселениях волынцевского типа (ср., например, соображения В. В. Седова об этнической принадлежности таких поселений: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. докт. дисс. М., 1966, с. 26). Однако на Волынцевском поселении в большинстве случаев найдены нормальные глиняные печи.

останцах (рис. 49). В нескольких поселениях были обнаружены печи, целиком до самого верха вырезанные в глиняных останцах; в большинстве же случаев в останцах вырезали лишь нижнюю часть печи, а верх ее лепили из глины. При этом обычно использовали глиняные вальки, имевшие форму конусов или хлебцев. Известны примеры, когда такие вальки использовали в кладке сводов печей, сложенных в основном из камней (Гочево, Макча). Однако чаще вальки сопутствуют печам, вырезанным хотя бы частично в глиняных останцах. Встречаются и промежуточные типы печей. К примеру, некоторые печи-каменки на Боршевском городище и на городище Титчиха в нижней своей части были вырезаны в материковом меловом известняке. Таким образом, эти печи-каменки имели некоторые черты сходства с глиняными печами, низ которых был вырезан в останцах.

Печи, вырезанные в останцах, в плане прямоугольные. Впрочем, на некоторых поселениях (Шестовицы, Волынцево, Сосница) обнаружены печи, целиком вылепленные из глины, но также имеющие в плане прямоугольную форму. Здесь низ печей по существу тоже вырезан, но не в материковой глине, а в искусственно сбитом глиняном массиве. Ни по форме, ни по размерам эти печи ничем не отличаются от печей, вырезанных в останцах, и могут быть отнесены к тому же конструктивному типу. Причина, вызвавшая появление таких печей, — наличие в данном районе не глиняного, а песчаного (или супесчаного) грунта, в котором нельзя вырезать низ печи.

Кроме каменок и прямоугольных глиняных печей, в жилищах рассматриваемого времени встречается еще один тип печей — круглые глинобитные. Так, известно несколько поселений, в которых печи были целиком искусственно сбиты из глины и имели круглую или овальную в плане форму. Одно из них — городище Монастырище. Здесь были найдены как прямоугольные в плане печи, так и круглые. Однако датировка жилищ на городище Монастырище очень неопределенная. На этом городище известны находки вплоть до XI в. Очень вероятно, что жилища с круглыми печами относятся к наиболее позднему периоду жизни поселения. По-видимому, такая же картина имеет место и на Каневском поселении, расположенном на Днепре, на правом его берегу. Здесь часть жилищ имеет печи-каменки, а часть жилищ — круглые печи, сделанные из глины на деревянном каркасе. Судя по археологическому материалу, очень правдоподобно, что данные жилища, как и жилища на городище Монастырище, не древнее X в. Судя по наличию фрагментов раннекруговой керамики, до второй половины IX, а может быть, даже до X в. доживают и поселения Стжижков в западной части Волыни, а также Подрижье, Бабка и Хотомель в Припятском Полесье, где зафиксировано наличие круглых глиняных печей. Таким образом, глинобитные круглые печи, очевидно, свидетельствуют не о наличии локальной группы поселений VIII—X вв., а лишь о переходе к новой конструкции печей в конце данного хронологического периода. Впрочем, может быть, в районе Полесья круглые глинобитные печи действительно появились несколько раньше, чем в других районах Руси.

Высота печей, вырезанных в материковом останце, обычно от 60 до 90 см. Размер их в плане от 0.9×1.0 до 1.8×1.85 м. Под находится, как правило, на уровне пола. Круглые глиняные печи имеют наружный диаметр от 1.0 до 1.5 м и обычно стоят на материковых площадках высотой до 0.5 м.

Рис. 49. Глиняная печь VIII—X вв. Новотроицкое городище. (Раскопки 1954 г. И. И. Ляпушкин).

Верхние части печей сохранились лишь в очень немногих жилищах, но все же несколько печей с уцелевшими сводами было обнаружено как среди каменок, так и среди глиняных печей. В большинстве случаев своды печей не имели никаких отверстий и дым выходил из печи через топку. На многих поселениях были найдены остатки крупных глиняных жаровен, стоявших на печах (Сахновка, Волынцево, Большое Боршевское и Донецкое городища). Однако в ряде случаев (городища Новотроицкое, Петровское, Монастырище, поселение Опошня) в верхней части купола глиняных печей обнаружены круглые отверстия диаметром около 20 см. Заглаженность и обожженность краев отверстий свидетельствует о том, что они сделаны специально, а не являются результатом обрушения свода. Если бы такие большие отверстия оставались открытыми и дым

выходил бы через них, то это резко снижало бы обогревающую способность печей.[3] Очевидно, что во время топки печи отверстие должно было чем-то закрываться. Вероятнее всего, в него вставляли горшок (рис. 50). Это тем более правдоподобно, что иначе в подобных печах было бы очень трудно варить пищу, поскольку при небольшой высоте устья (обычно 20—30 см) вставить внутрь печи даже не очень крупный горшок не всегда представлялось возможным. В горшке же, стоящем поверх свода печи, пища не сварилась бы.

Печи обычно располагались в углах жилищ и были повернуты устьем вдоль одной из стен.

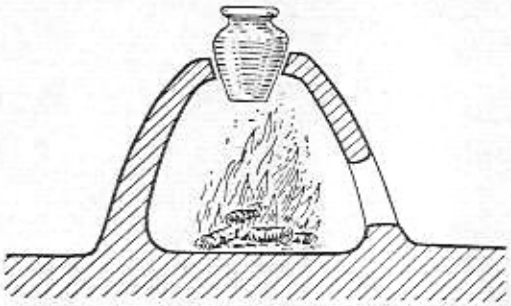


Рис. 50. Разрез печи с отверстием в верхней части.

Очень редки примеры установки печей не в углу, а у середины стены (Каневское поселение, Воргол, Пеньковка). Лишь в одном случае (Монастырище) известно размещение печи в центре полуземляночного жилища. Несколько чаще встречаются печи, стоящие в углах, но повернутые устьем по диагонали помещения. Однако печей, имеющих такое расположение, тоже весьма немного.

Очень характерно распределение типов печей на поселениях VIII—X вв., находящихся на рассматриваемой территории (рис. 51). Здесь существовало в это время несколько самостоятельных групп. Между Днепром и Днестром, где в VI—VII вв. были известны славянские жилища с печами-каменками, картина не изменилась: там по-прежнему продолжали складывать каменки. Поселения, где употребляли в VIII—X вв. глиняные прямоугольные печи, расположены, как и в более раннюю пору, лишь на окраинах данного района. Так, на крайнем западе Волыни — на Ришневском поселении — в жилищах, относящихся, по-видимому, к VIII—X вв., найдены куски печины, возможно от разрушенных печей. Сравнительно неподалеку, на поселении Стжижков, также отмечено наличие в жилищах глиняных печей. Вероятно, в этом районе продолжала развиваться традиция постройки глиняных печей. Другой район, где сооружали печи, вырезанные в материковых останцах, — р. Рось (Сахновка).

Характерно, что эти три поселения расположены на периферии, вернее — даже на границах того участка зоны лесостепи между Днепром и Днестром, где в VI—VII вв. были известны жилища с печами-каменками. Очевидно, в VIII—X вв., как и в предшествующий период, на всей этой территории строили только печи-каменки, а упомянутые исключения объясняются тем, что они отражают влияние соседних территорий. Действительно, поселение Ханска II, относящееся к VI—VII вв., безусловно связано со славянскими памятниками Румынии, а там наряду с каменками известны и глиняные печи.[4] Ришневское и Стжижовское поселения, видимо, входят в какую-то самостоятельную группу памятников, хотя этот вопрос еще далеко не ясен из-за неисследованности памятников VI—X вв. на территории Восточной Польши. Поселение же Сахновка расположено настолько близко к Днепру, что, очевидно, может быть связано с группой памятников Днепровского Левобережья. Впрочем, печи на поселении Сахновка не совсем аналогичны печам левобережной группы славянских жилищ VIII—X вв., поскольку в последних печи, как правило, целиком выполнены из глины, а в Сахновке в сводах печей есть также и камни. Очень вероятно, что промежуточное место между памятниками Правобережья и Левобережья занимал Киев: печь, обнаруженная в киевском жилище, раскопанном в 1965 г., сделана из камней, но в ее своде использованы глиняные вальки. В то же время в другом киевском жилище этой поры (раскопки 1939 г.) обнаружена прямоугольная глиняная печь.

Территория Днепровского Левобережья в VIII—X вв. была занята большой группой поселений, в которых печи вырезали в материковых глиняных останцах. Иногда вырезали целиком всю печь, включая свод, но большей частью в глиняном останце вырезали лишь нижнюю часть печи, а выше ее достраивали глиняными вальками. Печи имели прямоугольную в плане форму. В нескольких поселениях, где материковый грунт был не глиняным, а супесчаным (например, Волынцево, Сосница), печи оказались вырезанными в искусственных глиняных массивах, а в их верхних частях широко применялись глиняные вальки.

На север территория применения прямоугольных глиняных печей простирается лишь до нижнего течения Десны. Выше лежит район, где печи строили из камня. Восточнее, в Подонье, расположены славянские поселения, в жилищах которых также используются печи-каменки. Правда, эти каменки несколько отличаются от печей Днепровского Правобережья тем, что в большинстве случаев камни здесь уложены на глине. Кроме того, в отдельных случаях нижние части таких печей-каменок врезаны в каменистый грунт. Все это несколько сближает печи района Подонья с глиняными печами Днепровского Левобережья. Возможно, что существуют и переходные типы. Так, на Гочевском городище, расположенном в верховьях р. Псел, при устройстве печей были

[3] Этнографы неоднократно отмечали, что в курной печи (т. е. не имеющей дымохода) дым всегда выходит через устье печи (см., например: Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, с. 185).

[4] Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, № 89, 1960, с. 192.

использованы камни, глина и глиняные вальки. Следует отметить, что изредка на территории Подонья встречаются печи, целиком сделанные из глины (например, печи в нескольких жилищах на городище Титчиха).

Наконец, в наземных жилищах северной части лесной зоны печи в это время строят, как правило, из камней. Впрочем, на поселении у дер. Георгий (близ Новгорода) в одном из жилищ обнаружена глинобитная печь. Еще одна глинобитная печь, — правда, по-видимому, производственного назначения, — известна в том же районе на поселении Прость. К сожалению, очень небольшое количество изученных славянских жилищ этого района, относящихся ко времени до середины X в., не позволяет уточнить картину и установить, ши-

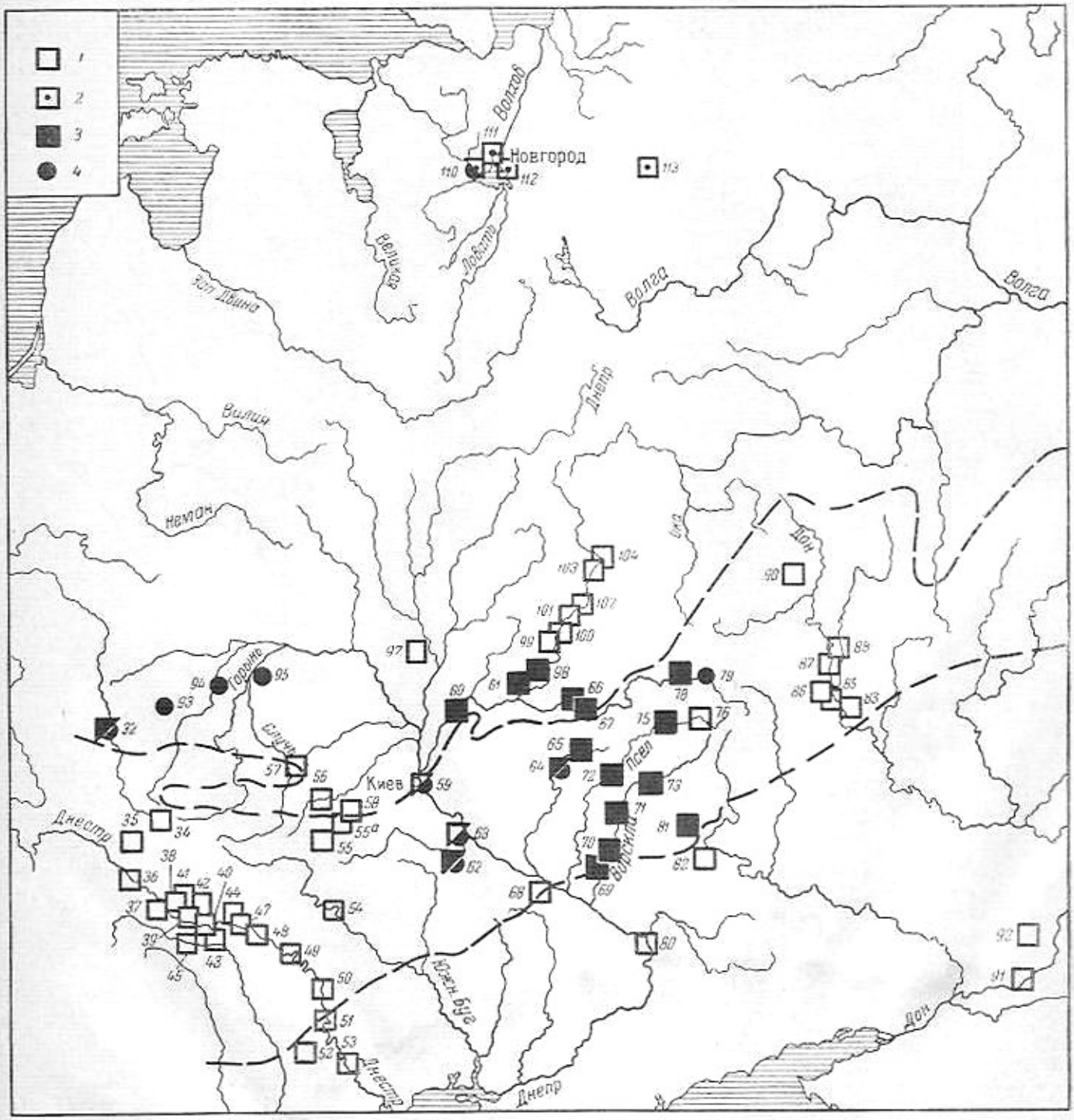


Рис. 51. Распространение типов печей в жилищах VIII — первой половины X в.

1 — печь-каменка в полуземляночном жилище; *2* — печь-каменка в наземном жилище; *3* — прямоугольная глиняная печь; *4* — круглая глинобитная печь.

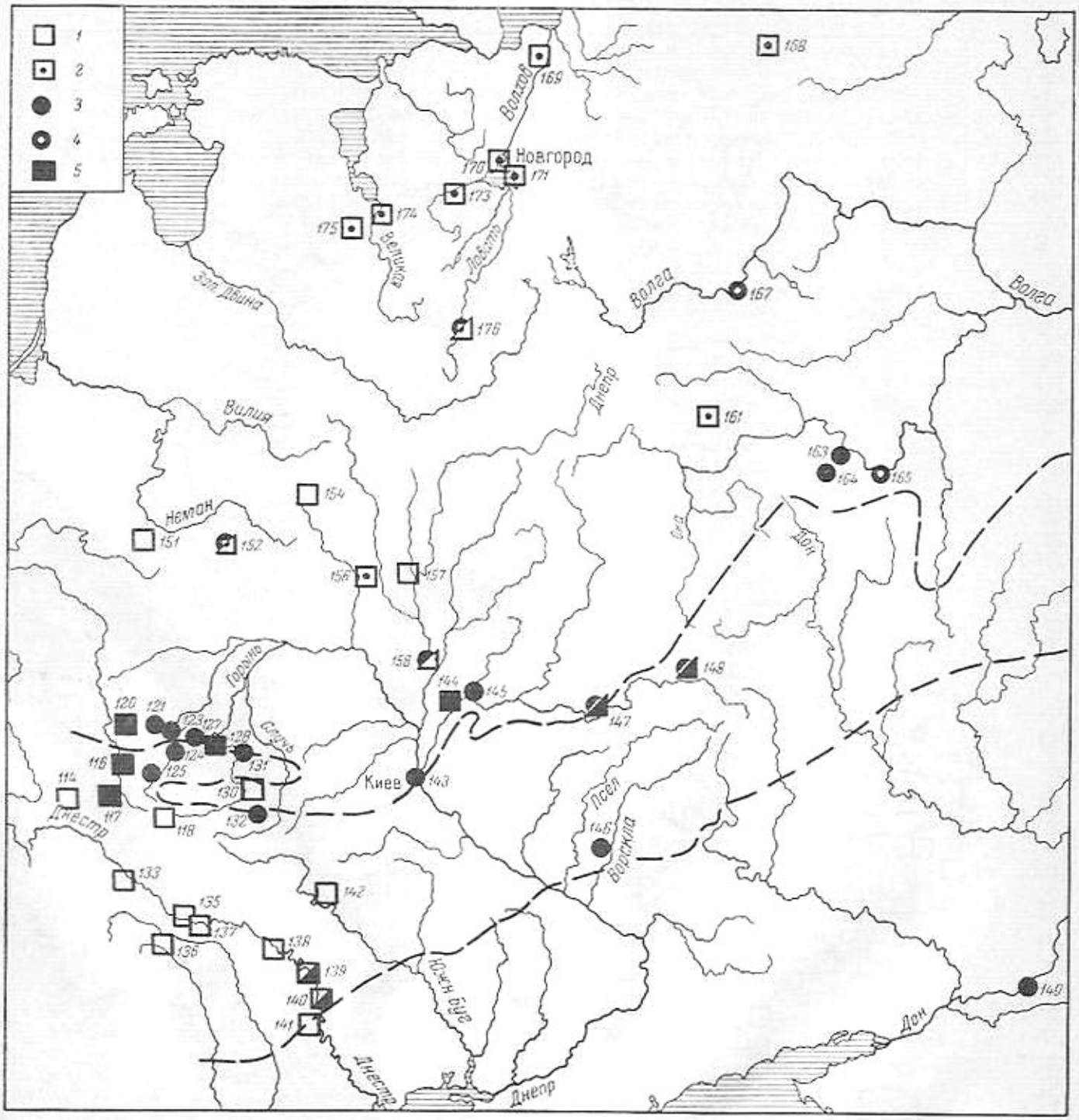


Рис. 52. Распространение типов печей в жилищах второй половины X—XI в.

1 — печь-каменка в полуземляночном жилище; *2* — печь-каменка в наземном жилище; *3* — круглая глинобитная печь в полуземляночном жилище; *4* — круглая глинобитная печь в наземном жилище; *5* — прямоугольная глинобитная печь.

роко ли применялись здесь наряду с каменными также и глинобитные печи.

Распространение различных типов печей во второй половине X—XI в. существенно отличается от предшествующего периода. В это время на территории Руси достаточно четко вырисовываются три района, в которых господствуют определенные типы печей (рис. 52).

На юго-западе Руси, в Поднестровье, по-прежнему сохраняются печи-каменки. По своим конструктивным особенностям они не отличаются от печей-каменок, применявшихся в предшествующий период (рис. 53). Лишь в Галиче (с. Крылос) в одном из жилищ отмечено, что камни печи были уложены не насухо, а на глине. Под печей-каменок всегда расположен на уровне пола и обычно подмазан глиной.

В южной части Поднестровья наряду с печами-каменками обнаружены печи, вырезанные в материковых останцах (Алчедар, Екимауцы). Впрочем, таких печей здесь меньшинство. Не часто применяются в это время подобные печи и на других территориях, даже там, где в предыдущий период печи, вырезанные в материке, господствовали. Очевидно, что такие печи в X—XI вв. являются лишь пережитками более раннего этапа развития жилищ. В особенности это явно в бассейне верхнего течения Западного Буга, где на поселениях Рашнев, Ромош и во Владимире-Волынском (урочище Белые Берега) такой тип печей, очевидно, сохраняет традиции, существовавшие на данной территории еще до X в. (Рашнев, Стжижов). Такая же картина имеет место и в Днепровском Левобережье.

Печи, врезанные в материковые стенки котлованов жилищ, по-прежнему известны лишь в виде единичных примеров, хотя кое-где (Зимно, Рашнев) они, возможно, продолжают традиции печей, вырезанных в материковых останцах.

За исключением Поднестровья, на всей остальной территории лесостепи господствующим типом печей во второй половине X—XI в. стали печи,

Рис. 53. Печь-каменка X—XI вв. Крылос. (Раскопки 1955 г. М. К. Каргер).

с самого низа выполненные из глины и имевшие круглую форму (рис. 54). Очень часто в обломках стенок и сводов таких печей видны отпечатки каркаса из кольев или прутьев. Когда печь после постройки прожигалась, этот каркас выгорал и от него оставались пустоты в обожженной глине. В печах данного типа совершенно не встречаются глиняные вальки, имевшие широкое распространение в строительстве печей предшествующего периода, т. е. до X в. В ряде случаев в развале печей найдены куски больших глиняных жаровен, очевидно стоявших на верху печи (рис. 55). Иногда сам верх печи имел горизонтальную поверхность и был окружен бортиками, т. е. был сделан в виде жаровни (Лишнское городище). На городище Монастырище и в Лепесовке в верхней части некоторых круглых печей обнаружены такие же отверстия, как в прямоугольных глиняных печах предшествующей поры (рис. 56). Поды глиняных печей обычно, так же как в каменках, расположены на уровне пола. Они часто вымощены обломками горшков и поверх промазаны глиной.

Изредка перед печами находятся небольшие предпечные ямы.

Размеры печей второй половины X—XI в., как правило, не отличаются от размеров более ранних печей. Круглые глинобитные печи чаще

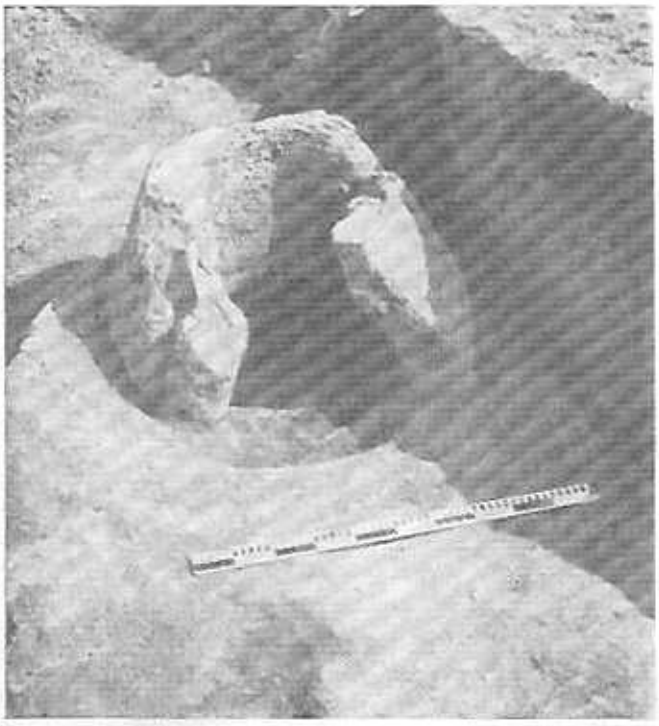


Рис. 54. Глинобитная печь X—XI вв. Острожец. (Раскопки 1965 г. П. А. Раппопорт). Жилище 1.

всего имеют наружный диаметр от 1.0 до 1.5 м, высоту 70—90 см. Иногда встречаются печи, сильно врезанные своей задней частью в материковые стенки жилищ.

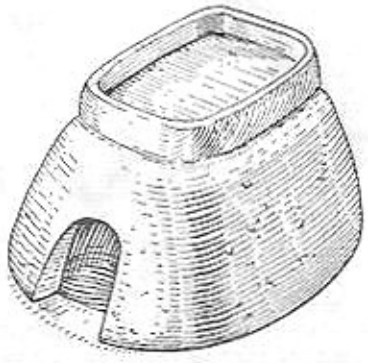


Рис. 55. Глинобитная печь с жаровней.

На севере граница распространения круглых глиняных печей во второй половине X—XI в. почти полностью совпадает с границей зон лесостепи и леса. Можно, однако, отметить, что имеется все же тенденция к продвижению круглых глиняных печей и в более северные районы. Так, подобные печи в это время встречаются уже на Волге (Пекуновское селище) и в бассейне Немана (Новогрудок). Наряду с каменными печами попадаются круглые глинобитные печи и в Новгородской земле (Городок на р. Ловати). На всей остальной территории лесной зоны в это время полностью господствуют печи-каменки. При этом можно отметить, что в Рязанской земле круглые глинобитные печи известны и в наземных, и в полуземляночных жилищах. Точно так же и каменные печи свойственны в этот период не только

Рис. 56. Глинобитная печь X—XI вв. с отверстием в верхней части. Лепесовка. (Раскопки 1959 г. М. А. Тиханова). Печь 2.

наземным жилищам, но встречаются и в полуземлянках лесной зоны (Волковыск, Ходосовичи, Заславль). Создается впечатление, что ареалы типов печей независимы от ареалов типов жилищ.

Глинобитные печи лесной зоны по существу ничем не отличаются от подобных печей лесостепи. Иногда в печах встречаются следы деревянного каркаса, а в одном случае (Новогрудок) найдены остатки стоявшей на печи глиняной жаровни. Наоборот, в отличие от глинобитных каменные печи жилищ лесной зоны не полностью совпадают с печами-каменками Поднестровья. Северные печи, как правило, сложены не насухо, а на глине, причем иногда глина используется настолько широко, что трудно сказать, является ли печь каменной или глиняной, но с использованием камней. Другое существенное отличие: северные каменные печи очень часто стоят не на полу, а подняты на специальном деревянном опечке. Это явление чаще можно наблюдать в наземных домах (Новгород, Рюриково городище, Бело-

озеро), хотя встречаются печи на опечках и в полуземлянках (Ходосовичи, быть может Рогощe). На юго-востоке лесной зоны как каменные, так

лесостепной зоны Древней Руси XII в. было достигнуто почти полное единообразие: все печи южнорусских жилищ XII—XIII вв. — исключи-

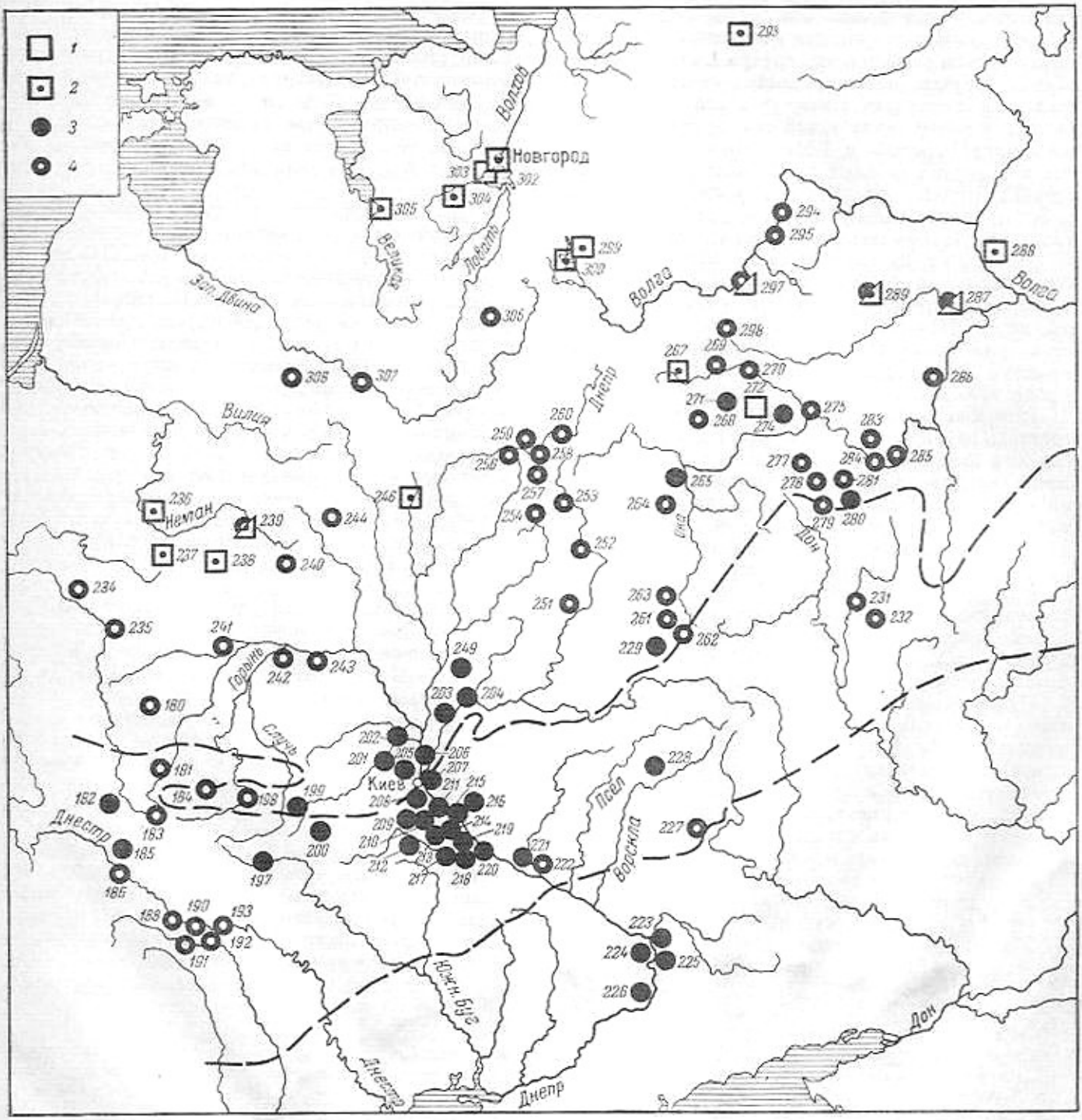


Рис. 57. Распространение типов печей в жилищах XII—XIII вв.

1 — печь-каменка в полуземляночном жилище; *2* — печь-каменка в наземном жилище; *3* — круглая глинобитная печь в полуземляночном жилище; *4* — круглая глинобитная печь в наземном жилище.

и глиняные печи иногда расположены над подпечной ямой, опираясь на деревянные столбы (Беницы, Старая Рязань).

В XII—XIII вв. картина распространения различных типов печей вновь существенно меняется (рис. 57). В устройстве печей в жилищах

тельно глинобитные. Ни печей-каменок, ни печей, вырезанных в материковых останцах, в это время уже не употребляют. Правда, кое-где по традиции нижнюю или тыльную часть печи вырезают в материковой глине (Переяслав-Хмельницкий, Ходоров) и изредка сохраняют форму печи, близкую

к прямоугольнику (Кичкас). Однако полностью господствующим типом являются круглые печи. В полуземляночных и наземных жилищах, так же как и в жилых клетях оборонительных валов, эти печи имеют более или менее одинаковое устройство. В подавляющем большинстве случаев печи целиком расположены внутри жилищ. Встречаются, правда, печи, врезанные своей тыльной частью в земляную стенку жилого котлована. Особенно много таких печей обнаружено в полуземлянках Городска и Колодяжина, но найдены они и на других поселениях. Иногда эти печи настолько глубоко врезаны в стенки, что почти целиком расположены вне контура жилища и только их устье выходит внутрь жилого помещения. В нескольких пунктах (Райки, Шарки и др.) обнаружены печи, целиком вырезанные подбоем в земляных стенках. Открытые очаги в русских жилищах XII—XIII вв. как основное средство отопления по-прежнему не применялись. Очаги известны лишь изредка — в жилищах, в которых, кроме того, существовали и обычные печи.

Глинобитные печи XII—XIII вв., как правило, сделаны целиком из глины. Правда, во многих случаях отмечено, что в состав материала стенок печей входило значительное количество камней, но камни эти были соединены глиной и стенки печей были промазаны глиной как снаружи, так и со стороны топки. Лишь в единичных случаях отмечены печи, целиком сложенные из камней, да и то обмазанных глиной. В городах, где было развернуто монументальное строительство и налажено кирпичное производство (Киев, Рязань, Туров и др.), известны печи, в которых широко использованы кирпичи.

При постройке глиняных печей XII—XIII вв. часто сооружали каркас из кольев или прутьев, который затем обмазывали глиной. При обжигании печи каркас выгорал, но его отпечатки сохранялись в виде пустот в стенках печи.[5] Встречаются, впрочем, печи, в глиняных стенках которых нет никаких следов каркаса.

Печи имели, как правило, круглую форму, реже овальную или подковообразную. Наружный диаметр печей обычно колеблется в пределах от 1.0 до 1.5 м, высота купольного свода большей частью 40—60 см. Толщина стенок печей в нижней части 20—30 см, а выше — не более 10—15 см.

Под печей глиняный. Часто под слоем глины лежит забивка из битой керамики или мелких камней.[6] Большей частью под расположен на уровне пола жилища, но довольно часто печи стоят на небольших материковых останцах, которые специально оставляли при отрывании котлована жилища. Высота такого останца обычно всего 20—30 см, хотя в отдельных случаях достигает 50—60 см.

Известны случаи, когда в развалах печей находили куски больших глиняных жаровен, очевидно стоявших на печи (Плесческ, Иван-гора, Переяславль).[7] Безусловно, что при наличии таких жаровен в верхней части печи не могло быть отверстия. Вопрос о том, существовали ли в XII—XIII вв. печи, имевшие в куполе отверстие, как в печах более раннего времени, пока остается открытым.

Одна из наиболее характерных особенностей географического распространения различных типов печей в русских жилищах XII—XIII вв. — значительное расширение территории, где применяли круглые глинобитные печи. Помимо зоны лесостепи, такие печи получили полное преобладание в Припятском Полесье, в Верхнем Поднепровье и в бассейне Оки. Каменные печи к этому времени остались господствующим типом печей лишь в самой северной части рассматриваемой территории — в новгородско-псковских землях и в Белозерье. Даже бассейн Западной Двины входит в территорию распространения круглых глиняных печей. Правда, каменные печи удерживаются в небольшом районе Понеманья, а в сочетании с глиняными печами применяются в Поволжье, в бассейне Клязьмы и в районе к югу и западу от Москвы.

Круглые глинобитные печи, имевшие в XII—XIII вв. распространение в лесной зоне, очень мало отличаются от подобных печей более южных районов. Можно отметить, что довольно часто (значительно чаще, чем на юге) в этих печах наряду с глиной применяли камни, однако в целом глинобитные печи почти идентичны на всей древнерусской территории. Наиболее существенное отличие заключается в том, что глинобитные печи лесной зоны часто бывают поставлены не на уровень пола, а подняты значительно выше него, причем если в Среднем Поднепровье такой подъем печей достигался установкой их на материковых останцах, то на севере для этой цели сооружали специальные деревянные опечки.

В южной части Руси деревянные опечки, видимо, применялись крайне редко. Так, в нескольких жилых клетях в срубах оборонительных

---

[5] Глиняные печи с деревянным каркасом, который выгорал при обжигании, сохранились до наших дней в Закарпатье (Симоненко П. Ф. Быт населения Закарпатской области. — СЭ, 1948, № 1, с. 73).

[6] Такая забивка позволила печи дольше сохранять тепло. Однако известны случаи, когда на одном и том же поселении в одних печах поды чисто глиняные, а в других — с обильной забивкой из керамики. При этом иногда в под вкладывали не мелкие куски разных сосудов, не отбросы, а несколько специально разбитых горшков. М. К. Каргер высказал предположение, что такая забивка имела не столько практический, сколько ритуальный смысл.

[7] Жаровни, предназначенные для установки на печь, имели большие размеры (высота их борта около 12 см), слабый обжиг и значительное количество примесей (в том числе соломы) в глиняном тесте. В плане жаровни были овальными или близкими к прямоугольнику со скругленными углами. От этих жаровен необходимо отличать небольшие, хорошо обожженные круглые сковороды с невысоким краем, представляющие собой один из типов славянской посуды. Смешение жаровен со сковородами нередко приводит к путанице. На восточнославянской территории сковороды доживают лишь до X—XI вв., в то время как жаровни на печах известны вплоть до XIII в. Предположение чешского исследователя Л. Скружного о том, что жаровни (по-чешски «pekáče») исчезают вместе с переходом от печи-каменки к глинобитной печи, на восточнославянских памятниках не подтверждается (Skružný L. Pekáče-jejich výskyt, funkce a datování. — Památky archeologické, Praha, 1964, r. LV, č. 2, p. 391).

валов (Воинь, Ленковцы) зафиксированы остатки печей, упавших на пол жилища с какого-то возвышения — вероятно, с деревянного опечка. Возможно, что такая же картина имела место и в наземных домах в Перемиле. Особо выделяются две печи в жилых клетях на городище Колодяжин: они были сложены из камней на высоких (до 1 м) материковых останцах, укрепленных деревом. Следует отметить, что установка печей на опечках в южнорусских землях выявлена в основном не в обычных жилищах, а в жилых клетях оборонительных валов. При этом в Колодяжине и сами печи представляют собой исключительное для Южной Руси явление — они не глинобитные, а каменные.

В более северной части Руси, в лесной зоне, деревянные опечки для установки глинобитных печей применялись достаточно часто. Они представляют собой, как правило, квадратный или прямоугольный в плане постамент, имеющий в высоту около $^1/_2$ м. Наиболее употребительные размеры опечка 1.2×1.2 м. Выполнен он обычно из досок, положенных на ребро и заведенных в пазы угловых столбов. Пространство внутри опечка большей частью забито глиной. Опечки подобной конструкции известны в Новгороде, Минске, Полоцке, Торопце, Москве. Однако известна и другая конструкция опечков — срубная. Она выявлена на Волге (Золоторучье) и на Десне (Вщиж, Осовик). В виде единичного исключения срубный опечек в одном из жилищ на городище Осовик имел не прямоугольную, а восьмиугольную форму. На городище Слободка опечки находились только в тех жилищах, которые были устроены в срубах оборонительного вала.

Следует отметить еще один прием установки глинобитных печей — на деревянных столбах над подпечной ямой. В XII—XIII вв., подобно тому как это имело место и в XI в., такая конструкция распространялась в юго-восточной части лесной зоны (Старая Рязань, Ижеславльское городище, частично Москва).

Каменные печи, применявшиеся в XII—XIII вв. на территории Северной Руси, лучше всего изучены при раскопках в Новгороде. Впрочем, и здесь, несмотря на очень большое количество раскопанных печей, удалось изучить лишь их основания, поскольку верхние части печей всюду обрушились. Печи большей частью имели прямоугольную форму; размер их сторон редко равнялся 1.0—1.2 м, большей частью — 2 м, а иногда до 3 м. Таким образом, северорусские каменные печи были значительно крупнее южнорусских печей-каменок.

Иногда печи бывали сложены из плотно подогнанных крупных камней, но чаще размер камней не превышал 20 см. Очень часто камни складывались на глине, причем глина порой применялась в таком количестве, что трудно определить, что являлось основой стенок печи — камни или глина. В тех городах, где велось монументальное кирпичное строительство, при постройке печей иногда использовали кирпичи (Гродно, Новогрудок).

Следует отметить, что к XII в. каменные печи почти полностью перестали ставить в полуземляночных жилищах. В тех редких случаях, когда в полуземлянках обнаруживали каменные печи, они обычно оказывались округлыми, построенными с обильным применением глины и по существу были скорее глинобитными с использованием камня, чем настоящими каменками (Городец на р. Волге). Круглые каменные печи Перыни могли к тому же иметь специальное назначение, поскольку жилой характер перынских полуземлянок далеко не бесспорен.

Широкое применение деревянных опечков — одна из характерных особенностей северных каменных печей. Установка печей непосредственно на землю (например, Городок на р. Шелони) встречается значительно реже. При столбовых опечках три или четыре столба (диаметром в 20—30 см) закапывали по углам печи так, чтобы они возвышались над уровнем земли на 40—60 см. Учитывая, что деревянный пол был часто поднят на лагах, врубленных между первым и вторым или даже между вторым и третьим венцами сруба, можно считать, что опечки лишь слегка возвышались над полом жилища. Пространство между столбами опечка забиралось досками (или плахами), положенными на ребро и закрепленными в пазах угловых столбов. Внутренность опечка заполнялась землей, глиной или камнями, хотя известны и полые опечки, пространство внутри которых, очевидно, использовалось для хозяйственных нужд. Материал опечков — обычно дуб. Опечки имели квадратную или слегка вытянутую прямоугольную форму; размеры их сторон колеблются от 1.2 до 2.6 м. Наряду со столбовыми встречаются и срубные опечки. Они представляют собой небольшие срубики, углы которых соединены не «в обло», а «в лапу», т. е. без выпуска остатков. Оба типа опечков — столбовые и срубные — обнаружены в Пскове и Белоозере. Такая же картина имеет место и в Новгороде, но здесь П. И. Засурцев отметил, что в жилых постройках опечки всегда бывали столбовыми, а печи на срубных опечках, так же как печи, стоявшие непосредственно на земле, имели обычно производственное назначение.

Если рассматривать совместно все печи лесной зоны Руси, как каменные, так и глинобитные, то окажется, что в распространении печей на опечках есть определенная закономерность. Печи на столбовых опечках распространены в северной и северо-западной частях этой зоны. В северной части можно отметить Белоозеро, Новгород, Псков, Торопец. Западнее, на территории современной Белоруссии, — Полоцк, Минск, Новогрудок, Слоним. В более восточной части столбовые опечки пока известны только в Москве. Срубные опечки на севере, по-видимому, использовались в основном в производственных помещениях, а не в жилых домах (это установлено в Новгороде, но очень вероятно, что такие обстояло дело в Пскове и Белоозере). Но зато срубные опечки встречаются значительно южнее, в Подесенье (Осовик, Вщиж). К юго-востоку от Москвы, в Рязанской земле, печи часто ставили не на опечки, а на столбы над подпечной ямой.

Одним из наиболее сложных вопросов, возникающих при изучении печей древнерусских жилищ, является вопрос о дымоходах. Несомненно, что в подавляющем большинстве жилищ не было никаких дымоходов и печи топились по-черному, т. е. с выходом дыма через устье топки. Рядовые сельские жилища продолжали на Руси отапливаться по-черному и значительно позже, вплоть до XVIII в. В эпоху же Киевской Руси (не говоря уже о более раннем времени) даже и не рядовые, а богатые двухкамерные жилища тоже не имели в большинстве дымоходов. Однако при археологических раскопках жилищ XII—XIII вв. бывали случаи находки фрагментов глиняных труб, которые, возможно, представляют собой остатки дымоходов. Куски подобных труб были обнаружены при раскопках жилищ в нескольких южнорусских поселениях — Кичкас, Райки, Плесневск. Глиняная труба была найдена также в трехкамерном жилище на Подоле в Киеве. К сожалению, эти фрагменты дымоходов нигде достаточно убедительно не зафиксированы и поэтому нет возможности судить об их устройстве. Тем не менее, если даже в некоторых случаях интерпретация находок была ошибочной, трудно предположить, чтобы такая ошибка повторилась во всех отмеченных пунктах.

Достаточно достоверные материалы о наличии дымоходов были получены при раскопках на Ленковецком городище.[8] Здесь в завале двух крупных печей (видимо, не рядовых, а богатых жилищ) были найдены трехстенные желоба из обожженной глины. Внутренняя их поверхность была покрыта копотью. Судя по известным на Буковине этнографическим аналогиям, дым через отверстие в верхней части печи выводился из жилища наружу по горизонтальному каналу, состоящему из трехстенного глиняного короба (перевернутого желоба), уложенного на обмазанную глиной доску.

Во время раскопок во Вщиже в некоторых жилищах были найдены специально формованные примитивные кирпичи различной формы, лежавшие развалом в виде широких полос.[9] Б. А. Рыбаков интерпретировал эти находки как остатки дымоходов.

В более северных районах остатки дымоходов пока еще нигде не обнаружены. Тем не менее это не может служить доказательством того, что здесь все печи, даже в богатых жилищах, топились по-черному. Так, вряд ли по-черному отапливались большие и богатые дома в Новогрудке, имевшие остекленные окна, а иногда даже украшенные фресковой росписью.

Изучение эволюции жилищ древнего Новгорода привело Ю. П. Спегальского к выводу, что увеличение в XIII в. количества однокамерных срубов и уменьшение количества изб-пятистенок означает не упрощение типа жилищ, а, наоборот, усложнение, так как однокамерные срубы в большинстве, видимо, были объединены в более сложные комплексы. Но это означает, что в Новгороде в XIII в. наметилась тенденция к значительной дифференцированности построек, что могло иметь место лишь в том случае, если некоторые постройки начали отапливать уже по-белому.[10]

Таким образом, несмотря на очень ограниченные данные, имеющиеся в настоящее время, можно все же отметить, что в ряде жилищ Древней Руси XII—XIII вв. есть доказательства (большей частью косвенные, но кое-где даже прямые) наличия системы отопления с отводом дыма, т. е. отопления по-белому. Система эта применялась не в рядовых жилищах, а лишь в богатых.

---

[8] Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. — СА, 1970, № 4, с. 116, прим. 5.

[9] Рыбаков Б. А. Вщиж — удельный город XII века. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, с. 58.

[10] Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 227.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление особенностей устройства славянских жилищ Восточной Европы, и прежде всего их основных элементов — конструкции, плановой схемы и типа печей, — позволяет сделать попытку наметить, хотя бы в самых общих чертах, картину развития жилищ от VI до XIII в. Конечно, картина эта пока еще очень схематична, а в ряде положений не вполне ясна. И все же большое количество накопленного археологами материала позволяет прийти к некоторым достаточно определенным выводам.

Жилища древнейшего этапа — VI—VII вв., — не вызывающие сомнений в их славянской принадлежности, известны в Восточной Европе лишь на очень ограниченной территории. Они найдены сейчас в Поднестровье — от верховьев Днестра до его нижнего течения, в верховьях Прута и Южного Буга, на Правобережье Днепра в районе Тясмина, в Киеве. Севернее подобные памятники обнаружены в бассейне Тетерева, правых притоков Припяти, в верховьях Западного Буга.

Жилища VI—VII вв. почти единообразны, хотя между ними можно отметить некоторые различия. Так, в подавляющем большинстве случаев ориентированы они сторонами по странам света, а входы в них вели с юга. Однако на некоторых поселениях жилища ориентированы по странам света не сторонами, а углами. Разнообразно расположение печей: как правило, они стояли в северной половине жилищ, в северо-восточном или северо-западном углу. Значительно более редки случаи, когда печи занимали юго-западный угол помещения. По-видимому, все эти незначительные различия связаны с приспособлением жилищ к условиям рельефа, поскольку они не затрагивают основной схемы их планировки.[1] Вне зависимости от ориентации плановая структура жилищ обычно неизменна — печь всегда стояла в заднем от входа углу, напротив входа. Гораздо чаще это был правый задний угол, но на некоторых поселениях печи расположены так, что они могли стоять только в левом заднем углу.

Между жилищами VI—VII вв. имеются и более существенные различия. Так, на ряде поселений у части жилищ налицо несомненно столбовая конструкция стен, в то время как на большинстве поселений все (или почти все) жилища были срубными. Иногда срубы делали из тонких бревен, что вызывало необходимость в употреблении столбов для поддержания кровли. Собственно столбовая конструкция стен применялась реже. Поселений, где все жилища были бы столбовыми, не отмечено, и поэтому выделить какой-либо район, в котором жилища отличались бы по своей конструкции от жилищ соседнего района, невозможно.

Более четко выявляются различия в устройстве печей. Полностью преобладает в это время печь-каменка, сложенная на уровне пола, большей частью без употребления связующего. Однако известны достаточно четко выделяемые поселения — Ришневское, Подрижье, — где печи имели особую конструкцию: они глиняные, врезанные в материковые останцы или же сложенные из глиняных вальков. Такое существенное различие, к тому же последовательно выдержанное во всех жилищах Ришнева, свидетельствует о наличии особого варианта жилищ VI—VII вв., представленного пока лишь на немногих поселениях, расположенных на крайнем северо-западе рассматриваемой территории. На других поселениях печи, сделанные из глины или из глиняных вальков, известны лишь в виде единичных исключений.

Картографирование различных конструктивных вариантов жилищ VI—VII вв. в дальнейшем, быть может, позволит наметить какие-либо локальные варианты, характерные для определенных районов. Но не менее вероятно, что многие конструктивные особенности окажутся распространенными в качестве разновидностей на всей рассматриваемой территории. В настоящее время решить этот вопрос еще не представляется возможным, так как количество изученных памятников указанного времени совершенно недостаточно.

[1] Предположения некоторых исследователей, что ориентация жилищ не имела значения, так как стены всегда ставили параллельно реке, не могут быть приняты (см., например: Приходнюк О. М. Ранньослов'янське житло на Поділлі. — Археологія, 1971, № 3, с. 26). В жилищах, расположенных у реки, стены действительно параллельны берегу, но в тех случаях, когда жилища стояли на участке, не связанном с определенным направлением реки или оврага, их обычно ориентировали сторонами по странам света, а вход устраивали с юга.

В целом, несмотря на отмеченные различия, жилища VI—VII вв. очень близки друг другу во всех основных, наиболее существенных особенностях. Все они представляют собой полуземлянки более или менее одинакового размера и формы, с преобладанием срубной конструкции стен. Печь в них, как правило, сложена из камней и всегда расположена в дальнем от входа углу, устьем ко входу.

Жилища следующего хронологического этапа — VIII—первой половины X в. — также довольно

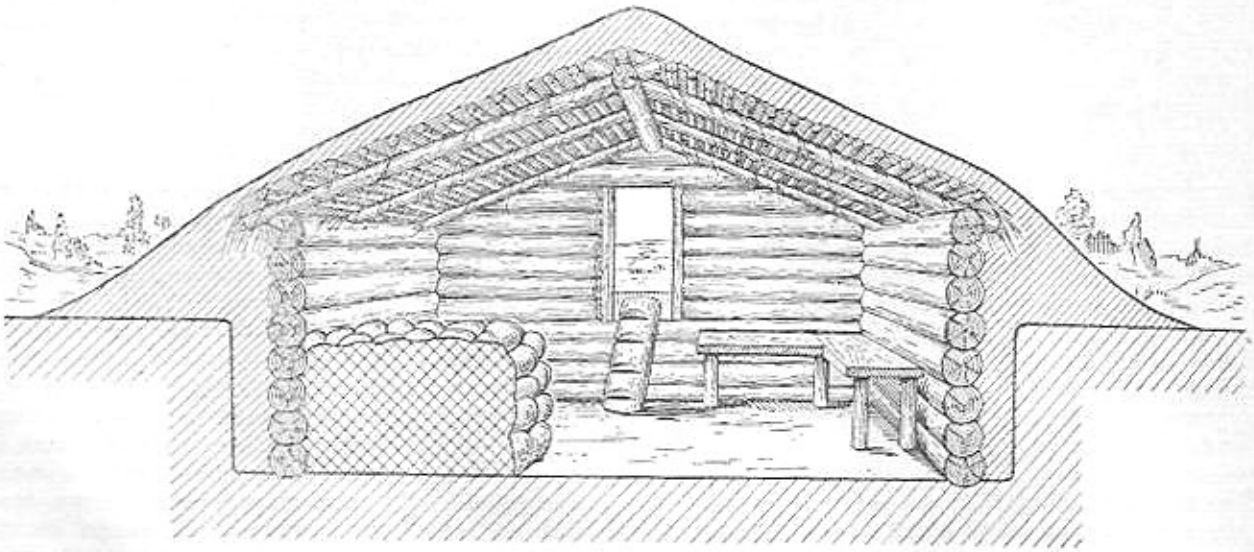


Рис. 58. Реконструкция полуземляночного жилища VIII—X вв.

единообразны почти на всей территории Восточной Европы. За исключением небольшой группы жилищ северной части лесной зоны, жилища этой поры имеют больше признаков, которые их сближают, чем разделяющих. Жилища по-прежнему полуземляночные, приблизительно одинаковой формы, размеров и глубины (рис. 58). Печи стоят обязательно в углах. Жилища чаще ориентированы по странам света сторонами, чем углами, причем печи обычно расположены в северной половине помещения, а вход ведет с юга. Единообразна и плановая структура жилищ: печь, как правило, стоит напротив входа, т. е. в заднем от него углу, и повернута устьем ко входу.

Вместе с тем в жилищах VIII—X вв. имеются и различия, позволяющие выделить среди них несколько самостоятельных групп. Так, к востоку от Днепра господствует не срубная, а столбовая конструкция стен. Различия эти вырисовываются не очень ясно, ибо на многих поселениях представлены одновременно оба конструктивных типа. Жилища совершенно одинаковой срубной или столбовой конструкции можно найти как на крайнем западе, так и на востоке рассматриваемой территории. И тем не менее достаточно определенно выраженная тенденция к преобладанию одного из этих типов четко делит все восточнославянские жилища VIII—X вв. на две группы, граница между которыми проходит приблизительно по Днепру. В западном районе, где преобладали срубные дома, применялись печи-каменки. Таким образом, как по конструкции стен, так и по типу печей жилища этого района прямо продолжали традицию, идущую от более раннего времени. Примеры использования другого типа печей (круглых глиняных) можно отметить только на севере данного района, в бассейне Припяти, да и то, по-видимому, лишь в конце рассматриваемого периода.

Второй район, лежащий к востоку от Днепра, по типу печей делится на две самостоятельные части. На территории Левобережья среднего течения Днепра применялись исключительно прямоугольные глиняные печи; севернее, в лесной зоне, и восточнее (в основном в Подонье) — печи-каменки. Таким образом, если с точки зрения конструкции стен жилищ поселения роменской и боршевской групп одинаковы, то по типу печей они отделяются одна от другой.

Совершенно иной характер имеют жилища новгородско-псковского района. Это наземные срубные дома с печами-каменками. К сожалению, памятники этого района исследованы еще настолько плохо, разделение подлинно славянских жилищ и жилищ прибалтийских и финских племен настолько нечетко, что в настоящее время можно уверенно использовать для изучения лишь несколько жилищ, относящихся к самому концу рассматриваемого периода, т. е. к X в.

Жилища второй половины X—XI в. еще более четко, чем в предыдущий период, делятся на две самостоятельные группы. Южная группа, охватывающая всю территорию лесостепи, а к северу простирающаяся до Немана на западе и до среднего течения Оки на востоке, представлена жилищами полуземляночного типа. Жилища эти чрезвычайно единообразны. Если среди жилищ VIII—первой половины X в. можно было выделить несколько самостоятельных групп, отличающихся одна от другой по конструкции стен и типу печей, то теперь даже и такие различия стираются.

На всей рассматриваемой территории полуземляночные жилища, как и раньше, имеют приблизительно одинаковые размеры, форму и глубину, по-прежнему все они снабжены печами, стоящими в углу. Столбовая конструкция стен начинает всюду преобладать над срубной, в том числе и к западу от Днепра, где ранее чаще применялись срубные полуземляночные дома (рис. 59). Точно так же унифицируется и тип печей: печи-каменки и вырезанные в материке прямоугольные глиняные печи постепенно исчезают и заменяются круглыми глинобитными печами. Распространение круглых глинобитных печей относится в основном к X в., хотя отдельные примеры таких печей,

Наземные жилища северной зоны также единообразны. Это срубные дома с дощатыми полами, лежащими на лагах. Печи в них, как правило, каменные, сложенные большей частью не насухо, а на глине. Часто печи стоят на деревянных опечках.

Наиболее существенные изменения произошли в X—XI вв. в плановой структуре жилищ. Принятая ранее схема, при которой печь расположена в заднем от входа углу, в X—XI вв. постепенно сменяется новой схемой — с печью, расположенной рядом со входом и повернутой устьем к нему. Примеры такой планировки жилищ известны как в восточных, так и в западных частях

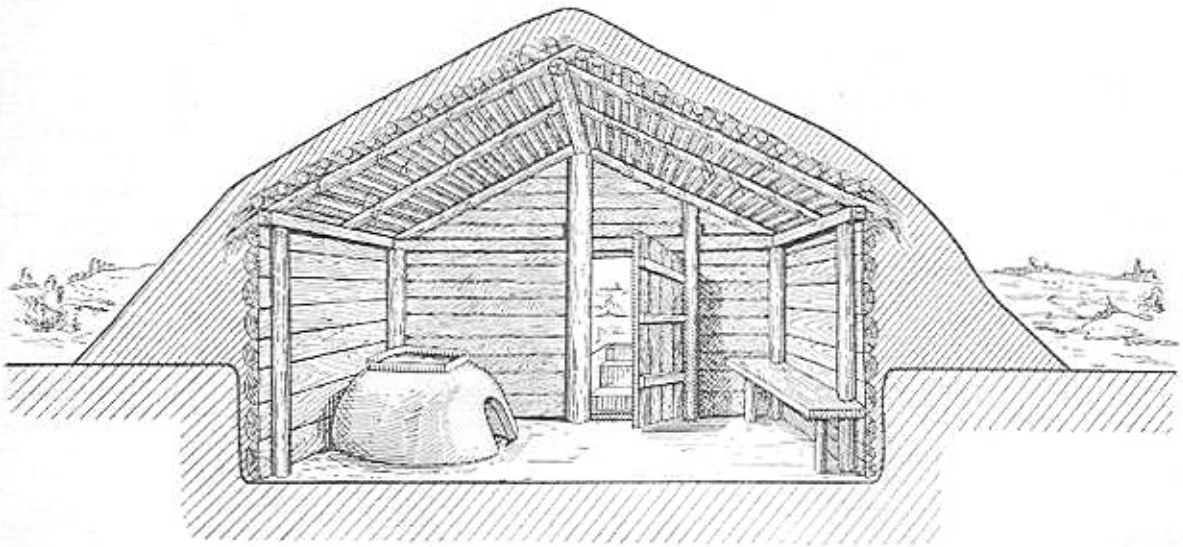


Рис. 59. Реконструкция полуземляночного жилища X—XI вв.

по-видимому, появились несколько раньше. Во второй половине X—XI в. печи-каменки сохранились лишь в Подестровье, на территории Галицкой земли. На Волыни в X в. печи-каменки кое-где, видимо, сменились прямоугольными глиняными печами, вырезанными в материке (Владимир-Волынский, Белевское городище), но вскоре и такие печи перестали здесь применяться — их вытеснили круглые глинобитные печи. На Левобережье Днепра, где существовали устойчивые традиции строительства печей, вырезанных в материковых останцах, эти печи местами сохранились в течение всего X в.

Вторая группа жилищ второй половины X—XI в. — наземные (рис. 60). Они занимают территорию к северу от полуземлянок. В некоторых пограничных районах (Белоруссия, бассейн Оки) одновременно встречаются оба типа жилищ. Южнее, в зоне лесостепи, наземные жилища по-прежнему не применяются (исключение - жилища, раскопанные на Подоле в Киеве).[2]

рассматриваемой территории, и поэтому нет оснований думать, что переход к новой схеме первоначально совершился в каком-либо одном районе. К сожалению, этот процесс можно проследить в основном на примере полуземляночных жилищ, поскольку в наземных жилищах X—XI вв. плановую схему удалось установить в крайне незначительном количестве пунктов. В Старой Ладоге (если судить по определению В. И. Равдоникаса) жилища имели такую же плановую структуру, какая слагалась в это время и в полуземляночных жилищах Южной Руси, однако в Новгороде наблюдается другая картина. Правда, в большинстве жилищ здесь печь стояла тоже рядом со входом, но была обращена устьем не к нему, а к задней от входа стене.

Следует отметить, что в памятниках X—XI вв. постепенно несколько слабеет тенденция ориентировать жилища обязательно сторонами по странам света и ставить печи в северной половине жилищ. Ориентация как жилищ, так и входов и печей в это время уже более разнообразна, иногда даже в пределах одного поселения.[3]

[2] Исключением являются плохо сохранившиеся остатки наземных жилищ на территории Молдавии (Алчедар), имевшие, видимо, характер легких летних жилищ. Остальные примеры наземных жилищ южной половины Руси вплоть до XI в. имеют явно выраженный неславянский облик (см., например, жилища на Новопокровском поселении Харьковской области: Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення. — В кн.: Археологія. Т. VI. Київ, 1952, с. 44).

[3] Впрочем, даже в XIX в. украинские хаты чаще ставили так, чтобы сторона с дверью выходила на юг,

Особенно серьезные изменения в развитии древнерусских жилищ можно отметить в XII в. Это был период активного распространения наземных жилищ по всей территории Древней Руси. До XII в. в лесостепной зоне наземные жилища встречались либо в качестве легких летних построек (территория современной Молдавии), либо в виде построек, явно связанных с приходом на юг населения из лесной зоны, принесшего сюда северные домостроительные тенденции (Белая Вежа). В XII и особенно в XIII в. наземные жилища получают широкое распространение в лесостепной зоне как основной тип рядового жилища. При этом они распространяются не по всей территории лесостепи, а лишь в нескольких определенных районах — в Галицкой и Волынской землях, на востоке лесостепной зоны и частично по границе лесостепи и степи. Правда, и в Среднем Поднепровье в городских жилищах, а особенно богатых, можно отметить переход к срубной конструкции стен и явную тенденцию к увеличению роли верхних, надземных частей постройки. Однако в этом районе, на Киевщине, вплоть до самого монгольского нашествия рядовые жилища имели по-прежнему характер полуземлянок.

Наземные жилища XII—XIII вв. — срубные, с дощатыми полами. При общей близости конструктивного решения они не везде одинаковы — явно намечается несколько вариантов. Так, в восточной и юго-восточной частях древнерусской территории в качестве основания под сруб обычно ставили деревянные стулья, в жилищах часто устраивали подпольные ямы, лаги пола укладывали прямо на землю. В то же время в западных и северных районах под срубами в качестве основания чаще встречались бревенчатые подкладки, подпольных ям в жилищах не делали, а полы поднимали над землей, врубая их лаги в венцы сруба. К сожалению, менее ясно, каковы были конструктивные принципы устройства наземных жилищ южных районов Руси.

Усложняется картина плановой структуры русских жилищ в XII—XIII вв. В полуземляночных

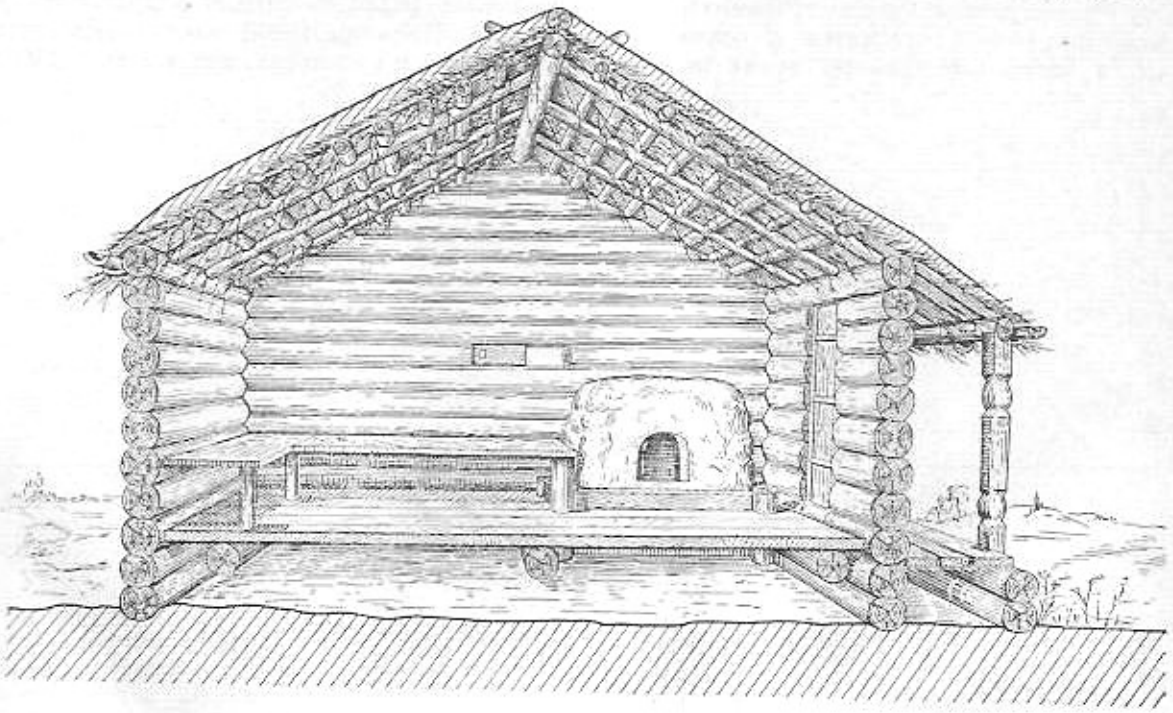


Рис. 60. Реконструкция наземного срубного жилища X—XI вв.

жилищах Южной Руси в это время полностью преобладающей становится схема, при которой печь стоит рядом со входом и обращена устьем к нему. Примеры старой плановой структуры, господствовавшей до X в., встречаются и позже, даже в XII—XIII вв., но уже довольно редко. В полуземлянках более северных районов можно наблюдать иную картину. Здесь в отличие от Среднего Поднепровья в XII—XIII вв. обычно применялась именно старая схема: печь ставили напротив входа, а не рядом с ним. Еще сложнее обстоит дело с плановой структурой наземных жилищ. Там, где это удалось определить, печь в них большей частью ставили так же, как в южнорусских полуземлянках, т. е. рядом со входом. Однако при этом обычно не удается уточнить, куда было обращено устье печи. В Новгороде, где это в ряде случаев установлено, устье было повернуто не к входу, а от него, т. е. к задней от входа стене.

Существенно меняется в XII в. и устройство печей. Если наземный тип жилища, более характерный для северных районов, в это время продвигается на юг и занимает значительную часть лесостепи, то с печами происходит прямо проти-

---

юго-запад или юго-восток (Самойлович В. П. Народна творчість в архітектурі сільского житла. Київ, 1961, с. 17).

воположное: круглые глинобитные печи, характерные ранее для зоны лесостепи, продвигаются к северу. При этом они сильно отодвигают границу распространения каменных печей. Естественно поэтому, что последние употребляются уже почти исключительно в наземных жилищах. Более же распространенные глинобитные печи встречаются одинаково как в наземных, так и в полуземляночных жилищах. Прямоугольные глиняные печи, вырезанные в материке, к XII в. совершенно исчезают из употребления. Другие типы печей, кроме трех перечисленных, в древнерусских жилищах вообще, как правило, не применялись. Так, печи, сделанные подбоем в земляных стенках жилищ, обнаружены лишь в немногочисленных случаях на тех поселениях, где основным является один из перечисленных типов. Но если подбойные печи встречаются хотя бы как дополнительный тип, то открытые очаги как основное средство отопления вообще не применялись. Они известны лишь в виде единичных примеров в тех жилищах, где, кроме того, имеется и печь. Употребление же в жилище одного только очага обычно свидетельствует о неславянском характере этого жилища.[4]

В отличие от южной половины Руси на севере печи, как каменные, так и глинобитные, ставили большей частью не непосредственно на пол, а на специальный деревянный опечек. В устройстве опечков можно проследить то же разделение на несколько групп, которое выявляется и по конструктивным особенностям жилищ. Так, на севере и западе лесной зоны печи ставили, как правило, на столбовые опечки. В юго-восточной и восточной частях лесной зоны обычно употребляли срубные опечки или установку печи на столбиках над ямой. По-видимому, устройство опечков большей частью соответствует приемам, принятым в том районе, где расположено данное жилище, но не зависит от того, какова конструкция самой печи — каменная она или глинобитная.

Совершенно особым типом жилищ XII—XIII вв. являются клети, входящие в конструкцию оборонительных валов. Уже в X—XI вв. при строительстве крепостей начали оставлять не засыпанным землей внутренний ряд клетей вала. В XII—XIII вв. такие клети стали широко использовать в качестве жилищ, причем жилища подобного типа имели распространение как в районах, где господствовали в это время наземные дома, так и там, где продолжали строить полуземлянки. Таким образом, жилища в клетях оборонительных валов представляют собой не локальный вариант жилищ, распространенный на определенной территории, а особый тип, связанный со специфическим назначением и социальным характером укреплений.[5]

Следует отметить, что все богатые двух- и трехкамерные жилища, вскрытые раскопками, относятся к XII—XIII вв. Несомненно, что такие жилища должны были появиться на Руси несколько раньше, вместе со сложением классовой структуры общества. Но, видимо, достаточно четко и в широком масштабе социальная дифференциация жилищ проявилась лишь к XII в.

К сожалению, нет никаких данных для суждения о времени, когда проявилась разница между городскими и сельскими жилищами. Неясно также, в чем эта разница выразилась, каковы были первые отличия городских домов от деревенских. Размер жилищ, количество помещений, увеличение роли надземных деревянных частей скорее отвечают богатству дома, т. е. его имущественным признакам, чем городскому характеру. Несомненным признаком городского жилища является совмещение функций жилища и мастерской ремесленника. Однако этот признак выявляется по характеру инвентаря, по наличию печи специального назначения, а не по изменениям планового или конструктивного характера. Очень вероятно, что городские жилища-мастерские XII—XIII вв. уже приобрели какие-то устойчивые, специфические городские черты, но состояние археологического материала еще не дает возможности сделать подобные выводы.

* * *

Выяснение общей картины развития восточнославянских и древнерусских жилищ VI—XIII вв. позволяет поставить вопрос, насколько процесс развития жилищ Восточной Европы совпадает или отличается от развития жилищ в более западных районах, на землях южных и западных славян.

Прежде всего необходимо отметить, что жилища лесостепной зоны Восточной Европы, относящиеся ко времени до X в., чрезвычайно близки таким же жилищам на территории Румынии, Болгарии, Чехии, Словакии, южной части Польши и Германии. На всей этой территории, т. е. во всей южной половине славянского мира, жилища имеют характер прямоугольных, почти квадратных полуземлянок. В особенности явно чувствуется сходство в древнейших памятниках, относящихся к VI—VII вв. Жилища этого времени, находящиеся на территории Чехии и принадлежащие к так называемому пражскому типу, по существу идентичны жилищам на поселениях Днепровского Правобережья и Поднестровья. В размерах, глубине врезки в грунт, в конструкциях здесь нет почти никаких отличий. Жилища Чехии, так же как и жилища на территории Восточной Европы, большей частью ориентированы сторонами по странам света и имеют печь-каменку в северо-восточном или северо-западном углу.[6] Совершенно идентичны и славянские жилища Болгарии данного периода, с той лишь разницей, что здесь, кроме печей-каменок, встречаются также поселения с жилищами, имеющими печи, вырезан-

---

[4] Таково, например, полуземляночное жилище XIII—XIV вв., раскопанное у с. Гавриловки Херсонской области (Симонович Э. А. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье. — КСИА, вып. 81, 1960, с. 110).

[5] Раппопорт П. А. 1) Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 194; 2) О типологии древнерусских поселений. — КСИА, вып. 110, 1967, с. 7—8.

[6] Горюнов Е. А. Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе. — СА, 1970, № 4, с. 292.

ные в материковых останцах или сделанные подбоем в стенках жилищ.[7] Конструкция стен в жилищах этого времени встречается как столбовая, так и срубная, но срубная, по-видимому, преобладает.[8]

Дальнейшее изучение славянских жилищ VI—VII вв. уточнит сведения о возможном существовании здесь нескольких вариантов типов жилищ. Об этом уже сейчас (при сравнительно очень небольшом количестве изученных памятников) свидетельствует наличие в жилищах этого времени двух типов печей — каменных и глиняных, врезанных в останцы. От того, насколько удастся разделить эти два варианта, займут ли они каждый определенную территорию или будут сосуществовать на одной общей территории, зависит очень многое. Если разделение окажется достаточно четким, естественно, встанет вопрос о наличии уже в этот древнейший период двух этнографических вариантов славянских жилищ. Но даже если это подтвердится, поразительное единство жилищ VI—VII вв. в южной части славянского мира не может вызывать сомнений и безусловно отвечает определенному единству южной части славянства этого времени.

Более того, разработанность и устойчивость типа полуземлянок южной части славянского мира свидетельствует о том, что данный тип жилищ к VI в. уже обладал достаточно глубокими традициями, имел за собой долгий путь развития. К сожалению, именно эта сторона вопроса продолжает оставаться наименее изученной. Полуземляночные жилища известны в зарубинецкой культуре, на некоторой части поселений черняховской культуры и в ряде других археологических культур. С какой из этих культур связаны традиции славянских полуземляночных жилищ, пока абсолютно неясно.[9]

Следует отметить, что у западных славян VI—VII вв. известны и другие жилища — наземные постройки северной части западнославянской территории, в бассейнах Одера и Вислы.[10] На севере Восточной Европы славянские памятники этого времени не известны.

Но если славянские жилища лесостепи VI—VII вв. очень единообразны, то несколько больше различий можно отметить в жилищах VIII—первой половине X в. Для них в дальнейшем, вероятно, удастся выделить районы с преобладанием столбовой или срубной конструкции стен, подобно тому как это можно сделать на территории лесостепной зоны Восточной Европы. Однако и в VIII—X вв. различия в устройстве жилищ имеют все же частный характер, а общность сказывается во всех важнейших и определяющих элементах. Во всей южной половине славянского мира в это время все жилища по-прежнему относятся к полуземляночному типу. По-видимому, в большинстве случаев они имеют одинаковую плановую структуру — с печью, расположенной напротив входа, т. е. в заднем от входа углу.[11]

Существенным различием, наблюдаемым в жилищах VIII—X вв., является применение нескольких типов печей. Чешская исследовательница А. Питтерова попыталась выявить районы, в которых применялся тот или иной тип.[12] При этом она отметила наличие трех основных типов — печи каменные, глиняные и открытые очаги. В действительности все открытые очаги (огнища), отмеченные А. Питтеровой в жилищах на территории Восточной Европы, представляют собой остатки разрушенных печей. Гораздо труднее судить об очагах на территории западных славян, где А. Питтерова считает очаг как раз наиболее распространенным типом отопительного устройства. Можно высказать предположение, что и здесь очаги в чистом виде применялись редко, а то, что археологи называют огнищами, является также основанием разрушенных и разобранных печей-каменок. Об этом свидетельствует прежде всего расположение огнищ в углах жилищ, при наличии деревянных стен и открытых очагов вряд ли возможное из противопожарных соображений. Следует отметить также, что даже на карте А. Питтеровой на той территории, где она локализует очаги (т. е. на территории западных славян), всюду встречаются и жилища с печами-каменками.[13] Таким образом, вероятнее всего, что в жилищах южной половины славянского мира в VIII—X вв. в качестве основного отопительного устройства применялись лишь два типа печей — каменные и прямоугольные глиняные, вырезанные в материковых останцах. Печи, сделанные подбоем, по-видимому, были лишь вариантом печей, вырезанных в останцах. Они использовались обычно в жилищах наименьшего размера, где нормальная печь заняла бы слишком большую часть помещения, или же ставились как вторая печь в жилищах, где имелась и печь другого типа. Во всяком случае подбойная печь не являлась основным типом ни в каком определенном районе.

---

[7] Выжарова Ж. Н. Памятники Болгарии конца VI—XI в. и их этническая принадлежность. — СА, 1968, № 3, с. 148.

[8] Kudrnáč J. Die slawischen eingetieften wohnstätten. — In: Vznik a počátky slovanů. VI. Praha, 1966, p. 216.

[9] См., например: Третьяков П. Н. Из предыстории славянского жилища. — Archeologia Polski, 1971, t. XVI, p. 235.

[10] Donat P. Zur Nordausbreitung der slawichen Grubenhäuser. — Zeitschrift für Archäologie, 1970, № 4, S. 253.

[11] Это хорошо видно, например, на чертежах, приводимых в статье И. Кудрнача (Kudrnáč J. Die slawischen. . . , p. 199—211).

[12] Pitterová A. K problému slovanské expanze. — In: Vznik a počátky slovanů. V. Praha, 1964, p. 172.

[13] О наличии печей-каменок в жилищах на территории Чехословакии см., например: Skružny L. Příspěvek k třídění a chronologii slovanských otopných zařízení na území ČSSR. — Památky archeologické. Praha, 1963, r. LIV, č. 2, p. 263. — О печах-каменках в полуземляночных жилищах на территории Германии и Польши см.: Горюнов Е. А. Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе. — СА, 1970, № 4, с. 298, 303, 307. — Следует отметить также, что «открытые горны» иногда представляют собой остатки печей специального, производственного назначения (Лянушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, № 152, 1968, с. 146).

Наметить достаточно точно районы господства того или иного типа печей пока еще трудно. Но уже сейчас ясно, что гораздо более широкое распространение (от Чехии на западе до Дона на востоке) имели печи-каменки. Глиняные печи вклиниваются в массив печей-каменок двумя языками, один из которых занимает Днепровское Левобережье, а второй проходит примерно по границе современной Украины и Польши, захватывает Словакию и опускается к югу до Румынии и Болгарии.[14]

Очень возможно, что деление на каменные и глиняные печи первоначально было связано с местными условиями — наличием или отсутствием подходящего камня. Применение как в глиняных, так и в каменных (сравнительно реже) печах искусственных глиняных обожженных вальков свидетельствует о том, что там, где камней было мало, из глины делали как бы искусственные камни.[15] Однако уже в памятниках VIII—X вв. чувствуется, что сложившиеся традиции строительства определенных типов печей перестали непосредственно зависеть от природных условий. На территории распространения глиняных печей даже там, где материк был супесчаным, а не глиняным, все равно делали глиняные печи, вырезая их в искусственно сбитых глиняных массивах. Точно так же и наоборот — в районах распространения печей-каменок их делали из любого, даже малоподходящего камня, но не переходили к глиняным печам. Явно, что разделение на типы печей к VIII—IX вв. стало уже определенным этнографическим признаком. Насколько этот этнографический признак соответствовал другим этнографическим характеристикам славянских групп или племен, покажут дальнейшие исследования.

Наземные жилища, относящиеся ко времени до середины X в. и занимающие северную часть славянского мира, известны в основном на западнославянской территории. В Восточной Европе пока обнаружено лишь очень небольшое количество таких жилищ на землях Новгорода и Пскова. Южнее, на обширной территории лесной зоны, жилища данного периода вообще практически не известны. Между тем в середине X в. наземные срубные жилища были занесены славянскими пришельцами в Нижнее Подонье — в Белую Вежу.[16] Трудно предположить, чтобы сюда проникли жители Новгорода или Пскова. Гораздо вероятнее, что появление наземных жилищ в Белой Веже косвенно свидетельствует о наличии в X в. жилищ подобного типа в сравнительно более близких районах лесной зоны Восточной Европы и, следовательно, о более широком распространении таких жилищ, чем об этом можно судить по имеющимся в настоящее время археологическим данным.[17]

Основное деление славянских жилищ вплоть до X в. шло по линии размежевания на полуземляночные жилища юга и наземные жилища севера. Правда, на территории распространения памятников этого времени уже удается выделить более мелкие районы, где господствуют определенные самостоятельные варианты жилищ, отличающихся от жилищ соседних районов как конструкцией, так и типом печей. Для более позднего периода такие варианты выявляются в еще большем количестве. Так, среди древнерусских наземных жилищ лесной зоны отчетливо прослеживается разделение на жилища восточных и юго-восточных частей и жилища севера и запада. Существенные различия появляются между русскими и польскими жилищами, что позволило некоторым исследователям попытаться даже использовать этот признак для уточнения западных этнических границ Руси.[18] Картина распределения различных типов и вариантов славянских жилищ к XII—XIII вв. заметно усложняется.

* * *

Изучение восточнославянских и древнерусских жилищ VI—XIII вв. показывает, что в истории жилища можно проследить отчетливо выраженный процесс изменения и смены типов жилищ, их конструкции, плановой организации, сочетания различных элементов благоустройства. Представление, что в древности разные типы жилищ большей частью применялись одновременно на одной и той же территории, оказалось совершенно не соответствующим действительности. Типы жилищ не сосуществовали, а вытесняли один другой. И если в каком-либо районе в одно и то же время можно обнаружить различные типы конструкции или планировки жилища, это означает лишь то, что на данном этапе не закончилась замена одного типа другим, что один из типов еще продолжал применяться, а другой уже пришел ему на смену. Все рассуждения о застойности и консерватизме древнерусского жилища оказались сильно преувеличенными. Конечно, в развитии жилища нельзя наблюдать такую быструю смену форм, как например в монументальной архитектуре, но и в истории жилища выявляется достаточно интенсивный процесс раз-

[14] Pitterová A. K problému. . . . p. 172; Donat P. Zur Nordausbreitung. . ., S. 254.

[15] См., например: Рафаилович И. А. О некоторых устойчивых чертах планировки поселений и домостроительства у славян в днестровско-дунайских землях. — В кн.: Матер. IV конф. молодых ученых Молдавии. Секция. ист. Кишинев, 1966, с. 9; Русанова И. П. Исследования раннеславянских поселений на Волыни. — АО 1968 г., 1969, с. 325.

[16] Относительно времени проникновения славянского населения в Белую Вежу существуют два мнения. М. И. Артамонов полагал, что славяно-русское население появилось здесь лишь в результате похода Святослава, т. е. после 965 г. (Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, с. 62). В то же время В. Д. Белецкий утверждает, что такое проникновение началось несколько раньше (Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959, с. 134).

[17] По устному сообщению Д. А. Авдусина, наземные срубные жилища X в. обнаружены на Гнездовском поселении близ Смоленска.

[18] Кучинко М. М. До питання про співвідношення давньоруської і старопольської культур в межиріччі Західного Бугу и Нарви. — В кн.: Матер. звітної наукової сесії Інституту суспільних наук АН УРСР 1971 року. Київ, 1971, с. 83.

вития. Естественно поэтому, что все попытки проецировать на древнерусское жилище современные этнографические формы русской избы или украинской хаты совершенно недопустимы. Даже самые архаичные формы сохранившихся жилищ не могут дать представления о древнерусском жилище, так как между ними лежит многовековая пропасть.

Однако привлечение этнографического материала может быть очень полезно для выяснения общих закономерностей развития жилища. Зная основные тенденции развития русского, украинского и белорусского жилища XIX—XX вв. и, с другой стороны, выявив, хотя бы в самых общих чертах, картину развития восточнославянского и древнерусского жилища от VI до XIII в., можно сделать попытку найти объединяющие их особенности.[19] Можно попытаться установить те основные направления, по которым развивалось русское жилище от домонгольской поры до современности.

Русские жилища, относящиеся ко времени после XIII в., изучены еще значительно хуже, чем жилища домонгольской поры. Правда, для XVI—XVII вв. имеются такие ценные источники, как документальный, актовый и иконографический материалы. Однако очень малое количество остатков самих сооружений не дает возможности выяснить картину развития жилищ с полнотой, характерной не только для этнографических материалов XIX—XX вв., но даже для эпохи Киевской Руси. Имея сведения о более ранних и более поздних жилищах, можно методом интерполяции наметить те пути, по которым развивалось русское жилище и в промежутке от XIV до XVIII в. Конечно, это будет не цельная картина развития, а лишь некоторые ее штрихи, но они могут дать важные сведения для истории русского жилища.

Так, наличие в Древней Руси двух основных типов жилищ — наземных на севере и полуземлянок на юге — давало основания полагать, что они явились прямыми предшественниками двух основных типов современного крестьянского жилища на данной территории — русской избы и украинской хаты. В действительности положение оказалось гораздо более сложным. К XIII в. наземные жилища господствовали уже не только в лесной зоне Восточной Европы, но заняли и значительную часть лесостепи, т. е. территории будущей Украины. Таким образом, здесь после XIII в. должен был происходить процесс обратного движения, отступления деревянных домов, вытеснения срубных жилищ из зоны лесостепи. По-видимому, уменьшение количества лесов в южнорусских районах повлекло за собой переход от деревянного жилища с деревянным полом к глинобитной хате с глинисто-земляным полом. Мы еще не знаем, когда сложилось этнографическое деление на украинскую хату и русскую избу, но во всяком случае, очевидно, после XIII в., т. е. это традиция, не восходящая к домонгольской поре.

И тем не менее на основании данного факта нельзя делать вывод, что все формы русских жилищ XIX—XX вв. имеют позднее происхождение и не восходят к традициям эпохи Киевской Руси. Так, по-видимому, именно к XII—XIII вв. восходит разделение на типы плановой структуры, характерное для русского, украинского и белорусского жилищ XIX—XX вв. Конечно, этот вопрос требует еще уточнения, ибо картина развития плановой структуры не одинаково ясна для различных районов Древней Руси. И все же можно определенно утверждать, что на территории лесостепи к XII—XIII вв. уже сложилась та плановая схема, которая станет характерной для будущего украинского жилища, в Новгороде — северорусская плановая схема, а в юго-восточной части лесной зоны, в Рязанской земле, — видимо, плановая структура, которую впоследствии будут называть южновеликорусской.

Появляется к XII—XIII вв. и тот тип сложного, трехчастного жилища, который позднее станет одним из наиболее характерных для русской избы, — трехчастная связь в виде двух срубов, соединенных сенями. Действительно, подобный тип жилища уже известен среди памятников XII в. в Новгороде. Возможно, что такие жилища существовали в это время также в Белоозере, Пскове, а западнее — в Берестье. Между тем в полуземляночных жилищах Киевщины сложный тип жилья проявился в совершенно иных формах. Так, трехкамерные жилища XII—XIII вв. (Подол в Киеве, Шарки) имеют печь в среднем членении, в то время как в трехкамерных народных жилищах XIX в. (трехчастная связь) среднее помещение обычно представляло собой неотапливаемые сени. Нет никаких оснований сопоставлять с современными типами народного жилища и кирпичные дворцы. В том единственном случае, когда мы полностью знаем плановую схему дворца, состоящего из трех помещений (Киев. дворец, расположенный к югу от Десятинной церкви), среднее помещение значительно больше боковых, что также не отвечает схеме, характерной для крестьянских жилищ XIX—XX вв. Таким образом, если традиции развития плановой структуры одинаково связаны с обоими основными типами древнерусского жилища — с наземным и полуземляночным, то известная по этнографическим данным трехчастная связь восходит только к традициям наземного срубного жилища. В более позднее время — в XIV—XV вв. — дома типа трехчастной связи хорошо известны по раскопкам в Новгороде.[20] Обнаружены они также в Орешке.[21] Впрочем, как справедливо отметил М. Г. Рабинович, этот тип построек вплоть до XVI—XVII вв. не имел характера массового жилища и встре-

[19] Следует отметить, что тенденции развития русских жилищ второй половины XIX—начала XX в. хорошо отражены и картах атласа «Русские» (Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967).

[20] Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, № 123, 1963, с. 66.

[21] Кильдюшевский В. И. Постройки XV в. из раскопок Орешка. — КСИА, вып. 129, 1972, с. 87.

зался гораздо реже, чем однокамерные или двухкамерные жилища.[22]

* * *

Каковы причины, вызывавшие быструю эволюцию форм древнерусского жилища? Какие факторы — социальные, этнические, экономические или конструктивно-технические — определяли те или иные изменения, различия и связь между отдельными группами жилищ?

На эти вопросы далеко не всегда удается ответить с достаточной определенностью. Пожалуй, наиболее четко выявляются причины тех существенных перемен, которые происходили в X—XI вв. в плановой структуре полуземляночных жилищ и типах применявшихся в них печей.

В XIX—начале XX в. различные типы внутренней планировки русских, украинских и белорусских жилищ очень четко распределялись по определенным территориям, образуя один из наиболее устойчивых этнографических признаков. Естественно поэтому, что большинство исследователей считало схему планировки жилищ особенностью, отвечающей этнографическим, а может быть, и этническим общностям. Некоторые исследователи выдвинули даже предположение, что именно планировка жилища является наиболее показательным этнографическим признаком, более устойчивым и консервативным, чем конструкция жилищ. В различиях плановой схемы жилищ хотелось видеть отзвуки древних племенных различий.

Изучение памятников приводит к совершенно иным выводам. Оказывается, что смена одного типа планировки жилищ другим типом на всей территории лесостепной зоны Восточной Европы происходит более или менее одновременно. Это изменение не сопровождается никакими существенными изменениями материальной культуры. Очень показательно в данном отношении сравнение таких похожих друг на друга синхронных памятников, как Райки и Колодяжин. Украшения и керамика, являющиеся чувствительным барометром всяких этнических изменений, на этих городищах одинаковы; между тем в Райках применяется новая схема плановой структуры жилищ, а в Колодяжине полностью господствует старая схема. Очевидно, различие плановых схем жилищ в данном случае не связано с этническими переменами.

Параллельные явления можно отметить и в изменении типов печей. Печи-каменки и прямоугольные глиняные печи сменяются круглыми глинобитными на всей рассматриваемой территории, причем это изменение также не сопровождается никакими изменениями в материальной культуре. Наоборот, этнографические различия в керамике (особенно четко прослеживаемые, например, при сравнении керамики Галицкой и Волынской земель) сохраняются даже в XII в., т. е. тогда, когда печи на всей южнорусской территории приобретают совершенно единообразный характер.

Очевидно, что как изменение типов печей, так и изменение плановой схемы жилищ являются самостоятельными процессами, не связанными с этническими или даже этнографическими сдвигами. Но более того, развитие печей и развитие плановой схемы жилищ являются не просто параллельными процессами, а несомненно имеют между собой прочную причинную связь. Расположение печи в заднем от входа углу было характерно для жилищ, снабженных как печами-каменками, так и прямоугольными глиняными печами. Переход к круглым глинобитным печам всюду (в зоне лесостепи) вызывает переход к новой схеме планировки, при которой печь стоит рядом со входом. Более активные, опережающие изменения можно видеть в развитии печей. Так, новый тип печей иногда еще связан со старой плановой схемой жилищ, но при новой схеме планировки жилищ никогда (за единичными исключениями) не используются старые типы печей. Очевидно, что новая плановая схема стала возможной лишь при новом типе печей.

Какие преимущества давала новая плановая структура жилищ? Она несомненно делала жилища более гигиеничными, создавая чистое пространство в глубине помещения. Если судить по этнографическим параллелям, то при подобной планировке красный угол должен был переместиться в глубь жилища, бесспорно улучшая этим бытовые условия. Расположение печи близ двери создавало также тепловой барьер и тем самым делало жилище более теплым, а главное — равномерно теплым.

Что же дало возможность перейти к новой плановой схеме, — только ли теплотехнические преимущества круглой печи сыграли здесь роль? На этот вопрос пока трудно ответить определенно. По-видимому, кроме достоинств нового типа печи, здесь сыграли свою роль и какие-то изменения в конструкции жилищ. Так, во многих жилищах XII—XIII вв. отмечены сени, т. е. своеобразный тамбур перед входом. Наличие сеней в нескольких случаях удалось определить только по незначительному уплотнению почвы перед входом в жилище. Может быть, в других случаях такие легкие наземные сени просто не смогли обнаружить во время раскопок. Вполне возможно, что именно появление сеней послужило одним из факторов, обеспечивших возможность перехода к новой плановой схеме жилищ.[23]

Таким образом, ясно, что изменение планировки древнерусских жилищ зоны лесостепи и связанное с этим изменение типа печей являются процессами, отвечающими не этническим или этнографическим сдвигам, а лишь развитию тех-

[22] Рабинович М. Г. Жилища. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. М., 1970, с. 264.

[23] Можно привести любопытную этнографическую параллель. В северной и центральной Эстонии, где в жилище входили непосредственно снаружи, печь стоит, как правило, в заднем от входа углу. В юго-восточной Эстонии, где вход вел через сени (которыми служило помещение для обмолота и хранения зерна), печь ставили рядом со входом (Тихазе К. И. Народное зодчество Эстонии. Л., 1964, с. 152).

ники домостроительства, общему прогрессу в развитии жилищ.

Видимо, этими же причинами объясняется и широкое распространение наземных срубных домов, занявших в XII—XIII вв. значительную часть лесостепи. В некоторых районах лесостепи, например в Галицкой и Волынской землях, наземные жилища в это время стали основным типом жилья, почти полностью вытеснив применявшиеся здесь ранее полуземлянки. К сожалению, в настоящее время еще нельзя уточнить, в каких районах лесостепи наземные жилища появились раньше, а куда они проникли позже. Современный уровень знания археологического материала позволяет зафиксировать лишь общую картину, не учитывающую динамики процесса в пределах XII—XIII вв. Известно, что следы легких жилищ наземного типа были обнаружены археологами даже в поселениях X—XI вв. на территории современной Молдавии, т. е. в древнем Галицком Понизье. Славянские наземные жилища XI—начала XII в. известны и на территории Румынии.[24] И все же продвижение наземных жилищ на территорию лесостепи, очевидно, шло не с юга, а с севера и было связано с общим процессом усиления роли наземного срубного жилища и постепенного его распространения с севера на юг.

Переход к наземному типу жилищ, подобно изменениям в планировке жилищ и в конструкции печей, знаменовал собой существенный шаг в развитии техники домостроительства. Поэтому естественно, что тенденция к переходу от полуземлянок к наземным домам проявилась на всей территории Руси. Однако получить полное развитие эта тенденция могла лишь там, где было достаточно леса, притом леса, пригодного для жилого строительства, в первую очередь хвойного. В лесостепной зоне наибольшее распространение жилища наземного типа получили в Галицко-Волынской земле, где зона лесов языками опускается к югу почти до смыкания с лесами Прикарпатья.[25] Проникновение наземных жилищ в отдельные пункты южной части лесостепи, находящиеся на границе со степью, очевидно, в каждом отдельном случае объясняется индивидуальными причинами. Так, в городе Воинь наземные дома, возможно, строили те воины, которые были переселены сюда из более северных районов и принесли с собой привычные домостроительные приемы. Необходимое для строительства дерево в долине Днепра, видимо, удавалось найти. Другой пример — наземные жилища Донецкого городища. Здесь, по-видимому, применялся совершенно иной тип жилищ, нехарактерный для севера: дома, имевшие не срубную, а каркасную конструкцию, быть может с легким заполнением.

Выдвинутое в свое время предположение, что появление в южнорусских районах наземных жилищ связано с социальными переменами, с процессом становления феодального общества, не может быть принято, так как наземные жилища не получили распространения именно в стольном городе Киеве (за исключением жилищ X в. на Подоле). Следует отметить, что причина преобладания в XII—XIII вв. полуземляночных жилищ в Киеве и Среднем Поднепровье остается и сейчас невыясненной. Во всяком случае как раз в районе Киева леса сохранились даже в настоящее время, и поэтому устойчивое применение полуземлянок в данном случае никак нельзя объяснить отсутствием леса. И все же остается фактом, что традиции строительства углубленных в землю жилищ на этой территории оказались более глубоко укоренившимися, чем в других районах лесостепи.

Но если расширение зоны наземных жилищ объясняется распространением более совершенного типа жилья, т. е. прогрессом домостроительства, то какими причинами можно объяснить примеры проникновения полуземляночных жилищ в северные районы Руси? В большинстве случаев — прямым передвижением групп населения. Археологи, раскапывавшие полуземляночные жилища севера и отмечавшие их близость полуземлянкам лесостепи, объясняли это сходство проникновением в северорусские районы выходцев из Среднего Поднепровья.[26] Видимо, это действительно так. В отдельных случаях в подобных полуземлянках даже находили вещи киевского происхождения.[27] Но, переехав в северные районы и построив там на первых порах жилища южного типа, переселенцы не долго сохраняли привезенную с собой домостроительную традицию. Как правило, они вскоре переходили на тот тип жилищ, который применялся местным населением. Во всех случаях, когда в северо-восточных районах Руси обнаруживали полуземлянки XII в., отмечали, что на этих же поселениях вскоре полуземляночные жилища сменялись наземными (Суздаль, Ярополч, Городец на р. Волге, Муром). Иногда удавалось даже проследить, что до проникновения переселенцев с юга на данном поселении уже существовала своя, северная домостроительная традиция. Так, раскопки в Ярополче показали, что здесь уже в XI в. строили наземные дома, в XII в. сюда проник (видимо, вместе с выходцами из Киевской земли) тип полуземляночных жилищ, а в XIII в. вновь стали строить наземные дома.[28]

---

[24] См., например: Şantierul archeologic Moreşti. — Studii şi cercetări de istorie veche, Bucureşti, 1954, t. V, № 1—2, с. 228.

[25] Очень характерно, что в настоящее время на Украине срубные хаты распространены в основном также в районе Прикарпатья и севернее линии Львов—Житомир—Киев. На остальной территории Украины более распространены хаты с саманобитными и глинолитными стенами. В средней части Волыни, где не имеют распространения ни тот, ни другой типы, господствует каркасная конструкция стен с деревянным заполнением — конструкция в настоящее время наиболее характерная для зоны лесостепи (см., например: Самойлович В. П. Народна творчість в архітектурі сільского житла. Київ, 1961, с. 134, 140 и 143).

[26] Медведев А. Ф. Первые раскопки Городца на Волге. — КСИА, вып. 110, 1967, с. 85.

[27] Штыхов Г. В. Раскопки в Северной Белоруссии. — АО 1971 г., 1972, с. 403.

[28] Седов В. В. Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине. — КСИА, вып. 86, 1961, с. 75.

Более устойчивое бытование полуземляночных жилищ можно отметить в небольшом районе к югу от Москвы. По-видимому, вначале сюда полуземлянки проникли вместе с продвижением южной группы населения.[29] Однако в дальнейшем полуземляночный тип жилищ здесь сохранился дольше, чем в более северо-восточных районах. Очень вероятно, что это было связано со специфическим ландшафтом данного района, с отсутствием хвойных пород леса.[30]

Таким образом, развитие основных элементов древнего жилища — его конструкции, плановой структуры, устройства печи — объясняется в первую очередь внутренним процессом эволюции домостроительства. В развитии жилища, как и в развитии техники, определяющим оказывается рост производительных сил, общий строительно-технический прогресс. Вместе с тем на развитие жилищ оказывают влияние и другие факторы. Так, совершенно несомненно, что очень большую роль здесь играют этнические и этнографические особенности. Само единообразие славянских жилищ VI—X вв., почти идентичных на всей территории от Чехии на западе до Дона на востоке, безусловно является одним из хороших аргументов в пользу малой расчлененности в эту пору славянского мира (или, точнее, его южной половины).[31] При этом следует иметь в виду, что славянские жилища, как правило, достаточно четко отделяются от жилищ соседних народов.

Очень вероятно, что выделение районов, в которых господствовал столбовой или срубный тип конструкции стен, а также районов применения различных типов печей (каменки и прямоугольные глиняные) в дальнейшем поможет наметить границы расселения различных славянских племен или групп. Возможно, что с этнографическими членениями внутри восточнославянского мира окажутся связанными и границы зон распространения полуземлянок и наземных домов в период до XI в., т. е. до того времени, когда наземные жилища начали распространяться по всей территории Руси.

Очень существенно на развитии жилищ сказываются и социально-экономические факторы. Так, сами размеры древнейших жилищ и отсутствие переходов между ними свидетельствуют о том, что уже в VI в. в славянском обществе безраздельно господствовала индивидуальная семья. Примером прямого влияния социальных факторов может быть и разделение древнерусских жилищ на простейшие однокамерные и богатые многокамерные дома, что безусловно связано с социальным расслоением общества. Вместе с тем нужно иметь в виду, что социально-экономические или этнические факторы могут лежать и за теми строительно-техническими особенностями, которые оказывают непосредственное влияние на развитие жилищ. Например, сложение нового типа плановой структуры жилищ привело к установлению уже в X—XIII вв. на территории зоны лесостепи того типа планировки жилищ, который зафиксирован на этой территории и в XIX в. Можно было бы предположить, что такой тип законсервировался здесь на столь продолжительное время потому, что оказался очень точно соответствующим климатическим условиям. Однако это не так. Такой же тип планировки в XIX—XX вв. был распространен не только на Украине, но и на всей территории Белоруссии, в северо-западных русских районах, а также в Литве и восточной Латвии.[32] Спрашивается, если в северо-западных районах Руси, вплоть до Пскова, видимо, уже к XII—XIII вв. сложился такой же тип плановой структуры, как на Киевщине, то почему в это время в Новгороде применяли совершенно иной тип. В то же время на территории, граничащей с лесостепью, в пределах бывших Воронежской, Тамбовской, частично Тульской и Орловской губерний, в XIX в. зафиксирован тот тип плановой структуры жилья, который был господствующим типом планировки славянского жилища уже с VI в., но в других районах постепенно исчез в период с X до XIII в. Почему процесс развития домостроительства в одних районах привел к созданию одного типа планировочного решения жилища, а в других — к другому, этого нельзя объяснить только строительно-технической эволюцией. Здесь явно сказались какие-то исторические причины, нам пока не ясные.

Рассматривая общий процесс эволюции восточнославянских и древнерусских жилищ, можно заметить, что в этом развитии явно выделяются два хронологических этапа — от VI до середины X в. и от середины X до середины XIII в. Именно на рубеже этих этапов происходят наиболее существенные изменения в конструкции и планировке жилищ. Конечно, не на всей рассматриваемой территории этот перелом происходил одновременно: кое-где новые формы возникали уже во второй половине IX—начале X а в других местах, наоборот, старые формы переживали даже XI в. И тем не менее сам факт наличия двух крупных этапов в развитии жилищ вряд ли может вызвать сомнение. Такое членение процесса развития жилищ, очевидно, отвечает общеисторическим закономерностям, поскольку смена этапов развития жилищ в общих чертах совпадает с временем сложения Древнерусского государства, с установлением на Руси классового, феодального строя. Как взаимосвязаны эти явления, далеко не всегда еще ясно. Очень вероятно, что в ряде случаев бурные социальные потрясения, связанные со становлением государства, оказывали прямое воздействие на развитие жилищ. Но в большинстве случаев, видимо, влия-

[29] Рабинович М. Г. Древний ландшафт и жилище. — СЭ, 1969, № 2, с. 20.

[30] Там же, с. 23.

[31] Лянушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961.

[32] Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX—начала XX в. — В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 139.

ние социальных изменений отражалось на прогрессе домостроительства не непосредственно, а через развитие строительных конструкций, ремесла, инструментов, появление новых возможностей транспортировки строительных материалов и другие стороны строительно-технической деятельности.

* * *

Какие признаки являются определяющими в развитии жилищ? Какие элементы следует прежде всего принимать во внимание при классификации жилищ? Эти вопросы, к сожалению, и посейчас остаются нерешенными. Нет согласия в этом отношении и среди исследователей. Например, М. Г. Рабинович, считает, что этнические и этнографические особенности должны наиболее четко проявляться во внутренней планировке жилищ.[33] М. К. Каргер и А. Л. Монгайт ставят во главу угла конструкцию стен жилища и соотношение уровня пола жилища с поверхностью земли (наземные или полуземляночные дома).[34] В. Д. Белецкий за основу классификации принимал конструкцию печей.[35]

Примерно такая же картина имеет место и в зарубежной научной литературе. Так, польский археолог В. Голубович классифицировал жилища в основном по отношению уровня пола к поверхности земли и по типу конструкции стен.[36] В то же время чешская исследовательница А. Питерова выдвинула предположение, что в основу изучения жилищ должна быть положена их планировая организация.[37] Однако та же А. Питерова в другой своей статье классифицировала славянские жилища по типам печей.[38]

Этнографы добавляют к этому еще два таких важнейших элемента (к сожалению, почти не выявляемые в раскопках), как организация усадьбы и декоративно-художественные особенности жилища. В целом же при разработке системы классификации жилищ этнографы считают наиболее важным выявление планировки построек, плановой структуры дома.[39]

Для того чтобы выяснить роль и значение каждого из элементов жилища в сложении общей картины его развития, необходимо значительно более детальное знание материала, чем то, каким мы обладаем в настоящее время. По-видимому, на первом этапе изучения жилищ необходимо группировать их по совокупности признаков, стараясь учесть все важнейшие элементы жилых комплексов, которые удается выявить во время раскопок. Такая классификация, естественно, даст чрезвычайно дробное членение русских жилищ, отвечающее всем, даже мелким локальным вариантам. Именно такое членение наиболее полезно и при использовании жилищ как источника для изучения истории восточных славян и Древней Руси. Однако при подобной дробной систематике трудно выделить те данные, которые являются ведущими и определяют наиболее общие закономерности развития жилищ. Поэтому в дальнейшем для общей систематизации древних жилищ, очевидно, понадобится положить в основу классификации какие-то основные, наиболее существенные признаки.

---

[33] Рабинович М. Г. 1) Некоторые проблемы этнографического изучения русского феодального города. — В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 6; 2) О древней Москве. М., 1964, с. 344.

[34] Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 368; Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, с. 74.

[35] Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи, с. 40.

[36] Hołubowicz Wł. O nową metodę badań budownictwa starożytnych słowian. — Archeologické rozhledy. Praha, 1958, X, 2, p. 237.

[37] Pitterová A. Pokus o hodnocení slovanského domu. — Památky archeologické. Praha, 1961, r. LII, č. 2, p. 487.

[38] Pitterová A. K problému. . ., p. 165.

[39] Грацианская Н. Н., Листова И. М., Токарев С. А. Типология народного жилища в странах зарубежной Европы. В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 9.

УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРЕЧНЮ ПАМЯТНИКОВ

В указателе приведены порядковые номера памятников, под которыми они помещены в тексте и на картах.

Авдеевское селище 77
Алеканово 107
Алчедар 50, 139
Андрусовка, см. Пеньковка
Архангельское городище 84

Бабка 94
Бакота 21, 44, 195
Баламутовка 39
Басовка 65
Башта, см. Басовка
Безрадичи, см. Старые Безрадичи
Белая 136
Белая Вежа, см. Цимлянское городище
Белгород, см. Белгородка
Белгородка 205
Белёв 106
Белёвское городище 128
Белогорское городище 89
Белоозеро 168, 293
Белые Берега, см. Владимир-Волынский
Беницы 161, 268
Береговая, см. Белёв
Береза, см. Моисеевское городище
Березовец 300
Берёсты, см. Кушин
Берестье, см. Брест
Битица 74
Битяговка 272
Ближняя Мельница 92
Богоявление, см. Васильки
Болшев 6, 185
Борисов, см. Старый Борисов
Борки 163
Бородинское городище 260
Боршевское Большое городище 85
Боршевское Малое городище 86
Бранешты 51
Браслав 177, 308
Брест 235
Буки 56

Валентинов, см. Усичи
Василёв 187
Васильки 295
Великоселье 46
Витачёв 211
Вишневая Гора, см. Воргол
Владимир-Волынский 120
Воинская Гребля 222
Воинь, см. Воинская Гребля
Воищина, см. Церковище
Волица 129
Волковыск 151, 237
Вологда 292
Волошское, см. Игрень
Волынцево 67, 147
Воргол 66
Воргол Нижний, см. Нижний Воргол
Воронеж, см. Кузнецовское городище
Вщиж 252
Выгоничи 103
Вышгород 206

Галинца 47, 196
Галич, см. Крылос
Гать 262
Георгий 110
Глубокое 13
Гнидава, см. Луцк
Головно 150
Голышовское городище, см. Архангельское городище
Гончариха, см. Сахновка
Горбово 45
Горналь 75
Городец (на р. Волге) 288
Городище (на р. Згар) 197
Городище (близ г. Шепетовки) 198
Городище у Климентовского погоста, см. Никитино
Городище у Михайловского кордона 88
Городница 134
Городок (на р. Ловати) 176
Городок (на р. Мочс) 271
Городок (близ г. Ровно) 2, 131
Городок (на р. Смотрич) 16, 194
Городок (на р. Шелони) 173, 304
Городск 201
Горошево 11
Гортоны, см. Задубровка
Гочево 76
Грабовец, см. Корковка
Гренячка, см. Перебыковцы
Грехов ручей 296
Григоровка (близ г. Канева) 219
Григоровка (в Подолии) 48
Гродно 236
Грозинцы 42, 137
Гульск 57

Давид-городок 242
Данилов, см. Даниловка
Даниловка 184
Дарабаны 192
Девичья гора (Девичь-гора), см. Сахновка
Дегтярная гора, см. Сахновка
Демьянов 7
Детинка, см. Киев
Дибровое, см. Игрень
Дмитров 298
Днепровское 224
Дом отдыха им. Горького, см. Кузнецовское городище
Домагощ, см. Слободка
Донецкое городище 81, 227
Дрогичин 234
Дросенское 256
Друцк 246
Дыманица, см. Ромош

Екимауцы 140
Елецкий монастырь, см. Чернигов

Жабынь, см. Белёв
Жовнин 221
Жокино 277
Жужлянка 156
Жуковцы 209

Задубровка 14
Замковище, см. Конопча
Замчище, см. Волковыск
Замчище, см. Минск
Запасека, см. Райки
Заславль 154
Затурцы 121, 180
Звенигород (галицкий) 182
Звенигород (московский) 269
Звиняч 8
Зеленый Гай 10
Зимно 119
Золоторучье 294
Золотой Ток, см. Крылос

Иван-гора 213
Иваньков 202
Игрень 80
Изяславльское городище 279
Изборск 175
Изяславль, см. Городище (близ г. Шепетовки)
Иловец 113

Казарь 283
Казинка 231
Калфа 53
Каменное 232
Каменоватый остров, см. Старый Игрень
Канев 63
Карачевка, см. Донецкое городище
Кветунь 100
Киев 30, 59, 143, 207
Кизлевый остров, см. Игрень
Кимры 297
Киселевка, см. Киев
Кичкас 226
Княжа Гора 220

Колодежное 199
Колодрибка 9
Колодяжин, см. Колодежное
Коломна 275
Колочин 97
Колхозная Ферма, см. Решетники
Конопча 217
Коржевка, см. Коржовка
Коржовка 54
Коробовы Хутора 82
Коростень 247
Коршовское городищ 122
Корчак 31
Кочуров 28
Красные Берега, см. Владимир-Волынский
Крохино, см. Белоозеро
Крылос 36, 133, 186
Кузнецовское городище 87
Кулаи, см. Кушин
Кушин 17
Курган, см. Волынцево

Ладога Старая, см. Старая Ладога
Лебедка 105, 261
Левобережное Цимлянское городище, см. Цимлянское городище
Ленковецкое городище, см. Ленковцы
Ленковцы 191
Лесовка 132
Лина 3
Линицкое городище 78, 148, 230
Листвин 130
Лихаревское городище 280
Ломачинцы, см. Галица
Лубянское городище 278
Луг, см. Киев
Луг, см. Пеньковка
Лука, см. Перебыковцы
Лука-Врублевецкая 19, 193
Лука-Райковецкая, см. Райки
Лукашевка 141
Луцк 124
Любеч 248

Макаров Остров, см. Пеньковка
Макча 102
Малаешты 23
Мартыновка 188
Мархлевка, см. Городок (на р. Смотрич)
Мельница Ближняя, см. Ближняя Мельница
Минск 155, 244
Митков 38
Михайловский кордон, см. городище у Михайловского кордона
Могилок, см. Алеканово
Моисеевское городище 229
Молочария, см. Пеньковка
Монастырище, см. Ромны
Москва 270
Мстиславль 255
Муравельник, см. Волковыск
Муром 286

Незвиско 37
Нижний Воргол 90
Никитино 284
Николо-Ленивец 266
Николо-Рожок 299
Ницахское городище 228
Новгород 170, 302
Новогрудок 152, 239
Новотроицкое 72
Новый Ольгов городок, см. Никитино

Опут 189
Опошня 71
Ораное, см. Иваньков
Осовик 253
Острожец 127

Пекуновское 167
Пеньковка 29, 68
Перебыковцы 12, 41, 135, 190
Перемиль 125, 181
Перемышль (галицкий) 178
Перемышль-Московский, см. Городок (на р. Моче)
Переяслав-Хмельницкий 216
Переяславль, см. Переяслав-Хмельницкий
Переяславль-Рязанский, см. Рязань
Перынь 303
Песочный Ров 99
Петровское 73
Пировы Городищи 166, 287
Плесиеск, см. Подгорцы
Подгородье, см. Крылос
Подгорцы 34, 118, 183
Подмоклово 162
Подол, см. Киев
Подриже, см. Подрижье
Подрижье 1, 93
Поленское 164
Полоцк 307
Полтава 70, 146
Полужье 104
Польное-Ялтуново 108
Пригородок 15
Пронск 281
Прость 111
Псков 109, 174, 305

Райки 55, 200
Райковецкое городище, см. Райки
Рашков 40
Ремезовцы 35
Реча 24
Решетники 69
Рипнев 5, 33, 117
Рогощ 159, 249
Ромны 64
Ромоп 4, 116
Рославль 254
Ростиславль 276
Ростов Ярославский 290
Рудь 49, 138
Рюриково городище 112, 171
Рязань 282
Рязань Старая, см. Старая Рязань

Самчинцы 26
Саркел, см. Цимлянское городище
Сахновка 62, 218
Святополч, см. Витачёв
Семенки 27
Сереиск 264
Слободка 263
Слоним 238
Слуцк 240
Смоленск 160, 259
Сосница 61
Спас-на-Оке 265
Старая Ладога 169
Старая Русса 172, 301
Старая Рязань 165, 285
Старокиевская гора, см. Киев
Старые Безрадичи 208
Старые Боровичи 250
Старые Севжары, см. Решетники
Старый Борисов 245
Старый Игрень 223
Стенка, см. Митков
Стяжиков 32
Студеница 20
Судовая Вишня 114
Суздаль 289

Таровица, см. Торговица
Тетеревка 58
Тешилово 273
Титчиха 83
Торговица 126
Торопец 306
Троица, см. Даниловка
Трубчевск 101, 251
Трудень, см. Титчиха
Тумащ, см. Старые Безрадичи
Туров 153, 243
Тушков городок 267

Усичи 123
Устье 18

Федоровское селище 274

Халеп, см. Халепье
Халепье 210
Ханска 25, 52
Ходоров 215
Ходосовичи 96, 157
Хотни 43
Хотомель 95
Хуча 22

Царинка, см. Крылос
Цегельня, см. Перебыковцы
Церковище 258
Цимлянское городище 91, 149, 233

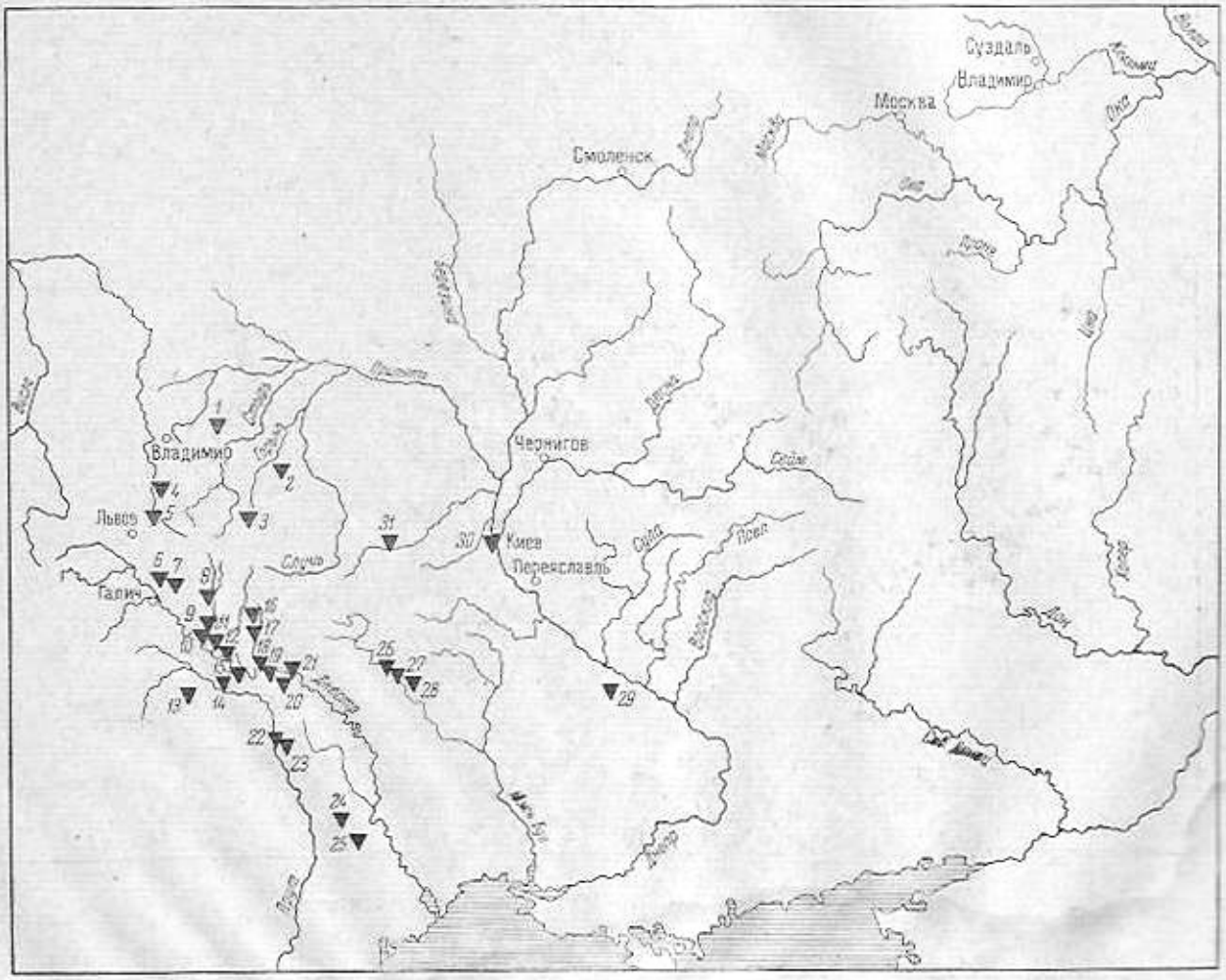
Чаплин 158
Червень, см. Чермно
Червоне, см. Червоное
Червоное 142
Чермно 115, 179
Чернигов 145, 204
Чулатово 98
Чучин, см. Щучинка

Шарки 212
Шведская Гора, см. Волковыск
Шестовицы 60, 144, 203
Шуклинское 79
Шумск 55а
Шовб, см. Дарабаны

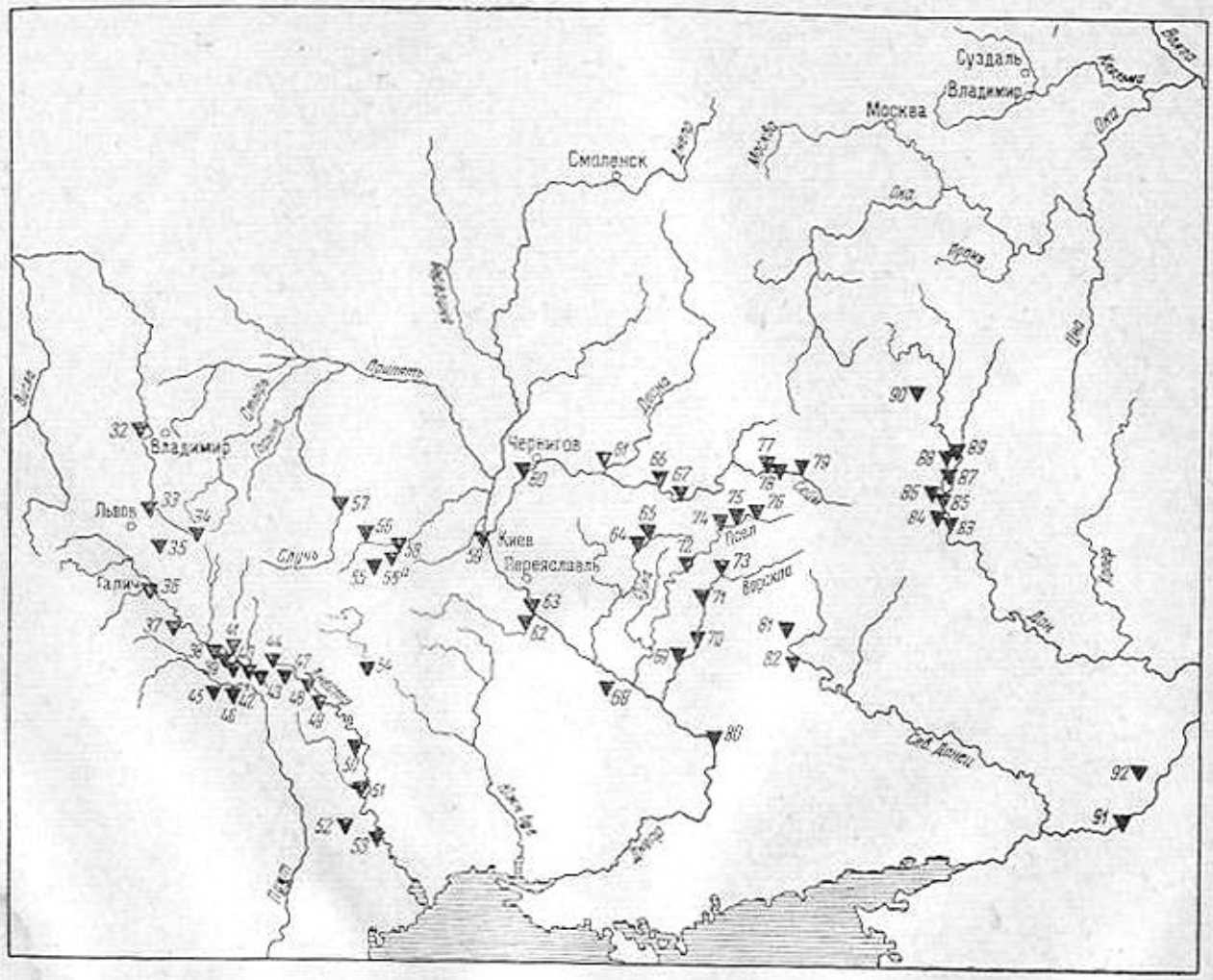
Щучинка 214

Яново 257
Ярополч, см. Пировы Городищи
Ярославль 291
Яцевая балка 225

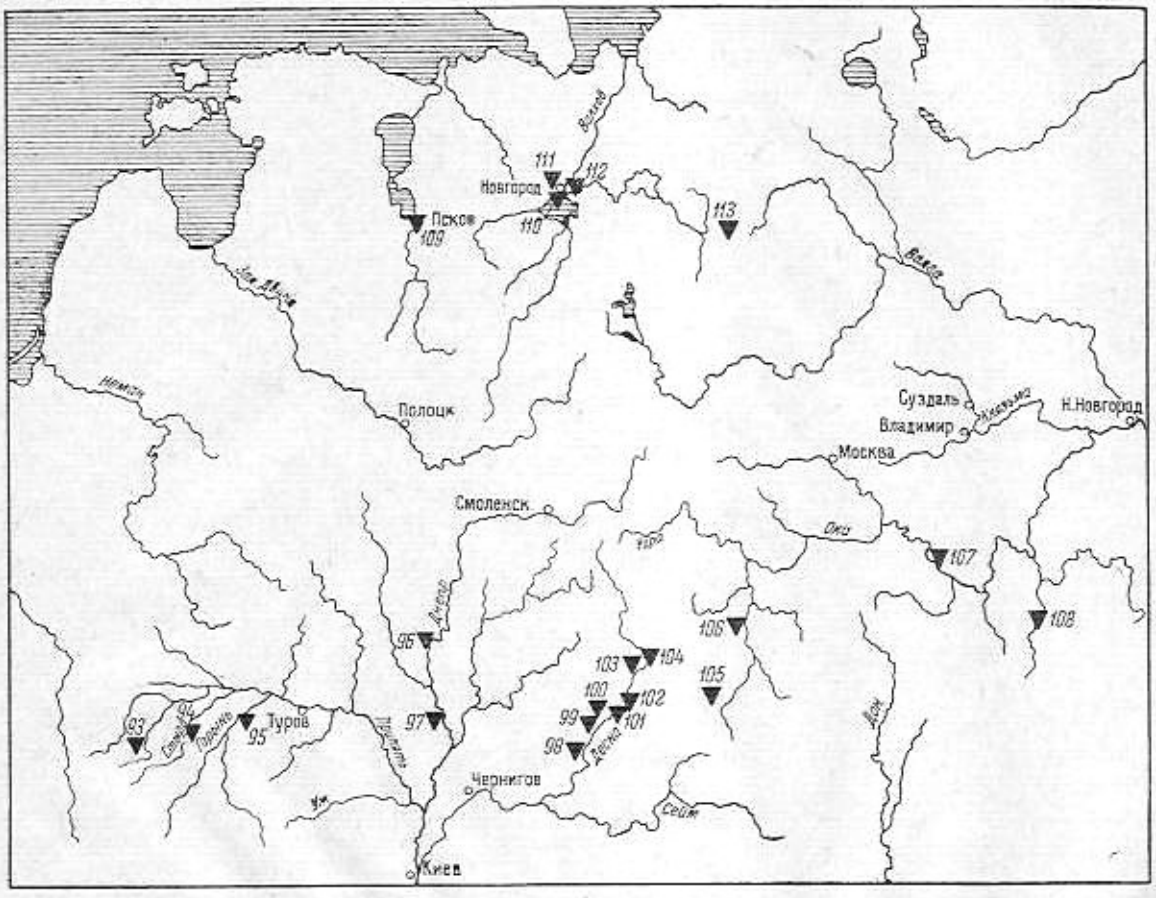
ПРИЛОЖЕНИЕ



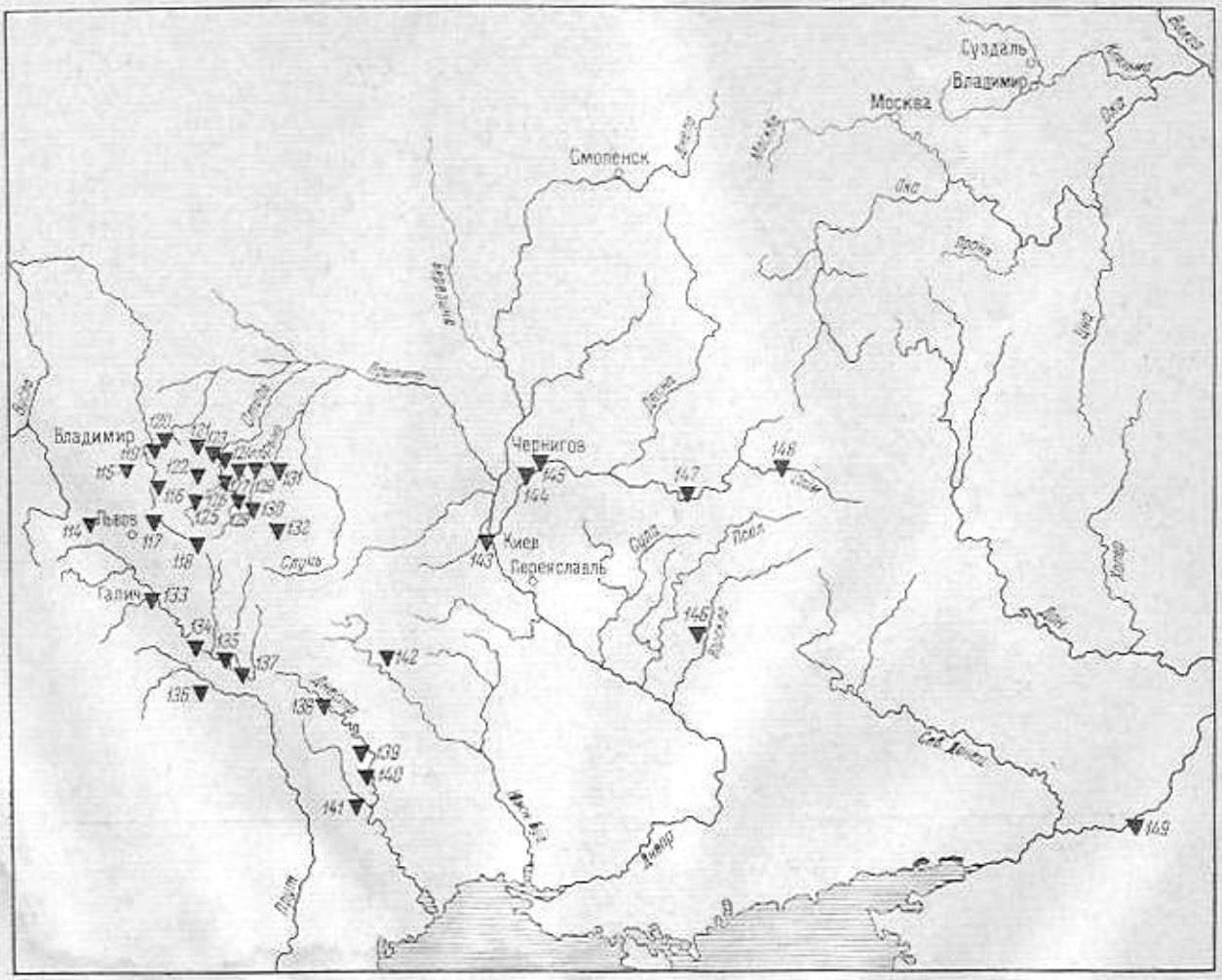
Памятники VI—VII вв.



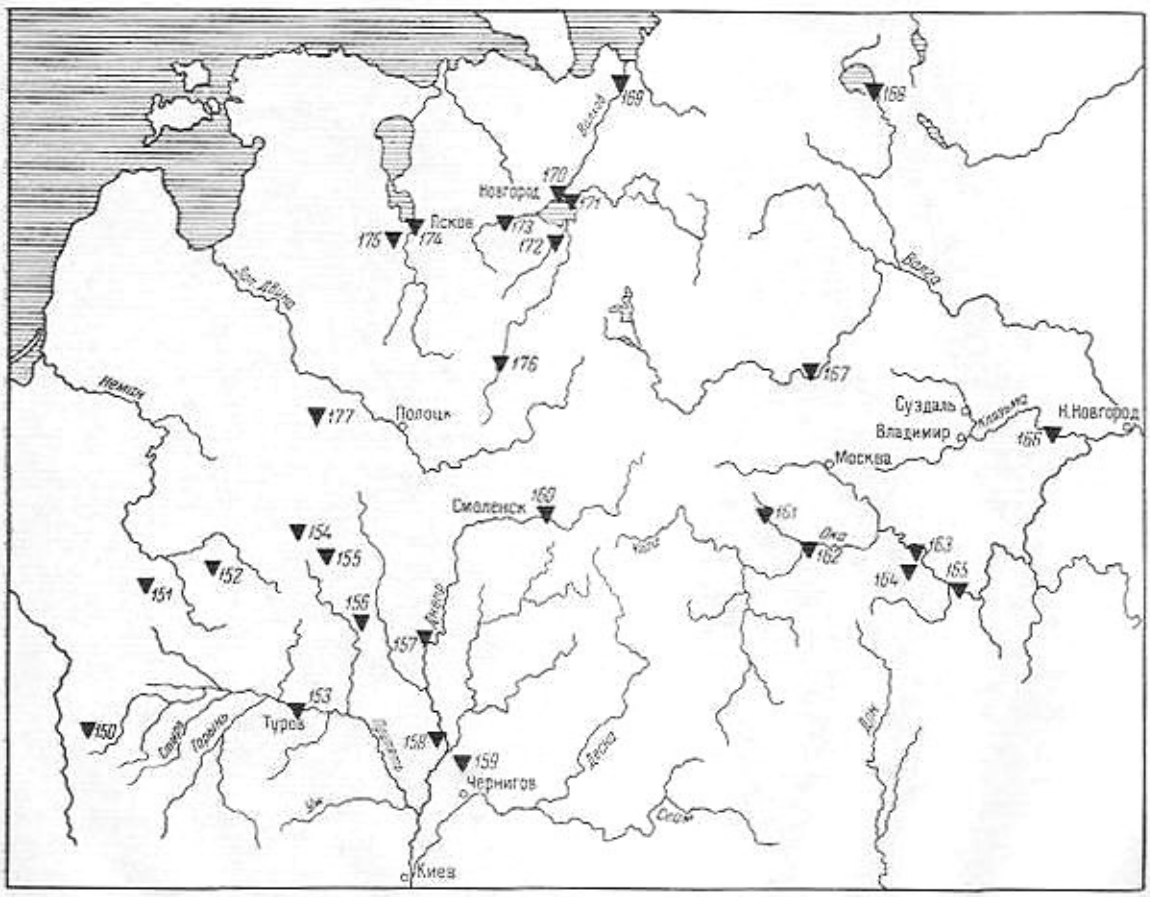
Памятники VIII—первой половины X в. Лесостепная зона.



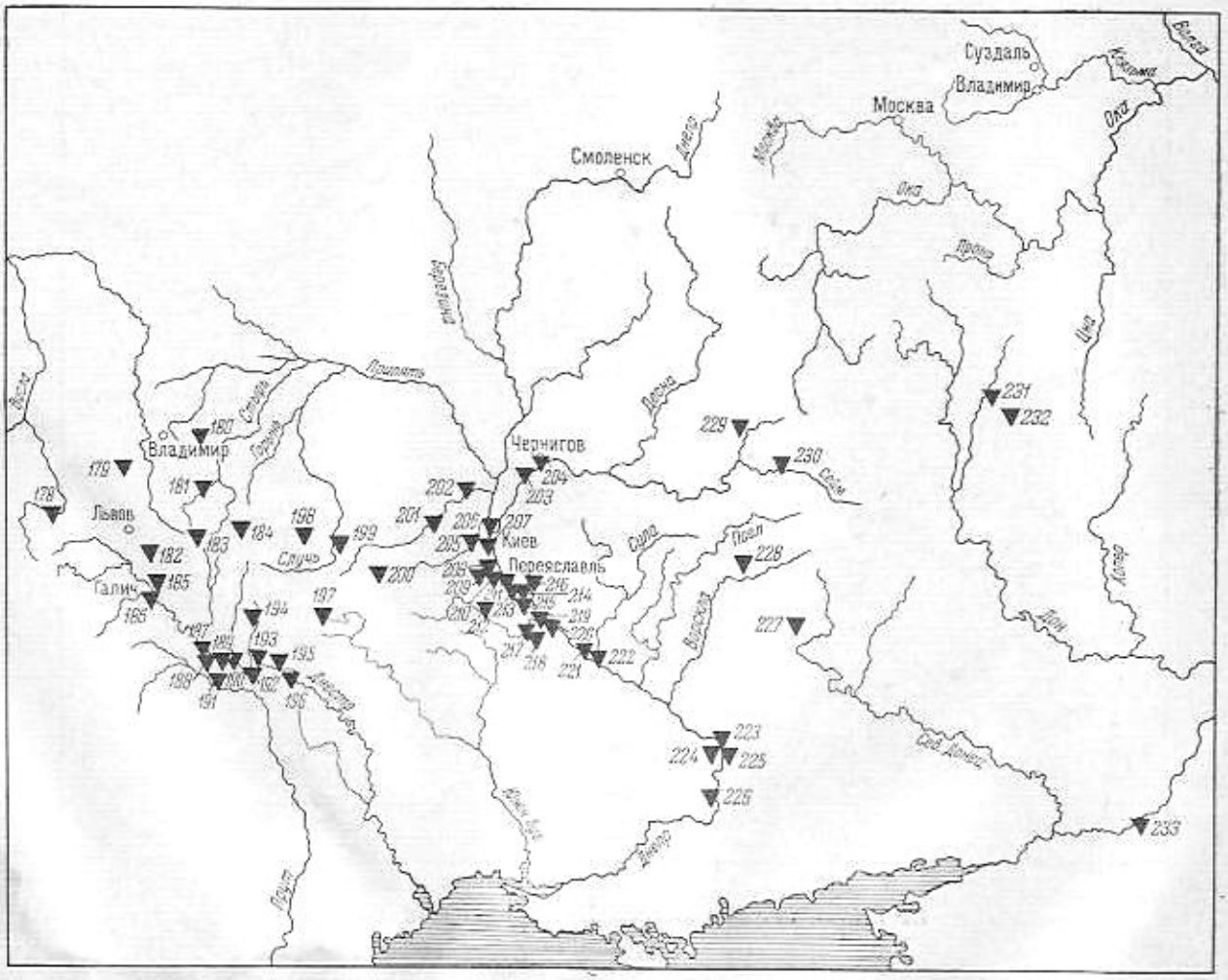
Памятники VIII—первой половины X в. Лесная зона.



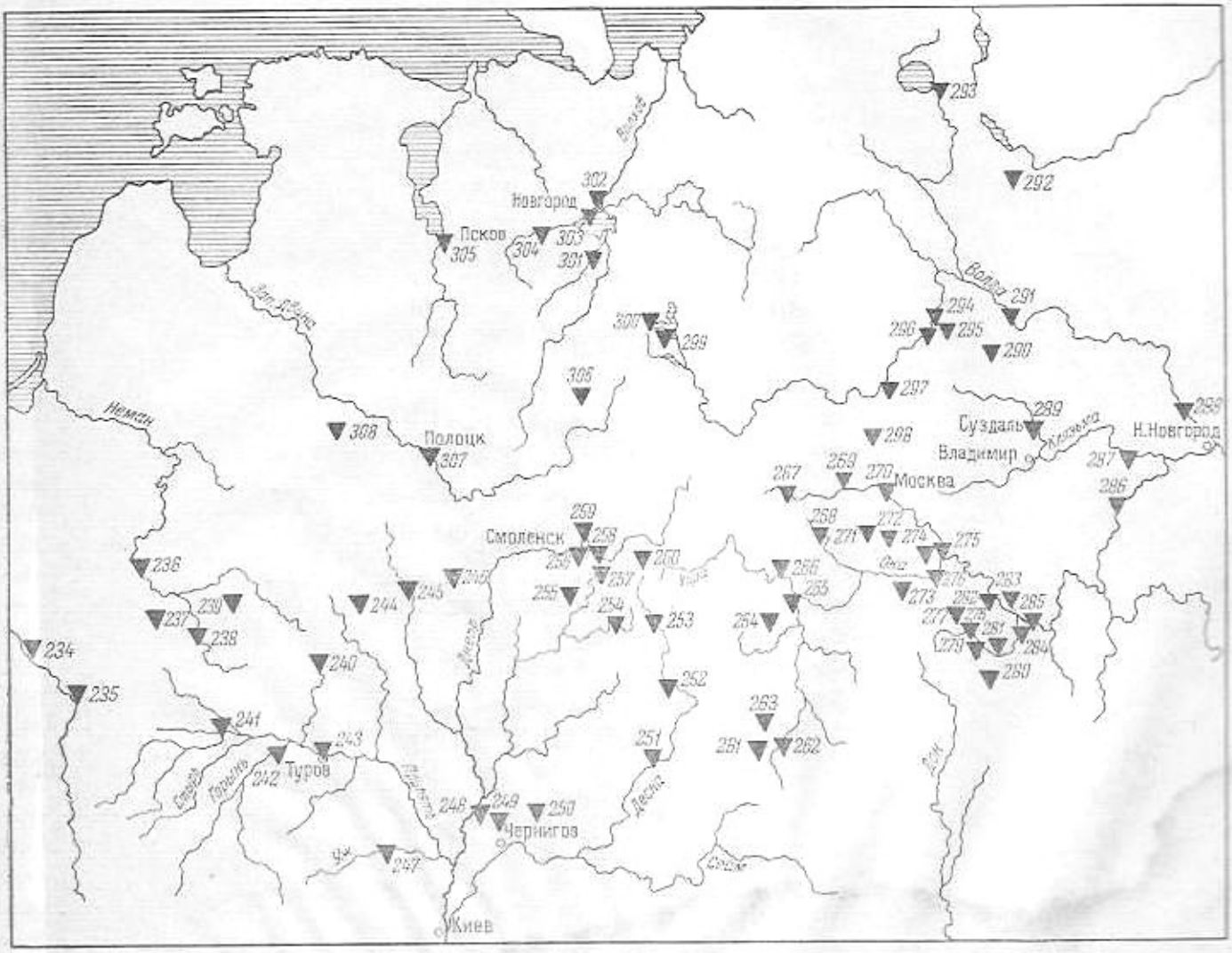
Памятники второй половины X—XI в. Лесостепная зона.



Памятники второй половины X—XI в. Лесная зона.



Памятники XII—XIII вв. Лесостепная зона.



Памятники XII—XIII вв. Лесная зона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР — Археологическая летопись Южной России. Киев.
АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ГИМ — Государственный Исторический Музей.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Истиутта истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.—Л.
СЭ — Советская этнография. М.
Тр. . . . АС — Труды . . . археологических съездов. М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

История изучения древнерусских жилищ 7

Жилища. Перечень памятников

Глава 1. Жилища VI—VII вв. 17

Глава 2. Жилища VIII—первой половины X в. (лесостепная зона) 27

Глава 3. Жилища VIII—первой половины X в. (лесная зона) 46

Глава 4. Жилища второй половины X—XI в. (лесостепная зона) 50

Глава 5. Жилища второй половины X—XI в. (лесная зона) 62

Глава 6. Жилища XII—XIII вв. (лесостепная зона) 68

Глава 7. Жилища XII—XIII вв. (лесная зона) 94

Глава 8. Дворцы 112

Развитие жилищ

Глава 1. Конструкция жилищ 116

Тип конструкции 116

Жилища VI—VII вв. 116

Жилища VIII—первой половины X в. 117

Жилища второй половины X—XI в. 121

Жилища XII—XIII вв. 125

Реконструкция верхних частей жилищ 132

Глава 2. Плановая структура жилищ 137

Глава 3. Печи 144

Заключение 157

Указатель к перечню памятников 169

Приложение (карты) 171

Список сокращений 178

Павел Александрович Раппопорт

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЖИЛИЩЕ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением ордена Трудового Красного Знамени
Института археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Г. И. Атлас* и *О. И. Буркова*

Сдано в набор 28/XI 1974 г. Подписано к печати 27/II 1975 г.
Формат бумаги 60×90¹/₈. Бумага № 2. Печ. л. 22¹/₂=22,5 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 23,5. Изд. № 5823. Тип. зак. № 1663. М-25551. Тираж 2750.
Цена 1 р. 48 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12